Пис. Вень. Гр. Афанасьевъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть пятьдесятъ вторая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1833.

Digitized by Google

№13-16.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 25 дня, 1833 года.

Цензоръ, Заслуженный Профессоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

Digitized by Google

№ XIII. ИЮЛЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ЗОДЧЕСТВО и КНИГОПЕЧАТАНІЕ.

Превосходное твореніе Виктора Гюго: Notre-Dame de Paris, оправдало послѣдствіями то, что мы предрекали въ Телеграфѣ, едва только узнавъ это неподражаемое сочиненіе. Успѣхъ, какому не было еще примѣра въ наше время—вотъ доказательство ошибочности всѣхъ близорукихъ критическихъ взглядовъ, какіе устремляли на В. Гюго Французскіе и — нечего грѣха таить! и наши Русскіе Критики. По сіе время, книги В. Гюго вышло *десять*, или *одиннадцать* изданій. При *восьмомъ* изданіи, В. Гюго прибавилъ къ ней нѣсколько новыхъ главъ. «Если» — говоритъ онъ — «подъ *новыми* разумѣешь *вновь сочиненныя*, то сіи главы не новыя, ибо онѣ написаны были въ свое время, вмѣстѣ съ другими. Отъ чего-же онѣ не попали въ первыя изданія? Причина про-

Digitized by Google

сшая: шепрадь, гдѣ были онѣ вписаны, поше-рялась. Теперь она найдена, и Авторъ присовокупляетъ ее къ тѣмъ главамъ, которыя уже знаетъ публика. Прибавлять *новое, вновь созданное,* къ *старому,* я не умѣю»—говоритъ В. Гюго—«и не знаю даже, какъ это дѣлается.» Изъясненія его по сему случаю любопытны: ими поясняется одна изъ основныхъ мыслей Искусства нашего времени, дѣлающая его совершенно противоположнымъ Искусству прежнему. «Ты сочинилъ *нѣчто*?» — говорили *прежде.* «Хорошо! Улучшай-же свое твореніе; чеши его, мой, одѣвай, царапай, передѣлывай — гладь его, гладь и переглаживай — исправляй, исправляй его и переправляй!»— Напротивъ, вотъ что говоритъ В. Гюго, одинъ изъ сильныхъ представителей современнаго Искусства: «Изящное произведеніе есть дѣло невольное. Романъ родится необходимо со всѣми его главами, драма со всѣми ея сценами. Не вѣрьте, будто есть что нибудь произвольное въ числѣ частей, изъ коихъ составляется это *цѣлое*, этотъ таинственный микрокосмъ, называемый вами *Драмою*, или *Романомъ*. Прививка, припайка худо идутъ къ созданіямъ сего рода, которыя должны быть вырублены однимъ взмахомъ, и остаться такими, каковы они суть. Однажды кончивши ихъ, не трогайте ихъ болѣе, не касайтесь къ нимъ. Однажды издана

Digitized by Google

книга, однажды полъ вашего дитяти, мужескій или женскій онъ, признанъ, объявленъ, дитя ваше прокричало, родилось — кончено: вотъ оно, дитя ваше, каково оно есть; ни отецъ, ни мать ничего болѣе не могутъ съ нимъ сдѣлать: оно принадлежитъ воздуху и солнцу; оставьте его жить, или умереть, такимъ каково оно есть. Ваша книга не удалась? Тѣмъ хуже; не прибавляйте ничего къ неудавшейся книгѣ. Она неполна? Надобно дополнить ее составленіемъ рода. Ваше дерево криво? Вы не выправите его! Вашъ романъ въ чахоткѣ? Вашъ романъ неживущъ? Вы уже не прибавите ему недостающаго дыханія. Ваша драма родилась хромою? Вѣрьте мнѣ: деревянная нога ей не поможетъ!»

Словъ шутъ немного; но идея заключена въ нихъ глубокая, живительная, современная намъ. Оставляя все это для будущихъ соображеній, мы рѣшились теперь передать нашимъ читателямъ одну изъ главъ, *вновь присоединенныхъ* В. Гюго къ его роману. Эта глава составляетъ 2-ю V-й книги, и названа Авторомъ: *Ceci tuera cela.* По нашему мнѣнію — это яркая поэтическая идея, исполненная силы, облеченная въ разнообразіе новыхъ мыслей. Для полнаго уразумѣнія оной, надобно знать, что въ предыдущей главѣ, къ Архидіакону

Digitized by Google

Фролло, вечеромъ, приходитъ Жанъ Коаксье, лекарь Королевскій, и съ нимъ неизвѣстное какое-то лицо, называющее себя: *Кумъ Туранжо.* Это самъ *Людовикъ XI-й.* Фролло былъ погруженъ въ размышленіе надъ рѣдкимъ тогда явленіемъ—печатною книгою. Разговоръ между Фролло и его гостями—мастерское произведеніе великаго художника, переселяющее читателя въ вѣкъ романа, къ лицамъ романа. Рѣчь идетъ объ ученіи, о наукахъ, о книгахъ. Фролло уныло оканчиваетъ тѣмъ, что кромѣ *книгъ бумажныхъ*, есть еще таинственныя книги для ученія мудраго. — Pasquedieu! восклицаетъ Кумъ Туранжо—qu'est-ce que c'est donc que vos livres?—Фролло открываетъ окно своей кельи, указываетъ на огромное зданіе Notre-Dame de Paris — qui découpant sur un ciel étoilé la silhouette noire de ses deux tours, de ses côtes de pierre et de sa croupe monstrueuse, semblait un énorme sphynx à deux têtes assis au milieu de la ville. — « Вотъ одна изъ этихъ книгъ! » говоритъ Фролло. Онъ задумывается; взоръ его переходитъ на печатную книгу. Глубоко вздыхаетъ онъ, и, указывая на книгу, говоритъ: « Hélas! ceci tuera cela (увы! это убьетъ то)! » Собесѣдники не понимаютъ его. Здѣсь начинается слѣдующая глава:

Digitized by Google

Это убьетъ то.

Читательницы наши извинятъ насъ, если мы остановимся здѣсь на минуту, и подумаемъ: какая могла быть эта мысль, которая скрывалась въ загадочныхъ словахъ Архидіакона: *Это убьетъ то. Книга убьетъ зданіе.*

По нашему мнѣнію, тутъ была мысль двуличная. Сперва мысль Католическаго Духовнаго. Это былъ ужасъ Ѳеократіи передъ новымъ дѣйствователемъ — Книгопечатаніемъ. Это были страхъ и ослѣпленіе члена Ѳеократіи передъ свѣтоноснымъ станкомъ Гуттенберга. Это были каѳедра и рукопись, слово говоримое и слово пишемое, встревоженныя словомъ печатнымъ; нѣчто подобное изумленію воробья, когда духъ Легіона развернулъ передъ нимъ свои шесть милліоновъ крылъ. Это былъ вопль прорицателя, уже внимающаго, какъ шумитъ и движется пробужденное Человѣчество, уже прозирающаго въ будущемъ времени, какъ разумъ подрываетъ повѣрье, мнѣніе лишаетъ владычества предразсудокъ, міръ потрясаетъ Римъ; это предчувствіе Философа, который усматриваетъ мысль человѣческую, улетученную Книгопечатаніемъ, и улетающую парами изъ колбы Ѳеократической; это ужасъ воина, который внимательно смотритъ на мѣдный таранъ, и го-

Digitized by Google

воритъ: «Башня будетъ имъ сбила!» Это значило, что одному могуществу спѣшило наслѣдовать другое могущество. Онъ хотѣлъ сказать: «Книгопечатаніе убьетъ власть Ватикана.» Но подъ этою мыслію, начальною и самою простою, безъ сомнѣнія была, по мнѣнію нашему, другая, болѣе новая, королларій первой, труднѣе замѣчаемая, болѣе легкая для опроверженія, взглядъ философскій не для одного только ѳеократа, но и для ученаго и для художника. Это было предчувствіе, что мысль человѣческая, перемѣняя образъ свой, перемѣнитъ и способъ выраженія; что главная мысль каждаго поколѣнія не будетъ уже писана одинакимъ веществомъ, одинакимъ почеркомъ; что каменная книга, столь прочная, столь твердая, уступитъ мѣсто книгѣ бумажной, еще болѣе твердой, еще болѣе прочной. Въ этомъ отношеніи, неопредѣленное выраженіе Архидіакона будетъ имѣть другой смыслъ. Оно означаетъ, что одно Искуство хотѣло низвергнуть съ престола другое Искуство. Оно хочетъ сказать: Книгопечатаніе убьетъ Зодчество.

Дѣйствительно: отъ перваго начала вещей до XV-го вѣка Христіанской эры, включительно, Зодчество было великою книгою Человѣчества, главнымъ выраженіемъ Человѣка въ его

Digitized by Google

различныхъ состояніяхъ развитія, выраженіемъ, какъ силы, такъ и разумѣнія.

Когда память первобытныхъ родовъ почуяла себя обремененною, когда запасъ воспоминаній человѣческаго рода сдѣлался столь тяжелъ и столь перемѣшанъ, что слово, летучее и нагое, опасалось потерять сей запасъ въ пути— его переписали на землю, самымъ явнымъ, и, въ тоже время, самымъ прочнымъ, самымъ естественнымъ образомъ. Каждое преданіе припечатали къ землѣ памятникомъ.

Первые памятники были простые обломки, «*до коихъ желѣзо не прикасалось*,» какъ говоритъ первобытный Историкъ. Зодчество началось такъ, какъ начинается всякое писаніе. Оно было сначала только азбукою. Сставили камень: это была буква; и каждая буква была гіероглифъ, и на каждомъ гіероглифѣ покоилось сонмище идей, какъ будто капитель на колоннѣ. Такъ дѣлали первобытные роды, повсюду, въ одно время на всей поверхности всего міра. Памятные камни Цельтическіе находятъ въ Азіятской Сибири и въ пампасахъ Американскихъ.

Позднѣе потомъ, составили изъ нихъ слова. Положили камень на камень, соединили сіи гранитные слоги; у глагола памятниковъ яви-

Digitized by Google

лось нѣчто въ родѣ спряженій. *Дольменъ* и *кромлехъ* Цельтическіе, *тумулъ* Этрусскій, *галгалъ* Еврейскій— это суть уже слова. Нѣкоторыя, особливо изъ шумуловъ, звучатъ уже собственными именами. Иногда, когда подъ рукою было много камня, было и просторное мѣсто, писали даже цѣлое рѣченіе. Безмѣрное нагроможденіе Кернакское—есть уже цѣлая формула.

Наконецъ, составили и цѣлую книгу. Преданія породили символы, подъ которыми сами они исчезли, какъ пень дерева скрывается подъ своими вѣтвями. Всѣ сіи символы, облеченные вѣрованіемъ Человѣчества, расли, умножались, смѣшивались болѣе и болѣе; первобытные памятники недостаточны были совмѣстить ихъ вполнѣ; они повсюду переполнились. Едва, едва уже сіи памятники выражали первобытныя преданія, подобно имъ простыя, нагія, утвержденныя на землѣ. Символъ явилъ потребность раздвинуться въ зданіи. Зодчество развилось тогда, вмѣстѣ съ человѣческою мыслію. Оно превратилось тогда въ пилящерукаго, тысящеглаваго исполина, и утвердило въ образахъ вѣчныхъ, видимыхъ, осязаемыхъ, весь летучій символизмъ. Когда Дедалъ—*сила*—измѣрялъ, тогда Орфей—*разумѣніе*—пѣлъ; столбъ—*буква*, сводъ—*слогъ*, пирамида—*слово* — все разомъ приведенное въ движеніе по законамъ

Digitized by Google

Геометріи и по законамъ Поэзіи, столпилось, уравнялось, соединилось, сошло, взошло, укрѣпилось на землѣ, рядами поднялось къ небу. И подъ сказаніемъ всеобщей идеи цѣлой эпохи написаны сіи чудесныя книги, бывшія также и чудесными зданіями—Пагодъ Эклингаскій, Рамзейонъ Египетскій, Храмъ Іерусалимскій.

Главная идея, глаголъ, заключалась не только въ объемѣ сихъ зданій, но и въ образѣ ихъ. Храмъ Соломоновъ, напримѣръ, не былъ просто переплетомъ Святой Книги: онъ былъ самою этою Святою Книгою. На каждой изъ его, сосредоточивавшихся воедино окружностей, Левиты могли читать слово, переведенное, проявленное очамъ. И они слѣдовали такимъ образомъ за его преображеніями изъ святилища въ святилище, до того, гдѣ находили его въ послѣднемъ его пріютѣ, Скиніи, подъ образомъ самымъ соединеннымъ, но все еще зодчественнымъ — *Кивотомъ*. Такъ слово было заключено въ зданіи, но образъ его находился на его обверткѣ; такъ изображеніе человѣка находится на гробницѣ Египетской муміи.

И не только образъ зданій, но и самое помѣщеніе, какое для нихъ избиралось, открывали мысль, ими представляемую. Смотря потому, выраженіе символа было-ли пріятное, или мрачное, Греція увѣнчавала свои горы гармониче-

Digitized by Google

скими для зрѣнія храмами; Индія рыла землю, дабы выработать въ нѣдрахъ ея свои безобразные подземные пагоды, несомые исполинскими рядами гранитныхъ слоновъ.

Такъ въ теченіе шести первыхъ тысячь лѣтъ міра, съ незапамятуемаго пагода Индостанскаго до Кельнскаго собора, Зодчество было великимъ писаніемъ человѣческаго рода. И сіе столь справедливо, что не только у религіозныхъ символовъ, но и у каждой мысли человѣческой была своя страница въ сей безмѣрной книгѣ, былъ свой памятникъ.

Всякое образованіе (въ древнія времена) начиналось Θеократіею и оканчивалось Демократіею. Сей законъ постепенности, гдѣ единство уступало множеству, начертанъ былъ въ Зодчествѣ. Ибо—настоимъ въ этомъ утвержденіи—не надобно думать, будто Зодчество было могущественно только для воздвиженія храмовъ, выраженія миѳовъ и символовъ жреческихъ, переписки гіероглифами, на каменныхъ таблицахъ своихъ, таинственныхъ скрижалей закона. Если-бъ было такъ, то — поелику въ каждомъ человѣческомъ обществѣ бывали мгновенія, когда жреческій символъ ветшалъ и изглаживался въ независимой мысли, когда Человѣкъ отторгался отъ Жреца, когда излишества Философіи и системъ подтачивали зданіе Θеократизма— Зод-

Digitized by Google

чество, не могущее выражать собою этого новаго состоянія человѣческаго ума, оставило-бы листы книги исписанными только съ одной стороны; они были-бы пусты на оборотѣ; твореніе Человѣка было-бы обрѣзано; книга его не полна. Совсѣмъ напротивъ.

Возьмемъ для примѣра Среднія Времена, гдѣ мы видимъ яснѣе, ибо они къ намъ ближе другихъ. Въ теченіе перваго періода, Ватиканъ возсоединялъ и приводилъ около себя въ новый порядокъ стихіи Рима, созданнаго изъ Рима древняго, сокрушеннаго, лежавшаго окрестъ Капитоліи. Христіанство шло впередъ, разсматривая обломки прежняго образованія, всѣхъ степеней общества, и возсоздавало изъ сихъ развалинъ новый Іерархическій міръ, у коего Священство было ключемъ свода. Тогда сначала внимали подземному кипѣнію въ семъ хаосѣ; потомъ видѣли мало по малу, при дыханіи Христіанства, подъ рукою Варваровъ, пробивавшееся наружу, сквозь обломки умершихъ Зодчествъ, Греческаго и Римскаго, таинственное Зодчество *Романское*, брата Ѳеократическому Зодчеству Египта и Индіи, неизмѣняемую эмблемму Католицизма чистаго, незыблемый гіероглифъ Папскаго единства. Вся тогдашняя мысль, дѣйствительно, написана въ этомъ мрачномъ Романскомъ стилѣ. Всюду чувствуе-

Digitized by Google

ше въ немъ владычество, единство непроницаемое, безграничное: Григорія VII-го. Всюду Священникъ—никогда Человѣкъ; всюду каста—никогда народъ. Но настали Крестовые походы. Это было народное великое движеніе. И каждое великое движеніе народное, какова-бы ни была его цѣль и причина, всегда (въ прежнія времена) испаряло изъ послѣдней осадки своей независимость ума. Являются новизны. Вотъ начинается бурный періодъ Жакистовъ, Прагистовъ, Лигистовъ. Владычество колеблется, Единство разваливается. Феодализмъ требуетъ раздѣла съ Θеократіею, ожидая Демократіи, которая пришла послѣ, и начала величаться по львиному. Quia nominor leo. Баронство пробивается сквозь Священство; Общины сквозь Баронство. Видъ Европы измѣнился. Что-же? И видъ Зодчества измѣнился: такъ-же, какъ образованіе вѣка, и оно перевернуло свою страницу; и новый духъ времени находитъ Зодчество готовымъ писать то, что будутъ ему подсказывать. Оно возвратилось изъ Крестовыхъ походовъ съ острымъ сводомъ (l'ogive), какъ народы возвратились изъ нихъ съ независимостью. Тогда, между тѣмъ, какъ Римъ разчленяется мало по малу, Романское Зодчество умираетъ. Гіероглифъ бѣжитъ изъ соборовъ, и ставитъ гербы на теремахъ замковъ, обольщая зрѣніе Феодализма. Самый соборъ

Digitized by Google

(la cathédrale), сіе зданіе, прежде столь догматическое, захваченное потомъ горожанами, общинами, своеволіемъ исторгается изъ рукъ священника и попадаетъ во власть художника. Художникъ строитъ его по своему повѣрью. Простите таинственность символовъ, неизмѣнный законъ! Васъ замѣняютъ фантазія и прихоть. Если священнику отдаютъ его *базилику* и его *жертвенникъ*, онъ не споритъ ни о чемъ болѣе. Четыре стѣны преданы имъ художнику. Книга Зодчества не принадлежитъ болѣе Священству, Религіи, Риму. Она отдана воображенію, поэзіи, народу. Отсюда быстрыя, неисчетныя преображенія этого Зодчества, имѣющаго не болѣе трехъ вѣковъ, столь поразительныя послѣ устойчивой неподвижности Романскаго Зодчества, въ теченіе шести, или семи столѣтій. Искусство идетъ шагами исполина. Геній народа, самобытность народная замѣняютъ потребность, по которой все принадлежало прежде Епископамъ. Каждое поколѣніе, проходя по землѣ, вписываетъ въ книгу Зодчества свою строчку. Они счищаютъ старые Романскіе гіероглифы съ фронтисписа соборовъ; и много, много если догматъ проблескиваетъ еще кое гдѣ, тамъ и здѣсь, подъ новыми символами, которые ставитъ на немъ народъ. Подъ народною одеждою уже едва, едва можно угадать религіозный скелетъ. Трудно

Digitized by Google

составить понятіе о своевольствѣ, какое дозволяли себѣ тогда Зодчіе, даже въ отношеніи церкви! Они дѣлали капители, сплетая ихъ изъ монаховъ и монахинь, въ самыхъ странныхъ положеніяхъ, какъ видно это въ Salle-des-Cheminées, Парижскаго Palais de justice. На огромномъ порталѣ Бургскомъ, они изобразили подробно всю исторію Ноя. Разгульный монахъ, съ ослиными ушами, и съ стаканомъ въ рукѣ, нагло смѣется надъ цѣлымъ обществомъ, изображенный на умывальницѣ Бошервилльскаго Аббатства. Въ то время, для мысли, писанной на камнѣ, существовала привиллегія, совершенно подобная свободѣ писменія. Это была независимость Зодчества.

И сія независимость простиралась чрезвычайно далеко. Иногда порталь, фасадъ, вся церковь, представляли собою символическій смыслъ, чуждый, даже непріязненный основаніямъ церковнымъ. Съ XIII-го столѣтія Гильомъ Парижскій, въ XV-мъ вѣкѣ Николай Фламель, писали сіи возмутительныя каменныя страницы. Церковь Св. Іакова (Saint-Jacques de-la-Boucherie), напримѣръ, была совершенно Оппозиціонная церковь.

Мысль могла быть тогда независимою только такимъ образомъ; посему-то и вписывалась

Digitized by Google

она вся вполнѣ въ эти книги, называвшіяся зданіями. Утвержденная такимъ образомъ въ зданіяхъ, она могла-бы видѣть себя сожигаемою на публичной площади рукою палача, если-бы явилась въ рукописи, если-бы только рѣшилась на безразсудное намѣреніе — явиться въ видѣ рукописи. Такимъ образомъ, обладая единымъ только путемъ для своего проявленія, мысль человѣческая ринулась на этотъ путь отвсюду. Здѣсь причина безчисленнаго множества соборовъ, покрывшихъ всю (Католическую) Европу, множества столь великаго, что съ трудомъ вѣрится ему, даже и послѣ вѣрнаго исчисленія. Всѣ вещественныя силы, всѣ умственныя силы общества соединялись здѣсь въ одной точкѣ — Зодчествѣ. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ постройки храмовъ, Искусство развивалось въ великолѣпныхъ размѣрахъ.

Въ то время, раждавшійся поэтомъ, дѣлался зодчимъ. Геній, разсѣянный въ толпѣ, сжатый со всѣхъ сторонъ Феодализмомъ, какъ будто подъ черепахою мѣдныхъ щитовъ, не находившій себѣ инаго истока, кромѣ Зодчества, раскрывался въ семъ Искусствѣ, и Иліады его принимали образъ соборовъ. Всѣ другія Искусства повиновались Зодчеству и приводили себя въ порядокъ по его слову. Они были работники при великомъ дѣлѣ его. Вая-

Digitized by Google

тель, Поэтъ, Капельмейстеръ образовывали собою Ваяніе, дѣлавшее его фасады, Живопись, разцвѣчавшую его стекла, Музыку, сотрясавшую его колокола, надувавшую его органы. Даже и бѣдная Поэзія, собственно такъ называвшаяся, упорно прозябавшая въ рукописи, принуждена была, если хотѣла быть чѣмъ нибудь, присоединяясь къ зданію въ видѣ гимна, или прозы — принимать на себя ту ролю, которую играли Трагедіи Эсхила въ жреческихъ праздникахъ Греціи, и Священная Поэзія въ храмахъ Востока.

Такъ до Гуттенберга, Зодчество было писаніемъ главнымъ, писаніемъ всеобщимъ. Въ этой гранитной книгѣ, начатой Востокомъ, продолженной Древностью Греческою и Римскою, Средніе Вѣка написали послѣднюю страницу. Впрочемъ, явленіе Зодчества народнаго, наслѣдующаго Зодчеству касты, какъ мы видимъ это въ Среднихъ Вѣкахъ, воспроизводилось съ одинакимъ движеніемъ въ человѣческомъ разумѣніи и въ другіе великіе эпохи историческія. Такъ—дабы сказать здѣсь крашко о законѣ, развившіе коего потребовало-бы многихъ томовъ—въ верхнемъ Востокѣ, колыбели первобытныхъ временъ, послѣ Зодчества Индусовъ было Зодчество Финикійское, этотъ богатый родитель Зодчества Арабскаго. Въ Древности, послѣ Зодчества Египетскаго, въ коемъ стиль

Digitized by Google

Эструсскій и памятники Циклопейскіе были только различіемъ, было Зодчество Греческое, отъ коего Римскій стиль составлялъ продолженіе, прикрытое Карѳагенскимъ куполомъ. Во времена новѣйшія, послѣ Зодчества Романскаго явилось Зодчество Готическое. Раздѣливъ на двѣ стороны сіи порядки, найдемъ у прехъ старшихъ братьевъ — Зодчества Индійскаго, Зодчества Египетскаго, Зодчества Романскаго, одинакій символъ: Ѳеократію, родъ, единство, догматъ, таинственность, Бога; а у прехъ братьевъ меньшихъ, Зодчества Финикійскаго, Зодчества Греческаго, Зодчества Готическаго, какова-бы ни была впрочемъ различность образовъ, общая ихъ природѣ, также одно значеніе: независимость, народъ, человѣка.

Пусть называется онъ Браминъ, Магъ, Папа, въ Зодчествѣ Индійскомъ, Египетскомъ, Романскомъ, видимъ одно—всегда Священника. Совсѣмъ не такъ въ Зодчествахъ народныхъ; они богаче и менѣе святы. Въ Финикійскомъ видимъ купца, въ Греческомъ республиканца, въ Готическомъ горожанина.

Общія черты характера всякаго Ѳеократическаго Зодчества, суть: неподвижность, удаленіе отъ новыхъ успѣховъ, сохраненіе линій преданія, неприкосновенность первобытныхъ типовъ, постоянный уклонъ всѣхъ образ-

Digitized by Google

новъ Человѣка и Природы предъ непонятными прихотями символа. Это суть таинственная книга, которую только одни посвященные въ таинство могутъ разбирать. Впрочемъ, всякій образъ, даже всякое безобразіе, заключаетъ тутъ въ себѣ смыслъ, дѣлающій его ненарушимымъ. Не требуйте отъ Зодчества Индійскаго, Египетскаго, Романскаго, чтобы они нередѣлывали свои рисунки, или совершенствовали свои изображенія. Всякое совершенствованіе для нихъ безбожіе. Въ сихъ Зодчествахъ кажется, что крѣпость догмата проникла въ камень, и еще болѣе окаменила его. Общіе характеры Зодчества народнаго, напротивъ, суть различіе, успѣхи новые, самобытность, обиліе, безпрерывное движеніе впередъ. Они уже довольно отдѣлены отъ Религіи, и могутъ помышлять о своей красотѣ, заботиться объ ней, исправлять безъ остановки свой нарядъ, статуйный, или арабесковый. Они принадлежатъ своимъ вѣкамъ. Въ нихъ есть нѣчто человѣческое, что смѣшиваютъ они съ символомъ божественности, подъ коимъ еще производятъ свои дѣйствія. Отсюда являются зданія, понимаемыя душею каждаго, каждымъ разумѣніемъ, каждымъ воображеніемъ — еще символическія, но легкія для понятія, какъ Природа. Между Θеократическимъ и этимъ Зодчествомъ тоже различіе, какое между языкомъ священнымъ

Digitized by Google

и языкомъ простонароднымъ, между гіероглифомъ и искусствомъ, Соломономъ и Фидіемъ.

Если сдѣлаемъ выводъ изъ всего, что весьма сокращенно говорили мы здѣсь, оставляя тысячи доказательствъ и тысячи частныхъ возраженій, мы придемъ къ слѣдующему: Зодчество до XV-го вѣка было главною запискою Человѣчества. Во все это время не появилась въ міръ ни одна мысль, хоть немного сложная, которая не превратилась-бы въ зданіе. Каждая идея народная, такъ-же какъ всякій законъ религіозный, имѣли свои памятники. Наконецъ—родъ человѣческій не думалъ ничего важнаго, чего не написалъ-бы онъ камнемъ. Для чего это? Для того, что всякая мысль, религіозная и философическая, хочетъ самолюбиво продолжаться. Для того, что идея, пошевелившая одно поколѣніе, хочетъ пошевелишь и другія, хочетъ еще оставить слѣдъ свой послѣ себя. Какъ-же бѣдно безсмертіе рукописи! А зданіе? Какая это прочная, продолжительная, всему сопротивляющаяся книга! Уничтожить слово писанное, довольно одного факела, одного Турка. Разломать слово построенное—надобенъ общественный переворотъ, или переворотъ земли. Варвары протекли надъ Колизеемъ—можетъ быть, Потопъ лежалъ надъ пирамидами.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи все это измѣнилось.

Digitized by Google

Мысль человѣческая открываетъ средство продолжишься, не только прочнѣе и упорнѣе, нежели въ Зодчествѣ, но при томъ еще легче и простѣе. Зодчество низвергается съ высоты своего владычества. Орфеевскимъ каменнымъ буквамъ наслѣдуютъ свинцовыя буквы Гуттенберга. *Книга убиваетъ зданіе.*

Изобрѣтеніе Книгопечатанія есть величайшее событіе въ Исторіи. Это прародитель новыхъ переворотовъ. Это выраженіе Человѣчества, совершенно перераждающагося. Это мысль человѣческая, разоблаченная изъ одной формы, облекающаяся въ другія. Это полная окончательная перемѣна кожи того символическаго змія, который со временъ древнѣйшихъ представляетъ разумѣніе.

Подъ формою Книгопечатанія, мысль сдѣлалась непогибающею, какою никогда не бывала. Она летуча, неудержима, неразрушима; она слилась съ воздухомъ. Во времена Зодчества она была горою, и могущественно овладѣвала однимъ вѣкомъ и однимъ мѣстомъ. Теперь—она стая птицъ, разсыпается на всѣ четыре небесные вѣтра, и въ одно время занимаетъ всѣ точки воздуха и пространства.

Повторяемъ: кто не видитъ, что такимъ образомъ она неистребимѣе? Изъ твердой,

Digitized by Google

какою была, она дѣлается живою. Изъ продолжительности, она переходитъ въ безсмертіе. Можете сломать громаду, но какъ истребить всемѣстность? Будь наводненіе — и гора давно уже исчезла подъ волнами его, а птицы все еще летаютъ; одинъ только ковчегъ плыветъ на поверхности потопленія — онѣ садятся въ него, плывутъ въ немъ, сопутствуютъ изсушенію водъ, и новый міръ, выходящій изъ сего хаоса, видитъ, пробуждаясь, парящую надъ нимъ, окрыленную и живую мысль поглощеннаго водами міра.

И когда мы замѣчаемъ, что сей родъ выраженія есть, не только болѣе сохранительный, но еще и простѣйшій, удобнѣйшій, достуннѣйшій всякому; когда помышляемъ, что онъ не влечетъ за собою огромнаго обоза и не движетъ тяжелаго снаряда; когда сличаемъ мысль, принужденную для перевода себя въ зданіе приводить въ движеніе пять, шесть Искусствъ, и бочки золота, цѣлую гору камней, цѣлый лѣсъ подмостокъ, цѣлый народъ рабошниковъ; когда сличаемъ съ этимъ мысль превращающуюся въ книгу, для чего достаточно немного бумаги, немного чернилъ и пера—можно-ли удивляться, что разумѣніе человѣческое оставило Зодчество для Книгопечатанія? Прокопайте вдругъ первобытное лого-

Digitized by Google

вище рѣки каналомъ, ниже его вырытымъ, и рѣка убѣжитъ изъ своего логовища.

И вотъ, посмотрите, какъ начиная съ открытія Книгопечатанія, Зодчество изсыхаетъ мало по малу, истаяваетъ, обнажается. Какъ видимо вода спадаетъ, соки изсякаютъ, мысль временъ и народовъ удаляется отъ него! Охлажденіе почти не замѣтно въ XV-мъ столѣтіи; Книгопечатаніе еще слабо, и только сцѣживаетъ съ могущаго Зодчества излишество силы. Но съ XVI-го вѣка болѣзнь Зодчества видима: оно не выражаетъ уже существенно общества; оно, жалкимъ образомъ, дѣлается Классическимъ Искуствомъ; изъ Галльскаго, Европейскаго, самороднаго, оно становится Греческимъ, Римскимъ, изъ истиннаго и новаго самозванчески-Древнимъ. И вотъ это-то паденіе называютъ *возрожденіемъ Искуствъ*. Паденіе величественное однакожъ, ибо старый геній Готизма, сего солнца, заходящаго за исполинскіе станки Маинцской Книгопечатни, пробиваетъ еще нѣсколько времени, своими послѣдними лучами, все это разнопородное нагроможденіе Лашинскихъ аркадъ и колоннадъ Коринѳскихъ.

И это-то заходящее солнце почитали утреннею зарею.

Между тѣмъ, съ той самой минуты, когда

Digitized by Google

Зодчество сдѣлалось уже *Искуствомъ*, подобнымъ другому; только что перестало оно быть Искуствомъ Всеобщности, Искуствомъ вседержавнымъ, Искуствомъ ширанамъ, оно уже не въ силахъ удерживать другія Искуства. Они освобождаютъ себя, разрываютъ цѣпи Зодчаго, идутъ всякое въ свою сторону. Каждое изъ нихъ выигрываетъ при семъ разводѣ. Одинокость каждаго величитъ всѣ. Ваяніе дѣлается шворцомъ спашуй, Иконописаніе Живописью, хоръ церковный Музыкою. Не скажете-ли, что это государство, раздѣлившееся послѣ смерши своего Александра Македонскаго, и что изъ *областей* сего раздѣлившагося могущества составляются *государства?*

Отсюда Рафаэль, Микель-Анджело, Жанъ-Гужонъ, Палестрина — сіи ослѣпительныя сіянія XVI-го вѣка.

Въ тоже время, вмѣстѣ съ Искуствами, освобождается и вообще мысль, и повсюду. Прошивники Католицизма, въ Среднихъ Вѣкахъ, нанесли уже ему глубокія раны. Шестнадцатый вѣкъ страшно ломаетъ единство Католической религіозности. До Книгопечатанія, Реформація была только частнымъ мнѣніемъ; Книгопечатаніе дѣлаетъ ее общимъ переворотомъ. Отнимите Книгопечатаніе—Реформація ничтожна. Случаемъ, или Провидѣніемъ, Гуттенбергъ былъ предшественникомъ Люшера.

Digitized by Google

Между тѣмъ, когда солнце Среднихъ Временъ совершенно закатилось, когда геній Гошизма навсегда погасъ на горизонтѣ Искусства, Зодчество идетъ темнѣя, обезцвѣчиваясь, изглаживаясь болѣе и болѣе. Оно обрываетъ себя, безлиствѣетъ, сохнетъ видимо. Оно жалко, оно бѣдно, оно ничтожно. Оно не выражаетъ уже ничего, даже воспоминаній объ Искусствѣ другаго времени. Сведенное на самого себя, оставленное другими Искусствами, потому, что мысль человѣческая оставила его, оно зоветъ къ себѣ ремесленниковъ на мѣсто художниковъ. Бѣлое стекло замѣняетъ у него живопись на стеклѣ, Каменосѣчецъ наслѣдуетъ въ немъ ваятелю. Прости всякое новое возрожденіе, всякая самобытность, всякая жизнь, всякое разумѣніе! Оно влачится, плачевный бродяга масперскихъ, отъ списка къ списку. Микель-Анджело, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, безъ сомнѣнія чувствовавшій, что Зодчество умираетъ, обладалъ послѣднею идеею, идеею отчаянія. Этотъ Титанъ Искусства поставилъ Пантеонъ на Парѳенонъ, и создалъ *церковь Святаго Петра въ Римѣ:* великое твореніе, достойное того, чтобы ему остаться единственною, послѣднею самобытностью Зодчества, подпись Художника-исполина подъ колоссальною каменною книгою, навсегда закрытою! Микель-Анджело умеръ, и что̀ начнетъ оно, это бѣдное Зодчество, пережив-

Digitized by Google

шее само себя, въ видѣ шѣни, привидѣнія? Оно беретъ церковь Св. Петра, дѣлаетъ съ нея снимки, пародіи. Это нелѣпость! Это жалость! У всякаго вѣка является отнынѣ церковь Св. Петра: въ XVII-мъ вѣкѣ это le Val-de-Grâce; въ XVIII-мъ Св. Женевьева. Даже во всякой землѣ является церковь Св. Петра: ее перестраиваютъ въ Лондонѣ, ее строятъ въ Петербургѣ (*). Въ Парижѣ есть три, или четыре церкви Св. Петра. Бѣдное завѣщаніе, послѣднія рѣчи великаго, дряхлаго Искусства которое передъ смертью своею впало въ состояніе дѣтства!

Если вмѣсто характеристическихъ памятниковъ, каковы тѣ, о коихъ мы говорили, изслѣдуемъ общій видъ Искусства съ XVI-го до XVIII столѣтія, мы замѣтимъ также признаки умаленія и сухотки. Со временъ Франциска II-го, зодчественный образъ зданія изглаживается болѣе и болѣе, и вмѣсто его явнѣе и явнѣе выражается геометрическая форма, какъ будто костлявое какое нибудь основаніе похудѣвшаго больнаго. Прекрасныя линіи Искусства уступаютъ мѣсто холоднымъ и неумолимымъ линіямъ Геометріи. Зданіе уже не зданіе, но гео-

(*) Извѣстно, что нашъ Казанскій соборъ есть подражаніе Римской церкви Св. Петра. *Пер.*

Digitized by Google

метрическій многосторонникъ (polyèdre). Зодчество заботится между тѣмъ, какъ-бы ему скрыть эту наготу. Вотъ Греческій фронтонъ, влѣпленный въ Римскій фронтонъ, и обратно. Все это Пантеонъ въ Парѳенонѣ, все это Римская церковь Св. Петра! Вотъ кирпичные домы Генриха IV-го, съ каменными углами — площадь Королевская, площадь Дофинова. Вотъ церкви Людовика XIII-го, тяжелые, низкіе своды, сборчатые, обремененные куполомъ, какъ будто горбомъ. Вотъ зодчество Мазариновское, плохое pasticcio Итальянское des Quatre-Nations. Вотъ дворцы Людовика XIV-го, длинныя казармы для придворныхъ, жесткія, ледяныя, скучныя. Вотъ наконецъ Людовикъ XV-й съ каменнымъ цикореемъ и вермишелью, и всѣми наростами, и всѣми горбами, безобразящими старое Зодчество, дряхлое, беззубое, хотя и щеголеватое. Отъ Франциска II-го до Людовика XV-го, болѣзнь Зодчества возрастаетъ въ геометрической прогрессіи. У Искусства остается только кожа на костяхъ. Оно изнываетъ смертію, и жалкимъ образомъ изнываетъ.

А въ это время, чѣмъ дѣлается Книгопечатаніе? Вся жизнь, отошедшая отъ Зодчества, переходитъ къ нему. По мѣрѣ пониженія Зодчества, Книгопечатаніе тучнѣетъ, увеличивается. Капиталъ силы, траченный человѣче-

Digitized by Google

скою мыслію на зданія, прашится теперь ею на книги. И съ XVI-го вѣка, Книгопечатаніе, увеличиваясь по мѣрѣ упадающаго Зодчества, борется съ нимъ и убиваетъ его. Въ XVII-мъ вѣкѣ, оно уже столь самовластно, столь побѣдительно, столь увѣрено въ своей побѣдѣ, что предлагаетъ міру праздникъ великаго литтературнаго вѣка. Въ XVIII-мъ столѣтіи, послѣ долгаго отдыха при Дворѣ Людовика XIV-го, оно схватываетъ старый мечъ Лютера, вооружаетъ имъ Вольтера, и безпокойно стремится на Старую Европу, у которой оно уже убило зодчественное выраженіе. Когда XVIII-й вѣкъ кончилъ свое дѣло, и оно кончило свое.

Въ XIX-мъ оно уже строитъ вновь.

Теперь спрашиваемъ мы, которое изъ двухъ Искуствъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, дѣйствительно представляетъ собою мысль человѣческую? Которое изъ нихъ переводитъ ее намъ? Которое выражаетъ, не только литтературныя и схоластическія прихоти ея, но все обширное, глубокое, всеобщее движеніе оной? Которое сопутствуетъ постоянно, безъ разрыва, безъ промежутковъ, идущему впередъ человѣческому роду, какъ будто чудовище шысященогое? Зодчество или Книгопечатаніе?

Книгопечатаніе. Не будемъ обманываться:

Digitized by Google

Зодчество умерло, умерло безъ возврата, убитое напечатанною книгою, убитое потому, что оно менѣе прочно, убитое потому, что оно дороже стоитъ. Каждый Соборъ Зодчественный есть милліонъ окаменѣлый. Представьте-же себѣ: сколько надобно капиталовъ для написанія книги зодчественной; для того, чтобы снова на землѣ закипѣлъ муравейникъ изъ тысячь зданій; для возвращенія въ тѣ эпохи, когда толпа памятниковъ была такова, что говоря словами одного самовидца-свидѣтеля, можно было сказать: «Міръ, сотрясаясь, сбросилъ съ себя старое платье и облекся въ бѣлыя одежды церквей» (Erat enim ut si mundus, ipse excutiendo semet, rejectâ vetustate, candidam ecclesiarum vestem indueret. *Glaber Rudalphus*)!

Книга—она такъ скоро дѣлается, такъ мало стоитъ, можетъ идти такъ далеко! Чему дивишься, что вся мысль человѣческая утекаетъ по этому наклоненію? Не хочу сказать, чтобы Зодчество не являло еще, тамъ или здѣсь, прекрасныхъ памятниковъ, великихъ отдѣльныхъ произведеній. Можно еще, отъ времени до времени, при царствованіи Книгопечатанія, обладать колонною, сдѣланною — предположимъ это—цѣлымъ войскомъ, цѣлымъ народомъ, изъ растопленныхъ непріятельскихъ пушекъ. Такъ въ царствованіе Зодчества были Иліады и Романсы, Магабгарашы и Нибелун-

Digitized by Google

ги, сдѣланные народомъ, изъ собранныхъ въ кучу и перепопленныхъ рапсодій. Великая случайность, геній Зодчества, могутъ явишься и въ XX-мъ вѣкѣ, какъ Данте явился въ XIII-мъ. Но Зодчество не будетъ уже Искуствомъ цѣлаго общества, Искуствомъ собирательнымъ, Искуствомъ господствующимъ. Великая поэма, великое зданіе, великое изверженіе Человѣчества не построится уже болѣе: оно напечатается.

И пошомъ, если Зодчество случайно возстаетъ иногда, оно не будетъ уже властителемъ. Оно подвергнется законамъ Литтературы, получавшей ихъ прежде отъ него. Относительное положеніе обоихъ Искуствъ будетъ перемѣнчиво и смѣшано. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху Зодчества, поэмы — конечно, рѣдкія въ то время явленія — уподоблялись памятникамъ Зодчества. Въ Индіи, Віаза вѣтвистъ, спраненъ, непроницаемъ, какъ пагодъ. Въ Египетскомъ востокѣ, Поэзія, какъ тамошнія зданія, обладала величіемъ и свободностью линій; въ древней Греціи у нея были красота, ясность, спокойствіе; въ Европѣ Христіанской, Западной, величіе Католицизма, добродушіе народное, богатство и роскошь прозябенія эпохи возобновительной. Восточная Поэзія уподобляется пирамидамъ, Иліада Парѳенону, Омиръ Фидію. Данте въ XIII-мъ вѣкѣ—это послѣдняя

Digitized by Google

церковь Романская; Шекспиръ, въ XVI-мъ, послѣдній Соборъ Готическій.

И такъ—дабы вывести сущность изъ всего, что мы до сихъ поръ говорили, и говорили, по необходимости, неполнымъ, недостаточнымъ образомъ — у рода человѣческаго двѣ книги, два реэстра, два завѣщанія: *зодчественное* и *книгопечатное*—завѣтъ *каменный* и завѣтъ *бумажный*. Безъ сомнѣнія, когда смотрѣть на сіи два завѣта, столь широко развернутые на вѣкахъ, позволено возскорбѣть о наружномъ величіи гранитнаго писанія, этихъ исполинскихъ буквахъ, образованныхъ колоннадами, шпилями, обелисками—горами, человѣкомъ воздвигнутыми, и покрывающими міръ и прошедшее, отъ пирамиды Египетской до Хеопсовой колокольни Страсбурга. Надобно перечитывать прошедшее на этихъ мраморныхъ страницахъ. Надобно удивляться, и безпрерывно перелистывать книгу, писанную Зодчествомъ. Но не должно въ тоже время оспоривать величія у зданія, какое въ свой чередъ воздвигаетъ Книгопечатаніе.

Это зданіе колоссально. Не знаю какой-то счетчикъ, статистикъ, сосчиталъ, что складывая одинъ на другой всѣ томы, вышедшіе изъ книгопечатенъ со временъ Гутенберга, мы могли-бы составить ими полосу отъ земли

Digitized by Google

до мѣсяца. Но не объ этомъ величіи хотимъ мы говорить. — Когда мы стараемся представить въ мысленіи нашемъ полный образъ, дабы выразить имъ общность произведеній книгопечатанія до нашего времени, эта общность не является-ли намъ, какъ будто какое нибудь безмѣрное построеніе, поставленное на всемъ мірѣ? И все человѣчество безъ отдыха надъ нимъ работаетъ, и чудовищная глава его теряется въ глубокихъ безднахъ будущаго. Это муравейникъ разумѣній. Это улей, куда всѣ воображенія, эти золотыя пчелы, сплетаются съ своимъ медомъ. Въ зданіи этомъ тысячи этажей. Тамъ и здѣсь, видны въ раскатахъ его отверстія мрачныхъ пещеръ Знанія, пересѣкающихся въ подземельяхъ, во внутренности основаній. Повсюду на поверхности его Искусство роскошествуетъ для зрѣнія своими арабесками, своими цвѣтами, своими кружевами. Тутъ всякой отдѣльной работѣ, какъ ни кажется она прихотлива и объединенна, есть свое мѣсто, свое выраженіе. Изъ цѣлаго слѣдуетъ согласіе. Отъ готическаго зданія Шекспирова до мечети Байроновой, тысячи башенокъ и колоколенъ тѣснятся сбивчиво на этой столицѣ всеобщей мысли. На его основѣ вновь изображено нѣсколько древнихъ достоинствъ человѣка, которыхъ не записало Зодчество. На лѣво со входа врѣзанъ древній, изъ бѣлаго мра-

Digitized by Google

мора изсѣченный барельефъ Омира; направо старинный полиглотскій переводъ великой Книги подымаетъ свои семь головъ. Гидра Романсовъ видна далѣе, съ нѣсколькими другими, разнородными образцами, Ведами и Нибелунгами. Впрочемъ, чудное сіе зданіе оспается всегда неконченнымъ. Книгопечатня, эта исполинская машина, безъ отдыха поглощающая въ себя всякое умственное движеніе силъ общества, безпрерывно извергаетъ ему новые матеріялы для новаго труда. Человѣческій родъ, весь совершенно, находится на подмосткахъ. Каждый умъ тутъ работникъ. Даже самый маленькій замазываетъ свою впадину, или кладетъ свой камень. Даже Ретифъ де ла-Бретонъ тащитъ свою корзину щебня. Каждый день возвышается новый рядъ. Кромѣ вкладовъ самобытныхъ и частныхъ отъ каждаго писателя, тутъ есть и собирательныя случайности: восмнадцатый вѣкъ кладетъ свою Энциклопедію; Французскій переворотъ бросаетъ туда *Монитёръ*. Тутъ построеніе, безпрерывно умножаемое и выводимое безконечною спиралью; тутъ смѣшеніе языковъ, вѣчная дѣятельность, неутомимая работа, горячее соревнованіе всего Человѣчества, убѣжище, обѣщанное разумѣнію противъ новаго наводненія, противъ потопа варваровъ. Это вторая Вавилонская башня человѣческаго рода.

Digitized by Google

ПАРИЖСКАЯ ДѢВУШКА

1832 года.

Маленькій романъ, чрезвычайно историческій и самый достовѣрный (*).

ГЛАВА I.

Какъ она хороша! Я увѣренъ, что вы ее знаете.

Вѣрно не однажды случалось вамъ, въ прелестный Іюльскій день, или въ Августѣ, между четырьмя и пятью часами, вмѣшиваться въ щеголеватую толпу, которую мода призываетъ, а прохладная тѣнь заключаетъ въ обширныя аллеи Королевскаго мѣстопребыванія.

(*) Сочиненіе Виктора Дюканжа, Автора *Тридцати лѣтъ, или жизни игрока*, и многихъ романовъ — не безъ достоинствъ. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

Или также, въ хорошій вечеръ, или подъ прелестнымъ небомъ лазуревой ночи, ваши ноги, отяжелѣвшія отъ заботъ дня, когда васъ толкалъ, задерживалъ рой красавицъ, ноги ваши, безъ сомнѣнія неоднократно, разъ придцать въ часъ измѣривали разстояніе между улицею Лаффитъ и улицею Тетбу, между двумя рядами ослѣпительныхъ женщинъ, фонарей съ блестящимъ огнемъ газа, и между табачными облаками нашихъ новѣйшихъ щеголей. Словомъ, безъ метафоръ: вы, конечно, прогуливались по утрамъ въ Тюльери, а по вечерамъ на Кобленцскомъ бульварѣ?

Хорошо! Въ томъ или другомъ изъ этихъ живыхъ цвѣтниковъ, гдѣ мелькаютъ дѣвушки въ бѣленькихъ плашьицахъ, милыя женщины кокетки, прелестныя маменьки, если опытный, наблюдательный, жадный до свѣжихъ личикъ и хорошенькихъ шалій, взоръ вашъ перебиралъ эту разноцвѣтную толпу, пеструю, какъ красивый цвѣтникъ, искалъ въ этихъ цвѣтущихъ рядахъ женщинъ, разодѣтыхъ и очаровательныхъ... Ну! вы ее видѣли!...

— Кого?

Парижскую дѣвушку. И передъ этою свѣжею, легкою фигурою, половина Граціею, половина Сильфидою, передъ этими формами, столь

Digitized by Google

гибкими, столь ловкими, передъ этими нѣжными черпами, кипящими умомъ, передъ этою улыбкою, столь остроумною, взглядомъ, столь быстро сверкающимъ, вы, безъ сомнѣнія, были невольно удержаны мгновеннымъ очарованіемъ, овладѣвающимъ противъ воли, безъ размышленій. Безъ сомнѣнія, вы невольно вскричали: « Какъ она хороша! »

Впрочемъ, это слово само собою подразумѣвается... Она покраснѣла отъ удовольствія... Маменька ея улыбнулась; и скромная, а еще болѣе ловкая, добрая шепинька, слѣдящая за Парижскою дѣвушкою, своими почтительными руками подняла на хорошенькіе плечики молодой вѣтренницы легучій, легонькій барежевый платочикъ, неосторожно зашалившійся съ зефирами.

Это прелесть, это чертенокъ, это Амуръ —эта дѣвушка все это вмѣстѣ! Сколько шутъ, на длинныхъ рѣсницахъ, на насмѣшливыхъ губкахъ, сверкаетъ, горитъ ума, прелести, коварства... Ей только семнадцать лѣтъ — и вся прелесть этихъ лѣтъ.... Не ищите ничего милѣе, не мечтайте ни о чемъ прелестнѣе.... и, если вы обѣщаетесь быть скромны, я скажу вамъ имя ея... только не проболтайтесь!... Ее зовутъ *Адель*.

Digitized by Google

Глава II.

Она выходитъ за мужъ!

Вотъ ужь вы готовы лепетать, упасть къ ногамъ ея счастливой матери, умолять о покровительствѣ ея шепку... Подождите, подождите! Вы еще не наудивлялись и половинѣ ея прелестей; вы знаете только ея очаровательныя формы, ея остроумный взоръ, ея щегольской нарядъ. Ахъ! какъ все это далеко не все! Парижская дѣвушка, этимъ-ли однимъ мила она!

Адель—это алмазъ, превосходно вышлифованный, выполированный, оправленный воспитаніемъ современнымъ, образованіемъ самаго моднаго свѣта. Въ самомъ знаменитомъ Пансіонѣ, гдѣ составляла она собою честь, славу, лучшій цвѣтъ, она пожала всѣ вѣнки, выиграла всѣ награды за пріятность, пѣніе, танцы, Поэзію, Краснорѣчіе, искусство выражаться глазами, лицомъ, такъ-же хорошо какъ словами. Вы знаете, что во всѣхъ лучшихъ Пансіонахъ играютъ комедіи.

Однимъ словомъ: Адель чудо нашего времени. Она знаетъ всего Валтера Скотта, всего Байрона, Купера, Виктора Гюго, Сентъ-Бёва, Ламартина; ея умъ разцвѣлъ подъ вѣяньемъ Романтизма. Она мало читала Расина, вовсе

Digitized by Google

не читала Фенелона; ея увѣнчанное перлами чело краснѣетъ, она отворачивается при грубомъ языкѣ *Мнимаго больнаго*. Но Адель, напитанная манною превосходныхъ, новѣйшихъ, великихъ созданій, опытнымъ ухомъ понимаетъ всѣ поэтическія вольности новѣйшихъ Драмъ, и глаза ея не отвращаются отъ застѣнчивой страсти Терезы и Антонія.

Къ такимъ качествамъ ума, столь блестящаго, и столь превосходно обработаннаго, милое это дитя, такъ какъ всякая хорошенькая дѣвушка, присовокупляетъ еще соль уборовъ и немножко румянъ кокетства. И если, послѣ всего этого, вы не согласитесь, что съ такими прелестями, умомъ, пріятностью, чувствами, Адель есть совершеннѣйшая изъ всѣхъ дѣвушекъ-невѣстъ, то... то вы не стоите, чтобы ея насмѣшливая улыбка, ея очаровательный взглядъ, пролетая сквозь строй обожателей красавицы, по случаю, по счастію, по разсѣянности, по прихоти—поразили ваше сердце!

Смотрите-же: не пропустите; ее выхватятъ у васъ—я васъ предувѣдомляю.

ГЛАВА III.

Поздно! Адель выходитъ за мужъ!
— Боже! Какъ? Небо!

Digitized by Google

«Не торопитесь ошчаяваться! Это родня Аделп; она за него выходитъ.

— А!

« Онъ для этого скачетъ въ Парижъ на почтовыхъ—свѣжій провинціялъ!

— Э! а!

« Въ дилижансѣ.

— Ха, ха, ха! Гдѣ его родина: Гонесъ, Понтуазъ?

« Почпи: онъ изъ Авальона.

— Счастливецъ! Любимецъ судьбы!

«Какъ? Да, можетъ быть.—Но что вы смѣетесь? Вы думаете, что это какой нибудь деревенщина? Или, по сходству родовъ, по родству съ Аделью, какое нибудь ошчаянное, высокое произведеніе нашего вѣка, гордый, ужасный молодой человѣкъ, съ похожденіями въ родѣ Боккачіевыхъ Сказокъ, немножко блѣдный и рыжій, который клянется всѣми святыми, влѣзаетъ къ вамъ не иначе, какъ въ окошко, со шпагою въ рукахъ, безъ провожатаго и безъ фонаря, бродяга при лунномъ свѣтѣ, между судьбой и случайностью, ищущій неслыханнаго существа, звѣзды, ничтожества, женщины?

Нѣтъ! вообще не таковы обитатели Авальона, и, часшно, не таковъ женихъ Адели. Про-

Digitized by Google

винціяльная родня этотъ не ходитъ съ охотничьимъ рогомъ на плечѣ, какъ Гернани; у него въ карманѣ не приготовленъ острый ножикъ, какъ у Антонія; даже, онъ—если уже надобно все сказывать—вовсе не походитъ ни на одного героя новѣйшихъ романовъ: онъ законнорожденный и не бродяга. Этo простой, добрый молодой человѣкъ, честный, образованный. Онъ знаетъ и любитъ своего отца, обожаетъ свою мать, одаренъ умомъ, а еще болѣе здравымъ смысломъ. Но собой каковъ онъ? Собой: здоровый, веселый, не опрашиваетъ ни усовъ, ни баккенбардовъ; воспитанъ по-провинціяльному, классически дошелъ до Риторики, очень уважаетъ Буало, почтительно кланяется тѣни великаго Корнеля, думаетъ, что Андромаха превосходное созданіе; приводитъ въ примѣръ высокаго: Qu'il mourût! не замѣчая, что надъ нимъ смѣются. Короче: этo молодой человѣкъ, столь простой, что гостовъ учтиво снять шляпу, даже передъ женщиною, и думаетъ, что любовь выражается, какъ во времена Тибулловъ и Овидіевъ, робкимъ румянцемъ, стыдливымъ взглядомъ, почтительнымъ уваженіемъ. Какъ онъ отсталъ отъ своего вѣка, этотъ родня и женихъ Адели! Впрочемъ, надобно замѣтить, что вообще успѣхи образованія въ провинціяхъ не могутъ сравниться, ни въ бы-

Digitized by Google

строгѣ, ни въ обширности, съ успѣхами Парижа... Но вотъ и онъ!

Впрочемъ, въ маленькую замѣну за свой упрямый Классицизмъ, родня и женихъ Адели привезъ съ собою законное свидѣтельство о рожденіи отъ своего отца; и вслѣдствіе этого, ему принадлежатъ 20,000 франковъ самаго Классическаго дохода, систематически расположеннаго въ помѣстьяхъ его батюшки. Въ прибавокъ къ этому, еще бездѣлку: доброе, неопытное сердце, гошовое влюбится въ первый разъ.

Вслѣдствіе всего этого, или по одному первому пункту, родню и жениха Адели приняли, какъ знатнаго Князя - предположивъ шакъ, что и Князей иногда принимаютъ ласково.

ГЛАВА IV.

— Какъ она хороша!

Таково было первое восклицаніе родни и жениха, едва шолько онъ пріѣхалъ. И весь первый день провелъ онъ почти на колѣняхъ передъ Аделью, восхитительною Аделью, бормоча робко и застѣнчиво: люблю!... И тысячу разъ, ослѣпленный Аделью, въ своемъ провинціяльномъ восторгѣ, онъ кричалъ громко: «Ахъ!

Digitized by Google

какъ прелестны Парижскія дѣвушки — даже всравненіи съ дѣвушками Авальонскими! »

Ребенокъ не ошибался. Какое сравненіе!

Для пріѣзжаго дали обѣдъ; съѣхались: гости. Такъ водится. Онъ игралъ первую ролю между гостями. Само по себѣ шакъ слѣдуетъ жениху. До самаго вечера, весь этотъ счастливый день былъ очарованіемъ для провинціяльнаго жениха.

На другой день Адель выказала ему свои блестящія дарованія. Малиновка и соловей никогда не производятъ такихъ блестящихъ, чудныхъ пѣсней, каковы были пѣсни Адели. Казалось, самъ Зефиръ леталъ съ ея пальчиками по клавишамъ фортепіано. Нобле и Тальони никогда не были такъ прелестны въ своихъ прыжкахъ, такъ увлекательны въ своихъ движеніяхъ. Наконецъ, мягкій карандашъ, нѣжная кисть, послушные рукѣ самой ловкой, самой опытной, не могли-бы лучше передать бумагѣ всѣ тайны природы.... Правда, между тайнами природы, переданными Аделью бумагѣ, были такія, которыя, по мнѣнію жениха, слишкомъ просто воспитаннаго, лучше было-бы закрыть, нежели показывать при рисовкѣ... Но ему сказали, что въ Парижѣ такъ не думаютъ, que ce sont objets d'arts, choses d'étude, и смѣшно стыдишься того, чего цѣлый свѣтъ

Digitized by Google

не стыдится.— Въ самомъ дѣлѣ — думалъ женихъ—обычай законъ: такъ и быть, если это предметы искуства и ученія! — Онъ продолжалъ быть въ восторгѣ.

Ну! а хозяйственныя занятія? Объ нихъ ничего не говорили.

На другой день, время прекрасное. Отправились на гулянье.

Поѣхали въ открытой коляскѣ. Газъ и барежъ, вздутые, округленные вѣтромъ и быстрымъ бѣгомъ лошадей, образовали около Адели что-то въ родѣ Ирисина шарфа, алое, серебряное, бѣлое сіяніе — она казалась богинею!

Тридцать щеголей, молодыхъ, смѣлыхъ, ловкихъ, съ усами, съ Испанскими бородками, крѣпко, мило сидящіе на лошадяхъ, попеременно, легко, очаровательно скакали, галопировали, волтижировали подлѣ дверецъ коляски. Настоящіе Паладины, они кружились подлѣ дамъ, перебрасывались словами, и казались такъ счастливы, если имъ удавалось умчаться по вѣтру и пыли съ однимъ словомъ, взглядомъ, какою нибудь улыбкою Адели, и если оживленный взоръ глазъ ея, сопровождаемый жаркимъ румянцемъ щекъ, слѣдовалъ за наѣздникомъ, безстрашно мчавшимся на отчаянномъ своемъ бѣгунѣ.

Digitized by Google

— Maman! вотъ нашъ молодой Герцогъ! — Maman! кланяйтесь: Шевалье д'Ерранъ! — Здравствуйте, Артуръ! — Посмотри, maman, посмотри, какъ Альфредъ хорошо держится! — Ахъ, maman — вотъ тотъ милый молодой человѣкъ, который такъ хорошо поетъ, который теперь въ такой модѣ; зовите его обѣдать! — Кстати, Изидоръ: вы еще не промѣняли вашего Рыжака? — Кланяйтесь, тетинька: Баронъ вамъ кланяется — Ахъ, Боже мой! Ахъ! остановитесь — извини, maman — Альбертъ! мой вѣеръ упалъ!

Ни одинъ изъ молодыхъ щеголей не проѣзжалъ мимо Адели незамѣченный, не раскланиваясь съ нею.

Хмъ! — думалъ родня женихъ — мнѣ кажется, что Адель слишкомъ много знаетъ этихъ молодыхъ людей! Ну, что-же? Обычай законъ. Видно такъ водится въ Парижѣ. Мы, провинціялы, такъ грубы. А впрочемъ, кто такъ милъ, какъ Адель, можно-ли не быть замѣченною? И неужели ей быть грубіянкою?...

Однакожъ родня женихъ немножко задумался. Но онъ уже такъ сильно полюбилъ Адель — она была такъ хороша!

Digitized by Google

Глава V.

На другой день балъ.

Балъ Парижскій! Когда домъ освѣшили, когда залы наполнились народомъ, родня женихъ Авальонскій думалъ, что онъ на Олимпѣ, что онъ при дворѣ Венеры!—Правда, молодые люди, всѣ въ черномъ, даже въ черныхъ галстухахъ, хотя милые и ловкіе, разочаровывали это миѳологическое обольщеніе, и придавали балу видъ похоронъ.... Но, Адель, Адель! Это была Флора, Аглая, Терпсихора, всѣ Музы, всѣ Граціи, всѣ Нимфы вдругъ, подъ видомъ одной Сильфиды, чершёнка, Амура — это была настоящая бальная дѣвушка!

Всѣ щеголи, видѣнные на прогулкѣ, и множество другихъ, напередъ уже разобрали всѣ кадрили, и поочередно танцовали съ Аделью — это сумашоха, это толкошня, и все вокругъ нея! Родня женихъ бросился туда-же; онъ опоздалъ, и былъ *семнадцатый!*—Боже мой!—Что дѣлать, mon cousin! — Но, что-же это? — Я могу танцовать одинъ танецъ съ вами.—Одинъ!.. и семнадцатый!

Вотъ вздоръ! Родня женихъ можетъ видѣть за то, какъ Адель мило, чудно танцуетъ; какъ очаровательно дѣлаетъ она фигуры

Digitized by Google

кадрили, съ лучшими танцорами; какъ она разговариваетъ, смѣется, шутитъ съ ними; какъ она легка, жива, увлекательна! Можно-бы подумать, судя по ея прелестной улыбкѣ, по ея кокетливымъ взорамъ, что она рѣшилась побѣдить, завоевать всѣхъ кавалеровъ!

— Господа! вальсъ! —

«Какъ: вальсъ?» шепчетъ родня женихъ. — «И такъ въ Парижѣ еще вальсируютъ? Ахъ! ma cousine! вальсировать только со мною, ни съ кѣмъ болѣе—сдѣлайте милость!»

— Невозможно, mon cousin! У меня выбранъ одинъ *вальсёръ* на цѣлую зиму — Mr. Amédée. Это самый неутомимый изъ всѣхъ, кто только *вальсируетъ*!

Знакъ поданъ; смычки зашевелились; тѣсный кругъ зрителей едва раздвигается, и — двадцать щегольскихъ паръ, каждая пара такъ изящно, мило, нѣжно, ловко, пускаются, вертятся, летятъ, слѣдуютъ одна за другою, догоняютъ, перегоняютъ, пересѣкаются, вызываютъ одна другую къ летучему порыву по скользкому паркету. Женихъ родня слѣдуетъ взорами только за *одною* парою—самою щегольскою, самою бѣшеною... ну! и на досугѣ разсматриваетъ, какъ вальсируютъ въ Парижѣ...

Digitized by Google

Скоро всѣ другія пары утомились, отстали. Адель и танцоръ ея одни осталисъ на полѣ битвы — широкій кругъ раздвинулся для нихъ! Пламенная, неутомимая, легкая—что за пара! Вотъ, теперь посмотрите на нихъ! Они уже не вальсируютъ—они мчатся вихремъ, они летятъ! Музыка утроила скорость вальса—еще, еще! Всѣ кричатъ, ахаютъ отъ удивленія — что это такое, Боже мой? Но удивленіе возбуждаетъ только ревность воздушной пары. . . Соединены, сжаты, нога въ ногу, рука въ руку — они кажутся какимъ-то однимъ существомъ—дышатъ однимъ дыханіемъ — такъ быстры, ровны ихъ движенія, такъ стройны ихъ шаги, такъ гибкая талія легкой Адели изгибается подъ крѣпкою рукою, которая держитъ, мчитъ ее, ведетъ, уноситъ.... пока наконецъ, чуть живая, задыхаясь, упоенная воздушною быстротою, щеки въ огнѣ, грудь въ волненіи, шалунья танцорка упадаетъ на руки танцора, едва дыша, съ смѣхомъ, съ безумнымъ веселъемъ. Гордый своею побѣдою, онъ почти несетъ ее на рукахъ своихъ, къ матери, оглушенной, приведенной въ восторгъ всеобщими: *браво!* и рукоплесканіями! Это было что-то изумительное, волшебное!—Женихъ родня былъ очарованъ, ослѣпленъ; но — чудакъ! Онъ ворчитъ про себя: « Чортъ возьми! какъ хорошо вальсируютъ Парижскія дѣвушки! » Не чудакъ-

Digitized by Google

ли? Онъ, кажется, недоволенъ торжествомъ Адели!

— Господа, галопъ! —

Вотъ! Женихъ-родня вспрыгнулъ со стула своего, бѣжитъ, летитъ къ маменькѣ, которую окружаетъ толпа обожателей.

« Сударыня! что это? Не ошибка-ли? Такъ-ли я слышалъ? Галопъ!

— Разумѣется, галопъ, mon cher petit cousin —это торжество для Адели; она превосходна въ галопѣ; она превосходитъ самое себя. Не бываетъ ни одного бала порядочнаго — pas un bal comme il faut, гдѣ меня приглашаютъ, и гдѣ-бы не танцовали галопа — хотятъ видѣть Адель въ галопѣ — c'est la fureur cet hiver! Вотъ посмотрите — посторонитесь — становятся! Съ Аделью самый модный танцоръ, единственный, который равняется съ нею въ галопѣ. Слышите-ли, видите-ли? Уже заранѣе тѣснятся смотрѣть на нихъ и хвалить... Прекрасно! Начали! Слышите-ли: громкія рукоплесканія! Но похлопайте-же, petit cousin! Гдѣ у васъ руки?

Женихъ-родня не отвѣчалъ ничего, спряталъ руки въ карманы, и глядѣлъ въ потолокъ. Можно-бъ было подумать, что его оскорбило что

Digitized by Google

нибудь, не понравилось ему, показалось неблагопристойно.... Не знаю, чтобы такое могло его оскорбить, потому, что всѣ, а особенно Адель и ея кавалеръ.... галопировали чуднымъ образомъ. Авальонскій простакъ думалъ, можетъ быть, что невѣстѣ его лучше-бы танцовать менуэтъ d'Exaudet, и быть не такъ близко къ своему кавалеру, и не такъ выразительно танцовать... Что за смѣшные люди живутъ въ провинціяхъ! Нашъ чудакъ сидитъ въ углу и ворчитъ: «И въ генгетахъ Полиція запрещаетъ такой неблагопристойный танецъ. Неужели стыдливость, которой требуютъ отъ простаго народа, не нужна въ образованномъ свѣтѣ?» Вы видите, какъ нелегко разувѣрить этихъ провинціяловъ! — По крайней мѣрѣ, не смотря на свои предразсудки, женихъ-родня былъ довольно благоразуменъ, и добръ особенно. Онъ прибавилъ: «Впрочемъ, если такъ водится въ Парижѣ... обычай законъ.... если галопировать въ модѣ.... такъ и быть... и притомъ Парижскія дѣвушки такъ хорошо галопируютъ... однакожъ...»

Легли спать, когда былъ уже день. Женихъ-родня не видалъ розовыхъ сновъ во время сна своего; что-то вообще ему не нравилось—но онъ еще любилъ.... И на другое утро Адель была такъ прелестна за своимъ фортепіано,

Digitized by Google

съ маленькимъ алымъ передничкомъ на бѣломъ платьѣ... Ахъ! Парижскія дѣвушки! какъ вы хороши, утромъ и вечеромъ, вечеромъ и утромъ!

ГЛАВА VI.

На другой день надобно было отдохнуть послѣ бала; поѣхали въ Театръ. Наслажденія шли постепенно увеличиваясь.—Хорошо—думалъ женихъ родня Авальонскій—до сихъ поръ я видѣлъ въ Адели только наружную прелесть, дарованія, умъ... немножко кокетливый! Но душа, душа— вотъ главное! Мнѣ говорили въ училищѣ, что Театръ есть училище нравовъ, зеркало сердца человѣческаго.... На аффишкѣ назначена Драма, что нибудь прогательное, поучительное! О Боже мой! если-бы въ этотъ вечеръ я могъ видѣть въ зеркалѣ сердца душу Адели!

Насталъ вечеръ. Наскоро пообѣдали. Уже давно на лицѣ Адели изображается нетерпѣніе: она смертельно любитъ спектакли.... Бьетъ опредѣленный часъ.... «Поѣдемъ-те, маменька!» —Закутываются шарфами; въ коляску бросаютъ шали, скачутъ.... Вотъ, наконецъ, они въ храмѣ Таліи и Мельпомены, и ударъ смычка поднимаетъ занавѣсъ, среди жужжанья зрителей, нетерпѣливыхъ, ожидающихъ.

Digitized by Google

Пьесу давали въ первый разъ. Сочинитель ея былъ въ страшной модѣ. Сюжетъ пьесы былъ въ самомъ послѣднемъ вкусѣ современной Словесности. Ждали чудесъ.

Въ первомъ актѣ однакожь, содержаніе было чрезвычайно бѣдно. Говорится о разбоѣ, убійствѣ, обольщеніи, но все это въ будущемъ. Что за пьеса для нашего времени — мало надежды! «Это холодно!» говоритъ Адель. «Авторъ писывалъ лучше!»— Погоди, ma fille, дай ему разыграться—ты увидишь!

Во второмъ актѣ рѣжутъ на сценѣ. Изрядно. Но все это уже такъ обыкновенно.... «Однакожь интересъ увеличивается, mon cousin! —

Въ третьемъ актѣ — два обольщенія на сценѣ; рѣжутъ отца.... Зрители начинаютъ плакать; дамы принимаются за сткляночки.—«Васъ не трогаетъ это, mon cousin?»

Въ четвертомъ актѣ, похищеніе, разбой, первая часть исторіи Эдипа, со всѣми ея ужасающими подробностями... Въ ложахъ заливаются слезами; стукъ партера соединяется съ *браво* галлерей. Колебаніе шляпокъ и перьевъ показываетъ движеніе дамъ. Три хорошенькія дѣвушки упали въ обморокъ—Адель плачетъ.— «Вы не удивляетесь, mon cousin?» —

Digitized by Google

Въ пятомъ актѣ—страшное смятеніе, ужасъ, неизъяснимая смѣсь убійствъ, обольщеній, разбоя, сумасшествія. Отцы, матери, мужья, жены, дочери, зятья, дѣти, друзья, сосѣди, слуги—все на сценѣ, даже и самъ суфлёръ. Театръ ломится отъ стука и крика зрителей. Чудовищное отчаяніе самыхъ безумныхъ страстей, отвратительное позорище неистоваго порока... Актеры блѣдны, страшны—у зрительницъ всѣхъ возрастовъ, молодыхъ дѣвочекъ и матерей, женъ и невѣстъ, дѣлаются судороги... Одна половина хлопаетъ и кричитъ въ восторгѣ— другая одурѣла отъ ужаса... Адель дрожитъ, плачетъ, рыдаетъ... Увы! она, у которой не стерлись еще младенческія формы, она все понимаетъ; ея скромные, дѣвичьи глаза, блестящіе невинностью и прелестью, не отвращаются отъ этого позора страстей сумасшедшихъ; ея грудь, въ которую еще не закрадывалось, можетъ быть, чувство первой невинной любви, трепещетъ отъ жгущихъ впечатлѣній порока, брошеннаго на сцену въ отвратительной наготѣ... Родня-женихъ покраснѣлъ до ушей; его стыдливость молодаго жениха передъ милою невѣстою выступаетъ на лбу крупными каплями пота... Наконецъ, упираютъ глаза, надѣваютъ шали, говорятъ о впечатлѣніяхъ. — «Ахъ, маменька! Какъ интересно! Какая истина! Какъ изображена любовь! Это съ

Digitized by Google

природы! Посмотрите, какъ я плакала!» — Видите, mon cousin, какіе слабые, чувствительные нервы у моей Адели! Она понимаетъ каждый оттѣнокъ страсти — не такъ-ли, mon enfant? — «Ахъ, maman! Какая прелестная пьеса! Мы поѣдемъ еще смотрѣть ее?» —

На другой день, по утру, женихъ-родня не является къ завтраку. Вѣрно, онъ спитъ? — «Іосифъ! взойди къ нему; разбуди его!» — Сударыня! его нѣтъ; комната пуста — вотъ письмо, которое нашелъ я на столѣ. — «Да, гдѣ-же онъ самъ?—

Письмо разрѣшило этотъ вопросъ: женихъ-родня ускакалъ въ Авальонъ. — Безстыдный наглецъ! — «Не сердитесь, маменька! Онъ очень глупъ. Неужели не найдется мнѣ женихъ лучше его? Надобно презрѣть его! — «Разумѣется, милый другъ!»

Почему-же и не такъ? Адель такъ хороша!

Въ тотъ-же вечеръ, мать повезла ее на балъ. И въ вальсѣ, и въ галопѣ, и въ кадрили, опять всѣ говорили: «Какъ она хороша!»

Digitized by Google

ЖИЛЬБЕРТЪ И ЛЮДОВИКЪ XV.

ПОВѢСТЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ БОЛЬНОМУ ЧЕРНЫМЪ ДОКТОРОМЪ.

Соч. Альфреда де Виньи.

Любимица.

Это было въ Тріанонѣ. Дѣвица де Куланжъ лежала, послѣ обѣда, на шелковой софѣ, головой къ камину, ногами къ окну; Король Людовикъ XV-й лежалъ, прямо прошивъ нея, на другой софѣ, ногами къ камину, спиной къ окну. Оба они были въ парадномъ нарядѣ съ ногъ до головы: она въ башмакахъ съ каблуками и въ чулкахъ шитыхъ золотомъ; онъ въ башмакахъ съ красными каблуками и въ шелковыхъ чулкахъ; она въ шифономъ розовомъ платьѣ и въ фижмахъ, онъ въ бархатномъ кафтанѣ небеснаго цвѣта; она причесанная и напудренная, онъ напудренный и причесанный; она держала книгу въ рукахъ и зѣвала, онъ держалъ книгу въ рукахъ и спалъ.

Digitized by Google

(Здѣсь Спелло, какъ-бы пристыженный тѣмъ, что и онъ лежалъ на своемъ канапе, приподнялся и сѣлъ).

Въ это время было не позднѣе трехъ часовъ по полудни. Солнце ударяло прямо въ комнату, гдѣ было четыре огромныя окна, съ голубыми шелковыми занавѣсами, и четыре длинные, широкіе голубые луча проходили сквозь нихъ. Каждый изъ этихъ лучей былъ похожъ на лѣствицу Іакова: озлащенныя пылинки, какъ миріады небесныхъ духовъ, сходящихъ и восходящихъ съ неизъяснимою скоростію, вились и толпились въ нихъ безъ малѣйшаго сотрясенія воздуха въ этомъ покоѣ, обитомъ и окутанномъ такъ, что въ него не смѣлъ пахнуть вѣтерокъ. Верхнія точки лѣствицъ, образующихся изъ голубыхъ лучей, упирались въ бахрамы занавѣсовъ, а нижнія широкою полосой падали на каминъ. Въ каминѣ горѣлъ яркій огонь; передъ огнемъ стоялъ вызолоченный шаганъ, съ изображеніями Пигмаліона и Ганимеда, а Ганимедъ и Пигмаліонъ, и шаганъ и огонь блистали алымъ пламенемъ въ небесной атмосферѣ красивыхъ голубыхъ лучей.

Дѣвица де Куланжъ была самая милая, самая слабая, самая нѣжная, и между тѣмъ менѣе извѣстная изъ всѣхъ Королевскихъ любимицъ. Наружность дѣвицы де Куланжъ въ самомъ дѣ-

Digitized by Google

лѣ была очаровательна ; но я не знаю, была-ли душа въ этомъ прекрасномъ цѣлѣ : по крайней мѣрѣ я не замѣтилъ ничего , что могло-бы меня увѣрить въ томъ , и за это-то именно ее любилъ Король. Да и къ чему, спрашиваю васъ, была нужна душа въ Тріанонѣ? Развѣ для того, чтобы твердить объ угрызеніяхъ совѣсти, о правилахъ, о воспитаніи, о чести, о религіи, о пожертвованіяхъ, о страхѣ за будущее, о ненависти свѣта, о сѣтованіяхъ семейства , о презрѣніи къ самимъ себѣ, и проч. и проч. и проч? Весь этотъ гимнъ покаянія Король зналъ наизустъ , и на каждый стихъ его могъ отвѣчать безъ запинки другимъ , слѣдующимъ стихомъ. Вѣчно , при началѣ , слышалъ онъ одно и тоже , и всегда зналъ , что будетъ тотъ-же конецъ. Посмотрите какой утомительный разговоръ. — Ахъ , Государь ! думаете-ли вы , что Богъ когда нибудь проститъ меня?—Безъ сомнѣнія : онъ такъ милостивъ. — Но какъ могу я простить сама себя !—Мы постараемся уладить это , моя милая; ты такъ добра.— Какое употребленіе сдѣлала я изъ того воспитанія , которое получила въ Сенъ-Сирскомъ училищѣ ! — Что-же : всѣ бывшія на твоемъ мѣстѣ , другъ мой , очень выгодно вышли замужъ. — Я уморю бѣдную мать мою !—Ей хочется быть Маркизой: мы сдѣлаемъ ее Герцогиней и дадимъ ей табуретъ во дворцѣ. — Ахъ , Государь , какъ вы

Digitized by Google

великодушны!... Но небо!..—Небо? Съ перваго Іюня оно не было еще такъ хорошо, какъ сего дня.

Не правда-ли, что это несносно? Но съ дѣвицею де Куланжъ не происходило ничего подобнаго; смиренство совершенное!... Это была самая простодушная, самая невинная изъ всѣхъ грѣшницъ, совершенно спокойная, совершенно увѣренная въ своемъ счастьѣ, которое просто казалось ей величайшимъ счастіемъ въ свѣтѣ. Никогда не приходила ей мысль ни о вчерашнемъ днѣ, ни о завтрашнемъ; никогда не думала она о прежней своей соперницѣ, не тревожила себя ни подозрѣніями, ни тоской; принимала Короля, когда пріѣзжалъ онъ къ ней, а во все остальное время пудрилась, помадилась, причесывалась *en racine droite, en frimas* и *en repentir;* смотрѣлась въ зеркало, дѣлала гримасы, высовывала языкъ, улыбалась, кусала губы себѣ, колола пальцы своей горничной, жгла ее припекательными щипцами, пачкала ей румянами носъ и лѣпила мушки на глаза; бѣгала по комнатѣ, кружилась до тѣхъ поръ, что ея платье раздувалось какъ пузырь, и потомъ, опускаясь, хохотала до упаду. Иногда (въ дни ученья) она должна была танцовать менуэтъ, въ фижмахъ, въ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ, и не смѣя обернуться спиной къ Королевскимъ

Digitized by Google

кресламъ. Это было самое важное изъ ея занятій, и составляло для нея самую глубокомысленную задачу; въ нетерпѣніи она рвала длинное объяринное платье свое, которое таскалось за ней и мѣшало ей поворачиваться. Въ награду за такой трудъ, дѣвица де Куланжъ, послѣ танцевъ, заставляла списывать сухими красками свой портретъ, въ розовомъ или голубомъ платьѣ, съ баншиками на каждой складкѣ корсета, съ крылышками за спиной, съ колчаномъ за плечами, съ бабочкой, упонувшей въ пудрѣ волосъ ея. Такія изображенія назывались тогда Психеями или Діанами-звѣроловицами, и это было въ большой модѣ.

Въ минуты отдыха и нѣжнаго томленія, глаза дѣвицы де Куланжъ выражали прелесть неизъяснимую! Оба они были прекрасны, какъ одинъ такъ и другой, не смотря на то, что Аббатъ Вуазенонъ противорѣчитъ этому въ неизданныхъ Запискахъ своихъ, случайно дошедшихъ до меня. Г-нъ Аббатъ не посовѣстился сказать, что лѣвый глазъ ея былъ ниже праваго, и по этому случаю онъ написалъ два чрезвычайно злые мадригала, смѣло опровергнутые Г-мъ Первымъ Президентомъ. Но въ нашъ безпристрастный, благонамѣренный вѣкъ, время представитъ истину во всей чистотѣ ея и уничтожитъ клевету, порожденную низкой

Digitized by Google

зависшью. Да, у дѣвицы де Куланжъ были два глаза, и два глаза совершенно равные въ своей прелести: очеркомъ похожіе на миндалины, осѣненные длинными, русыми рѣсницами, которыя бросали тѣнь на ея щеки. Ея щеки были розовы — безъ румянъ, ея губы, пунцовы безъ прикрасъ; ея шея была съ васильковыми жилками и бѣла — безъ синей краски и бѣлилъ; ея станъ, образованный какъ у осы, могла охватить рукой двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка, между тѣмъ какъ стальной корсетъ на немъ почти не былъ стянутъ, потому что изъ-за него торчалъ еще огромный букетъ. Боже мой! какъ руки ея были полны и бѣлы! Господи! какъ онѣ были стройны и круглы до самыхъ локтей! Эти маленькіе локти украшались кружевными оборками, а коротшіе, накрахмаленные рукава крѣпко стягивали ея плеча. Ахъ, какъ все это было хорошо!... И между тѣмъ Король спалъ.

Два прекрасные глаза дѣвицы де Куланжъ были оба открыты; потомъ медленно сомкнулись надъ книгой, которую она держала въ рукѣ. (Это была: *Самосскіе Браки* Мармонтеля, твореніе, какъ увѣряетъ Авторъ, переведенное на всѣ языки). Да-съ, прекрасные глаза, говорю я, медленно смыкались, и наконецъ, томно открывшись опять, устремились на

Digitized by Google

пріятный, голубой свѣтъ комнаты. Вѣки ихъ были немного опухлы и нѣсколько красны, или отъ сна, или отъ прочтенія по крайней мѣрѣ трехъ страницъ сряду; что-же касается до слезъ, то это ужь извѣстно, что дѣвица де Куланжь плакала только одинъ разъ въ жизни, когда кошка ея *Зюльма* получила пинокъ отъ Дораша де Кюбьера, этого грубіяна, этого истиннаго драгуна, который былъ до такой степени солдатъ, что никогда не прилѣпливалъ мушекъ себѣ на щеки, и колотилъ безъ пощады своей стальной шпагой всѣ мебели, вмѣсто того, чтобы носить *экскюзу* съ клинкомъ изъ китовыхъ усовъ.

Перерывъ.

— Увы!— сказалъ горестно Стелло. — Гдѣ переняли вы, любезный Докторъ, эту манеру разсказывать? Вы начинаете иногда съ послѣдняго слова фразы, для того, чтобы перевалиться къ другому, какъ инвалидъ, который всходитъ по лѣстницѣ на двухъ деревяшкахъ.

— Во-первыхъ, это происходитъ отъ вялости вѣка Людовика XV-го—отвѣчалъ Докторъ. —Она пріучила меня по неволѣ растягивать слова; а сверхъ того, у меня страсть составлять себѣ такой слогъ, который-бы вверже и

Digitized by Google

яснѣе врѣзывался въ память людей, скучающихъ, такъ-же какъ вы, всѣмъ, что̀ имъ разсказываютъ, всѣмъ, что̀ имъ пишутъ, всѣмъ, что̀ имъ дѣлаютъ, и всѣмъ, что̀ сами они говорятъ, и что сами они пишутъ, и что сами они дѣлаютъ.

— Ахъ, не полагайтесь на это!— возразилъ Стелло со вздохомъ — потому что одинъ изъ этихъ людей, который право не глупѣе другихъ, сказалъ въ одинъ вечеръ: «Я не всегда держусь своего мнѣнія.» Говорите просто, скучнѣйшій изъ Докторовъ; по крайней мѣрѣ тогда я буду меньше скучать.

Докторъ продолжалъ слѣдующими словами.

Бѣшеная блоха.

Вдругъ рошикъ дѣвицы де Куланжъ открылся, и изъ ея прелестной груди вылетѣлъ тонкій, пронзительный крикъ, который пробудилъ Людовика XV-го.

— Что съ тобой, божество мое? — вскричалъ онъ, простирая къ ней свои руки и свои кружевныя манжеты.

Двѣ чудесныя ножки совершеннѣйшей изъ любовницъ спрыгнули съ софы и побѣжали къ концу комнаты, съ удивительной скоростью,

Digitized by Google

если только взять въ соображеніе, какіе огромные каблуки мѣшали имъ.

Король приподнялся съ важнымъ видомъ, и положилъ руку на филагранный ефесъ своей шпаги. Въ первомъ движеніи, онъ до половины обнажилъ ее, и озираясь кругомъ, искалъ глазами врага. Безподобная головка дѣвицы де Куланжъ склонилась на кружевной воротникъ Короля, бѣлокурые волосы ея разсыпались тамъ, и легкое облачко душистой пудры слетѣло съ нихъ.

— Мнѣ показалось — произнесъ сладкій голосъ ея...

«А, понимаю, понимаю,» сказалъ Король, со слезами на глазахъ, съ нѣжной улыбкой, и перебирая рукой мягкіе, душистые кудри томной красавицы. «Я понимаю, что ты хочешь сказать... Ты дурочка....»

— Нѣтъ, право—говорила она—вашъ медикъ очень хорошо знаетъ, что изъ нихъ бываютъ бѣшеныя.

«Его велятъ позвать,» сказалъ Король. «Но если это и бываетъ, такъ что жъ?.... Дитя! — прибавилъ онъ, потрепавъ ее по щекѣ, какъ ребенка. — Если это и бываетъ, то неужели у нея ротъ такъ великъ, что она можетъ укусить тебя?

Digitized by Google

— Да, я это думаю и до смерти боюсь!— произнесли розовыя губки любимицы. Ея прекрасные глаза почли долгомъ устремиться къ небесамъ, и выронили двѣ слезы. Одна изъ этихъ слезъ быстро покатилась съ лазури праваго глаза, изъ которой она выбросилась вдругъ, какъ Венера изъ волнъ морскихъ, и остановилась сама собой въ ямкѣ подбородка, будто жемчужина въ розовой раковинѣ. Другая слеза, изъ лѣваго глаза, выкатилась совсѣмъ не такъ: она показывалась постепенно и медленно въ крошечной, продолговатой каплѣ; потомъ видимо увеличилась и осталась на свѣтлыхъ рѣсницахъ, длинныхъ, тонкихъ, мягкихъ какъ шелкъ. Влюбленный Король похитилъ своими устами обѣ эти слезинки.

Между тѣмъ грудь дѣвицы де Куланжъ, казалось, готова была разорваться отъ сильнаго волненія, и ея замирающій голосъ съ трудомъ могъ вымолвить:

— Я поймала одну... я поймала одну третьяго дня, и безъ сомнѣнія она была бѣшеная: нынѣшнее лѣто такъ жарко!....

«Успокойся! успокойся, душа моя! Я готовъ прогнать всѣхъ слугъ моихъ, всѣхъ Министровъ, но не потерплю, чтобы ты увидѣла въ Королевскихъ покояхъ хоть одно изъ этихъ страшныхъ тебѣ чудовищъ.

Digitized by Google

Пухленькія щечки дѣвицы де Куланжъ вдругъ поблѣднѣли; ея прекрасный лобъ судорожно сдернулся, ея нѣжные пальцы схватили что-то темное, похожее формой и величиной на булавочную головку, и ея пунцовыя уста, въ эту минуту посинѣвшія, вскрикнули:

— Вотъ блоха! Посмотрите, посмотрите!

«О, счастье неизъяснимое!» вскричалъ Король, тономъ нѣсколько насмѣшливымъ. «Это табачная крошечка! Дай Богъ только, чтобъ она не была бѣшеная!

Руки дѣвицы де Куланжъ обвились около шеи Короля. Утомленный этой сильной сценой, онъ опять легъ на софу. Она, какъ кошка, вскочила на свою софу.

— Ахъ, Государь—сказала она:—я васъ прошу: прикажите позвать Докшора, перваго Докшора Вашего Величества.

И вотъ меня позвали.

— А гдѣ вы были?—спросилъ Стелло, какъбы не хотя приподнявъ голову и черезъ минуту опять опустивъ ее.

— У постели умирающаго поэта— отвѣчалъ Черный Докторъ съ ужаснымъ равнодушіемъ.

Digitized by Google

Полоумiе.

Да, я былъ призванъ къ одному молодому человѣку, довольно странному. Архiепископъ Парижскiй, Г-нъ де Бомонъ, пригласилъ меня къ себѣ, потому что этотъ молодой незнакомецъ явился къ нему одинъ одинехонекъ, въ рубашкѣ и сюртукѣ, и желалъ пріобщиться Святыхъ Таинъ. Я тотчасъ-же отправился къ Архiепископу, и увидѣлъ тамъ человѣка лѣтъ 22-хъ, важной и пріятной наружности, который, въ своемъ слишкомъ легкомъ нарядѣ, сидѣлъ въ большихъ бархатныхъ креслахъ, куда добрый старый Архiепископъ усадилъ его. Высокопреосвященный былъ въ полномъ духовномъ облаченiи и въ фiолетовыхъ чулкахъ, потому что въ этотъ самый день онъ готовился отправлять молебствiе Святому Людовику, но былъ столько добръ, что оставилъ всѣ дѣла, какiя могли занять его до начатiя службы; онъ не хотѣлъ бросить страннаго посѣтителя, который возбуждалъ въ немъ самое живое участiе.

Когда я вошелъ въ спальню Архiепископа, онъ сидѣлъ подлѣ этого бѣднаго молодаго человѣка и держалъ его руку въ своихъ старыхъ, сморщенныхъ, дрожащихъ рукахъ. Онъ смотрѣлъ на него какъ будто съ боязнiю, и огор-

Digitized by Google

чался, что больной (молодой человѣкъ былъ боленъ) отказывается отъ прекраснаго полдника, который двое слугъ поставили передъ нимъ. Лишь только Г-нъ де Бомонъ замѣтилъ меня, онъ сказалъ мнѣ смущеннымъ голосомъ:

— А! пожалуйте подойдите, любезный Докторъ! Вотъ бѣдное дитя, которое пришло въ мои объятія, *venite ad me!* Онъ явился какъ птица, которая вырвалась изъ клѣтки, и которую холодъ заставилъ слетѣть съ кровли и броситься въ первое окно. Бѣдненькій! Я спросилъ для него платья.... По крайней мѣрѣ онъ имѣетъ хорошія правила, потому что желаетъ причаститься; но прежде мнѣ надобно слышать его исповѣдь: вы это знаете, Докторъ; а онъ не хочетъ говорить, и приводитъ меня въ затрудненіе. Да, онъ приводитъ меня въ страшное затрудненіе: я не знаю состоянія души его, а голова у него слишкомъ слаба. Сей часъ онъ много плакалъ; и теперь еще руки мои омочены его слезами.

Въ самомъ дѣлѣ на рукахъ добраго старца оставались еще капли, какъ на взбрызнутомъ желтомъ пергаментѣ, въ который вода не можетъ войдти. Старый прислужникъ, духовнаго званія, по видимому, принесъ семинаристское платье. Съ помощію людей Архіепископа онъ поднялъ больнаго, и, надѣвъ на него платье,

Digitized by Google

вышелъ вмѣстѣ съ ними. Пришлецъ ни сколько не прошивился этому переодѣванью. Глаза его были открыты въ половину и какъ-бы завѣшены бѣлокурыми рѣсницами. Его слишкомъ красныя вѣки и неподвижные зрачки казались мнѣ очень дурными признаками. Я пощупалъ у него пульсъ, и не могъ удержаться, чтобы не покачать сомнительно головою.

При этомъ знакѣ Г-нъ де Бомонъ сказалъ:

— Дайте мнѣ стаканъ воды; восьмидесятилѣтнему человѣку невозможно видѣть этого равнодушно.

«Ничего, Ваше Преосвященство!» отвѣчалъ я. «Только пульсъ его не показываетъ ни здоровья, ни болѣзненной лихорадки..... Это сумасшествіе—прибавилъ я тихо.

Потомъ обратился къ больному:

« Какъ васъ зовутъ?

Никакого отвѣта. . . . Его глаза оставались по прежнему неподвижны и мутны.

— Не мучьте его, Докторъ!— сказалъ Г-нъ де Бомонъ.— Онъ ужь три раза говорилъ мнѣ, что его зовутъ: Николай-Іосифъ-Лаврентій.

« Но это только имена, данныя ему при крещеніи, » отвѣчалъ я.

Digitized by Google

— Что-же? — возразилъ добрый Архіепископъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. — Этого достаточно для религіи: имя, данное при крещеніи, есть имя души. По этимъ только именамъ знаютъ насъ Святые; а онъ добрый Христіанинъ.

Много разъ замѣчалъ я, что между глазомъ и мыслію есть отношеніе столько прямое, столько непосредственное, что они дѣйствуютъ одинъ на другую съ равною силой. И если мысль останавливаетъ взглядъ, то взглядъ, отвращаясь, отвращаетъ также и мысль. Я наблюдалъ это надъ безумными.

Положивъ руки мои на неподвижные глаза молодаго человѣка, я закрылъ ихъ у него. Разсудокъ тотчасъ возвратился къ нему, и онъ началъ говорить.

— Ахъ, Преосвященнѣйшій! — сказалъ онъ. — Причастите меня, причастите скорѣе, пока чѣмъ глаза мои вновь откроются. Одно причастіе можетъ избавить меня отъ врага моего; а врагъ, который меня преслѣдуетъ, есть мысль, и эта мысль сей часъ опять возвратится ко мнѣ.

«Моя система хороша,» сказалъ я съ улыбкой.

Больной продолжалъ:

Digitized by Google

—Ахъ, Преосвященнѣйшій! Богъ, безъ сомнѣнія, въ причащеніи.... Я не вѣрилъ, чтобы мысль могла сдѣлаться въ головѣ какъ раскаленное желѣзо.... Богъ, безъ сомнѣнія въ причащеніи; если вы дадите мнѣ его, причащеніе отгонитъ мысль, и Господь Богъ отгонитъ философовъ....

— Видите, какъ прекрасно онъ мыслитъ!— сказалъ мнѣ тихо добрый Архіепископъ.— Посмотримъ, что̀ еще станетъ онъ говорить.—

Больной опять продолжалъ:

— Если что можетъ изгнать умствованія, то это конечно вѣра; если что нибудь можетъ вселить вѣру, то это конечно причащеніе. О, дайте мнѣ причастія, если причастіе вселило вѣру въ Паскаля. Я буду исцѣленъ, если вы причастите меня. Покуда глаза мои закрыты, поспѣшите! дайте мнѣ причастія!

«Знаете-ли вы вашу *исповѣдную молитву?*» спросилъ Архіепископъ.

Молодой человѣкъ не слыхалъ его, и продолжалъ говорить:

— Кто изъяснитъ мнѣ покорность разсудка? (послѣднія слова онъ произнесъ громовымъ голосомъ). Святой Августинъ сказалъ: «Разсудокъ не покорится никогда, если не будетъ убѣжденъ, что онъ долженъ покориться. И такъ

справедливо, что онъ покорится, если убѣждается въ мысли о покорности.» А я, Николай-Іосифъ-Лаврентій, рожденный въ Фонтенуа-Ле-Шатò, отъ бѣдныхъ родителей.... прибавлю: что если разсудокъ не покоряется своему собственному сужденію, то покоряется самому себѣ, и что если онъ не покоряется никому, кромѣ самого себя, то никогда не покорится и будетъ вѣчно царемъ.... Кругъ заблужденій! Школьныя разсужденія, способныя свести съ ума самого дьявола!... Ахъ, Даламберъ, красивый педантъ! какъ ты меня мучишь!...

Онъ прибавилъ послѣднія слова, царапая ногтями плечо себѣ. Я думаю, это произошло отъ того, что я открылъ одинъ изъ глазъ его. Я закрылъ ему глазъ лѣвой рукой.

— Увы, Преосвященнѣйшій!—сказалъ онъ.— Заставьте меня воскликнуть, какъ Паскаля:

Joye!

Certitude, joye, certitude, sentiment, vue.

Joye, joye, joye et pleurs de joye!

Dieu de Jésus-Christ..... oubli de tout, hormis Dieu (*)

(*) Непереводимыя восклицанія. *Прим. Переводч.*

Digitized by Google

—Онъ видѣлъ Іисуса Христа въ этотъ день, отъ десяти часовъ съ половиною вечера до двѣнадцати съ половиною ночи, въ Понедѣльникъ, 25-го Ноября 1654 года. И вслѣдствіе этого, онъ былъ спокоенъ и увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Онъ былъ очень счастливъ, этотъ Паскаль!.... Ай, ай, ай! Вотъ Лагарпъ тянетъ меня за ноги.... чего ты отъ меня хочешь? Лагарпа бросили въ подвалъ къ суффлеру, вмѣстѣ съ Бармесидами. Ты умеръ.

Въ эту минуту я отнялъ руки, и онъ открылъ свои глаза.

— Мышь!—вскричалъ онъ—кроликъ!... клянусь, что это кроликъ.... это Вольтеръ!.. это *Вольа-теръ!*... о! прекрасная игра словъ! Не правда-ли? А? мой сшаренькій Епископъ... она очень забавна, моя игра словъ? И ни одинъ книгопродавецъ не заплатилъ мнѣ за нея ни копѣйки.... я не обѣдалъ ни вчера, ни третьяго дня.... но я смѣюсь надъ этимъ, потому что никогда не чувствую голода... Отецъ мой таскается за своею сохою, и я не хочу взять руки его, отъ того что она груба и жесшка, какъ дерево. Сверхъ того, этотъ толстый крестьянинъ, въ широкой рубахѣ, не умѣетъ порядочно говорить по-Французски! Это заставитъ покраснѣть всякаго, къ кому онъ подойдетъ. Куда поведу я его поить виномъ?

Digitized by Google

Не въ кабакъ-ли прикажете? А что́ скажетъ Г-нъ Бюффонъ, въ своихъ манипетахъ и съ своимъ жабо?... Кошка!... это кошка у васъ на башмакѣ, Аббатъ....

Слушая этотъ бредъ, Г-нъ де Бомонъ, при всей добротѣ своей, не могъ иногда не улыбаться сквозь слезы. Но тутъ онъ откашился назадъ въ своихъ креслахъ, съ невольнымъ ужасомъ.

Я взялся за голову молодаго человѣка, тихо потрясъ ее въ моихъ рукахъ, какъ трясутъ мѣшокъ съ лото, и оставилъ пальцы свои на его опущенныхъ вѣкахъ. Вынувшіеся нумера были совершенно другіе: онъ глубоко вздохнулъ и началъ опять говорить съ такимъ спокойствіемъ, съ какимъ изступленіемъ говорилъ прежде:

— Три краты несчастливъ безразсудный, который хочетъ высказать все, что онъ думаетъ, прежде чѣмъ обезпечилъ онъ себя на цѣлую жизнь! Лицемѣріе! ты истинная разсудительность!... Ты заставляешь щадить каждаго, а бѣдный въ каждомъ имѣетъ надобность... Притворство! ты высшій законъ общежитія для тѣхъ, у кого нѣтъ наслѣдства.... Для чего чувство добра и справедливости вселилось въ сердце мое?... Мое сердце черезъ чуръ переполнилось, и ненависть, какъ потокъ лавы,

Digitized by Google

излилась изъ него. Злые испугались, закричали, возстали противъ меня. И могъ-ли я противиться всѣмъ? я, одинъ, я, который ничего не значу, ничего не имѣю, кромѣ бѣднаго пера, и часто терплю недостатокъ даже въ чернилахъ?

Добрый Архіепископъ не выдержалъ болѣе. Съ четверть часа, онъ въ трепетѣ простиралъ руки къ тому, котораго уже называлъ своимъ сыномъ. Наконецъ, медленно приподнялся онъ съ своихъ креселъ и хотѣлъ поцѣловать его. Между тѣмъ я все еще, съ непоколебимымъ терпѣніемъ, закрывалъ глаза больнаго; но долженъ былъ наконецъ отнять пальцы свои, чувствуя, что ихъ какъ-бы что-то отталкиваетъ, и какъ будто вѣки его пухнутъ и надуваются. Въ то мгновеніе, когда я пересталъ придерживать ихъ, слезы брызнули сквозь пальцы мои, и оросили блѣдныя щеки несчастнаго. Рыданія заставляли сердце его сильно трепетать; шейныя жилы его посинѣли и напряглись; изъ груди его вырывались слабые стоны, похожіе на жалобы младенца въ объятіяхъ матери.

— Постойте! Ваше Преосвященство, оставьте его!—сказалъ я Архіепископу.—Ему не хорошо. Посмотрите какъ покраснѣлъ онъ вдругъ, потомъ поблѣднѣлъ, и пульсъ его умираетъ....

Digitized by Google

Онъ въ обморокѣ.... Прекрасно! вотъ онъ безъ чувствъ... Покойной ночи...

Добрый Прелатъ былъ въ отчаяніи и только мѣшалъ мнѣ своею заботливостью. Я употреблялъ всѣ свои скудныя средства, чтобъ возвратишь чувства больному, и они ужь возвращались къ нему, когда мнѣ сказали, что за мной прислана почтовая карета изъ Версали, отъ имени Короля. Я предписалъ, что̀ еще оставалось сдѣлать, и пошелъ.

— Хорошо! сказалъ я.—Я поговорю тамъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ.

«Вы насъ много одолжите, любезный Докторъ,» сказалъ Г-нъ де Бомонъ, «потому что наша благотворительная касса совершенно пуста. Поѣзжайте скорѣе; я буду печись о моемъ пріемышѣ.

Я видѣлъ, что онъ благословилъ его со слезами.

Я бросился въ карету.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

— *Поѣздка къ Ледовитому морю, Фр. Белявскаго.* М. 1833 г. Въ т. Лазаревыхъ, in-8, XV и 256 стр. съ рисунками.

— *Поѣздка въ Якутскъ.* Изд. Н. Щ. СПб. 1833 г., въ т. Конр. Вингебера, in-8, 231 стр., съ таблицею.

Любите-ли вы читать путешествія? Признаюсь: я люблю. Не станемъ говорить о пользѣ; но какъ это весело, какъ это занимательно.—Конечно, никто не будетъ спорить о томъ, что всякому изъ насъ не худо-бы посмотрѣть на земли и страны, находящіяся за Камеръ-Коллежскимъ валомъ бѣлокаменной Москвы, далѣе Троицкой Лавры, и даже далѣе предѣловъ Русскихъ. Сколько тутъ выгодъ: *бывалому* больше почета, больше средствъ разсказывать въ бесѣдахъ о чудесахъ и диковинкахъ; и въ дѣлѣ онъ считается лучше другаго, по старой Русской пословицѣ: *не спрашивай стараго, а спрашивай бывалаго.* Изъ этой пословицы видно, что человѣкъ, который не *изъ семи печей хлѣбъ ѣдалъ*, и у нашихъ стариковъ находился въ уваженіи, даже болѣе самихъ стариковъ. И такихъ *бывалыхъ* людей въ старину немало встрѣчалось въ Руси. Не думайте, чтобы наши старики сидѣли сиднями. Нѣтъ! у нихъ только сборы въ дорогу были не легки. Кто ѣхалъ изъ Москвы на Макарьевскую ярмарку, съ тѣмъ прощались, какъ съ умершимъ. Не смотря на то, домосѣдами старики наши не засиживались. Дорога въ Царьградъ, въ Іерусалимъ, была имъ знакома,

Digitized by Google

какъ всякому нынѣшнему Москвичу въ Новый Іерусалимъ и на Перерву. И столько-ли Царьградъ и Іерусалимъ! Еще въ XI-мъ вѣкѣ Новгородцы ѣзжали въ далекую Югрію, за Мурманское море, къ поганой Лопи, къ Самоѣдамъ. Аѳанасій Тверитянинъ, въ XV-мъ вѣкѣ, посѣщалъ Гурмызъ, Кучзряшъ, Певгу (Ормусъ, Гузурашъ, Пегу). Рускіе ѣзжали и въ Римъ великій, гдѣ разумѣется *видали и Папу*; ѣзжали они шуда черезъ Нѣмецкую землю, дивились въ ней снѣговымъ горамъ, и вельми чуднымъ городамъ: *Афрату*, *Нурбеху*, *Жунбрюху*, (Эрфуршу, Ниренбергу, Иншпруку). Сколько находимъ пушешественниковъ въ Богдойскій городъ Камбалыкъ (Пекинъ), съ XVII-го вѣка! Старики наши заѣзжали въ самый глубокій сѣверъ: мрачный *Грумантъ* (Шпицбергенъ) былъ имъ хорошо извѣстенъ; даже, на сѣверѣ, заходили они въ *Рай земной*, *неизглаголанный и прегудный*. Не вѣрите? Прочтите въ *Степенной Книгѣ* пушешествіе Новгородца, который видѣлъ чудесъ не менѣе Юрьи Твороговича, разсказывавшаго Кіевскому Лѣтописателю о нѣмыхъ людяхъ и прокляшыхъ народахъ, загнанныхъ въ полунощныя страны Александромъ Македонскимъ, прорубающихъ гору, гдѣ они заключены, и долженствующихъ выйдши при кончинѣ міра.

Извините: желая доказать, что и старики наши любили пушешествовать, пушешествовали, любили и уважали разсказы о пушешествіяхъ, или странствованіяхъ, я хошѣлъ подкрѣпить слова свои примѣрами, и заговорился о старинѣ. Какъ-же намъ не любить и не читать разсказа странниковъ, особли-

Digitized by Google

во *нашихъ Русскихъ*, хошь изъ уваженія къ памяти предковъ, если не изъ пользы и удовольствія? Слѣдуя всему этому, я часто ошкладываю романъ самый новый, расхваленный въ объявленіяхъ книжныхъ, и принимаюсь читать какое нибудь путешествіе. За книги, изданныя Г-мъ Бѣлявскимъ и Г-мъ Щукинымъ, взялся я съ особеннымъ удовольствіемъ еще по особенной причинѣ: они напомнили мнѣ мою родину—*Сибирь*. Извѣстное и уже неоспоримое *правило*, или *максима*, какъ говаривали въ старину ученые: *и дымъ отечества непремѣнно долженъ быть намъ сладокъ и пріятенъ!*

Что знать не одну свою сторону полезно, справьтесь хошь у Байрона, который утвердительно говорилъ: «Кто видѣлъ только одну землю, или страну, тотъ читалъ только одну страницу въ великой книгѣ Природы.» Но изъ Географій и Статистикъ много-ли вы узнаете страницъ этой великой книги? Сомнѣваюсь. Всего лучше самому поѣздить по свѣту, объѣхать цѣлый міръ, если только есть на то охота. Предугадываю вашъ отвѣтъ: «Разумѣется, лучше-бы видѣть самому, нежели читать скучное какое нибудь статистико-географо-этнографическое описаніе, расположенное въ графахъ и параграфахъ, которые, голыми цифрами и холодными *дефиніями*, не могутъ передать намъ картинъ ни природы, ни быта жителей той или другой страны. Но у всякаго-ли есть досугъ и средства мыкаться по бѣлому свѣту, если и предположимъ, что нынѣ способы путешествія упрощены, удешевлены, можно сказать, пре-

Digitized by Google

вращаютъ путешествія въ прогулку увеселительную?» — Вы правы; но что-же дѣлать? Какъ горю пособить? *Читайте путешествія:* они замѣняютъ вамъ всѣ труды, всѣ издержки, потребныя для собственныхъ вашихъ странствованій. И какая выгода притомъ: вы не подвергаетесь ни опасностямъ, ни скукѣ переѣздовъ, а узнаете многое лучше, нежели когда-бы вы сами посѣтили то или другое мѣсто.

Странное дѣло однакожь: нынѣ гораздо менѣе является на Русскомъ языкѣ путешествій, нежели являлось ихъ прежде. Загляните въ старыя библіотеки: Ансонъ, Кукъ, Вальянъ, Мунго-Паркъ, Соннини, Мирсъ — все это было переводимо. Не боялись и огромнѣйшихъ книгъ: забудемъли 22 толстые тома *Исторіи о странствованіяхъ вообще,* или 27-мь томовъ *Всемірнаго путешественника,* три раза изданныхъ? Самыя путешествія по Россіи: Крашенинникова, Палласа, Зуева, Гмелина, Лепехина, Рычкова, Фалька, Озерецковскаго, были печатаемы. Теперь, напрошивъ, многое-ли извѣстно въ Россіи изъ новѣйшихъ путешествій, когда притомъ ни одно время не представляло путешествій столь любопытныхъ, столь многочисленныхъ, какъ наше время? Египетскія экспедиціи Французовъ, Клаппертонъ, Лейонъ, Ландеръ, Фрейсине, Гумбольдтъ, Россъ, Парри, Бичей, Риппель, Бургхардтъ, Марціусъ, Фразеръ, Галль — выставляемъ имена не по чинамъ—и сотни другихъ, должны-бы увлекать вниманіе Русскихъ читателей, и, слѣдственно, Русскихъ переводчиковъ. И о Рос-

Digitized by Google

сіи, когда ее во всѣхъ направленіяхъ посѣщаютъ иностранцы, и сами Рускіе, мы ничего не видимъ печатнаго! Едва, едва дождались мы изумительнаго путешествія Беллинсгаузена ко льдамъ Южнаго полюса. Машюшкинъ, Врангель, Парротъ, Литке, Хромченко, Мейендорфъ, Бороздинъ, и проч., и проч., остаются для насъ невѣдомыми. Безъ болѣзненности, хотя довольно рѣдкой, нѣкоторыхъ Журналовъ Русскихъ, мы даже ничего не знали-бы о путешествіяхъ и подвигахъ иностранцевъ и соотечественниковъ, упомянутыхъ нами, и множествѣ другихъ, неупомянутыхъ. — Любопытно поискать всему этому причину. Неужели читатели наши охолодѣли къ чтенію путешествій? Но отъ чего-же это? Или наши переводчики и наши путешественники не находятъ ничего достойнаго къ свѣдѣнію своихъ соотечественниковъ? Но это несправедливо. Будемъ говорить только о путешествіяхъ по Россіи. Россія, цѣлый міръ, *особая часть Свѣта*, какъ думалъ Петръ Великій (*), чего не представитъ она наблюденію путешественника? Что знаемъ мы о самыхъ близкихъ къ намъ, подмосковныхъ, такъ сказать, мѣстахъ? А Кавказъ, Финляндія, Остъ-Зейская сторона, Сѣверъ Рос-

(*) Есть карта, на которой рукою Петра Великаго надъ Россіею надписано ея имя такими-же крупными буквами, какъ и другихъ частей свѣта; имя Азіи зачеркнуто и подвинуто далѣе къ югу, а имя Европы далѣе къ западу. Мы слышали о сей картѣ отъ достовѣрнаго человѣка.

Digitized by Google

сіи, Молдавія, наконецъ — *Сибирь?* Одна Сибирь, гдѣ на югъ подходите къ Китаю и родинѣ Чингиса, на сѣверъ упираетесь въ полюсъ, на востокъ въ Америку, на западъ въ Европу, чего она не представитъ нашему любознанію?

Затрудняясь въ рѣшеніи вопроса: по какой именно причинѣ, въ наше время, въ Россіи выходятъ въ свѣтъ описанія путешествій своихъ и чужихъ гораздо рѣже, нежели прежде, я признаюсь, тѣмъ искреннѣе радуюсь рѣдкому явленію Путешествій въ современной Русской Литтературѣ, ибо, какъ я сказалъ выше, люблю читать путешествія, и по собственной охотѣ, и по примѣру предковъ. Люблю я особливо, сидя спокойно въ креслахъ своихъ, ѣздить съ путешественниками — не по Европѣ, гдѣ все сглажено и образовано, и въ природѣ и въ людяхъ, но — по какой нибудь части Азіи, Африки, Америки, Австраліи. Какая неистощимая прелесть въ описаніяхъ дѣвственной шамошней природы, въ изображеніяхъ дикарей, полудикарей, новаго образованія народовъ полудикихъ, устройства небывалыхъ прежде обществъ въ Новой Голландіи, Ошаити, Боливіи! Эти коралловыя горы по морямъ; эта сила произрастанія въ Индійскихъ пальмахъ и Сенегальскихъ баобабахъ; эти страшныя бури на моряхъ, чудеса на землѣ: горы, далеко выше облаковъ, моря песчаныя, съ ихъ зелеными, пальмовыми оазисами.... даже бѣдствія, опасности, затрудненія странника, какая это прелесть — *для читателя!*

Digitized by Google

Какъ, иногда, не простишь даже прикрасы страннику, если онъ увлекаетъ васъ описаніемъ!

Путешественникъ по Россіи можетъ усладить читателя всѣми подобными прелестями странствованій. Будучи цѣлою частію міра, Россія можетъ представить намъ своихъ полудикарей, свое полуобразованіе, свои Гиммалаи, Везувіи, Нилы, Амазоны. Сельская свирѣль Малороссіянина можетъ звучать для путешественника вмѣстѣ съ унылою кобзою Башкира и звонкою дудочкою Черкеса. Передъ нимъ рыжеволосый Чухонецъ и стройный Абазинецъ, бродящій Цыганъ, раскрашенный Индіецъ въ Астрахани, Ташаринъ на своемъ роскошномъ Казанскомъ диванѣ, или подъ виноградниками Сальгира. Передъ нимъ осташки Кіева, могилы Булгарскія, кирпичныя груды Сарая, степной курганъ Екатеринославскій, съ безобразнымъ своимъ идоломъ; передъ нимъ и смѣсь алебастра и граниша въ роскоши Пѣтербурга, и шести вѣковая громада Москвы, и древнія наши обишели, съ осташками великихъ и памяшныхъ людей! Поэтъ, Историкъ, Географъ, Естествоиспышашель могушъ наполнишь поршфѣйль свой любопышными описаніями и рисунками. Какъ не ѣздишь по Россіи, какъ ѣздивши не писашь, какъ писавши не печашашь?

Сибирь, золошое дно для предковъ нашихъ, и для насъ, можетъ бышь *золотымъ дномъ* и для наблюдашельнаго пушешественника. И шамъ, Историкъ, Географъ, Поэтъ найдушъ для себя много работы. Хошите-ли наблюдашь природу и человѣка? Они передъ вами, отъ ледяныхъ, мши-

Digitized by Google

сныхъ тундръ и песчаныхъ степей до огнедышащихъ и снѣговыхъ горъ, отъ первобытности Остяка и Чукчи до европеизма Русскаго, и восточнаго, страннаго образованія Китайца, кочевой полудикости Киргиза, мистическаго фанатизма Ламайскаго.

Благодаря Гг-дъ Бѣлявскаго и Щукина за то, что они записывали что видѣли, и напечатали что записали, скажемъ, что имъ, въ свою очередь, можно было многое замѣтить, и потомъ многое разсказать. Одинъ проѣхалъ отъ Тобольска въ Обдорскъ, и жилъ между Самоѣдами и Остяками; другой съѣздилъ изъ Иркутска въ Якутскъ, и вблизи видѣлъ Якутовъ и Тунгусовъ.

Путешествія, какъ и всѣ роды книгъ, дѣлятся также на множество разрядовъ. Къ какому разряду принадлежатъ два путешествія, о которыхъ мы хотимъ теперь говорить нашимъ читателямъ? Что такое они: *ученыя, поэтическія?* Ни то, ни другое. Г-нъ Бѣлявскій, бывши Членомъ Врачебной Управы въ Тобольскѣ, ѣздилъ въ Обдорскъ наблюдать ужасную болѣзнь, жестоко свирѣпствующую между тамошними жителями, и особенно между Остяками. Г-нъ Щукинъ былъ въ Якутскѣ по препорученіямъ Начальства, какъ чиновникъ. Описанія того и другаго весьма сходны по ихъ расположенію: это *путевыя замѣтки*; къ нимъ приложено еще путешественниками по нѣскольку отдѣльныхъ статей о разныхъ предметахъ. Не будучи ни поэтическими, ни учеными вполнѣ, путешествія Гг. Бѣлявскаго и Щукина должны быть однакожъ причи-

Digitized by Google

слены къ книгамъ замѣчательнаго достоинства, хотя описанія того и другаго вообще легки и краткіе: въ каршинахъ природы у нихъ мало жизни поэтической, недостаетъ и важности науки; въ этнографіи нѣтъ вѣрнаго взгляда философскаго и историческаго.

Все это замѣняется для читателя другими выгодами. Описанія нашихъ путешественниковъ должны быть тѣмъ правдивѣе, чѣмъ они самобытнѣе, чѣмъ менѣе прикрашены чужою ученостью и списываніемъ чужихъ замѣчаній. Мы тѣмъ вѣрнѣе можемъ на нихъ полагаться, если путешественники наши сказываютъ только собственное свое. Они имѣли случай глядѣть на многое вѣрнѣе, судить о многомъ справедливѣе другихъ, оба имѣя средства для наблюденій, какъ чиновники, уваженные на мѣстахъ, гдѣ производили свои наблюденія. Правда, тутъ была и невыгода: съ ними не всегда говорили *искренно*; но они могли повѣрять слова однихъ разсказами другихъ и собственнымъ взоромъ.

Не надобно воображать себѣ Сибири однообразною, дикою страною. Она удивительно разнообразна, климатомъ, мѣстоположеніемъ, мѣстностью. Поѣзжайте изъ Москвы въ Иркутскъ. Васъ поразитъ только величіе Сибирской природы, и дикое отличіе оной отъ природы Россіи-собственно; но она удивительно однообразна по всей дорогѣ. Въ гражданственности вы даже не замѣтите никакой перемѣны прошивъ Россіи: Пермь, Екатеринбургъ, Тюмень, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ — это Русскіе города. Широкою полосою

Digitized by Google

проѣзжей дороги пролегаютъ до самаго Иркутска Русское современное образованіе, Русскій языкъ, Русскіе нравы, съ небольшими оттѣнками (*). Отъ этой полосы идутъ вѣтви дороги въ обѣ стороны, на югъ и на сѣверъ, одинакаго качества съ большою проѣзжею дорогою. Но въ промежуткахъ сихъ вѣтвей, едва свернеше въ сторону — чего вы не встрѣтите! Золотоносные пески, исполинскія рѣки, хребты горъ, кочевые и полукочевые народы, различіе вѣръ, нравовъ, обычаевъ, памятники до-историческихъ временъ. Къ числу такихъ любопытныхъ промежутковъ Сибирскаго пространства принадлежитъ сторона, которую описываетъ Г-нъ Бѣлявскій. Мы постараемся представить нашимъ читателямъ главныя характеристическія черты его описаній.

Пространство земель къ сѣверу отъ Тобольска (отъ 58° 11′ 43″) носитъ на себѣ всѣ признаки аркгическихъ холодныхъ странъ. До самаго Березова (около 1000 верстъ) непроходимыя тундры и болота, отъ чего лѣтомъ нѣтъ сообщенія сухимъ путемъ: плывутъ по Иртышу и обширной Оби, которая, по сліяніи съ Иртышемъ, прямо стремится на сѣверъ. На берегахъ сихъ, и впадающихъ въ оныя рѣкъ, разбросаны уединенныя селенія. Г-нъ Б. описываетъ: село *Бронниково* (35 верстъ отъ

(*) Напримѣръ, въ языкѣ. Далѣе прибавимъ, что путешественника изумятъ быстрая Сибирская ѣзда, гостепріимство, какого нѣтъ въ Россіи, и проч.

Digitized by Google

Тобольска), Ташарское селеніе *Карбинскъ*, село *Уватъ* (125 в. отъ Тобольска. Здѣсь кончатся поселенія Ташаръ), село *Юровское*, село *Демьянскъ*, деревню *Деньщиковскую*, село *Самарово*. (Здѣсь начинается Березовскій округъ, идущій до Обской губы. Къ западу онъ граничитъ съ Ураломъ, отдѣляющимъ его отъ Мезенскаго уѣзда Архангелогородской губерніи). Верстъ на сто отъ Самарова живутъ еще Рускіе. Далѣе обитаютъ Остяки, смѣсь коихъ съ Рускими начинается съ самой Деньщиковской деревни. Отъ начала Березовскаго округа прекращается совершенно природа средней Сибири, и передъ взорами путешественника стелются необозримыя пундренныя степи; кое-гдѣ на нихъ колышется лѣсъ и растетъ мѣлкій тальникъ. Дорога идетъ берегомъ Оби. Иршышъ вливается въ Обь за Самаровою. Село *Кондійское* (250 верстъ далѣе) населено Рускими; но это былъ знаменитый нѣкогда городокъ *Кондійскъ*; 225 верстъ далѣе отъ Кондійска лежитъ *Березовъ* (63° 50′ с. ш.). Только одна Русская деревня находится на семъ пути, близъ Шеркалинскаго Остяцкаго селенія. За Березовомъ нѣтъ уже конной, или санной дороги, даже и зимою: ѣдутъ въ Остяцкой *нартѣ*, запряженной оленями. Природа дика, мрачна: вездѣ болотистыя, зимою глубокимъ снѣгомъ покрытыя поля — ни горъ, ни даже пригорковъ; изрѣдка мѣлкій сосновый лѣсъ и тальникъ; мертвое однообразіе томитъ путешественника. Такъ ѣдутъ (или плывутъ водою, лѣтомъ) въ прямомъ направленіи 600 верстъ отъ Березова до Обдорска.

Вотъ топографія пути отъ Тобольска до край-

Digitized by Google

няго предѣла населенности Рускихъ къ сѣверу — *городка Обдорскаго*. Г-нъ Б. вообще невыгодно описываетъ Русскихъ поселенцевъ по сему пути. Не имѣя земледѣлія, или имѣя его очень малое, они питаются только рыбною, птичьею ловлею и звѣриными промыслами; но вообще безпечны, лѣнивы, бѣдны, склонны къ тяжбамъ и пьянству. Объ Осшякахъ, которыхъ Г-нъ Б. наблюдалъ особенно въ Обдорскѣ, куда сходятся также и Самоѣды, платить ясакъ въ казну и торговать съ Рускими, мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Хотите-ли видѣть общую картину природы сихъ странъ? Унылыя, безпредѣльныя пустыни простираются здѣсь до глубокаго сѣвера, примыкаясь къ ледянымъ пустынямъ, только лѣтомъ, на короткое время, разбиваемымъ волнами моря подлѣ береговъ и опять замерзающимъ. Глубокое безмолвіе царствуетъ на снѣжныхъ пространствахъ, гдѣ странникъ изрѣдка только видитъ бѣдныя юрты дикарей. Олени, спутники и питатели сѣверныхъ племенъ, спокойно пасутся многочисленными стадами на мшистыхъ тундрахъ, покорные голосу человѣка, который здѣсь обязанъ имъ всѣмъ, и которому они не должны ничѣмъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ надъ сими странами длится почти безпрерывная ночь. Но тогда земля бываетъ ушѣшена величественнымъ зрѣлищемъ неба: великолѣпныя, неизвѣстныя Европѣ картины *сѣвернаго сіянія*, невидимою, огненною кистью разцвѣчаютъ небосклонъ. Тысячи другихъ метеоровъ, сгарая въ воздушныхъ пустыняхъ, разсыпаются разнообраз-

Digitized by Google

ными блестками и освѣщаютъ ими нощную. Но не всегда безмолвствуютъ здѣсь пустыни земныя, не всегда глубокая тишина почиваетъ на холодномъ ложѣ снѣговъ: встаетъ *буранъ*, и гладкая, охрусталенная поверхность снѣжная приходитъ въ волненіе. Пронзительный свистъ раздираетъ воздухъ, лѣса гудутъ, звѣри пугаются ужасовъ бури, вѣтеръ громоздитъ сугробы; смиряясь подъ грозою стихій, человѣкъ, застигнутый внѣ жилища, ложится подлѣ своего оленя и загребаетъ себя снѣгомъ, пока настанетъ тишина, и дастъ ему средства выйдти изъ временной могилы, и опять начать жить и дѣйствовать, преслѣдуя по лѣсамъ звѣря, также искавшаго спасенія отъ неизбѣжной смерти въ снѣгу. Но и здѣсь, въ сихъ оледенѣлыхъ странахъ, бываетъ праздникъ природы, хотя мгновенный: это весна и *лѣто*—мимолетное, но пламенное. Тогда въ сіи пустыни, подъ вѣрную защиту непроходимыхъ болотъ, слетаются съ юга неисчислимыя стада разнородныхъ пернатыхъ. Рѣки, какъ моря величественныя, пробуждаются отъ долгаго сна. Жизнь кипитъ въ водахъ. Несмѣтныя стада рыбъ движутся въ нихъ. Дикій обитатель оставляетъ промыселъ звѣроловца, становится рыболовомъ; за тѣмъ настаетъ для него время, благопріятное ловлѣ птицъ. Нужда научаетъ его искусству. Онъ изумляетъ странника изобрѣтательностью способовъ, и умѣньемъ, съ какимъ заманиваетъ, сторожитъ и ловитъ жителей водъ, лѣсовъ и воздуха, изъ коихъ свирѣпый медвѣдь составляетъ предметъ его добычи и обо-

Digitized by Google

жанія, содѣлываясь попеременно то жершвою, то богомъ Остяка и Самоѣда.

Г-нъ Б. несправедливо относитъ опознаніе и покореніе сихъ отдаленныхъ странъ ко временамъ Ермака, и послѣ него (стр. 60). Первое предпріятіе Ермака было въ 1580-мъ году. Искеръ завоеванъ былъ въ 1581-мъ году. Тюмень и Тобольскъ построены въ 1585-мъ году. Послѣ сего распространялись Русскіе далѣе къ сѣверу, построили Сургутъ и Обдорскъ въ 1595-мъ году, Березовъ и Пелымъ въ 1593-мъ году. Все это такъ; но еще задолго до Ермака Новгородцы, съ рѣки Печоры, ходили въ сіи страны. Издревле извѣстны были три дороги съ Печоры въ *Югрію*: по рѣкѣ Усѣ на верховья Соби; по Щугорѣ на Сыгву и на Сосву; по Илишѣ на Вогулье до Сосвы. Среднею изъ сихъ дорогъ шелъ Князь С. Ѳ. Курбскій, въ 1499-мъ году, посланный Іоанномъ III-мъ для совершеннаго покоренія странъ по рѣкѣ Оби. Въ *Ляпинѣ* (что на верховьѣ Сыгвы) пріѣхали къ нему Обдорскіе Князья. Но Курбскій, на оленяхъ и собакахъ, ѣхалъ далѣе, воевалъ и покорялъ *кары*, или городки Остяцкіе по самой Оби. Еще гораздо прежде, въ 1465-мъ году, съ Выми и Вычегды, Русскіе ходили походомъ на Югру, и привезли въ Москву добычу и плѣнныхъ Князей Остяцкихъ, Вогуличскихъ, Самоѣдскихъ; а въ 1483 г. на устьѣ Пелыми Русскіе разбили толпы дикарей, и шли по Тавдѣ, по Иртышу, на Обь, «рѣку великую.» Василій Іоанновичъ писался уже Государемъ *Обдорскимъ* и *Кондійскимъ*.

Digitized by Google

Въ настоящее время, кромѣ Остяцкихъ и Самоѣдскихъ селеній, въ Березовскомъ округѣ, заключающемъ въ себѣ древнюю Обдорію и большую часть Кондіи, находятся три отдѣленія Рускія: Обдорское, Кондійское, Сургутское, и четыре Русскія общества (волости): Березовское, Кондійское, Елизаровское и Сургутское.

Березовъ, коего имя напоминаетъ славнаго несчастливца *Меншикова*, маленькій, миловидный городокъ, гдѣ 891 человѣкъ жителей, двѣ каменныя церкви, 5 деревянныхъ лавокъ, 141 домъ и уѣздное училище. Во всемъ городѣ только 2 кузнеца и 3 плотника. Но жители по своему выдѣлываютъ однакожь оленьи кожи; главное ихъ занятіе торговля мягкою рухлядью, рыбою, птицею. Иное покупая у Остяковъ, другое ловя и приготовляя сами, они сбываютъ потóмъ все это у себя, въ Тобольскѣ, и въ Ирбити на ярмакѣ. Опыты завести въ Березовѣ земледѣліе были неудачны. Климатъ убиваетъ всѣ покушенія. — Донынѣ показываютъ въ Березовѣ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Меншикова. Деревянная церковь, имъ построенная, сгорѣла въ 1808-мъ году. Подлѣ церкви Вознесенія видна *могила* его, и *могила дочери его* — обрученной невѣсты Петра II-го! Въ церквахъ Березовскихъ сохраняются еще ветхія ризы священническія, на которыхъ нашиты орденскія звѣзды Меншикова. Въ Спасской церкви показываютъ книги, присланныя Княжною Еленою Долгорукою, по возвращеніи ея въ Россію.

Digitized by Google

Упраздненный городъ *Сургутъ* лежитъ на востокъ, въ сторонѣ, между Тобольскомъ и Березовомъ. Онъ былъ нѣкогда знаменитъ. Князья Львовы, Гагарины, Козловскіе бывали тамъ Воеводами. Сынъ несчастнаго Артемія Измайлова, сподвижника Трубецкаго и Пожарскаго, казненнаго потомъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ, умеръ Воеводою въ Сургутѣ.

Обдорскъ лежитъ въ 7-ми верстахъ отъ Обской губы; въ немъ находится ветхая деревянная церковь и нѣсколько домовъ; жители большею частію временно живущіе торговцы и нѣсколько Сибирскихъ Казаковъ, служащихъ переводчиками тамошнему Засѣдателю, въ дѣлахъ и сношеніяхъ съ Остяками и Самоѣдами, которые съѣзжаются сюда на ярмарку въ Январѣ, и отдаютъ притомъ ясакъ, или казенную подать мѣхами. Мѣстоположеніе Обдорска пріятно. Обь течетъ мимо его, съ множествомъ протоковъ, и рѣками: Вахомъ, Тряломъ, Юганомъ, Пимомъ и Сосвою. Весною, все это сливается въ одно необозримое море воды; вдали виденъ тогда снѣжный хребетъ Урала; высочайшая изъ Уральскихъ горъ, *Павдинскій камень*, горитъ въ лучахъ солнца, ярко отражающимся на ледяной головѣ ея; между рѣками растетъ лѣсъ и кустарникъ, зеленѣя прелестнымъ ландшафтомъ. Но лѣто коротко въ Обдорскѣ: начинаясь въ Іюнѣ, оно кончится въ Іюлѣ. Жары доходятъ иногда до 28°, но земля оттаиваетъ только на четверть аршина; глубже сего лежитъ вѣчный ледъ. Осень бываетъ мрачна: все пустѣетъ, дичаетъ; облака ри-

Digitized by Google

суются иногда по небосклону фантастическими фигурами (*); всюду налягаетъ туманъ; вѣтеръ свирѣпѣетъ, крѣпчаетъ. Съ Сентября начало зимы, и зима бываетъ ужасна: морозы доходятъ до 40°; бураны взвиваютъ снѣгъ, подымая его въ воздухъ непроницаемою тмою; ночная темнота прерывается только сѣверными сіяніями.

Мы упомянули о ѣздѣ на оленяхъ зимою, далѣе Березова. Не подумайте, чтобы это было нѣчто въ родѣ прогулокъ Діаны. Нѣтъ: надобно, или сидѣть въ жесточайшій морозъ на неловкой, валкой, узкой нартѣ, сдѣланной въ видѣ длиннаго ящика, или залѣзть внутрь ея. Безпечный Остякъ запираетъ васъ въ этомъ подвижномъ гробѣ и погоняетъ оленей; они бѣгутъ; не смотря на толчки, удары, холодъ, вы должны безмолвно пролежать длинную станцію. Напрасно хотите вы выйдти, кричите, чтобы остановились. Закутавъ голову шапкою, занятой оленями, самъ замерзающій отъ холода, Остякъ гонитъ, мучитъ васъ, пока доѣдетъ до станціи, закричитъ: *хал* (стой)! и угрюмо ска-

(*) Это происходитъ отъ преломленія солнечныхъ лучей въ разныхъ туманахъ и облакахъ, покрывающихъ иногда небосклонъ. Въ воздухѣ являются горы, рѣки, зданія, моря съ кораблями — изумительные обманы оптическіе, разнообразные, какъ воображеніе поэта, и обманчивые, какъ оно.

Digitized by Google

жешъ вамъ полузамерзшимъ голосомъ, отворяя нарту: «*Неки, неки, вадасъ, вадасъ* (очень холодно, очень вѣтрено)! Нерѣдко пріѣзжаютъ на станцію съ отмороженными членами. Спутникъ Г-на Б. едва было не замерзъ, когда, во время сильной вьюги, они ѣхали 40-ка-верстную станцію, отъ Вайкарша къ Шуришкару.

Довольно подробно описываетъ Г-нъ Б. *Остяковъ*. Они живутъ на большомъ пространствѣ земель, и называются по мѣсту пребыванія: *Нарымскими*, *Тугуханскими*, *Обскими* (между Сургутомъ и Тобольскомъ) и *Березовскими*. Сіи послѣдніе дѣлятся на 17-ть волостей, приписанныхъ къ Обдорску и Сургуту. Ихъ считаютъ во всѣхъ семнадцати волостяхъ около 16,000 человѣкъ. Сами себя называютъ они: *Кондахо* (*Хо*—человѣкъ, *Конда*—имя рѣки) и *Асьяхо* (*Ях*—имя рѣки). Не отъ послѣдняго-ли происходитъ имя: *Остякъ?* Но Г-нъ Б. производитъ его отъ Ташарскаго: *Уштякъ*—*невѣжда*, какъ называютъ Остяковъ Ташары, или Тунгузскаго *Остекель*. Вогуличи называютъ Остяковъ *Манси*, Самоѣды *Тагъ*. То и другое значитъ: *человѣкъ*. Г-нъ Б. не входитъ въ историческія изслѣдованія; говоритъ однакожь, что «*всѣ Историки* согласно производятъ Остяковъ *отъ Финновъ* (стр. 61).» Внизу сдѣлана ссылка: «*Карамзина*, *Исторія о Сѣверныхъ народахъ*.» Такой книги, кажется, нѣтъ на свѣтѣ, и вовсе несправедливо, чтобы *всѣ* Историки приписывали Остякамъ Финнское происхожденіе. Напрошивъ, тщательно

Digitized by Google

разсматривая Остяковъ и языкъ ихъ, вообще почитаютъ нынѣ сей народъ и Самоѣдовъ древнѣйшимъ отродіемъ Турецкихъ племенъ, во времена невѣдомыя Исторіи, можетъ быть, ушедшимъ, или загнаннымъ въ сѣверъ. Самъ Г-нъ Б. подтверждаетъ сіе мнѣніе тѣмъ, что Остяки, ни языкомъ, ни видомъ и ничѣмъ не похожи на Финновъ.

Обмерзшіе, такъ сказать, въ сѣверномъ холодѣ, жители неблагодарной земли, бѣдные кочующіе звѣроловы, обижаемые издревле сильнѣйшими народами, потомъ болѣе 300 лѣтъ покорные Рускимъ, Остяки, разумѣется, теперь не похожи на своихъ южныхъ родичей, великорослыхъ, красивыхъ Турковъ. Они малорослы, грубы, смирны, неопрятны, добры, гостепріимны, молчаливы, удивительно ограничены въ понятіяхъ; даже не помнятъ и не умѣютъ считать далѣе 10-ти лѣтъ; вѣрятъ, что было когда-то для нихъ блаженное время, но грѣхомъ почитаютъ помышлять и говорить объ этомъ времени, чтобы не возбудить въ себѣ скорби и сожалѣнія, за что Богъ, по волѣ коего находятся они въ настоящемъ положеніи, накажетъ ихъ. Языкъ Остяцкій бѣденъ. Они дѣлятъ годъ на 13-ть лунныхъ мѣсяцевъ. Одѣваясь звѣриными шкурами, Остяки живутъ зимою въ ямахъ, надъ которыми сверху дѣлаютъ грубый шалашъ, обкладенный дерномъ. Снѣгъ, заваливая такую *юрту*, спасаетъ обитателей ея отъ холода. Въ *гувалѣ*, или каминѣ, находящемся въ каждой юртѣ, безпрерывно горитъ огонь. Въ одной

Digitized by Google

юртѣ живетъ иногда по нѣскольку семей; тутъ находятся и собаки. Олени бродятъ на свободѣ стадами. Вокругъ юрты разставляютъ наршы, на коихъ снѣгъ и пустыня берегутъ имѣніе Остяка, непомѣщаемое въ юртѣ его, какъ-то: рыболовные снаряды, и проч. — Остяки любятъ ѣсть хлѣбъ, но онъ дорогъ для нихъ. Только богатые лакомятся мучною похлебкою, или лепешками хлѣбными, вымѣнивая для сего муку у Рускихъ. Обыкновенная пища Остяка — рыба, мерзлая, сушеная, сырая. Зимою Остяки ходятъ на промыслъ звѣрей; лѣтомъ разселяются по рѣкамъ ловить рыбу и птицъ. Богатство Остяковъ составляютъ главнѣйше стада оленей. Только издохшаго оленя ѣстъ Остякъ; убить оленя заставитъ его послѣдняя крайность. Кромѣ платы ясака, Остяки обязаны содержать почтовую гоньбу по дорогамъ. Правительство запрещаетъ возить къ нимъ водку и хлѣбное вино, ибо они чрезвычайно склонны къ пьянству, готовы все отдать за водку, и пьяные приходятъ въ совершенное неистовство.

Остяки вообще считаются крещеными; но они плохіе Христіане, и Русское духовенство, по причинѣ разсѣяннаго и перемѣннаго кочеванья Остяковъ, не можетъ наблюдать за надлежащимъ исполненіемъ ими Христіанскихъ обрядовъ. Каждому новокрещенному Остяку дается крестъ и рубашка; послѣднее нерѣдко бываетъ причиною, что Остякъ приходитъ нѣсколько разъ принимать крещеніе, увѣряя, что онъ никогда еще не былъ крещенъ.

Digitized by Google

Г-нъ Б., въ проѣздъ свой черезъ Тюгушскую станцію, увидѣлъ въ юртѣ Остяка закоптѣлый образъ. «Что это такое?» спросилъ онъ. Остяки переговорили между собою, и отвѣчали: «*Кола*, Русскій Богъ,» т. е. Николай Русскій Богъ (*). — «А ваш гдѣ?» — Остяки указали на тотъ-же образъ. — Они особенно стараются укрывать отъ крещенія малолѣтныхъ дѣтей, и воспитываютъ ихъ въ своей вѣрѣ. Вѣра Остяковъ есть Шаманское идолослуженіе. Обряды при свадьбахъ, похоронахъ, и богослуженіе Остяковъ, обстоятельно описаны Г-мъ Б.—Онъ самъ не могъ видѣть всего, что разсказываетъ, ибо Остяки тщательно скрываютъ нынѣ шамановъ своихъ и идоловъ, боясь преслѣдованій. Но Г-нъ Б. пользовался достовѣрными свѣдѣніями Г-на Шаврова, бывшаго нѣсколько лѣтъ Березовскимъ окружнымъ Лекаремъ. Вообще Остяки при-

---

(*) Уваженіе всѣхъ Сибирскихъ дикарей къ Николаю Чудотворцу удивительно. Они почитаютъ его наравнѣ съ Богомъ. И не въ одной Сибири это повѣрье: Черкесы, разграбивъ церковь въ Кизлярѣ, не тронули образа Николая Чудотворца, ибо уважаютъ его наравнѣ съ Богомъ. Тунгусы и Якуты не рѣдко даютъ обѣты Николаю Чудотворцу, идя на промыслъ; потомъ они приходятъ въ церковь, и кладутъ передъ образомъ его часть добычи, въ знакъ благодарности.

Digitized by Google

знаютъ единаго вѣчнаго Бога (Торымъ), но ему придаютъ они множество подвластныхъ, злыхъ и добрыхъ боговъ. Имъ поручено отъ Торыма управлять землею и людьми. Самъ онъ ни во что не вмѣшивается, и потому его никогда не изображаютъ въ видѣ кумира. Кромѣ боговъ всякаго разбора, есть еще у Остяковъ множество низшихъ ненашовъ и божковъ, которыхъ иногда они сѣкутъ и бьютъ, если просьба не бываетъ ими услышана. Медвѣдь, близкій сосѣдъ и драгоцѣнность для Остяка, пользуется также нѣкоторыми божественными правами. Остякъ убиваетъ его, но проситъ за то прощенія, радуясь однакожь, что обманулъ и убилъ своего бога. Съ добродушною хитростью, Остякъ намазываетъ жиромъ болвана, въ его юртѣ находящагося, въ знакъ благодарности; съ умысломъ подчиваетъ его добычею, кушаньемъ, и видя, что болванъ ничего не ѣстъ и не беретъ, говоритъ: «Ну! ты не хочешь, я самъ съемъ и себѣ возьму, а ты не жалуйся потомъ.» Множество суевѣрныхъ обрядовъ пугаетъ воображеніе дикаря, но строго наблюдается имъ. О будущей жизни Остяки знаютъ только одно, что она будетъ.—Женщины у нихъ совершенныя рабыни; за нихъ платятъ калымъ при женитьбѣ; невѣрность не почитается между Остяками стыдомъ, но соблазнитель долженъ заплатить мужу безчестіе.

Съ самыхъ древнихъ временъ, мы находимъ у Остяковъ и Самоѣдовъ Князей, или властителей. Кажется, они никогда не были соединены подъ

Digitized by Google

властію одного *Князя* или *Хана*, однакожь мѣлкіе Князьки ихъ повиновались другимъ сильнѣйшимъ, или главнымъ. Сихъ главныхъ Рускіе старались покорить и уничтожить разными образами. Вотъ одинъ любопытный примѣръ: Князь Кондійскій, крещенный Остякъ, Дмитрій Алачеевъ, пожалованный Стольникомъ, и долго жившій или удержанный въ Москвѣ, наконецъ выпросился на свою родину. Его свободно отпустили, но взвели на него важное дѣло: онъ былъ уличаемъ въ томъ, что стрѣлялъ въ Кондійскѣ въ церковный крестъ. Послали Священника привезши крестъ и самого Князя въ Тобольскъ; въ 1642-мъ г. торжественно осматривали крестъ въ Тобольскѣ и открыли слѣды выстрѣла (« пулечныя язвы знать, и ножемъ вырѣзываны пульки »). Алачеевъ признался, что стрѣлялъ въ птицу, на крестѣ сидѣвшую. Его отдали подъ смиреніе, продержали шесть недѣль въ домѣ Архіепископа, и цѣлый годъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ; потомъ оставили подъ присмотромъ въ Тобольскѣ. Въ 1645-мъ г. дали ему наконецъ во владѣніе Ленскую волость близь Яренска и увезли его туда. Кондійскъ описали съ тѣхъ поръ на Царя. Алачеевъ не возвращался уже болѣе въ Сибирь. Мѣлкіе Князьки донынѣ остаются у Остяковъ, но они не имѣютъ почти никакой власти. Остяками управляютъ выборные *Старшины* и *Мировщики*. Первые ведутъ счетъ народу и собираютъ ясакъ; другіе суть судьи Остяцкіе. Одному изъ Остяцкихъ Князьковъ, *Тайшину*, Императрица Екатерина подтвердила нѣкогда грамату

Digitized by Google

Царя Алексія Михайловича на званіе Князя, и прислала малиновое бархатное платье; притомъ голубой платокъ, сафьянные, шитые золотомъ сапоги, красную шапку и коршикъ. Это заставило Самоѣдовъ и Остяковъ почитать Тайшина главнымъ надъ всѣми. Сынъ Тайшина пользовался правомъ и одеждою своего родоначальника, и внукъ посему самому донынѣ уважается Остяками и почитается главнымъ. Онъ богатъ, имѣя до 5000 оленей и до 20,000 рублей деньгами, которые бережетъ, самъ проводя бѣдную жизнь наровнѣ съ другими Остяками. Императоръ Александръ велѣлъ Самоѣдамъ выбрать себѣ особаго, главнаго безсмѣннаго Старшину. Нынѣшній главный Старшина ихъ есть Самоѣдъ *Пайголъ*, старикъ лѣтъ девяноста. Другіе, младшіе Старшины избираются ежегодно. Они обязаны взносить за себя ясакъ вдесятеро болѣе прочихъ нечиновныхъ, простыхъ Самоѣдовъ. Но таково честолюбіе въ человѣкѣ: каждый Самоѣдъ добивается чести быть избраннымъ въ Старшины, хотя сіе званіе, кромѣ убытка и пустой чести, ничего ему не приноситъ. При вступленіи на престолъ Русскихъ Государей, Остяковъ приводятъ къ присягѣ слѣдующимъ образомъ: кладутъ топоръ и медвѣжью шкуру на землю, и каждому Остяку даютъ съ ножа по куску хлѣба. Они поочередно говорятъ: «Если я не буду Государю вѣренъ, не стану платить ясака, или изъ своей земли уйду, то пусть медвѣдь меня съѣстъ, топоръ отрубитъ мнѣ голову, ножъ меня заколетъ, и кускомъ хлѣба я подавлюсь.»—Г-нъ Б. видѣлся съ Княземъ Тайши-

Digitized by Google

нымъ на станціи за Березовымъ. Князь ничѣмъ не отличался отъ подвластныхъ ему Остяковъ, и самъ правилъ своею нартою; но былъ учтивъ, и говорилъ Г-ну Б. нѣсколько разъ: «*Дорова, дорова, братъ, дорова, дорова!*» — Въ Обдорскѣ онъ пришелъ къ Г-ну Б., пилъ у него чай, но не умѣлъ взяшь въ руки чашку, и прихлебывалъ наклонясь къ скамьѣ, на которой она стояла. Онъ признавался, что вино кажется ему лучше чаю, и давалъ знашь, чтобы его поподчивали водкою, говоря: *Иски, иски* (холодно)! Потомъ приходилъ онъ разодѣтый въ платье, подаренное Императрицею Екатериною его дѣду, и чрезвычайно гордился своимъ нарядомъ передъ Остяками. — Тремъ Старшинамъ Самоѣдскимъ, въ награду за хорошее поведеніе, присланы были изъ Санктпетербурга коршики, въ серебряной оправѣ. При Г-нѣ Б. вручили имъ это Государево жалованье. Одинъ изъ нихъ вынялъ коршикъ изъ ноженъ, осмотрѣлъ его, и съ важностью сказалъ: «Хорошъ ножикъ, только не остеръ, а то хорошо-бы имъ рыбу скоблить.»

Угнетаемые суровымъ климатомъ, тяжкимъ занятіемъ звѣроловства, при дурной пищѣ и недостаткахъ, Остяки вообще недолговѣчны. Ихъ губятъ также наносныя отъ Рускихъ болѣзни, особливо оспа. Но съ 1816-го года ужасное опустошеніе производитъ между ними *сифилитическая зараза*: родъ любострастной болѣзни, соединенной съ цынгою и ревматизмомъ — почти тоже, что называютъ Англичане: sibbens. Г-нъ Б., издавшій

Digitized by Google

объ этомъ особое сочиненіе, называетъ сію губительную болѣзнь: Lues Asiatico borealis Beresoviensis. Описаніе сей болѣзни, сдѣланное Г-мъ Б., приводитъ въ содроганіе! Не скроемъ здѣсь именъ благодѣтелей человѣчества, которые старались спасти несчастныхъ дикарей отъ страданій и гибели неизбѣжной и ужасной. Бывшій въ Тобольскѣ Губернаторъ, А. М. Тургеневъ, первый обративъ вниманіе на истребленіе Остяковъ сифилитическою болѣзнію, просилъ Г-на Ауербаха, Московскаго Аптекаря, прислать потребныя лекарства. Сей почтенный гражданинъ немедленно отправилъ лекарствъ на нѣсколько тысячь рублей, не взялъ за то денегъ, и съ тѣхъ поръ донынѣ ежегодно посылаетъ лекарствъ на большую сумму, безъ всякаго возмездія. *Блаженни милостивіи!* — Д. Н. Баншышъ-Каменскій, бывшій въ Тобольскѣ Губернаторомъ послѣ Г-на Тургенева, вошелъ во всѣ возможныя подробности, и отправлялъ искусныхъ лекарей въ Обдорскъ и Березовъ; испросилъ притомъ облегченіе Остякамъ въ податяхъ; наконецъ самъ ѣздилъ въ Обдорскъ, и до того довелъ заботливость свою, что въ началѣ 1828-го года, ужасная болѣзнь была почти истреблена. Изумленные невиданнымъ зрѣлищемъ Губернатора, Остяки еще болѣе удивлялись его ласковости, кротости, попечительности. Они окружали его толпами и говорили ему: *Большой Дмитрій хорошъ, и ты, малый Дмитрій хорошъ! Большимъ* Дмитріемъ называли они бывшаго у нихъ честнаго, ласковаго Земскаго Засѣдателя Обдорскаго, Г-на Скорнякова, человѣка высокаго роста; *Малымъ* своего

Digitized by Google

добраго Губернатора, видя его небольшой ростъ. Послѣ ошъѣзда Г-на Баншыша-Каменскаго изъ Тобольска, страшная болѣзнь между Остяками усилилась, и болѣе прежняго начала губить этихъ несчастныхъ жителей Сѣвера. — Любопытно, что услышавъ о пріѣздѣ какихъ нибудь чиновниковъ въ свои селенія, Остяки бѣгутъ къ Шаманамъ, и просятъ у нихъ совѣта, какъ отвратить имъ новую, неожиданную бѣду (см. соч. Г-на Б. стр. 108). Не дивитесь, вспомнивъ глупость и невѣжество бѣдныхъ Остяковъ! Пріѣздъ приказнаго человѣка кажется имъ бѣдою, наравнѣ съ голодомъ и неудачею на охотѣ.

Г-нъ Б. описываетъ и *Самоѣдовъ*, которыхъ видѣлъ онъ на Обдорской ярмаркѣ. Но это описаніе весьма кратко, и, большею частію, основано на разсказахъ другихъ самовидцевъ. Мы не будемъ распространяться въ выпискахъ изъ онаго.

Самоѣды живутъ далѣе въ сѣверъ, за Обдорскомъ. Кочевья ихъ вообще занимаютъ протяженіе самыхъ береговъ Ледовитаго моря, отъ Мезени до Хашанги, въ губерніи Архангелогородской, Тобольской и Енисейской. Самоѣды, живущіе по сю сторону Уральскихъ горъ, обращены въ Христіанство. Но Сибирскіе, удаленные отъ жилищъ Русскихъ, суть грубые идолопоклонники. Удаленіе это спасаетъ однакожь Самоѣдовъ отъ многаго, что терпятъ Остяки, и Самоѣды всячески стараются скрываться отъ Рускихъ, выѣзжая только за взно-

Digitized by Google

сомъ ясака въ Обдорскъ (*). Они называютъ себя: *Хазово* (*Хазъ* — самъ; *ово* — одинъ). Языкъ ихъ отличенъ отъ Остяцкихъ нарѣчій (которыя опять различны одно отъ другаго). Вообще, уединенное кочеванье Самоѣдовъ дѣлаетъ то, что они здоровѣе, богаче, добродушнѣе и самобытнѣе Остяковъ. Они живутъ не въ юртахъ, но въ *чумахъ*, или коническаго вида палаткахъ, укрытыхъ оленьими кожами. Замѣчательно, что Самоѣды нигдѣ не собираются въ селенія, и не живутъ обществами, подобно Остякамъ. Напротивъ, только по два, по три семейства Самоѣдскія кочуютъ вмѣстѣ, никогда не болѣе, и такимъ образомъ на обширномъ пространствѣ покрыты одинокими жилищами сихъ дикарей тундренные, мертвые берега Ледовитаго моря.

Мы не выписываемъ здѣсь многихъ любопытныхъ подробностей изъ книги Г-на Б., предоставляя самимъ читателямъ узнать вполнѣ путешествіе это, замѣчательное, сколько по откровенности, съ ка-

---

(*) Когда прибыла къ нимъ экспедиція, посланная изъ Архангельска, для описи береговъ Ледовитаго моря, Самоѣды испугались ея прибытія, и говорили начальнику оной: «Зачѣмъ ты сюда идешь? Тутъ земля никуда не годится; даже моху для оленей нѣтъ на ней!» —

Digitized by Google

кою говоритъ Авторъ, столько и по многимъ ученымъ наблюденіямъ, касательно естествопознанія сѣверной оконечности Сибири, по теченію Оби до Ледовитаго моря. Такъ, напримѣръ, Г-нъ Б. прилагаетъ къ книгѣ своей наблюденія и очерки, относительно кристаллизаціи Сѣверныхъ снѣговъ; таблицы растеній, произрастающихъ отъ Обдорска до Ледовитаго моря; таблицы звѣрей, птицъ, тамъ водящихся, или туда прилетающихъ. Ему любопытно показалось приложить еще письмо, писанное Гумбольдтомъ, изъ Берлина, къ Г-ну Альберту, Инспектору Тобольской Врачебной Управы. Впрочемъ, письмо это не важно, и лучше-бы подарить читателей *снимкомъ* этого письма, если уже имя Гумбольдта должно придавать важность всякой строчкѣ, начертываемой перомъ сего знаменитаго ученаго. — Г-нъ Б. присовокупилъ еще къ книгѣ своей нѣсколько рисунковъ: этими рисунками мы остаемся недовольны. Они литографированы и раскрашены не дурно; но ловкая рука художника, писавшаго ихъ (Г-на Жерена), кажется, уже слишкомъ слѣдовала правилу Классиковъ: *украшать грубую природу*. Остяки и Самоѣды являются у Г-на Жерена какими-то щеголями, одѣтыми въ маскарадъ, а не грубыми, запачканными дикарями отдаленнаго Сѣвера. Князь Тайшинъ, судя по портрету его, прекрасный, щегольски одѣтый мужчина; юрты и чумы Остяковъ и Самоѣдовъ годятся для театральныхъ декорацій и для альбомныхъ пейзажей; послѣ сего, нечего уже и говорить, что они не даютъ настоящаго понятія о предметѣ.

Digitized by Google

Лингвистика пріобрѣтаетъ въ книгѣ Г-на Б. драгоцѣнный подарокъ: собраніе 360-ти словъ Остяцкихъ, притомъ небольшое собраніе фразъ, и переводъ молитвы: *Отче нашъ.* Сличая Остяцкія слова, представляемыя Г-мъ Б., съ Остяцкими словами, какія передалъ намъ Палласъ, мы находимъ нѣкоторую разницу. Такъ, напримѣръ: счетъ Остяковъ, у Палласа — ot, kettö, cholym, niil, öt, ochot, labut, nuul, jirte'n, ijani; у Г-на Бѣлявскаго — *итъ, катъ, холымъ, нелъ, ветъ, хотъ, лабытъ, ніилъ, ерт-янъ, янъ.* — Слово: *солнце*, Палласъ переводитъ: nai, а *день* — chatl'; у Г-на Б. *хатлъ*, значитъ *солнце*, а день — *хитлъ.* — Мы охотнѣе вѣримъ Г-ну Б., ибо Палласъ, будучи иностранцемъ, худо зная Русскій языкъ, на которомъ объяснялся съ переводчиками, легко могъ ошибаться. — Замѣчательно, что при переводѣ Молитвы Господней, никакъ не могли передать на Остяцкій языкъ фразы: *избави насъ отъ лукаваго.* Для этой идеи, у Остяковъ *нѣтъ словъ.* Выписываемъ для любопытныхъ Остяцкій переводъ вполнѣ: «*Му азе ну воль но мыль; хутлисъ номенъ ны; шотча тагенъ нынъ; воляенъ нынъ, хазпа номынъ и мууоктына; нянъ мунемъ серца міяму-ненъ интамъ; и хызипта муемъ артны, и сиды муемъ хызипта артна;* лу альессла мыгытъ мыемъ куль ельты.» Послѣдняя длинная фраза показываетъ, что слова: *и не введи насъ во искушеніе*, переведены *перифразически*, по причинѣ трудности заключеннаго въ ней понятія. Жаль, что не объяснено *каждое Остяцкое слово* отдѣльно и подробно, и потому

Digitized by Google

мы не знаемъ: какъ понимали, и въ какомъ порядкѣ становили переводчики слова — буквально съ Русскаго, или слѣдуя свойствамъ Осетинскаго языка?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Эпикуресцъ.* Сочиненіе Томаса Мура. Перевелъ А. Савицкій. 2 части. СПб. 1833. Въ т. Медицинск. Деп. Мин. Внутр. дѣлъ. 193 и 159 стр., in-12.

При появленіи сего романа (a tale), извѣстный Вильменъ напечаталъ въ одномъ Французскомъ Журналѣ рецензію онаго, съ которою мы совершенно согласны. Вотъ она, почти отъ слова до слова.

« Томасъ Муръ избралъ для своего романа эпоху величайшаго переворота въ умѣ человѣческомъ, третье столѣтіе нашей эры. Если есть поэтическій предметъ по вкусу нашего вѣка, поэтическій для размышленія и для перваго взгляда, то

Digitized by Google

конечно это картина Христіанства, прежде политическаго его водворенія, это изображеніе древняго Римскаго міра и устарѣвшаго его вѣрованія, различныхъ его философій и дряхлой его образованности, изъ среды коей возникаетъ новое, преслѣдуемое общество, какъ будто соединившее въ себѣ всю пылкость дѣятельности и жизни, оживлявшей нѣкогда свободныя Государства въ Греціи и въ Италіи. Римская Имперія заключала въ своихъ границахъ всю образованность извѣстнаго тогда міра, Грецію, Египетъ, Сирію, Іудею. Приказы Императоровъ строго запрещали всякой признакъ свободы народной, всякое собраніе, всякое сообщество. Траянъ уничтожилъ даже братство ремесленниковъ въ одномъ Азійскомъ городкѣ; а между тѣмъ, въ это время Христіанство распространялось, отъ Іерусалима до Ліона, съ удивительною быстротою и считало уже тысячами свои небольшіе отдѣлы.

« Что это было въ третьемъ столѣтіи? Невѣдомыя общества уже побѣдили общество Римское; развился новый нравственный міръ; переворотъ совершился въ умахъ, хотя еще и не былъ признанъ законами. Преслѣдуемыя новыя мнѣнія являлись повсюду, вмѣшивались во все, воздвигали церкви подлѣ храмовъ, пріобрѣтали единомышленниковъ даже во дворцахъ Цезарей, и были уже покровительствуемы страстями, отъ которыхъ отрекались.

« Однакожъ, и древнія мнѣнія преобразовывались,

Digitized by Google

для своей защиты: великій признакъ слабости и одряхлѣнія. Полиѳеизмъ скрѣпляли и починивали философы, юрисконсульты, судьи, всѣ нѣкогда раздѣленные, но тогда уже чувствовавшіе, что Христіанское преобразованіе не останавливается и увлекаетъ весь древній міръ. Во время продолжительнаго мира въ Римѣ, едва прерываемаго немногими походами прошивъ варваровъ, на оконечностяхъ Имперіи, эта невидимая война умовъ, это сраженіе вѣрованій занимали и забошили всѣхъ. . . . Но естественныя сердцу человѣческому привязанности сохранялись подъ этою религіозною формою, которая обнимала всего человѣка. Онѣ должны были различно преобразоваться отъ нея, и этотъ великій переворотъ общества былъ прежде всего обновленіемъ внутренняго человѣка.

« Вотъ сколько предметовъ для живописи тому, кто умѣлъ-бы открыть ихъ, взять изъ современныхъ сочиненій, или постигнуть, передѣлать воображеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Исторія, здѣсь еще болѣе оффиціяльная нежели въ другомъ мѣстѣ, разсказываетъ изъ этой первоначальной эпохи немногія общественныя событія, представленныя особеннымъ образомъ. Проникните въ нее воображеніемъ; заставьте его обозрѣть всю дѣйствительную и общую жизнь этой эпохи; соберите отвсюду, возьмите у людей, бывшихъ героями, мучениками, ораторами раждавшихся вѣрованій, множество чертъ нравовъ и страсти; разсмотрите свидѣ-

Digitized by Google

шельства языческія, въ тѣхъ изуродованныхъ обломкахъ, которые еще остаются отъ нихъ. Откройте предразсудокъ политеиста, пережившаго свое вѣрованіе, и его ложную вѣру, поддерживаемую страстью политическою. Послѣ этого, если оригинальные памятники вдохновляютъ васъ, осмѣлитесь описать сіи времена, оживите умершія мнѣнія, создайте лица, носящія ихъ въ себѣ, окружите ихъ, если можете, обычаями, Искусствами, погдашнею жизнію, и, можетъ быть, вы будете историкомъ-поэтомъ; можетъ быть, самымъ вымысломъ своимъ, вы заставите меня понять истину великой эпохи.

« Но, кажется, Томасъ Муръ не принялъ на себя такого труда. Онъ прямо кинулся на кой-какія противоположности, очень поверхностныя и очень общія. Имя Христіанина напоминаетъ идеи строгости и пожертвованія; поставимъ-же, для антитезы ему, Эпикурейца: это страхъ какъ естественно. Прибавимъ какихъ нибудь языческихъ жрецовъ, бездѣльниковъ, которые фигляряютъ въ своихъ храмахъ; потомъ, какую нибудь молодую дѣвушку, Христіанку, которая умретъ мученическою да пустынника въ Ѳиваидѣ, да какія нибудь описанія, блистающія восточною роскошью. И книга готова.

« Да; но что узнаете вы изъ этой книги? Это неконченная мозаика, гдѣ вставлены разныя частицы Древности, собранныя изъ вторыхъ рукъ: посвященіе въ Египетскія таинства, взятое изъ ро-

Digitized by Google

мана Сешоса, пустыня Оиваиды, взятая изъ Шатобріана, описаніе Египта, взятое изъ всѣхъ; но ничего нѣтъ оригинальнаго, почерпнутаго изъ источника. Видно, что Авторъ не привыкъ къ Древнимъ, и нѣтъ у него языка Древности: это обличается при самомъ началѣ книги. Съ первой страницы, мы на празднествѣ, даннóмъ во время Императора Валеріана, сектаторами Эпикура въ Аѳинахъ. Много Дорическихъ мраморовъ, много танцевъ и музыки въ изображеніи этого празднества, которымъ хотятъ ознаменовать избраніе новаго начальника въ Эпикурейскомъ клубѣ; но тотчасъ видно, что мы не въ Аѳинахъ, не среди послѣднихъ учениковъ философской секты Греціи. Авторъ говоритъ намъ о Горація и Плиніи Старшемъ, какъ о славныхъ Эпикурейцахъ, которыхъ бюсты находятся посреди пирующихъ. Для чего-же Плиній Старшій? Для того что онъ показываетъ себя атеистомъ, матеріялистомъ, въ Предисловіи къ своей Естественной Исторіи; но по этому онъ еще не ученикъ Эпикура. Сверхъ того, Греки третьяго столѣтія, философы или язычники по преданію поэтическому и литературному, не заботились о Римлянахъ. Лукіанъ, Цельзій, Порфирій, Юліанъ не упоминаютъ никогда ни объ одномъ Римскомъ писателѣ; Римляне были для нихъ варвары, пришлецы, которые ничего не значили въ религіи и въ философіи. Это самое есть уже черта нравовъ, достойная заняться мѣсто въ изображеніи того времени.

« Въ другомъ мѣстѣ, Томасъ Муръ приводитъ

Digitized by Google

своего Эпикурейскаго героя въ столицу Египта, заставляетъ его въ одинъ вечеръ плыть по Нилу и пристать къ одному небольшому павильону, гдѣ находитъ онъ прекрасное общество, которое зналъ еще въ Мемфисѣ. Его сажаютъ за столъ, подлѣ женщины, закрытой покрываломъ, безмолвной и неподвижной. Какъ изумился онъ: покрывало было накинуто на мертвую голову. Это Муръ называетъ живописью нравовъ! Но если существовалъ когда нибудь въ Египтѣ странный обычай, имѣть подлѣ себя за столомъ мертвую голову, если это и не сказка Діодора Сицилійскаго, то по крайней мѣрѣ достовѣрно, что этого обычая уже не было въ третье столѣтіе нашей эры. Климентъ Александрійскій не сказываетъ вамъ ни о чемъ подобномъ. Слѣдственно, Томасъ Муръ не живописуетъ нравовъ, а сбираетъ анахронизмы. Египетъ, который описывалъ онъ, уже былъ не древній, темный для насъ Египетъ Фараоновъ, а Египетъ наполненный Жидами, Сирійцами, Греками, гдѣ занятія торговлею и общественными дѣлами смѣшивались съ дѣятельностью теологическою, гдѣ безпрестанно являлись ереси, интриги, возмущенія, гдѣ бывало по двадцати вѣроисповѣданій въ одномъ городѣ, гдѣ обожали въ одно время и Христа Спасителя и Сераписа. Такъ описывали его Императоръ Адріанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ и Аѳанасій.

«Мѣстныя краски въ сочиненіи Мура ложны, произвольны, безъ современности и безъ характера;

Digitized by Google

остаются еще лица и происшествія. Здѣсь вымыслъ является опять слишкомъ безплоднымъ всравненіи съ истиною. Одинъ изъ учениковъ Вольтера и осмнадцатаго столѣтія, Виландъ, хотѣлъ, въ своемъ Peregrinus Proteus, написать родъ соблазнительной лѣтописи первобытной Церкви. Съ намѣреніемъ, дерзко безбожнымъ, представляетъ онъ, что во время Марка Аврелія, Христіанство распространяется въ Азіи разсчитанною смѣлостью негодной Церинты, и обольщеніями сестры ея, бывшей актрисы и пантомимки Римскихъ Театровъ. Въ этомъ зломъ вымыслѣ, онъ могъ ссылаться на многія мѣста, гдѣ Христіане упоминаютъ, что они приняли къ себѣ заблуждавшихся женщинъ, разбойниковъ, и прочихъ гибнувшихъ людей. Но онъ злобно представилъ это дѣйствіе Христіанскаго милосердія, желая обезобразить картину великаго нравственнаго переворота, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ страницъ, гдѣ искусно, хотя и поверхностно описана Христіанская фамилія *Іоаннитовъ*, сочиненіе его есть не иное что, какъ ученая сатира, въ которой ядовитость уничтожаетъ истину.

«Муръ пишетъ съ намѣреніемъ не меньше скептическимъ, но больше безпристрастнымъ. Онъ кажется и невѣрующимъ, и снисходительнымъ, готовымъ воспламенишься отъ того, чему не вѣритъ, и оцѣнить воображеніемъ нравственное величіе вѣры, къ которой онъ равнодушенъ въ совѣсти. Такой взглядъ, конечно, заключаетъ въ себѣ больше поэзіи; но все еще не довольно.

Digitized by Google

Чувствуешь какой-то холодъ и беззаботность, переходящіе отъ писателя къ его лицамъ. Муръ, кажется, столько-же дорожитъ религіознымъ раздоромъ, какъ Историкъ Юмъ. А можно-ли съ такими чувствами изобразить Христіанскія души третьяго столѣтія? Его Эпикурейскій философъ обратился къ Христіанству, какъ будто съ досады, когда замучили при немъ молодую его любовницу. Въ *постъ-скриптумѣ* прибавлено, что этотъ философъ умеръ также мученикомъ, во время Діоклитіана, прилѣпившись къ сектѣ Арія, и что послѣдователи Аѳанасія лишили его должной почести. Это маленькая и очень благоразумная выходка новѣйшей терпимости; это эпиграмма; но ея недостаточно для изображенія третьяго столѣтія. Спрашиваемъ: почему Авторъ не представилъ нѣкоторыхъ изъ ересей Христіанскихъ, съ ожесточеніемъ сражавшихся даже подъ топоромъ общаго преслѣдованія? Отношеніе между этими различными ересями и духомъ народовъ, принимавшихъ оныя; пестрота Восточной Философіи, вмѣстѣ съ Христіанствомъ; общества, обвинявшія одно другое въ тѣхъ-же преступленіяхъ, въ которыхъ язычники обвиняли всѣхъ Христіанъ: это, кажется, была сцена, превосходная для разнообразія характеровъ. Удивительное дѣйствіе женщинъ въ Христіанствѣ также заслуживало быть олицетвореннымъ. Можно-ли было для этого удовольствоваться робкою физіогноміей юной Алеѳы? Тогда были женщины, предводительницы сектъ, вдохновенныя; тогда множество молодыхъ дѣвицъ переписывало сочиненія кра-

Digitized by Google

снорѣчиваго Оригена. Общій энтузіазмъ міра былъ всего болѣе оживленъ въ женщинахъ. Онѣ призирали преслѣдуемыхъ, ободряли мучениковъ, обращали, помогали, ушѣшали. Великая роль, которую женщины играли въ новой образованности, и которая почти невѣдома Древности, началась вмѣстѣ съ Христіанствомъ. Религія, смиряющая и преслѣдующая наслажденія, возвысила состояніе и характеръ женщинъ.

«Жалѣемъ, что Томасъ Муръ, одаренный блестящимъ, гибкимъ воображеніемъ, не обнялъ этого богатаго разнообразія своего предмета. Жалѣемъ, что онъ не имѣлъ идеи, создать Эпикурейскаго философа и сдѣлать его зрителемъ тогдашняго міра, волнуемаго столькими вѣрованіями; что онъ не провелъ его отъ секты къ сектѣ, и не осшановилъ убѣжденнаго или утомленнаго этимъ волненіемъ. Какъ любопытно было-бы разсмотрѣть Римскій міръ третьяго столѣтія, столь разнообразный, многовидный, столь живой мыслію, подъ гнетомъ однообразнаго рабства! Для чего не показалъ онъ, на этомъ обширномъ сходбищѣ, Жида, энтузіаста, упорнаго въ своей древней вѣрѣ, какого показываетъ мнѣ Святой Іустинъ, Жида *Эллинскаго*, испорченнаго Искуствами Греціи, Грека-Платоника, желающаго передѣлать свою вѣру умомъ, истиннаго Эпикурейца, какимъ былъ Цельзій, не вѣрующаго язычеству и вмѣстѣ врага Христіанъ? Наконецъ, сами Христіане, столь различные въ своихъ мнѣніяхъ, столь сходные другъ

Digitized by Google

съ другомъ въ энтузіазмѣ, были-ли они меньше Пуританъ семнадцатаго столѣтія любопытны для изображенія? А какое очарованіе бросило-бы на эту каршину восточное освѣщеніе, озаряющее Христіанство при его восхожденіи! И если-бы самъ писатель былъ взволнованъ, если-бы одушевился онъ религіозною страстью тѣхъ временъ, если-бы иногда тревожимый сомнѣніемъ, иногда успокоиваемый вѣрою, онъ искалъ истины среди самыхъ восторговъ воображенія, то какой прелести не соединилъ-бы онъ съ этими изображеніями, учеными, и вмѣстѣ простодушными!

« Но Томасъ Муръ не принялъ на себя такого труда. Онъ думалъ расплатиться съ читателемъ нѣсколькими описаніями, сіяющими восточною роскошью. Онъ собралъ перлы и рубины Индіи, уже блистявшіе въ его *Лалла-Рукѣ*, и бросилъ ихъ намъ въ безпорядкѣ. Неопредѣленное и великолѣпное изображеніе мѣстъ и никакого изображенія людей: вотъ его сочиненіе. Это изящный предметъ, который не удался человѣку съ дарованіемъ. »

Намъ остается сказать о Русскомъ переводѣ. Его не льзя назвать хорошимъ, однако не льзя причислить и къ дюжиннымъ. Прелесть слога, изящество и какая-то роскошь выраженій подлинника, не сохранены Русскимъ Переводчикомъ. Въ замѣну этого недостатка, онъ, кажется, старался избѣгать темноты и нелѣпости выраженій. Есть однакожь въ книгѣ его слѣдующія фразы: « При каждомъ *поворотѣ* что нибудь новое обворожало

Digitized by Google

слухъ или зрѣніе. Иногда изъ *глубины рощи*, ошкуда стремился ручей, раздавались звуки мусикійскаго хора; сливаясь съ журчаніемъ водъ, онъ (?) казался голосомъ ихъ (?) невидимаго хранителя-генія; въ другихъ мѣстахъ сіи-же зкуки вылетали изъ *чащи цвѣтовъ*, или, *мнилось*, *изъ-подъ земли*, какъ будто прикосновеніе ноги къ нѣкоей струнѣ приводило все въ движеніе (стр. 11-я).» Не хорошо!

— *Послѣдній годъ власти Герцога Бирона.* Повѣсть, взятая изъ старинной архивы моего дѣдушки. 4 части. М. 1833. Въ Университ. т. 211, 185, 220 и 223 стр. in-12.

Въ наше время является такъ много романовъ, что безъ сомнѣнія можно почесть ихъ любимымъ чтеніемъ публики. Для многихъ, это мысль не только вѣрная, но даже пошлая: ее доказываютъ Журналы современные, безпрестанно повторяющіе тоже, что сказали мы здѣсь въ первыхъ строкахъ. Нечего стыдиться пошлыхъ мыслей, когда онѣ вѣрны истинѣ; только не надобно-же пользоваться ими и до такой степени, что онѣ становятся однимъ пустымъ звономъ, похожимъ на звонъ многихъ эпиграфовъ въ Русскихъ романахъ. Всякая мысль хороша въ своемъ мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, появленіе Русскихъ романовъ совсѣмъ не подтверждаетъ упомянутой мысли. Публика, и чужеземная и Русская, любитъ романы, но безъ сомнѣнія хорошіе, а не всѣ, какіе пишутся и печатаются въ

Digitized by Google

наше время. Что̀ о̀значаютъ наши романы? Неужели пишущіе ихъ у насъ всѣ находятся на-равнѣ съ вѣкомъ, и пишутъ по вдохновенію времени. Неужели много у насъ писателей, живущихъ не въ прошедшихъ вѣкахъ? А произведенія запоздалыхъ людей, могутъ-ли быть любимы публикой? По нашему мнѣнію, есть двѣ, совершенно посторонніе Искусству причины, которыя порождаютъ у насъ романы десятками. Первая причина: подражаніе нѣкоторымъ писателямъ иностраннымъ, живущимъ дѣйствительно умомъ нашего вѣка; другая: мелочные, противные Искусству разсчеты корыстолюбія. Иной за сто рублей готовъ не только оскорбить Искусство, но, пожалуй, удавить и самого Аполлона со всѣми Музами. Многія романическія дурачества принесли Авторамъ ихъ по двадцати, по сороку тысячъ рублей, а это обольстительно для литтературныхъ калѣкъ. Они пишутъ, разсчитывая на легковѣріе публики, и, къ счастію, не рѣдко довольствуются сотнею рублей, которую изъ жалости броситъ имъ книгопродавецъ за ихъ жалкій трудъ. Можетъ быть это отучитъ ихъ тратить напрасно время, которое могли-бы они съ пользою употребить на занятіе рыбною ловлей или хотъ вязаньемъ чулковъ. Публика наша отнюдь не привязана къ чтенію романовъ: она вообще любитъ сочиненія хорошія, какого-бы рода ни были они.

Неизвѣстный Авторъ книги, о которой должны мы говорить здѣсь, не имѣлъ въ виду никакихъ разсчетовъ анти-литтературныхъ: въ этомъ мы увѣрены. Онъ просто хотѣлъ напи-

Digitized by Google

сашь хорошую книгу; успѣлъ-ли въ этомъ, пусть судятъ его читатели. Въ качествѣ читателя, я нахожу, что успѣхъ его не великъ. Заглавіе книги обѣщаетъ многое, а въ книгѣ многаго нѣтъ. Бирон, Аристократія, игравшая при немъ столь важную роль, Анной Ульрихъ и супруга его, мгновенная Правительница Россіи, борьба всѣхъ этихъ силъ, интриги и замыслы дворскіе, состояніе тогдашней: это обольстительно для воображенія пылкаго, которое можетъ создать себѣ такой идеалъ, какого нѣтъ и слѣда въ романѣ: *Послѣдній годъ власти Герцога Бирона.* Романъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ, совершенно различныхъ частей. Напримѣръ, Галицкая помѣщица Крупицына, живетъ, по тяжебному дѣлу, въ Петербургѣ. У нея дочь, Катя, совершенство-дѣвушка, ни сколько не похожая на свою маменьку, глупую, скупую, невѣжду. Въ Катю влюбленъ Алексѣй Думскій, офицеръ, служащій въ Петербургѣ, и сосѣдъ ея по имѣнію. Ихъ приключенія идутъ своимъ чередомъ, безъ всякой связи съ другими происшествіями. Открывается въ окончаніи романа, что Катя была дочь не Крупицыной, а Полковника Лесли. Алексѣй Думскій женится на ней. — Другой рядъ происшествій видимъ въ исторіи Блистановыхъ, отца мудраго и сына вѣтренаго; первый нѣсколько времени представляетъ нѣчто таинственное; второй увозитъ дочь Г-жи Бренской, Наташу; отецъ и сынъ поселяются въ Галичѣ, и молодой Блистановъ, послѣ смерти первой жены своей, женится на сестрѣ Алексѣя Думскаго.—Совсѣмъ

Digitized by Google

отдѣльная исторія о заговорщикѣ, мерзавцѣ Крейцбургѣ, будто-бы главномъ виновникѣ сверженія Бирона. Наконецъ идутъ коротенькія вводныя исторіи Лесли, Шлендиной, Кадилина, Басова, Евгенія Думскаго, и проч. Для всего этого Биронъ совершенно постороннее лицо. Онъ является два, три раза, и то въ ложномъ видѣ, ибо мы не думаемъ, чтобы онъ могъ разыгрывать роль Димитрія Самозванца Сумароковскаго, бредить опасностью и проклинать себя. Исторія его дополнена разсказомъ полу-историческимъ. Надобно-ли прибавлять, что все это обставлено изображеніемъ быта сельскихъ дворянъ, мужичковъ, провинціяловъ въ столицѣ, и прочихъ, необходимыхъ лицъ романа Русскаго? Жаль только, что Авторъ безъ дальнихъ соображеній списывалъ это съ нынѣшняго быта Русскаго, такъ что для познанія прежнихъ нравовъ книга его представляетъ не многое.

Не льзя не сказать нѣсколькихъ словъ о находящемся въ концѣ романа *Заключеніи*, гдѣ Авторъ, уже отъ своего лица, говоритъ: «Я придерживался, «сколько могъ, вкуса тѣхъ изъ современныхъ мнѣ «читателей, которые составляютъ большинство «голосовъ въ публикѣ, и слѣдовалъ въ томъ на«ставленію Вольтера:

Le public est le maître, il faut bien le servir;
Il faut pour son argent lui donner ce qu'il aime.»

Тоесть: «Публика нашъ господинъ: надобно служить ему, и за его деньги давать то, чего онъ

Digitized by Google

хочешь!» Прекрасное правило!.. И такъ Авторъ почитаешь себя не поэтомъ-властителемъ, а слугою тысячеглаваго чудовища? Хошь-бы не сказывать этого! Сверхъ того, Авторъ самъ пишетъ, что не льзя угодить на вкусъ всѣхъ, а публика что-же иное какъ не *всѣ* читатели? Надобно служить (въ Литтературѣ) одной головѣ, одному сердцу: своимъ собственнымъ. Если вы не превышаете другихъ, если вы не сильнѣе многихъ, то не ожидайте пощады отъ публики. Она въ самомъ дѣлѣ почитаетъ слугами тѣхъ писателей, которые не умѣютъ сами повелѣвать ею.

«Въ заключеніе скажу,» прибавляетъ Авторъ, «что трудность имѣть о многихъ предметахъ «точныя и подробныя свѣдѣнія, была мнѣ не ма- «лымъ препятствіемъ въ описаніи отечественныхъ «нравовъ и обычаевъ прошлаго столѣтія. Созна- «юсь: многое хотѣлъ-бы сказать, не не могъ по «объявленной причинѣ; а многое и могъ-бы сказать, «но не хотѣлъ, по причинѣ *новости предмета.*» Но развѣ Авторъ сочинялъ статистическое описаніе, для котораго ему были нужны *точныя и подробныя свѣдѣнія?* Онъ принялъ на себя обязанность поэта, а поэтъ проникаетъ въ самую отдаленную глубь вѣковъ и видитъ болѣе цифирныхъ статистиковъ, безъ помощи таблицъ и оффиціяльныхъ справокъ. Если-же совершенно не было *данныхъ* для описанія нравовъ, то зачѣмъ и описывать ихъ? Мы не думаемъ также, чтобы онъ *могъ* и *не хотѣлъ* сказать многаго *по причинѣ новости предмета.* Неуже-

Digitized by Google

ли онъ полагаетъ, что сочиненіе его сдѣлалось-бы лучше, если-бы онъ болѣе и смѣлѣе говорилъ о правленіи Бирона? Можетъ быть, въ романѣ его было-бы тогда больше историческихъ подробностей, но поэзія сочиненія и работа художника остались-бы тѣже. Художнику надобно творчество, а не разгулье по историческимъ *казусамъ*.

Мы распространились нѣсколько въ разборѣ понятій Автора объ Искусствѣ, потому что считаемъ это главною нашею обязанностью. У насъ имѣютъ такія ложныя понятія о Теоріи Словесности, и до такой невнимательности дошли къ истиннымъ правиламъ этого великаго Искусства, что еще не довольно будетъ гремѣть о нихъ и во сіе трубъ Магаммедовыхъ.

— *Письма о войнѣ въ Россіи 1812 года.* Сочин. Пюибюска, Генер.-Обер.-Провіантмейстера войскъ Наполеоновыхъ. Переводъ Александра Рюмина. М. 1833. Въ Университетск. т. 216 стр. in-12.

Походъ Наполеона въ Россію былъ, и конечно будетъ еще, предметомъ безчисленнаго множества сочиненій. Событіе это, имѣвшее великія послѣдствія, такъ важно и занимательно для читателей всякаго рода, что каждая черта, каждая подробность, дополняющая изображеніе гибели Наполеоновой арміи, могутъ обратить на себя вниманіе; потому-то публика съ любопытствомъ при-

Digitized by Google

нимаетъ всякую книгу о войнѣ 1812 года. Книга Пюибюска принадлежитъ однакожь къ самымъ незанимательнымъ сочиненіямъ. Ничего нѣтъ въ ней, кромѣ браней и жалобъ прошивъ Наполеона! Авторъ занималъ довольно важное мѣсто, оставаясь въ Смоленскѣ для распоряженія собранными шамъ хлѣбными запасами; онъ могъ-бы предстаивить намъ любопытныя статистическія подробности; но вмѣсто этого онъ описываетъ уже извѣстные всѣмъ случаи войны, описываетъ на-обумъ, безъ справокъ, безъ соображеній, шакъ что словамъ его еще не льзя и вѣрить. Такой недосташокъ въ исторической книгѣ дѣлаетъ ее никуда негодною. Кажется, это и было причиной, что сочиненіе Пюибюска, изданное въ подлинникѣ еще въ 1817-мъ году, не обрашило на себя ни малѣйшаго вниманія и не было авторишетомъ ни для кого и ни для чего. Слава Автора шакже не безупречна. На немъ, съ другими провіантскими чиновниками, остававшимися въ Смоленскѣ, лежитъ великое обвиненіе самого Наполеона, который думалъ оживить свою армію собранными въ Смоленскомъ Депо запасами, ибо по счетнымъ книгамъ были они весьма огромны, но нашелъ, что большая часть ихъ расхищена.

Въ *Письмахъ* своихъ, Пюибюскъ шакже не показываетъ большой приверженности къ бывшему своему повелителю, и если въ самомъ дѣлѣ шакъ думалъ онъ о Наполеонѣ въ 1812-мъ году, какъ увѣряетъ въ шомъ какого-шо друга, то мы гошовы вѣрить о Г-нѣ Пюибюскѣ всему и не можемъ имѣть

Digitized by Google

къ нему уваженія. Человѣкъ, называющій самыми оскорбительными именами своего властителя, и вмѣстѣ съ этимъ ожидающій отъ него наградъ и разныхъ выгодъ; человѣкъ, напередъ знавшій, какъ гибеленъ былъ походъ въ Россію и не отказавшійся участвовать въ немъ; не имѣвшій довѣренности ни къ себѣ, ни къ своимъ, и послѣ проклинающій все то, въ чемъ онъ и самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.... что это за человѣкъ!... Не во многомъ успѣлъ-бы Наполеонъ, если-бы все были у него Пюибюски.

Но, къ оправданію Автора, мы думаемъ, что напечатанныя имъ письма сочинены совсѣмъ не во время пребыванія его въ Россіи, а послѣ, на досугѣ, во Франціи, и можетъ быть даже не имъ, а какимъ нибудь *составителемъ* книгъ, подрядчикомъ книгопродавца. Пюибюскъ не осмѣлился-бы писать того, что будто-бы писалъ онъ во время похода въ Россію; да мы и не повѣримъ, чтобы такъ думалъ онъ въ то время.

Вздорная эта книга переведена по-Русски очень худо. Кромѣ всякихъ другихъ недостатковъ, она во многихъ мѣстахъ лишена смысла. Напримѣръ, просимъ догадаться, что̀ означаютъ слѣдующія слова: «Едва сіи *карет* вступили въ долину, Казаки атаковали ихъ справа и слѣва, спереди и сзади, и вотъ тотъ маршъ, который долженъ былъ соединять наши силы, вмѣсто того такъ выгодно раздѣлилъ силы нашихъ непріятелей, что намъ уже нечего было дѣлать: мы начали бояться выстрѣловъ

Digitized by Google

непріятельскихъ, и нѣсколько стрѣлковъ ихъ успѣвали уже разгонять толпы наши; такимъ образомъ, посредствомъ безпрестаннаго огня, мы достигли деревни и большаго лѣса, имѣвшихъ выгодное мѣстоположеніе; занявъ его, наши солдаты нѣсколько часовъ отдохнули (стр. 179-я).» Съ подлиннымъ вѣрно.

— *Постепенныя занятія въ переводахъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій и Французскій*, изданныя Др. Ѳ. Кистеромъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ, Лекторомъ Нѣмецкаго языка при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. М. 1833. Въ т. Лазаревыхъ Института Вост. языковъ. IV и 368 стр. in-12.

—Handbuch der Geschichte und Charakteristik der schönen Literatur der Deutschen. *(Ручная книга Исторіи и Характеристика Нѣмецкой Словесности)*. Для употребленія на лекціяхъ Нѣмецкой Литтературы, изданная Докторомъ Ѳедоромъ Кистеромъ, и проч. 2 Ч. М. 1833. Въ т. Селивановскаго. XXXIV, 176, XXI и 197 стр. in-12.

Мы уже извѣщали читателей нашихъ о предпріятіи Г-на Кистера (Тел. 1833, N 1-й, стр. 159-я), и съ тѣмъ вмѣстѣ упомянули, что сей почтенный Педагогъ намѣренъ издать, въ непродолжительномъ времени, слѣдующія части своего *Курса Нѣмецкаго языка*. Съ удовольствіемъ видимъ,

Digitized by Google

что онъ не замедлилъ довершить свое предпріятіе. *Постепенныя занятія въ переводахъ* служатъ не только дополненіемъ Нѣмецкой Хрестоматіи Г-на Кистера, но и могутъ быть весьма хорошимъ пособіемъ для упражненія въ переводахъ на Французскій языкъ. Постоянно слѣдуя методѣ своей, или лучше сказать методѣ Жакото, для изученія иностранныхъ языковъ, Г-нъ Кистеръ говоритъ: « Я показалъ уже въ первой части Курса Нѣмецкаго языка, какой методѣ должны слѣдовать учащіе, чтобы вѣрно достигнуть цѣли. Впрочемъ, для основательнаго знанія языка необходимо изученіе правилъ онаго. Но изученіе правилъ можетъ быть полезно только тогда, когда уже пріобрѣтено достаточное свѣдѣніе о матеріялѣ иностраннаго языка, и когда надлежащимъ образомъ понимаетъ читаемое на ономъ. Въ семъ случаѣ самъ учащійся чувствуетъ уже необходимость изученія правилъ. Для сей-то цѣли составилъ я Руководство сіе, которое, надѣюсь, можетъ быть не безполезнымъ для учащихъ и учащихся.» Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Книга Г-на Кистера расположена такъ, что учащійся, постепенно, изъ упражненій, узнаетъ употребленіе всѣхъ частей рѣчи, въ языкахъ Нѣмецкомъ и Французскомъ. Это занимаетъ первую половину книги; въ другой помѣщены: Езоповы Басни, Анекдоты, Разговоры, Письма.

Гораздо важнѣе по предмету своему краткая Исторія Нѣмецкой Словесности, изданная нынѣ Г-мъ Кистеромъ. Эта книга, нѣкоторымъ образомъ,

Digitized by Google

входитъ въ разрядъ сочиненій ученыхъ, хотя Авторъ и предназначилъ ее собственно для употребленія на своихъ лекціяхъ. Краткость — необходимое свойство учебной книги — не помѣшала ему представить довольно полное обозрѣніе Нѣмецкой Словесности, отъ начала ея, до первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Вся книга раздѣлена слѣдующимъ образомъ. *Часть первая.* Первый періодъ. Древнѣйшія времена. Второй періодъ. Средніе Вѣка. Эпоха Франковъ. Эпоха Швабовъ и Минезенгеровъ. Эпоха Мейстерзенгеровъ. Время разцвѣтанія наукъ; основаніе Университетовъ. Первая Шлезійская школа, отъ Опица до Гоффмансвальдау и Логенштейна. Вторая Шлезійская школа. Надутый слогъ. — Ко всѣмъ школамъ и періодамъ приложены образцы ихъ слога, изъ коихъ многіе должны быть очень любопытны для юныхъ читателей. *Вторая часть* заключаетъ въ себѣ Исторію собственно Нѣмецкой Словесности, отъ 1732 до 1813 года. Это отдѣленіе книги Г-на Кистера особенно любопытно, ибо представляетъ Исторію постепеннаго разцвѣтанія и наконецъ громкой славы Нѣмецкой Словесности. Сколько знаменитыхъ именъ и предметовъ для размышленія!

Любителямъ Нѣмецкой Литтературы извѣстно, что и у самихъ Нѣмцевъ нѣтъ Исторіи оной, хорошей, полной, доведенной до нашего времени. Бушервекъ остается до сихъ поръ лучшимъ руководителемъ, не смотря на неполноту его книги, на давность ея и на нѣкоторыя пристрастныя и

Digitized by Google

односторонніе мнѣнія Автора. Новѣйшія сочиненія Менцеля и Пёлица, о томъ-же предметѣ, недостойны названія Исторій. Посему, Г-нъ Кистеръ долженъ былъ чувствовать большой недостатокъ въ матеріялахъ для своей книги; однакожь его сочиненіе довольно полно, и служитъ особенно-хорошимъ руководствомъ для первоначальнаго ознакомленія съ Нѣмецкою Словесностью. Не говоримъ уже, какимъ важнымъ пособіемъ можетъ оно быть для слушателей его лекцій, гдѣ, вѣроятно, каждое краткое упоминаніе объясняется подробнымъ изустнымъ дополненіемъ. И для всякаго читателя — это книга любопытная и полезная.

Такимъ образомъ, Г-нъ Кистеръ почти исполнилъ свое предпріятіе; говоримъ *почти*, ибо мы слышали, что онъ намѣренъ дополнить свою Исторію Нѣмецкой Словесности, извѣстіями о современномъ состояніи оной. Это было-бы чрезвычайно любопытно. Ждемъ и желаемъ этого, а между тѣмъ, видя что и въ настоящемъ видѣ своемъ, его Курсъ Нѣмецкаго языка есть книга полезная, желаемъ ей всевозможнаго успѣха. Кажется, это отчасти уже исполнилось, ибо книга сія заслужила одобреніе знатоковъ и причислена къ разряду сочиненій, употребляемыхъ въ казенныхъ училищахъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Драгоцѣнное паникадило для обители Св. Нила Столобенскаго.*—Благочестивые предки наши вѣрили тому, что благолѣпіе Божіихъ храмовъ есть одна изъ обязанностей Христіанъ. Ощдавая во всемъ славу Богу, не памятниками, но созданіемъ храмовъ ознаменовывали они торжества и бѣдствія отечества, радость и горесть свою, и въ тоже время не щадили издержекъ на украшеніе храмовъ вообще. Богатыя злашокованныя кузни, или ризы, на образа, серебряныя раки и ковчеги на мощи и другіе предметы христіанскаго благоговѣнія дѣланы были ими усердно. Золото, серебро, драгоцѣнные каменья, сіяли на одеждахъ священнослужителей, на ушваряхъ церковныхъ. Паникадилы—это великолѣпное украшеніе церквей, были также предметомъ ихъ особеннаго вниманія, и нерѣдко стоили они иждивенія большаго. Такъ Бояринъ Морозовъ, своякъ Царя Алексія Михайловича, приложилъ нѣкогда въ Успенскій Соборъ серебряное, позолоченое паникадило, находившееся тамъ до 1812 года. Оно вѣсило 113 пудовъ; на позолоту его пошло 2000 червонцевъ; мастеру за работу было

Digitized by Google

заплачено 2000 червонцевъ; серебро покупалъ Боринъ по 280 рублей пудъ.

И нынѣ не рѣдко, если не столь щедрые вклады, то неменѣе усердныя приношенія въ храмы Божіи, являютъ, что благочестіе предковъ крѣпко укоренено въ сердцахъ Русскаго народа. И нынѣ *благосіятельны* у насъ храмы Божіи.

Недавно имѣли мы случай видѣть сдѣланное въ Москвѣ, драгоцѣнное украшеніе церковное — *паникадило*, заказанное въ новостроящуяся церковь, въ обитель Препод. Нила Столобенскаго, находящуюся Тверской Губерніи, Осташковскаго уѣзда, на островѣ среди озера Селигера. Паникадило сіе устроено на счетъ монастырскій, стараніемъ Отца Архимандрита Столобенской обители, и кавалера, Павла. Работалъ его извѣстный въ Москвѣ искуствомъ своимъ, Московскій купецъ, *Иванъ Пантелеевичъ Кувшинниковъ*. Паникадило сіе мѣдное, все позолоченное, вѣсу въ немъ 45 пудовъ; діаметръ его, въ самомъ широкомъ обручѣ, 5 аршинъ, и 120 свѣчъ помѣщается въ немъ снизу до верху. Но вниманіе знатоковъ обращало на себя особенное расположеніе драгоцѣннаго паникадила.

Г-нъ Кувшинниковъ, самъ мастеръ и изобрѣтатель, рисовальщикъ и литейщикъ, не хотѣлъ сдѣлать паникадила просто изъ фигурныхъ украшеній. Онъ развилъ въ немъ идею превосходную. Вотъ мысль, какая была предположена имъ при его работѣ:

Digitized by Google

Нижній ярусъ паникадила изображаетъ *Ветхій Завѣтъ*. Тутъ находится огромная чаша изъ раковинъ и ложчатыхъ выпуклостей; сверхъ оной 12-ть лавровыхъ вѣнковъ, и въ нихъ помѣщено 12-ть *Пророковъ* Ветхаго Завѣта, провѣщавшихъ пришествіе Іисуса Христа; окрестъ ихъ Библейскіе символы. Ниже сего видѣнъ шаръ, представляющій *Землю*; на немъ изображенія *Вѣры, Надежды* и *Любви*, какъ основаній Мудрости и святой Религіи. Паникадило оканчивается гроздомъ винограда, какъ знакомъ плода, приносимаго христіанину святою вѣрою его. — Въ самомъ верху паникадила видѣнъ *Господь Саваоѳъ*, въ серебряныхъ облакахъ, среди Херувимовъ. Ниже его, въ сіяніи, *Духъ Святый*, и за шѣмъ изображеніе Ангела, держащаго крестъ и поширъ, какъ символы *Новаго Завѣта*. Ангелъ стоитъ на хрустальномъ шарѣ, проявляющемъ собою *Небо*. Тутъ блеститъ золотая надпись: *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. Ниже являются 12-ть Апостоловъ, съ символами ихъ страданій; далѣе къ низу изображенія *двенадесяти праздниковъ*, поддерживаемыя Ангелами. Кругъ, на которомъ находятся четыре *Евангелиста*, четыре символа Новаго Завѣта, и четыре Херувима, соединяютъ все сіе огромное проображеніе Новаго Завѣта съ нижними изображеніями, представляющими Завѣтъ Ветхій, о чемъ мы говорили выше. Подсвѣчники расположены снизу до верху въ приличныхъ мѣстахъ.

Общность всѣхъ сихъ изображеній и подсвѣчниковъ прекрасна. Работа и позолота паникадила

Digitized by Google

превосходныя; изображенія изящны; вообще паникадило сіе оцѣняютъ въ 25,000 рублей. Мы видѣли его въ масшерской Г-на Кувшинникова совсѣмъ собранное, и думаемъ, что повѣшенное среди огромнаго храма, освѣщенное огнемъ сша двадцаши свѣчь, оно должно бышь чрезвычайно великолѣпно. Съ особеннымъ удовольсшвіемъ бесѣдовали мы съ добродушнымъ, почшеннымъ художникомъ, кошорый напоминаешъ собою древнихъ Парамшиныхъ и Рублевыхъ. Самъ занимаясь позолошою паникадила, съ особеннымъ сшараніемъ, онъ получилъ жесшокое шрясеніе рукъ — неизбѣжное слѣдсшвіе подобныхъ заняшій! Впрочемъ, извѣсшно, что сія болѣзнь изцѣляешся, и нашъ художникъ радовался шолько шому, что кончилъ для храма Божія свое прекрасное произведеніе, дѣланное имъ полшора года, и ушѣшался шѣмъ, что оное удосшоилось вниманія и одобренія всѣхъ видѣвшихъ его. Самъ Г-нъ Градскій Глава И. М: Ярцовъ, множесшво почешныхъ купцовъ и чиновниковъ, посѣщали скромный домикъ Г-на Кувшинникова, гдѣ помѣщаешся его обширное заведеніе. Еще болѣе было сшеченіе любопышсшвующихъ просшолюдиновъ, кошорыхъ Г-нъ Кувшинниковъ принималъ безъ различія, съ Русскимъ прадѣдовскимъ радушіемъ. Нѣсколько дней въ масшерской его было сшеченіе народа безпрерывное.

— *Поправка къ сшашьѣ, помѣщенной въ N° XI-мъ Телеграфа.* — Въ N° XI-мъ Телеграфа, сшр. 475,

Digitized by Google

строка 21, говоря о Словѣ Архимандрита Кирилла Флоринскаго, говоренномъ при освѣщеніи церкви въ *Московской Императорской* Академіи, 1742 года, Сочинитель библіографическаго извѣстія о семъ *Словѣ*, въ скобкахъ поставилъ вопросительнымъ образомъ, подлѣ прилагательнаго: «Московской,» другое прилагательное: *Медико-Хирургической?*—Немного надобно имѣть Историческихъ свѣдѣній, для рѣшенія сего вопроса; стоило только заглянуть въ какой нибудь календарь, и тамъ, въ *Хронологіи вещей достопамятныхъ*, прочитать, что нынѣшняя Московская Мед. Хир. Академія основана въ 1808 году. Но его сбили слова: *Московская Императорская* Академія? Что это была за *Академія?* Не было-ли тогда въ Москвѣ что нибудь основано въ родѣ Медико-Хирургической Академіи, и потомъ разрушено? Такихъ начатыхъ и впослѣдствіи оставленныхъ предпріятій можно насчитать десятки. Однимъ словомъ, прилагательное: *Медико-Хирургическая*, терзало поставившаго это слово, лишало его пищи, сна, и — кто знаетъ?—даже могло навлечь на него грозу критики. Онъ рѣшился наконецъ просить почтеннаго А. С. Шишкова: прислать ему *Слово* Архимандрита Кирилла Флоринскаго. Драгоцѣнность принесена; библіографъ радуется ей больше, нежели Магоммедъ-Али пріобрѣтенію Анадской области, и узнаетъ, что

. . . ларчикъ просто открывался!

Кириллъ Флоринскій (не введенный въ *Словарь писателей Дух. чина*, Преосв. Евгеніемъ), былъ Префектомъ Московской Славяно-Греко-Латинской Ака-

Digitized by Google

демiи съ 1737-го по 1740-й годъ, и Ректоромъ, съ 1740-го по 1743-й годъ. Его смѣнилъ Порфирій Крайскій. Кириллъ былъ послѣ того Архимандритомъ въ Торжковскомъ Богоявленскомъ монастырѣ; въ 1767 г. посвятили его въ Епископа Сѣвскаго, и онъ находился Викаріемъ Московскимъ до 1778 г., когда уволенъ на покой въ Кіевскій Михайл. мон., и тамъ скончался въ 1795 году.

Разсматривая поприще служенія Преосвященнаго Кирилла, заключаемъ, по нѣчетамъ вѣроятностей, что служеніе его едва-ли было счастливо: изъ *Ректоровъ* Академіи Московской, мѣста столь важнаго, только черезъ 20-ть слишкомъ лѣтъ достигъ онъ Архіерейскаго сана, уже въ *царствованіе Екатерины*, и между тѣмъ былъ Архимандритомъ бѣднаго, незначительнаго монастыря въ *Торжкѣ* (*).

Обращаясь къ *Слову*, говоренному имъ въ 1742 г., находимъ, что Кириллъ назвалъ *Императорскою Московскою* Запконоспасскую Духовную Академію.

(*) См. Ист. Росс. Іерархіи, т. I, стр. 557 и 93. Замѣчательно, что *Богоявленскій Новоторжскій* монастырь пропущенъ въ *Ист. Росс. Іерархіи*. Щекатовъ (Слов. Геогр. т. V VI, 306) говоритъ, что въ Торжкѣ было всего два монастыря: *Борисоглѣбскій* и *Воскресенскій*. Но въ *Ист. Росс. Іерархіи* упоминается, кромѣ сихъ двухъ, объ упраздненныхъ Торжковскихъ монастыряхъ *Николаевскомъ*, *Рождественскомъ* и *Троицкомъ* (т, стр. 351—354). — Не льзя-ли кому нибудь повѣрить этого на мѣстѣ, и узнать также: былъ-ли тамъ монастырь *Богоявленскій*?

Digitized by Google

Такъ самый шитулъ Императрицы Елисаветы, присутствовавшей при освященіи церкви, переиначенъ имъ по своему; а именно: онъ называетъ Елисавету: «Ея *Священнѣйшее* Императорское Величество, *Наслѣдная* Великая Государыня.»

Самое Слово его весьма любопытно по содержанію. Взявъ текстомъ: «*Не творите дому отца моего дому* купленаго» (Іоаннъ, II, стр. 16), ораторъ говоритъ, что «яко домъ Божій, его-же владыка и глава Христосъ, подобнѣ и Государство, въ немъ-же глава Самодержавный Пошенштатъ, домъ-же Божій есть, должно быть свято, хранимо и почитаемо, а не яко домъ купли, пещера и вертепъ разбойниковъ творимо.»

— Замѣчательно, что въ самый тотъ день, когда оно было произнесено, вышелъ Указъ: *О назначеніи особенныхъ сборщиковъ, для взысканія штрафа съ тѣхъ, кто во время Литургіи разговариваетъ въ церкви* (см. *Собраніе Законовъ Росс. Имперіи*, т. XI, N 8583, Іюля 15, 1742 года).

— *Изъясненіе картинки.* — Мысль не оригинальная. Французскій живописецъ Віенъ пріѣхалъ въ Римъ, управлять тамошнею Французскою Академіею Живописи, въ 1771-мъ году. Не задолго до этого времени, было открыто древнее живописное изображеніе предмета, который представилъ онъ въ своей картинѣ. Древняя картина отличается прелестью удивительною. Тамъ представлены три Амура, уже довольно большіе, и одинъ изъ нихъ,

Digitized by Google

подошедшій къ молодой, прекрасной женщинѣ, которой привели Амуровъ на показъ, уже овладѣлъ, по видимому, ея сердцемъ. Віенъ изображаетъ, напротивъ, что простая крестьянка нашла трехъ маленькихъ Амуровъ, которые еще не могутъ летать: она принесла ихъ къ молодой женщинѣ и подаетъ ей одного изъ нихъ, точно какъ маленькаго цыпленка. Онъ желалъ-бы, кажется, летѣть къ покупщицѣ, между тѣмъ какъ два другіе сидятъ, очень смирно, въ корзинкѣ. Благородство въ вымыслѣ и поэзія, думаемъ мы, принадлежатъ древнему художнику; у Віена видимъ только остроумное и почти забавное изображеніе, впрочемъ отдѣланное со всею тщательностью старой Французской школы. Здѣсь любопытно сравнить Искусство древнее и новое, не въ исполненіи, а въ самой идеѣ.

Когда картина Віена явилась въ свѣтъ, публика приняла ее съ восторгомъ; славнѣйшій гравёръ того времени, Боварле, снялъ съ нея эстампъ. Ширина ея 3 фута 9 дюймовъ, вышина 3 фута.

— *Статистическая записка о народахъ, населяющихъ Саратовскую губернію.*

Саратовскую губернію населяютъ различныя племена: Россіяне—народъ господствующій — Нѣмцы, Татары, Чуваши, Мордва, Цыганы, Мещеряки и проч. Они различны по происхожденію, мѣстамъ, ими занимаемымъ, вѣроисповѣданіямъ, обычаямъ, образу жизни и проч.

Digitized by Google

Россіяне. Подъ именемъ Россіянъ, обитающихъ въ Саратовской губерніи, разумѣются: Великороссіяне, Малороссіяне и Волжскіе Казаки. Великороссіяне большею частію переселенцы изъ внутреннихъ губерній; многолюдность тамошнихъ мѣстъ выгнѣснила ихъ въ здѣшній край, обильный землею и всѣми жизненными потребностями. Сюда доселѣ изъ разныхъ мѣстъ переселяются цѣлыя селенія. Малороссіяне, издревле привыкшіе къ раздольной жизни, но тоже тѣснимые нуждами, мало по малу выселялись изъ Малороссіи, въ разныя времена; а Малороссіяне, прежде называвшіеся Солевозцами, были вызваны Правительствомъ для солянаго промысла на Елтонскомъ озерѣ. Волжскіе Казаки суть отрасль Донскихъ; потому они имѣютъ одинаковыя съ ними права; главное управленіе ихъ находится въ городѣ Камышинѣ. Великороссіяне обитаютъ по всей губерніи; Малороссіяне въ уѣздахъ: Царицынскомъ, Камышинскомъ, Саратовскомъ, Ашкарскомъ и Балашевскомъ. Казаки содержатъ кордонную линію на границѣ Азіи, и живутъ въ Дубовкѣ, Камышинѣ, Царицынѣ и Саратовѣ.

Нѣмцы. — Нѣмцы, выходцы изъ Германіи; они вызваны по манифесту Екатерины II-й, 1763-го года изданному. Поселеніе ихъ въ здѣшнемъ краю, продолжавшееся съ 1763 до 1774 года, производилось на счетъ Казны. По прибытіи на мѣсто, они были снабжаемы одеждою, обувью, кормовыми деньгами и провіантомъ; каждому выданы земледѣльческія орудія, скотъ, зерновой хлѣбъ и небольшая сумма

Digitized by Google

денегъ. Вся ссуда простиралась до 5,199,813 рубл., съ условіемъ, возвратишь Казнѣ сію сумму въ теченіе десяти лѣтъ; но условіе не выполнено. Большая часть колоній ихъ по Волгѣ, и нѣсколько въ нагорной и луговой сторонѣ; держатся вѣроисповѣданій Люперанскаго и Каѳолическаго.

Татары. — Ташары переселились изъ бывшихъ Царствъ Казанскаго и Астраханскаго; живутъ большею частію въ уѣздахъ Кузнецкомъ, Петровскомъ, Хвалынскомъ, Волжскомъ и Саратовскомъ; исповѣдуютъ Магаммеданскую вѣру.

Чуваши. — Чуваши переходцы изъ Пензенской губерніи, живутъ въ уѣздахъ Кузнецкомъ и Петровскомъ; всѣ они Христіане, впрочемъ держатся многихъ старинныхъ повѣрій и языческихъ обычаевъ.

Физіогномія Чувашей походитъ на Ташарскую. Между ими очень мало свѣтлорусыхъ и рыжихъ, но почти всѣ черноволосые. Женскій полъ довольно пригожъ. Одѣяніе ихъ изъ толстаго холста, вышито пестрою, а всего чаще синею, красною и черною шерстью. Чувашенки украшаютъ себя пряжками и нагрудниками, висящими до пояса. Женская Чувашская кичка (хушпу) унизана старинными серебряными монетами, оловянными блестками и бисеромъ въ нѣсколько рядовъ, подвязывается широкимъ ремнемъ подъ подбородкомъ, а назади пришита къ ней длинная лопасть или запыльникъ (ама), унизанный мелкими монетами и блестками, съ рем-

Digitized by Google

немъ, который продѣвается подъ поясъ и на концѣ обыкновенно бываетъ вышитъ разноцвѣтною шерстью, съ бахрамою и долгими снурками, шакъ, что головной уборъ ихъ виситъ почти до колѣнъ. Подлѣ сего широкаго ремня, по обѣимъ сторонамъ, еще висятъ два узкіе, до половины спины, гдѣ они соединяются бисерными нитками. Кички не сшиты, но открыты; впрочемъ есть и наглухо зашитыя. Лопасть иногда вышивается пронизками. Таковъ женскій нарядъ Чувашенокъ! Одѣяніе дѣвицъ гораздо проще. Онѣ носятъ лопасти и кички безъ длиннаго запыльника, унизанныя пронизками. Волосы, подобно женщинамъ, заплетаютъ въ двѣ косы и прячутъ подъ рубаху. Зимою, какъ женщины шакъ и дѣвицы носятъ кафтаны и шубы. Одежда мужчинъ такая-же, какъ у всѣхъ Русскихъ крестьянъ, только рубаха съ воротниками, которые вышиваются красными нитками.

Жилища Чувашей похожи на Татарскія: двери дома на востокъ, съ навѣсомъ или сѣньми; лавки въ избѣ широкія; печь складена по правую сторону безъ трубы; постели скудныя, сплетенныя изъ травы.

Чуваши, подобно Магаммеданамъ, празднуютъ каждую пятницу въ недѣлѣ; воскреснаго-же дни (по ихъ Аернеконъ) вовсе не чтутъ; не ѣдятъ свинины; впрочемъ никакихъ догматовъ Магаммеда не принимаютъ.

Покойниковъ кладутъ въ гробы въ полномъ одѣяніи; съ мужчинами кладутъ всякую мелочь: лапти,

Digitized by Google

качадыкъ, ножикъ, лыки, огниво. Кладбищемъ избираютъ мѣсто, отдаленное отъ деревни; поминки надъ умершими отправляютъ прежды въ годъ: въ Среду на Страстной недѣлѣ, въ Семикъ, т. е. въ Четвертокъ предъ Троицынымъ днемъ, и 8-го Ноября. При сихъ случаяхъ кладутъ на могилу куски мяса, льютъ брагу, потомъ сами ѣдятъ, пьютъ и веселятся.

Въ свадебныхъ обрядахъ, сверхъ общихъ, невѣста не ходитъ пѣшкомъ въ день брака, но ее или возятъ или носятъ на рогожахъ. Случаются между Чувашами и разводы: тогда мужъ разрѣзываетъ на двѣ части лопасть (сурбанъ) отверженной жены; одну оставляетъ у себя, а другую ей возвращаетъ.

Пляска ихъ походитъ на Ташарскую. Она состоитъ въ различныхъ движеніяхъ рукъ и шѣла; пляшутъ въ небольшомъ кругу, почти не отдѣляя одной ноги отъ другой. При пляскахъ играютъ на волынкѣ, гудкѣ, и гусляхъ о 10 и 18 струнахъ.

Присяга у Чувашъ дѣлается такимъ образомъ: если кто долженъ произноситъ клятву, того приводятъ въ Кереметъ (*), гдѣ онъ принужденъ, по

(*) Мѣсто, гдѣ однажды въ годъ цѣлымъ селеніемъ приносятъ торжественную жертву, въ отдаленіи отъ селенія. Керметъ всего чаще бываетъ подлѣ ключа или рѣчки, на мѣстоположеніи пріятномъ, и обсаженномъ деревьями. Оно обгораживается заборомъ,

Digitized by Google

многократномъ закланіи, ѣсть *салму*, обыкновенное кушанье у Татаръ и Чувашъ, состоящее въ голушкахъ, свареныхъ въ водѣ съ коровьимъ масломъ. Чтобы дознать, истинна-ли клятва, опвѣтчика поятъ соленою водою; если будетъ кашлять, то признается виновнымъ, если-же нѣтъ, то правымъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, который они называютъ *Чугунхсъ*, по окончаніи жатвы, приносятъ Богу великую жертву въ знакъ благодарности. Тогда въ большомъ Керемети вдругъ закалаютъ лошадь, быка и барана. Всѣ становятся на колѣни, а Старшина читаетъ молитву: *Торъ! Сирлага, Торъ! Битеръ, баянчинг-буль*, то есть: Боже! умилосердись, Боже! подай и благослови насъ. По окончаніи молитвы, онъ убиваетъ обреченное на жертву животное. При закланіи стараются, чтобы кровь не пала на землю, ибо почитаютъ ее святынею. Кожи содранныя продаютъ и на вырученныя деньги покупаютъ жертвенные сосуды, медъ, муку и прочія вещи, потребныя при такихъ праздникахъ. Впрочемъ жертвоприношенія иногда дѣлаются и среди лѣта, изъ опасенія недорода хлѣба.

вышиною въ человѣка. Въ немъ бываетъ три входа: съ востока, сѣвера и запада. Керемети бываютъ общественныя и частныя, или большія и малыя: въ первыхъ совершается жертвоприношеніе цѣлымъ селеніемъ, во вторыхъ однимъ семействомъ. Наблюденіе за чистотою Керемета поручается особливому выборному изъ среды ихъ человѣку, который называется *Керемет-вхагано*, и къ которому они имѣютъ великое почтеніе.

Digitized by Google

Въ Чувашахъ есть еще слѣды идолопоклонства. Они помнятъ боговъ своихъ: *Кереметъ*, послѣ Бога (Торъ), первый, Азлыръ, *Кенирь*, *Пюлыхсъ*, *Сюродонъ*, *Сирь*, *Сіюлсюренъ*, *Ирзене*, *Хирлзирь*, *Кебе* и проч. Еще примѣчанія достойно, что они называютъ три божества: *Торъ* или *Кереметъ-ашъ*, Богъ-Отецъ, *Кереметъ-амже*, Богъ-Матьи, *Кереметъ-уевли*, Богъ-сынъ. Впрочемъ они не могутъ объяснить и доказать, откуда ими сіи понятія заимствованы и на чемъ основаны.

Мордва. — Мордва, отрасль Чудскаго племени, обитаетъ въ Саратовской губерніи по верховью рѣки Суры. Сія отрасль народа подраздѣляется на два поколѣнія, изъ коихъ одно называется *Мокшею*, а во множественномъ числѣ *Мокшадь*, другое—*Ерзадъ* или *Ерзяне*. Всѣ они перемѣшаны между собою. Первоначальное мѣсто жительства сего народа было по рѣкѣ Мокшѣ, въ Пензенской губерніи. Онъ имѣлъ своихъ Князьковъ или Старшинъ. Мокша и Ерзяне разнятся между собою языкомъ, произношеніемъ, одѣяніями и нѣкоторыми обычаями.

Головной уборъ Мордовокъ Ерзадскихъ состоитъ въ кичкѣ (по ихъ *Панга* называемой), не высокой, не обвѣшанной гремушками, но слегка вышитой, и на затылкѣ пришитыми лентами завязанной. Многія носятъ одну повязку, вышитую, коей концы по спинѣ свѣшиваются до половины стана. Дѣвицы до замужства носятъ одну повязку, изъ-подъ коей назади выпускается заплетенная коса. Мокшанки носятъ кичку, къ коей пришиваютъ

Digitized by Google

ся ремни (пилксъ), висящіе до груди, унизанные старинными серебряными копѣйками; на концахъ ремней, поперегъ груди связанныхъ, привѣшиваются небольшія цѣпочки и гремушки. У грудной пряжки (шуркасъ) пришитъ щипокъ (сія), унизанный бисеромъ. На шеѣ носятъ ожерелье, сдѣланное изъ разноцвѣтныхъ пронизокъ, на подобіе сѣтки. Отъ пояса (каркъсъ) напереди виситъ передникъ широкій, вышитый и раздѣленный на четыре лопасти, кои застегиваются пряжечками; на концѣ онаго висятъ долгія кисти съ пронизками и металлическими змѣиными головками. Назади, вмѣсто запона, отъ пояса, висятъ кисти, сдѣланныя изъ черной шерсти. Къ рубахѣ, на груди и на спинѣ, пришиваютъ пряжечки, колокольчики и шелеги, которые отъ движенія брянчатъ. Къ великолѣпному наряду относится обвитіе ногъ ремнями. Одежда мужчинъ такая-же какъ и у Русскихъ крестьянъ.

До введенія Христіанской вѣры, у нихъ не было идоловъ, но они покланялись невидимому Всевышнему существу, и приносили на жертву, въ лѣсахъ, лошадей, быковъ и другихъ животныхъ.

Занятія ихъ состоятъ только въ земледѣліи, скотоводствѣ и пчеловодствѣ; избы строятъ они на образецъ Русскихъ, и по большей части безъ трубъ.

При бракосочетаніи, невѣсту относятъ къ жениху на рогожѣ и говорятъ: *Вотъ тетъ, вергасъ, ута*, т. е. вотъ тебѣ, волкъ, овца! Тутъ невѣста приходитъ въ изступленіе, вопитъ изо всѣхъ силъ, немилосердо царапаетъ себѣ лицо. Лицо ея

Digitized by Google

бываетъ закрыто фатою или вышитымъ полотенцомъ.

Цыганы.—Цыганы, отрасль Индійцевъ, съ давнихъ временъ странствующихъ по всему свѣту, получили осѣдлость въ одномъ только городѣ Петровскѣ. Тамъ они имѣютъ особенную слободу и исповѣдуютъ Христіанскую вѣру. Образъ жизни, одѣяніе, привычки сходны съ таковыми-же Русскаго народа. Занятіе ихъ состоитъ больше въ торговлѣ или мѣнѣ лошадьми.

Мещеряки. — Мещеряки, отрасль Муромы и переходцы изъ Муромскаго уѣзда, живутъ Сердобскаго уѣзда только въ двухъ селеніяхъ, изъ коихъ одно называется старымъ Мещерскимъ, а другое новымъ. Послѣднее есть выселокъ изъ перваго. Исповѣдуютъ Христіанскую вѣру; впрочемъ весьма суевѣрны, и, подобно Чувашамъ, держатся многихъ языческихъ обычаевъ и передаютъ ихъ изъ рода въ родъ. Нарядъ ихъ весьма походитъ на Чувашскій.

Прочіе иноземцы, какъ-то: Поляки, Французы, Итальянцы, Греки, и другіе, разсѣяны по губерніи, не имѣютъ отдѣльныхъ жительствъ, не составляютъ особыхъ званій и держатся каждый своего вѣроисповѣданія, своихъ обычаевъ, своихъ привычекъ, и своего образа жизни.

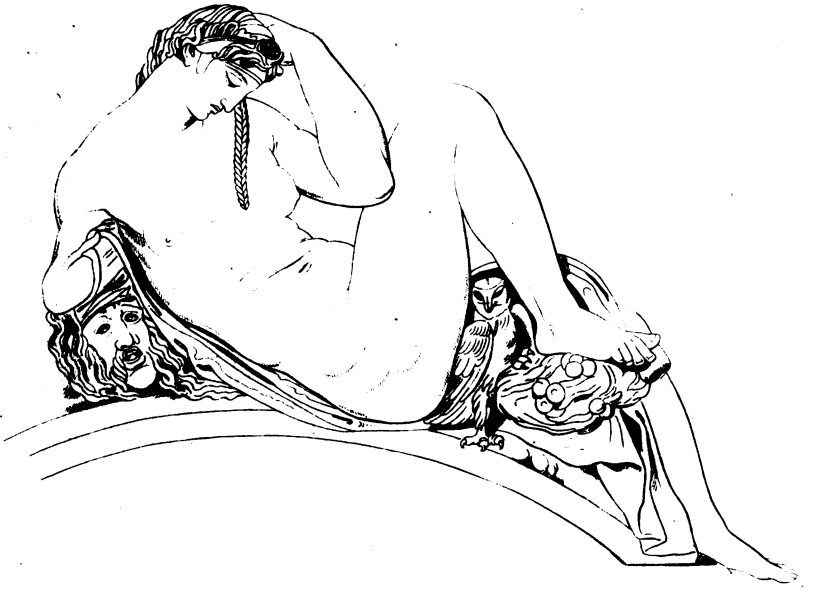
1832-го года.
Саратовъ.

Андрей Іогольдовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

N° XIV. ІЮЛЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

Французской Литтературы.

Сочиненіе Бальзака (*).

Наша эпоха, въ литтературномъ смыслѣ, выражаетъ свой умъ пятью различными движеніями. Это: книжная торговля, Журналистика, Театръ, Литтература и Науки.

Собственно человѣку девятнадцатаго столѣтія принадлежитъ потребность, развиваемая

(*) Статья, написанная по случаю появленія двухъ томовъ *Всеобщей Біографіи*, Мишо, заключающихъ въ себѣ *Часть Миѳологическую*. Любопытно видѣть, что думаетъ о нынѣшней французской Литтературѣ одинъ изъ остроумнѣйшихъ современныхъ писателей. Остальная часть статьи Бальзака — умный взглядъ на предметъ, не совсѣмъ для него понятный. *Прим. Изд.*

Digitized by Google

съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе постепеннымъ увеличеніемъ читающей массы, потребность въ новыхъ ощущеніяхъ: ихъ-то даетъ книга, ихъ стараются найдти въ чтеніи и насытить въ театрѣ. Это неистощимая мина, и ее разработываетъ книжная торговля, въ наше время болѣе нежели когда нибудь. Она обезсиливаетъ, утомляетъ умъ, заставляя его выше всякой мѣры производить сочиненія, и отдаетъ все на пожраніе чудовищу съ шестидесятью милліонами глазъ, которое усвоиваетъ себѣ эту нравственную или безнравственную пищу, посредствомъ тысячей сосцовъ своихъ библіотекъ для чтенія. И для каждой части публики есть своя особенная Литтература: Литтература для модныхъ торговокъ, Литтература для передницъ, Литтература мѣщанская, Литтература женщинъ, Литтература модниковъ, Литтература Аристократовъ. Вотъ причина потребленія предметовъ, набѣговъ на разныя земли и злоупотребленія мѣстныхъ красокъ. Надобно было подавать этому народу, читающему только глазами, то Испанію, то Италію, потомъ Востокъ, потомъ Средніе Вѣка, потомъ отрубленныя головы, потомъ кровь цѣлыми волнами; наконецъ, когда не стало предметовъ, явились семейныя тайны, Записки, соблазнительныя вещи. Обобрали старыя книги, прогло-

Digitized by Google

шили старыя времена, уцѣпились за кабинетныхъ секретарей. Короче, если какой нибудь писатель, думая возвысить Искуство, открывалъ руду невѣдомую; если какой нибудь нежданный успѣхъ пробуждалъ любопытство утомленной публики, вся книжная торговля бросалась туда, какъ свора на звѣря. Въ наши дни книгопродавцы такъ-же требовали сказокъ, какъ глупые предшественники ихъ, во время Людовика XV-го, требовали *Персидскихъ Писемъ*. Видѣнъ успѣхъ! Теперь начнутъ губить роды и формы литтерашурные.

Это изверженіе книгъ тысячами, эта издержка ума, заставляютъ молодыхъ людей дѣлаться литтераторами при недостаткѣ капиталовъ для иной какой нибудь торговли. Вышедши изъ училища, молодой человѣкъ такъже легко сочиняетъ книгу, какъ еще недавно сочинялъ онъ свои темы; потомъ, за свои книги онъ хочетъ обола славы. И ничего не можетъ быть естественнѣе, какъ намъ кажется: не преступникъ-ли былъ-бы молодой человѣкъ, еслибъ онъ не довѣрялъ самому себѣ, въ шѣ годы, когда въ немъ все сила переполненная? Онъ долженъ вѣрить блѣдному роману, отъ кошараго освободилъ онъ свой мозгъ. Вѣрить самому себѣ не есть-ли уже четверть дарованія? Скромность, добродѣтель гордая: она идетъ

Digitized by Google

позади всѣхъ, увѣренная, что ее призовутъ къ себѣ; не была-ли-бы она невинным шарлатанствомъ истиннаго дарованія? Но за увѣренностью слѣдуютъ терпѣніе, ученость, и наконецъ наблюдательность. Эти три силы нравственныя напослѣдокъ передѣлываютъ форму, отъ которой идеи принимаютъ оригинальность, называемую изобрѣтательностью. И вотъ, эта грубая, не обработанная вѣра (foi brute) двигаетъ непостижимое множество людей съ дарованіемъ, которые толпятся на всѣхъ литературныхъ путяхъ, и усердно вѣря самимъ себѣ, увольняютъ себя отъ ученія, отъ труда и наблюдательности. Они учитываютъ себя на свое будущее, думаютъ о лаврахъ, едва бросивъ въ землю зернышко лавра, и двадцати лѣтъ гибнутъ отъ славы.

Это совсѣмъ не зло. Мы не порицаемъ и не одобряемъ этой рѣзвости умовъ; она въ согласіи съ условіями нашей эпохи. Впрочемъ, никто не станетъ и сомнѣваться, что Судьбы Провидѣнія хотятъ возрастить много умственныхъ сѣменъ, и только небольшое число изъ нихъ сдѣлаютъ знаменитыми растеніями человѣчества. Природа такъ-же вѣрна своимъ законамъ въ нравственномъ мірѣ, какъ и въ физическомъ. Сверхъ того, это событіе, и событіе неизбѣжное, въ которомъ настоящее время яв-

Digitized by Google

ляется и сообщникомъ и жертвою; это событіе случилось черезъ сто лѣтъ послѣ открытія книгопечатанія. Короче, зло отъ этихъ литературныхъ роевъ есть зло чисто торговое: книгопродавцы банкрутятся, бумага становится дороже; нѣтъ соразмѣрности между старыми тряпками и лоскутнымъ рядомъ набивающихся въ писатели, quorum pars ego.

Гораздо болѣе зла отъ Журналистики: она убиваетъ, поглощаетъ истинныя дарованія. Кромѣ двухъ, трехъ, чисто литературныхъ листковъ, гдѣ помѣщаются сочиненія истинно хорошія, Журналы составляютъ что-то въ родѣ сообщества Іезуитовъ, которое похищаетъ у насъ лучшіе умы, заставляя ихъ истрачивать въ газетныхъ столбцахъ, часто написанныхъ удивительно, прекраснѣйшія надежды Литературы. Въ эту бездну, разверстую каждый вечеръ и каждое утро, зіяющую безпрерывно и ненаполнимую ничѣмъ, въ эту бездну, старики и молодые люди кидаютъ, на погибель призраку образованности—будто для просвѣщенія массы, по природѣ своей худо проницаемой свѣтомъ—и не развернувшіяся сочиненія свои, ранніе плоды, и достойныя замѣчанія страницы, плоды зрѣлые; и все это забывается, и все это могло-бы дать болѣе нежели пожизненную славу авторамъ ихъ. Въ этихъ

Digitized by Google

дурныхъ мѣстахъ воображенія, чахнетъ самый могучій геній, облетаетъ самая цвѣтистая поэзія, старѣетъ преждевременно умъ самый юный. Неукротимый поэтъ, Корнель, превратился-бы тамъ въ клячу. Чей мозгъ въ состояніи всегда сообщать мысли новыя, превосходныя, облекать ихъ занимательною формою въ назначенное время, и находить въ какой угодно часъ краснорѣчивыя фразы? Быть Журналистомъ, не значитъ-ли это подвергать опасности свою нравственную жизнь каждую минуту? Не значитъ-ли это ставить свое умственное богатство на карту-статью? Не значитъ-ли это обязаться быть всегда счастливымъ? носить свой слогъ въ карманѣ, какъ въ Средніе Вѣка, въ Италіи, носили свой кинжалъ? Но, вотъ вы капралъ, Полковникъ литературный; ваши патроны всѣ разстрѣляны; вы старый солдатъ безъ усовъ.... Не ожидайте почестей военныхъ! Нѣтъ! Новые солдаты перейдутъ по вашему тѣлу, говоря: Это уже ничто; это трупъ; надобно только похоронить его подъ нашими столбцами!... Журналы составляютъ родъ Феодализма безъ дворянъ, который застраховалъ себѣ нравственный міръ, у котораго есть свои рабы, свои невольники, свои вассалы, и который истощаетъ умы въ этой битвѣ, даваемой каждою частичкой вѣка какимъ-то идеямъ, одѣтымъ по вкусу дневной

Digitized by Google

моды, и постепенно кидаемымъ въ урну образованности. Для чего? Не знаютъ ни Журналы, ни Журналисты; да и что имъ до этого? Они дерутся какъ Итальянскіе condottieri, по слову лозунга, какимъ высшіе умы надѣляютъ глупцовъ. При Людовикѣ XV-мъ, это былъ: *чистый барышъ* экономистовъ; вчера была *работа;* сегодня: *трудящіеся и пользующіеся;* завтра.... о! завтра!... У народовъ есть завтра, у обществъ нѣтъ его.

Слѣдственно, книжная торговля и Журналистика суть двѣ великія язвы Искуства. Не говоримъ о посредственности, потому что она есть существенная часть Литературы. Для физіогноміи вѣка такъ-же необходимы посредственные люди, какъ для картины свѣто-тѣнь. Миръ посредственности! Миръ неуклюжимъ копѣйкамъ: ни одна страна не можетъ обойдтись безъ монетъ.

Книжная торговля и Журналистика суть двѣ скрытныя причины, уже объясняющія, отъ чего такъ рѣдки сочиненія превосходныя. Спекуляція сторожитъ ихъ и дѣйствуетъ на умъ какъ химическій составъ: низвергаетъ золото на дно плавильнаго горшка, схватываетъ его, и предоставляетъ отдѣленному веществу дуэли, безсиліе и бѣдность.

Digitized by Google

Ужасающая опредѣленность появленія Водевиля, и театральной пьесы вообще, показываетъ, въ самой возвышенной области Искусства, и зло Журналистики и зло книжной торговли вмѣстѣ. Книжная торговля, Журналистика и Театръ даютъ Литературѣ ремесленной годовую сумму, бюджетъ, примѣрно во сто тысячъ франковъ. Этотъ бюджетъ убилъ благородную, величественную Литературу Французскую. Вокругъ этого бюджета тѣснится толпа людей, занятыхъ болѣе отстаиваніемъ своего дохода, своихъ барышей, нежели созданіемъ и писаніемъ хорошихъ книгъ. «Сколько получаетъ онъ?» Вотъ повелительное слово этихъ людей съ перьями и безъ крыльевъ; они пишутъ и никогда не возвышаются отъ земли. Поэтъ оставляетъ вершину храма, и бѣжитъ за кулисы, оспоривать у драматурга свою долю. Въ этомъ мірѣ есть своя политика, свой языкъ, свои арміи. Тамъ даютъ пинки вновь пришедшимъ, крадутъ другъ у друга мысли, берутъ другъ у друга заглавія и предметъ; тамъ есть прекрасные поступки и нравственность, точно какъ и въ первомъ встрѣчномъ обществѣ. Здѣсь разбойники обираютъ васъ въ углу книжной лавки; тамъ судьи рѣжутъ васъ въ своихъ спальняхъ; и если великій человѣкъ смѣетъ появиться въ этомъ меркантильномъ сообществѣ, онъ въ опасности быть по-

Digitized by Google

вѣшеннымъ, смѣло и скоро, въ верху какого нибудь столбца.

Такимъ образомъ, истинная Литтература обѣднѣла отъ всей этой славы, и бюджетъ литтературный ввергнулъ насъ въ самую обильную нищету. Есть однакожь въ нравахъ и въ душѣ Франціи свойство: быть выше своей бѣдности. У нея были истинныя дарованія въ эпоху ума, такъ-же какъ полководцы во время войны. И во время послѣдняго властвованія Бурбоновъ, наша слава явилась блестящею, болѣе нежели въ какую нибудь подобную эпоху, изъ пяти предшествовавшихъ столѣтій. Въ Философіи, прекрасные, чисто эклектическіе труды и нѣкоторыя новыя системы, поддержали нашу ученость на первой степени. Въ Литтературѣ, *Размышленія* Ламартина, труды Гг. Тьерри касательно Исторіи Франціи, сочиненія Балланша, Кампанія 1812 года, Сегюра, Театръ Клары Газюль, Мериме, Испанскія Сказки, Мюссе, Предисловіе къ *Кромвелю* В. Гюго, и его Стихотворенія; цѣлое сочиненіе Ламенне, Петербургскіе Вечера (де Местра), многія изъ критическихъ оцѣнокъ Сентъ-Бёва, нѣкоторыя сочиненія Нодье, и именно его Воспоминанія, Исторія Богемскаго Короля и Смарра; нѣкоторыя страницы Вилльмена, представителя чистаго языка, къ какому возвращается истинныя

Digitized by Google

дарованія; далѣе: Сочиненія Монтейля; Сенъ-Марсъ, произведеніе дарованія, которое отрубило себѣ голову, какъ и герой его, только не знаю какимъ топоромъ; далѣе: Мертвый Оселъ, хотя это, безъ воли Автора, Кандидъ подъ другою формою; далѣе, Мессеньены Казимира Делавиня, Стихотворенія Авг. Барбье, и проч. Вотъ произведенія высокой Литературы, освященныя, впрочемъ, живыми соспрастіями. Къ этому могли-бы мы прибавить прелестныя произведенія шутливости, напримѣръ Физіологію Вкуса, и памфлеты, мужественные слогомъ и оживлявшіе старинные обороты языка, плоды Рабелевскаго генія П. Л. Курье. Наконецъ, въ Литературѣ менѣе строгой, Анатолъ Г-жи Гей, Адольфъ Б. Констана, и многія другія вещицы, удивительно отдѣланныя, ограненныя, показали Европѣ, что Франція еще держитъ въ рукахъ своихъ скипетръ Литературы всѣхъ родовъ. Въ Театрѣ, ничего значительнаго; однакожь нѣкоторыя Комедіи, основанныя на забавной интригѣ, напримѣръ Путешествіе въ Дьеппъ, День въ Версали, Найденышь, достойны старинной нашей сцены. Семейство Глине, Пинто, Христина, Парія, le Mariage d'argent, суть изученія, истинно литературныя; но не будемъ льстить себя, что изъ нихъ найдется какое нибудь живущее сочиненіе. Явился-ли въ послѣднія сорокъ лѣтъ

Digitized by Google

хоть одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ принадлежитъ могущество творить, давать имена созданіямъ новымъ? Гдѣ Гарпагонъ? Гдѣ Фигаро? Гдѣ Фаустъ?... На нашей сценѣ нѣтъ первообразныхъ созданій, и между тѣмъ не было вѣка, больше обильнаго оригиналами. Мольеръ не пропустилъ-бы Промышленности, Журналистики, Республиканизма, когда тутъ-же и промышленникъ, и Журналистъ и республиканецъ. Геній, который заставилъ насъ смѣяться надъ добродѣтелью въ Мизантропѣ, могъ-ли-бы отступить передъ патріотизмомъ и нашими эфемерными конституціями? Но Драма убила нашъ Театръ. Можетъ быть авторы не довольно богаты и не могутъ посвящать, на какую нибудь большую комедію, трехъ или четырехъ лѣтъ, какъ Бомарше на Свадьбу Фигаро. У Мольера и Реньяра было доходу у каждаго по тридцати тысячъ ливровъ, которые стоили милліоновъ Бомарше. Уединеніе, спокойствіе и довольство богатства необходимы для сценическихъ произведеній (*); а нынѣ Палаты

(*) Мысль совершенно ложная! Духъ партіи заставилъ Бальзака вмѣстить ее въ рядъ другихъ, блестящихъ, прекрасныхъ своихъ мыслей. Это доказываютъ слѣдующія далѣе слова его. *Прим. Переводч.*

Digitized by Google

не понимаютъ такъ хорошо всей пользы великихъ произведеній Искусства у великаго народа, какъ понимали это Короли. Мы съ намѣреніемъ умалчиваемъ о Шатобріанѣ, Бональдѣ и Кювье: они принадлежатъ ко времени Имперіи, а Имперія и безъ того не богата въ Литтературѣ и Наукахъ; для чего занимать у нея остальное?

Для людей, любящихъ славу Французской Литтературы, славу столь чистую, ушѣшительно видѣть, что вдали отъ торговаго міра есть люди, рѣдкіе, уединенные, которые живутъ только для огромныхъ трудовъ, почитаютъ спекуляцію всегда дѣломъ постороннимъ, и остаются равнодушны къ похвалѣ и порицанію, потому что идутъ по указанію мысли, и ея полному развитію посвящаютъ жизнь. Что̀ значитъ для нихъ время, болѣе или менѣе продолжительное? Безпечно глядятъ на бѣдность или на дневный плодъ трудовъ своихъ эти возвышенные пилигримы, и направляютъ шаги къ какой нибудь пустынной скалѣ, которая будетъ нѣкогда пьедесталомъ ихъ статуй.

Мы должны говорить здѣсь о сочиненіи, которое мало касается до Литтературы, собственно такъ называемой. Это трудъ, тихо свершенный въ молчаніи и въ уединеніи; одинъ

Digitized by Google

изъ тѣхъ добросовѣстныхъ трудовъ, которыхъ ужасается нынѣшняя Критика: она не вонзаетъ въ нихъ когтей своихъ, боясь оставить ихъ тамъ; ей лучше кажется промолчать о сочиненіи или унизить его. Фонтенель говорилъ: Удаляюсь доволенъ: вы уже не слушаете болѣе. Мы сказали-бы: Уйдемъ-те; Франція не читаетъ болѣе.

Можно позволить себѣ отдать истинную хвалу, не высказывая тѣхъ фразъ, которыхъ курсъ извѣстенъ, какъ курсъ вексельный, хвалу осьмилѣтнему труду, начатому и свершенному однимъ человѣкомъ, скромно оставляющимъ свое имя въ неизвѣстности. Границы журнальной статьи не позволяютъ намъ войдти въ глубь этого сочиненія, достойнаго Бенедиктиновъ; но, по крайней мѣрѣ, намъ можетъ быть удастся обратить на него вниманіе читающихъ, переведя на свой языкъ, разсказавъ программу его. Когда разрушимъ эту задачу, наша похвала будетъ изъ словъ: два тома изданы, другіе печатаются.

Надобно было написать Исторію всѣхъ Миѳологическихъ боговъ, изобрѣтенныхъ человѣкомъ отъ древнѣйшихъ временъ до нашей эры, на Востокѣ, на Западѣ, въ Сѣверѣ и на Югѣ. Короче: надлежало воздвигнуть Пандемоніумъ

Digitized by Google

Мильтона, въ возвышенныхъ размѣрахъ Философической Литтературы. Надобно было разсмотрѣть каждаго бога, сначала какъ фигуру историческую, потомъ какъ свидѣтельство иконографическое, потомъ слѣдовать за нимъ, въ его дѣйствительности человѣка и мнимаго бога, на мѣди, въ мраморахъ, на колоннахъ, въ храмахъ, въ линейныхъ очертаніяхъ; словомъ, преслѣдовать его во всѣхъ превращеніяхъ, освященныхъ древними Искуствами, которыя сами освящали толпу идей. Потомъ должно было разобрать миѳъ, внутренній смыслъ этого божества, во всѣхъ его отношеніяхъ къ Нравственности, Политикѣ, Естествознанію, или преданіямъ Геологическимъ; вывести изъ того или другаго символа систему Кювье, Малье, Боннета или Бюффона; наконецъ слѣдовать, за символомъ въ нравственныхъ его превращеніяхъ, такъ-же какъ въ преображеніяхъ художническихъ; указать на мнѣнія всѣхъ комментаторовъ, древнихъ и новыхъ путешественниковъ, и согласить ихъ, или показать, въ чемъ они разнорѣчатъ; взглянуть на общность священныхъ текстовъ, ставъ на точку зрѣнія, на высоту философическую, на какой долженъ быть ученый, миѳологъ девятнадцатаго столѣтія. Потомъ, надлежало означить, раздѣлить по классамъ эти тысячи идей подъ фигурами боговъ, эти миріады Ѳеогоній, эти династіи суевѣрій,

Digitized by Google

свести ихъ къ одному и тому-же событію, къ одной и той-же идеѣ; отыскать въ этихъ высокихъ гемоніяхъ нравственность, вѣчную и простую, открытую свыше, природную или пріобрѣтенную, благо рода человѣческаго, управляющее родомъ человѣческимъ, но выражаемое каждымъ народомъ по своему, сообразно его климату, его нравамъ, и составляющее его религію. Религія была прелестна, сластолюбива, и любила безчисленныя олицетворенія въ Греціи; была важна и совершенно подъ вліяніемъ Мистики и Метафизики въ Индіи, гдѣ Миѳологія никогда не касается земли; таинственна и мрачна въ Египтѣ, гдѣ ужасъ религіозный былъ средствомъ Правительства, какъ честь была основаніемъ Европейскаго Феодализма; безразсудна въ Сѣверѣ, и туманна какъ атмосфера шамошняя; наконецъ, она любила кровь, состязанія, мученія, страшныя церемоніи на Югѣ! Это обширная Исторія міровъ, уже не существующихъ, и суевѣрія ихъ остаются надъ ихъ развалинами, срастаются въ народныя аксіомы, какъ остроумно сказалъ К. Нодье. Но это Исторія двоякая: Исторія міра нисшаго и міра высшаго; шамъ есть народонаселеніе человѣческое, черноземъ, humus земнаго шара, и нравственный навозъ его. Въ этихъ высшихъ катакомбахъ плѣютъ идеи и мнимые боги.

Digitized by Google

На такое сочиненіе осмѣлился Г-нъ Паризо; но онъ сдѣлалъ болѣе: онъ написалъ его. Это книга въ два столбца, усѣянная 24-мя тысячами ссылокъ на авторовъ, честно указанныхъ (въ спашьѣ: *Аполлонъ*, двадцать пять, въ спашьѣ о *Буддѣ* тридцать ссылокъ). По несчастію, Г-нъ Мишо не могъ заплатить за эту книгу болѣе двѣнадцати тысячъ франковъ: цѣна, хотя и порядочная, но ничтожная въ отношеніи къ труду. Человѣкъ не устрашился работы гигантской, которая требовала всей головы, всей жизни. Отъ нея можно было одурѣть, такъ-же какъ мы выходимъ изъ нашего Музея съ головною болью, взглянувъ тамъ на три тысячи каршинъ; можно было умереть, истомиться отъ усталости, быть раздавленнымъ тяжестью всѣхъ старыхъ боговъ языческаго міра.

Пробѣгите это обильное сочиненіе, гдѣ Авторъ, принужденный сказать все на данномъ пространствѣ, часто помогаетъ себѣ неологизмомъ, и словами учеными или Греко-Латинскими, заключающими въ себѣ много идей; тогда, мимоходомъ, между густыми батальонами этихъ колоннъ, вы часто найдете въ десяти строкахъ матеріялъ для цѣлой поэмы или драмы. Не арсеналъ-ли это высокихъ сказокъ, которыми убаюкивали первоначальные поэты дѣтство, старость первыхъ народовъ, автохтоновъ?

Digitized by Google

Въ біографической статьѣ объ иномъ языческомъ богѣ, годами служатъ вѣка; жизнь его выражаетъ всю физіогномію народа; миѳъ о немъ представляетъ сокращенно всю Философію; различныя изображенія его требуютъ разнородныхъ знаній антикварія, географа, филолога или живописца; наконецъ идея его произвела религію, а эта религія обхватила пожаромъ цѣлыя государства. Рѣка крови рвется изъ статьи, и на рѣкѣ этой плывутъ народы, города и комментаторы.

Книга Г-на Паризо относится къ *Всеобщей Біографіи*, для которой она служитъ прибавленіемъ, такъ-же какъ идеи относятся къ людямъ. Тридцать тысячъ славныхъ именъ, всплывшихъ надъ поколѣніями, заняли пятьдесятъ два тома; идеи и боги помѣстились въ четырехъ. При нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній, эта книга конечно есть та, въ которой на самомъ тѣсномъ пространствѣ сжата самая обширная изъ наукъ: Метафизика, имѣющая фигуру человѣка и лицо бога, Нравственность, плавающая на своихъ бѣлыхъ крыльяхъ, Политика, скрытая подъ скорлупою жуковъ, подъ лапою священныхъ птицъ, подъ ибисами Египта. Впрочемъ, это книга ужасная для совѣщаній. Открывая ее, человѣкъ съ воображеніемъ падаетъ какъ будто въ пропасть бездонную. Какія мученія принималъ че-

Digitized by Google

ловѣкъ, стараясь устрашить себя! Къ какимъ милліонамъ превращеній осуждалъ онъ своихъ боговъ! Неизмѣримо велики заблужденія слабаго смертнаго!... Сколько боговъ, и такихъ удобныхъ, такихъ веселыхъ, такихъ нѣжныхъ, такихъ порочныхъ, благородныхъ, ужасныхъ, добрыхъ. Всякій могъ выбирать своего на этомъ подлунномъ базарѣ.

Чтобы составить себѣ полное понятіе, сколько учености заключено въ этомъ сочиненіи, надобно вспомнить, что до озаренія человѣка истинною Религіею, не было той способности, того естественнаго движенія, того физическаго дѣйствія, называемаго благороднымъ или неблагопристойнымъ, гадкимъ или прекраснымъ, не было самаго мѣлкаго дѣйствія, которое не имѣло-бы своего бога. Для первой ночи брака, въ Римѣ было четырнадцать боговъ или богинь, и самую извѣстную, *Періунду*, покровительницу молодыхъ дѣвушекъ, не льзя даже именовать! Такимъ образомъ, составить эту книгу, значило непремѣнно коснуться всѣхъ естественныхъ и сверхъестественныхъ предметовъ, дойдти до всѣхъ точекъ круга, въ которомъ вертится жизнь народовъ, и открыть самыя простыя дѣйствія человѣка подъ формою кабалистическою, художническою, мнимо-божественною, нравственною, приняною частнымъ ду-

Digitized by Google

хомъ каждаго народа. Посему-то, сочиненіе сіе есть репертюрій всѣхъ первородныхъ идей. Для мыслителя, для поэта, для драматурга, для сказочника, Біографія Миѳологическая можетъ, своими сокровищами, первенствовать надъ всѣми литтерашурными и учеными сборниками. Нѣтъ книги, болѣе многоплодной.

Какая сказка можетъ соперничать въ поэзіи съ Багираденомъ, который, по сказанію Миѳологіи Индійской, свелъ съ небесъ, послѣ трехъ жестокихъ испытаній, прелестную Гангу, самую восхитительную изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ? Какая ода равняется суевѣрію Камчадаловъ, видящихъ въ ураганахъ кудрявую голову Балакишги, который ссорится съ женою своею, Завиною? Что значатъ гиперболы философически-фантастической исторіи Рабеле? Что̀ Гарганшуа всравненіи съ Кеми, женою Сагары, которая раждаетъ тыкву, а въ тыквѣ десятью десять тысячь зернышекъ, и каждое зернышко есть человѣкъ, хранимый кормилицами въ урнахъ, наполненныхъ масломъ? На Сѣверѣ есть сказанія объ исполинахъ, составляющія чудныя драмы. Здѣсь божье дерево само углубляется въ землю; шамъ Юнона испрашиваетъ, чтобы ея соперница не ложилась никогда и вѣчно ходила; а шакая басня гораздо покрасивѣй сказанія о странствующемъ Жидѣ. Изъ Миѳологіи Скан-

Digitized by Google

динавской можно было-бы извлечь прекрасныя, совершенно новыя трагедіи, и поэмы удивительныя. Да, въ туманахъ Сѣвера можетъ поселиться новый Макферсонъ! Фрея есть одна изъ тѣхъ обильныхъ поэзіею богинь, для которыхъ еще не было поэтовъ.

Чтеніе этой книги поясняетъ одно литтературное событіе: оно показываетъ, что въ человѣкѣ есть природное стремленіе къ олицетвореніямъ страннымъ. Народы любятъ образы. Эта наклонность къ преувеличеннымъ фигурамъ объясняетъ успѣхъ романа Notre-Dame de Paris, и фантазій Рабеле, Свифта и Перро. Отселѣ двѣ Литтературы: одна Литтература идей, другая Литтература образовъ; для одной существуетъ народность — разумѣется исключая права генія, который, подобно Рабеле, скрываетъ подъ своими шутовскими арабесками книгу рода человѣческаго — для другой публика избранная, одобренія рѣдкія, публика Спинозы, Гоббеса, Бакона, Вико, Бональда, Балланша. За этою книгою можно взойдти до высокихъ размышленій.

Но если-бы изъ нынѣшнихъ писателей нашлись такіе, которые вообразили-бы, что у нихъ есть свои идеи, то они могутъ прочесть эту книгу, и непремѣнно явятся такъ-же малы,

Digitized by Google

какъ малымъ чувствуетъ себя человѣкъ передъ тысячами поколѣній человѣческихъ, о которыхъ понятіе даетъ намъ Кювье, при пособіи куска алебастра, гдѣ вкроплена какая нибудь до-потопная мушка.—Такъ Божественная Комедія цѣликомъ находится въ сочиненіи Брамы. Метафизика Гуновъ: Сашуа, Раги и Тамы, дошла до Италіи, гдѣ встрѣтились два великіе генія. Вопросъ неразрѣшимый! Яковъ Бёмъ, Шведенборгъ, Кантъ, Фихте, Лейбницъ, Платонъ, всѣ эти идеологи отстоятъ далеко отъ метафизикъ, образовавшихся между вершинъ Гиммалайскихъ и береговъ Гангеса. Тамъ все; Пиѳагоръ, Миѳологія Греческая, мистеріи нашихъ полуострововъ, наши обычаи и обряды, суть только отблескъ мечтаній Индійскихъ. Нѣтъ системы, которая не находилась-бы тамъ, въ зародышѣ, въ цвѣту, или развитая мистически, въ дѣйствительности, фигурально. Однакожь Христіанинъ видитъ новый порядокъ, новое начало, властвующіе надъ всѣми нашими трудами. Христіанская Религія есть начало жизни, совершенно новой. Вся слава новой Литтературы заключается въ новомъ зернѣ, данномъ міру Христіанствомъ. Намъ принадлежитъ изображеніе страстей, движенія души, внутренняя жизнь, сердце. Древнія Литтературы, въ пыльныхъ остаткахъ сбросанныя въ прекрасномъ сочиненіи Г-на Паризо, не представляютъ ни

Digitized by Google

простодушія Сказокъ южныхъ, ни комизма Мольерова, ни осмѣиванія Сервантесова.

Прочитавъ этотъ Словарь, надъ которымъ Авторъ иступилъ свое перо соединяя идеи, сближая Буддизмъ, Кабиризмъ, всѣ религіозныя системы, отыскивая предковъ этихъ фантастическихъ госпей міра, изображая исторіи самыя прихотливыя—кто не пожалѣетъ о несправедливой раскладкѣ наградъ литтерашурныхъ? Если-бы онъ уже умеръ, публика, Правительство, Государство занялось-бы имъ; но онъ живъ, въ томъ вина его. Кому должны быть отдаваемы почетныя мѣста литтерашурныя, гдѣ нѣтъ дѣла и есть жалованье, мѣста библіотекарей, кому, какъ не скромнымъ ученымъ, которые, безъ всякой надежды на вознагражденіе, предпринимаютъ подобные труды? А Г-нъ Паризо едва извѣстенъ! Стыдъ намъ!

Чтеніе двухъ первыхъ томовъ книги его показало намъ необходимость другаго сочиненія, котораго, по мнѣнію нашему, нѣтъ ни у одного народа, но для котораго сдѣлано уже много приготовительныхъ работъ. Крейцеръ думалъ о подобномъ сочиненіи; но для него надобны: цѣлая жизнь, одна изъ тѣхъ келій, которыя снова воздвигаются въ Менѣ, для Бе-

Digitized by Google

недикшиновъ, и пособіе великодушнаго Правительства.

При настоящемъ состояніи Миѳологическихъ познаній, когда начинаютъ быть извѣстны священныя книги Индійскія и Ѳеогоніи, когда труды ученыхъ, путешественниковъ, археологовъ, извлекли, въ теченіе ста лѣтъ, изъ Азіи, изъ Сѣвера, изъ Европы и Америки всѣ пашинства, какой нибудь человѣкъ, исполинъ умомъ, долженъ-бы былъ привести всѣ эти сбивчивыя идеи къ единству, сосредоточить знаніе Миѳологическое въ первородныхъ символахъ, назвать Силу, Свѣтъ, Рожденіе, Страданіе, Дѣйствіе, Порядокъ, и преслѣдовать каждое изъ сихъ великихъ помышленій, подъ всѣми формами, какія придавала имъ каждая страна; словомъ: преслѣдовать одну мысль во всѣхъ ея отрасляхъ, во всѣхъ климатахъ, во всѣхъ подраздѣленіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не трудно понять, что каждый изъ этихъ первоначальныхъ законовъ, обширное сцѣпленіе идей, былъ подобенъ огромной волнѣ моря, которая выхлынувши на берегъ, проникла до отдаленнѣйшихъ угловъ міра, и наполнила ихъ своими бахромами свѣта. Для каждой изъ первоначальныхъ идей это

Digitized by Google

была-бы особенная черта, исторія удивительная, исполненная занимательности драматической, странствованіе ломкаго шара воды, наполненнаго воздухомъ, оцвѣчивавшагося подъ всѣми небесами и отражавшаго въ себѣ прелестнѣйшіе образы, до шѣхъ поръ, покуда не уничтожился онъ отъ столкновенія съ религіею всемогущею. Но для исполненія великихъ трудовъ надобны и чувствованія великія, ибо у человѣка никогда не бываетъ недостатка въ помышленіяхъ: для помышленій нѣтъ людей. Мы въ томъ возрастѣ, когда всякая форма бываетъ преходящею, а въ эпохи перехода, которыя суть родъ общаго: *спасайся какъ можешь*, обыкновенно господствуетъ личная польза: она не пишетъ альфреско и не воздвигаетъ памятниковъ. Не имѣя вѣрованій, мы не будемъ имѣть и великихъ произведеній, по крайней мѣрѣ если не явятся люди, въ которыхъ будетъ столько-же смѣлости, сколько генія; но для народовъ теперь мало надежды на счастливый случай видѣть геніевъ. Вико, Гердеръ, Крейцеръ, К. Боннетъ получаютъ вексель, взятый ими съ міра на долгій срокъ. Разсчетъ невѣрный. Мы существенно живемъ въ вѣкѣ библіотекъ для чтенія; надобно чтобы помышленія примѣнялись къ умамъ. Вотъ отъ чего являются маленькія книги, маленькія драмы, маленькія картины. Въ этомъ виноваты не

Digitized by Google

художники и не Искусство, а мѣщане, овладѣвшіе всѣмъ. Литтература подражаетъ финансовой системѣ нашего времени: мы дѣлаемъ займы на будущее, чтобы какъ нибудь жить со славой и честью.

Послѣднее размышленіе наше относится ко всѣмъ, однако оно не враждебно ни къ кому, и мы прибавили его только для того, чтобы не попасть въ обманъ ни самимъ себѣ, ни настоящему времени.

Digitized by Google

ПИСЬМО

ИЗЪ ЛАГЕРЯ ФУНКИЛЯРЪ-СИЛЕСИ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Une multitude de causes influent sur la manière dont les hommes voient et sentent.

Adrien Balbi.

Звонки бубны за горами.

Старинная Русская пословица.

Стамбулъ (*), Константинополь, Царь-Градъ и Византія—вотъ имена, которыя всегда возбуждали во мнѣ какое-то благоговѣйное любопытство!.. Наконецъ, друзья мои, я вижу сей пресловутый градъ — и увы! повторяю съ нашимъ поэтомъ:

Почто очарованье
Свершилось не вполнѣ!

Но объ этомъ послѣ, ибо прежде всего я долженъ сказать вамъ, что письмо сіе, начатое мною еще въ Буюкдере и оканчиваемое на ка-

(*) Правильнѣе Исламбулъ, т. е. городъ Ислама.

Digitized by Google

юкѣ, везущемъ меня изъ Константинополя обратно къ эскадрѣ, есть отвѣтъ на первое и послѣднее ваше. Нужно-ли говорить, сколько я былъ обрадованъ имъ? Я читалъ и перечитывалъ милыя строки, и, признаюсь, не однократно приходило мнѣ въ голову, для чего не всѣ люди такъ хороши, какъ вы, друзья мои.... Но, что я говорю.... «Пламенная душа и чувствительное сердце суть пагубные дары природы» — сказано и доказано давнымъ давно!.. Вы спрашиваете: Что дѣлаетъ нашъ флотъ въ Босфорѣ? Какъ великъ онъ? Скоро-ли думаемъ возвратиться въ Россію, и не случилось-ли чего замѣчательнаго, начиная съ того времени, какъ отправилъ я къ вамъ послѣднее письмо мое?.. Буду отвѣчать по порядку. Изволите вы видѣть: стоимъ мы на якорѣ, все у того-же берега Буюкдерскаго, и не съѣзжаемъ на оный, конечно не потому, чтобы у насъ была чума въ карманѣ, какъ говорятъ здѣшніе Французы, но во избѣжаніе чумы дѣйствительной, съ нѣкотораго времени начинающей открываться тамъ и сямъ; каждодневно отдаемъ паруса для просушки... въ этомъ и состоитъ все наше дѣло, ибо Султанъ давно уже заключилъ миръ съ Пашею Египетскимъ, отдавъ ему все, чего хотѣлъ тотъ, яко-бы въ воздаяніе прежнихъ заслугъ его и изъ желанія прекратить всякіе раздоры: такъ имен-

Digitized by Google

но сказано въ фирманѣ, изданномъ по сему случаю. Само собою разумѣется, что теперь намъ остается лишь отправиться во свояси; ждутъ только отъ нашихъ, посланныхъ въ Анатолію, удостовѣрительныхъ извѣстій, на счетъ дѣйствительнаго отступленія Ибрагима за его новыя границы; а между тѣмъ мы уже перевозимъ на флотъ различныя тяжести, принадлежащія десанту, дабы при первомъ повелѣніи, со всевозможною скоростію забрать и его.

Флотъ нашъ, здѣсь находящійся, раздѣленъ на три отряда, сообразно времени прибытія каждаго изъ нихъ въ Босфоръ, такимъ образомъ, что суда прибывшія съ 8-го Февраля составляютъ 1-й отрядъ, съ 24-го Марта второй, съ 11-го Апрѣля отрядъ третій (*).

(*) 1-й отрядъ, корабли: Память Евстафія (подъ флагомъ Вице-Адмирала Лазарева), Чесма, Императрица Екатерина, Анапа; фрегаты: Эриванъ, Архипелагъ, Варна, Штандартъ; корветъ Сизополь, бригъ Пегасъ и люгеръ Широкій.

2-й отрядъ, корабли: Императрица Марія (подъ флагомъ Контръ-Адмирала Кумани), Парменъ, Адріанополь; фрегатъ Тенодосъ; транспорты: Китъ, Александръ; пароходъ Метеоръ.

3-й отрядъ, корабли: Парижъ (подъ флагомъ Контръ-Адмирала Спожевскаго.), Пименъ, Іоаннъ

Digitized by Google

Теперь, что касается до того, не случилось-ли у насъ какихъ достопримѣчательностей, скажу, во-первыхъ, что 23-го Апрѣля, совсѣмъ неожиданно прибылъ къ намъ, на корветѣ Пендераклія, нашъ Чрезвычайный Посолъ Графъ Орловъ, а 27-го, Его Сіятельство дѣлалъ смотръ флоту, и всѣ суда, составляющія оный, поочередно слышали очаровательныя слова: «Ребяша! Государь вамъ кланяется, надѣется на васъ!» Нужно-ли говорить; сколь единодушно отвѣчаемо было: «Рады стараться, Ваше Сіятельство!» Помнится, я описывалъ вамъ, какъ осматривалъ Султанъ наши сухопутныя войска? Теперь-же, слѣдуя порядку происшествій, надлежитъ мнѣ сказать нѣсколько словъ о смотрѣ, который дѣлалъ Его Величество флоту нашему. 20-го Мая назначенъ былъ смотръ сей, и не смотря на проливной дождь, лившій съ самаго ранняго утра, въ четвертомъ часу по полудни Турецкій пароходъ, подъ Султанскимъ фла-

---

Златоустъ; бомбардирскіе галіоты: Успѣхъ и Подобный; пароходъ Громоносецъ; транспорты: Редутъ-Кале, Таганъ, Утка, Чайка. Сверхъ сего стоитъ съ нами корабль Пантелеймонъ, только что пришедшій изъ Севастополя, и нашего Балтійскаго флота бригъ Улиссъ, изъ отряда Вице-Адмирала Рикорда, котораго также ожидаютъ сюда со дня на день.

Digitized by Google

гомъ (*), взошелъ на Буюкдерскій рейдъ, и между шѣмъ какъ на эскадрѣ, полуциркулемъ расположенной вдоль Европейскаго берега, расходились люди по реямъ и производился салютъ, наши сухопутныя войска, увѣнчавшія вершины прибрежныхъ горъ берега Азіятскаго, съ полчаса гремѣли безпрерывнымъ баталнымъ огнемъ! Какъ жаль, что погода была самая неблагопріятная, ибо въ противномъ случаѣ Буюкдерскій рейдъ явилъ-бы собою каршину великолѣпнѣйшую!...

Турецкая гвардія, нарочно выстроенная въ это время на Европейскомъ берегу, противъ флагманскаго корабля, оставалась безмолвною до шѣхъ поръ, когда пароходъ сталъ приближаться къ оному. Тогда, Турецкое Ай-в-алла! вторя Русскому: ура! слилось въ одинъ торжественный кликъ!... Въ это время пароходъ остановился, и Его Султанское Величество, съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ сѣлъ

(*) Малиноваго цвѣта, *шелковыми* (отъ чего, смоченный дождемъ, и изорвался онъ отъ вѣтра въ клочки, еще при началѣ смотра); на немъ было вензловое изображеніе имени Махмуда II-го. Кормовой флагъ парохода былъ точно такой-же, кромѣ только, что мѣсто вензеля занималъ на немъ оплывъ, обрисовывавшій образъ солнца.

Digitized by Google

въ каюкъ, и вскорѣ присталъ къ Адмиральскому кораблю, гдѣ, разумѣется, встрѣченъ былъ со всѣми почестями, должными Императору, исключая только то, что вмѣсто 6-ти фалрепныхъ офицеровъ поставлено было столько-же унтеръ-офицеровъ.

Прошедъ по шханцамъ и сказавъ нѣсколько словъ Графу Орлову и Адмиралу, Его Величество взошелъ на прекрасный юшъ корабля Память Евстафія; въ эту минуту подняли гюйсъ на крюйсъ-бомъ-брамъ-стеньгу, что означало условленный знакъ лагерю, и мгновенно верхи Азійскихъ горъ снова разразились баталнымъ огнемъ, и между тѣмъ, слѣдуя Адмиральскому кораблю, вдругъ вся эскадра прокричала пять разъ ура!..

Когда кончились перекаты выстрѣловъ, то Его Величество сошелъ въ Адмиральскую каюту и пожелалъ остаться одинъ. Тамъ провелъ онъ съ часъ времени, какъ говорятъ, частію въ молитвѣ, а частію въ куреніи табаку, и соизволилъ снова отправиться на пароходъ.... Пороху опять истратили много, и этимъ заключился смотръ (*). Прошу васъ, друзья мои,

(*) Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего присланы были отъ Султана на флотъ, въ подарокъ офицерамъ разныя сласти и вина, матросамъ ромъ, волы и по 6-ти піастровъ (по 1¼ рубли) на человѣка, а солдатамъ каждому по чаркѣ водки.

Digitized by Google

замѣтишь, что сіе посѣщеніе Христіанскаго корабля Турецкимъ Султаномъ, есть примѣръ, еще небывалый въ исторіи.

День, слѣдовавшій за симъ, то есть 21 Мая, былъ днемъ особенно близкимъ сердцу Русскаго моряка: день тезоименитства нашего Генералъ-Адмирала. Знаете-ли, друзья мои, какія иногда дивныя ночи нисходятъ на здѣшнія окрестности?.. ночи, о которыхъ житель Сѣвера не можетъ имѣть понятія, и прелесть коихъ скорѣе можно чувствовать нежели описать, или разсказать, въ чемъ именно состоитъ она!.. Въ это время душа бываетъ полна какою-то божественною тишиною, и взоръ невольно обращается къ царицѣ ночи, какъ будто черезъ этотъ видимый прорѣзъ небеснаго свода, мысль человѣческая свободнѣе достигаетъ *до источника свѣта!*.. Право, Турки на родинѣ своей имѣютъ поводъ видѣть въ семъ свѣтилѣ нѣчто болѣе нежели безжизненнаго спутника нашей бѣдной земли!.. И вообразите себѣ, что въ такую-то очаровательную, ни однимъ зефиромъ не возмущаемую ночь, внезапно грохотъ барабановъ всей эскарды оглашаетъ воздухъ *вечернею зорею*, и долго прибрежныя горы Европы и Азіи перекидываются нестройными отзывами сего воинскаго гула; но вдругъ взываетъ пушка съ корабля Ад-

Digitized by Google

миральскаго, раздаются залпы ружейные со всѣхъ прочихъ, и послѣ грома, разрушеннаго громомъ, водворяется безмолвіе сугубѣйшее, лишь изрѣдка тревожимое заунывнымъ *слу-ша-а-а-ай*, иль повременными окликами: кто гребетъ (*). Иногда минуты сіи бываютъ неизъяснимо прелестны. Говорю: *иногда*, ибо и

(*) Кстати сказать здѣсь, что мы предложили-бы, для судовъ пристающихъ къ борту послѣ зори, ввести въ употребленіе нижеслѣдующій, однообразный окликъ: на первый вопросъ часоваго: *Кто гребетъ?* отвѣчать именемъ судна, коему принадлежитъ гребное, напримѣръ говоря: *Транспортъ Китъ!* на второй и послѣдній вопросъ: *Есть-ли офицеръ?* отвѣчать: *нѣтъ!* буде нѣтъ офицера; *есть!* буде находится какой-бы то ни было оберъ-офицеръ; *Штабъ!* для всякаго штабъ-офицера, не измѣняя и для самого Командира того судна; *флагъ!* буде пристаетъ флагманъ или даже сухопутный Генералъ. Наиболѣе употребительный нынѣ окликъ есть: *Кто гребетъ! Съ котораго (!) корабля? Есть-ли Офицеръ?* На что отвѣчается: *Матросъ!* напримѣръ: *съ транспорта Китъ! Транспортъ Китъ!* (буде ѣдетъ Командиръ его). Нужно-ли говорить, сколько тутъ лишнихъ и несообразныхъ словъ! Для примѣра тому приведемъ слѣдующій рапортъ, который случилось мнѣ, бывши въ объѣздѣ, выслушать на одномъ изъ судовъ нашихъ:

Digitized by Google

здѣсь, друзья мои, хотя очень рѣдко, случаются ненастныя ночи, которыя въ состояніи соперничать съ любою изъ вашихъ арктическихъ! Если не вовсе такова была ночь 21-го Мая, то по крайней мѣрѣ, по выраженію извѣстнаго нашего Литшерапора, она была темна какъ судейская совѣсть; дождь съ самаго утра усердно стучалъ въ окна домовъ Буюкдерскихъ, отъ чего передъ вечеромъ, или, говоря по-морскому, передъ спускомъ флага, жители, проспавъ обыкновенія, не сидѣли на табуретикахъ у воротъ и у дверей своихъ. Даже заздравные салюты съ Адмиральскаго корабля не вызвали гулять по набережной (*),

---

«*Кто гребетъ?—Обѣздъ!—Обѣздъ, что отзывъ?—Болъ-брамъ-фордунъ! — Обѣздъ къ борту! Господинъ Обѣздъ, при кораблѣ* N. N. *караулъ, команда обстоятъ благополучно, замки и печати обстоятъ въ цѣлости; неночующихъ, подъ карауломъ, отлучившихся не имѣется; служители обстоятъ всѣ при своихъ мѣстахъ; воды въ кораблѣ* N. N. 10 *дюймовъ.*—Объѣздъ мимо, караулъ исправенъ!...»

(*) Набережная Буюкдерская, можно сказать, во всей здѣшней странѣ составляющая единственную ровную и гладкую дорогу, на версту или болѣе, способную даже къ каретной ѣздѣ, въ особенности со времени прибытія нашего флота служитъ поприщемъ для вечернихъ прогулокъ, не смотря даже на грязь, не рѣдко покрывающую ее, ибо для подобныхъ случаевъ всѣ

Digitized by Google

слѣдственно день прошелъ даже скучнѣе нежели когда нибудь. По обыкновенію, пробили *повѣстку*, бьютъ зорю, грохочетъ зоревая пушка, и вдругъ, въ этотъ самый моментъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, все воздушное пространство озаряется безчисленными огнями, и при ослѣпительномъ блескѣ *зеленоватыхъ* лучей ихъ (это были фальшфейеры на нокахъ рей), цѣлые десятки кометъ или ракетъ, какъ вамъ угодно, взвиваются къ самому зениту, разлетаются по всѣмъ направленіямъ, сыплютъ дождь искръ, уничтожаются съ шумомъ, съ трескомъ, и на мѣсто ихъ являются новыя, прекраснѣйшія!.. Ну, словомъ сказать, съ четверть часа продолжался такой хаосъ въ поднебесной, что совершенно прекрашилось ненастье, и прелесть фейерверка была тѣмъ ощутительнѣе, что вмѣстѣ съ окончаніемъ онаго снова полилъ дождь, и снова задулъ *кордъ*, который, замѣтимъ мимоходомъ, постоянно господствуетъ въ этой части пролива, ужь пять мѣсяцевъ (*).

здѣшнія красавицы имѣютъ родъ скамеечекъ, которыя, будучи сдѣланы наподобіе конька, надѣваются на ноги сверхъ башмаковъ. Не льзя не удивляться, съ какимъ искусствомъ иная *ножка* переставляетъ эти ходули съ камешка на камешекъ!

(*) Само собою разумѣется, что этому есть при-

Digitized by Google

Вотъ вамъ, друзья мои, между прочимъ и *описаніе* нашего морскаго празднества, буде можно назвать описаніемъ нѣсколько словъ, сказанныхъ не кстати, потому болѣе, что я обѣщался упоминать только о достойномъ упоминанія. И такъ возвратимся къ нашему предмету!

На другой день, т. е. 22 числа, вслѣдствіе удостовѣрительныхъ извѣстій о совершенномъ примиреніи Султана съ Пашею Египетскимъ, корветъ нашъ отправленъ былъ въ Одессу, остановить амбаркированіе новыхъ десантныхъ войскъ,

---

чина физическая, не зависящая отъ того, какой вѣтеръ господствуетъ на самомъ морѣ, ибо, въ отношеніи къ проливу, море сіе можно уподобить чашѣ, при одномъ изъ краевъ коей сдѣлана скважина; ясно, что ежели налить въ сію чашу воды, то въ какомъ-бы направленіи ни начали дуть на поверхность оной, отраженная струя воздуха будетъ всегда направляться къ отверстію. Странное дѣло, что даже до сего года, столь ознакомившаго насъ съ Босфоромъ, большая часть моряковъ нашихъ не имѣли о немъ надлежащаго понятія! Говаривали, что и теченіе тамъ ужасное, что и вѣтровъ нѣтъ, что и укрѣпленія неодолимыя! А ежели-бы знать да вѣдать, сколь все это ложно, то въ послѣднюю войну нашу съ Турками, во время продолжительнаго пребыванія флота ихъ въ Буюкъ-Лиманѣ, можно было-бы повторить то, что сдѣлали при Наваринѣ.

Digitized by Google

или, буде уже встрѣтимъ ихъ на пути, воротимъ, хотя-бы то было при самомъ устьѣ пролива (*). При помощи хорошаго вѣтра и ходкости корвета нашего, мы совершили переходъ сей въ 44 часа! Къ счастію, ни одно изъ зафрахтованныхъ судовъ еще не отправилось изъ Одессы; погружена была только провизія; почему, сдѣлавъ свое дѣло, на другой-же день пустились мы въ обратный путь, который однакоже былъ не столь успѣшенъ, какъ первый.

(*) Природная недовѣрчивость Турковъ, быть можетъ еще подстрекаемая извнѣ, побуждала къ таковой мѣрѣ; ибо не смотря на все наше радушіе и на общій голосъ, который говоритъ здѣсь, что если-бы Русскій флотъ опоздалъ 3-мя днями, то въ Константинополѣ, въ день Байрана, вспыхнулъ-бы ужаснѣйшій мятежъ—Турки не вѣрятъ чистотѣ намѣреній нашихъ, и при случаѣ не забываютъ объяснять обиняками, что помощь не нужна имъ болѣе. Кстати разсказать здѣсь слѣдующій анекдотъ, слышанный мною отъ очевидца. Однажды вечеромъ, толпа Турковъ усѣлась на приспани, слушать музыку, которая обыкновенно въ это время играетъ на флотѣ. Вдругъ подошелъ къ нимъ какой-то *Эфенди*, и можетъ быть не подозрѣвая, что находился тутъ Францъ, могшій понимать его, сказалъ со смѣхомъ: «Что вы слушаете, глупые люди! Вѣдь знаете-ли, что Рускіе наигрываютъ: Спамбулъ нашъ! Спамбулъ нашъ!..»

Digitized by Google

не прежде 29-го числа возвратились мы *во свояси* (*). За то ужь истинно можно сказать, что несли насъ одни зефиры.

Ставъ на якорь, узнали мы новость, что ожидаютъ сюда Неаполитанскій пароходъ, на коемъ путешествуетъ инкогнито братъ Греческаго Короля, Наслѣдный Принцъ Баварскій. 3-го Іюня, около полудня, пароходъ сей дѣйствительно прошелъ мимо насъ, отсалютовалъ нашему флоту 17-ю выстрѣлами, и обошедши вокругъ самаго устья Босфора, снова возвратился въ Буюкдере, и сталъ предъ домомъ Австрійскаго Посланника, куда Его Высочество отправился немедленно. На другой день, Принцъ, въ оберъ-офицерскомъ мундирѣ, посѣщалъ флагманскій корабль: Память Евстафія, почему на кораблѣ семъ поставлены были люди по реямъ, а по отъѣздѣ высокій посѣтитель былъ привѣтствуемъ съ онаго троекратнымъ ура и салютомъ изъ 21-го орудія.

17-го числа Султанъ дѣлалъ смотръ, на Азіятскомъ берегу, гренадерскимъ ротамъ полковъ нашихъ. Я не могъ быть на смотру семъ, а потому и не могу ничего сказать вамъ о

(*) Такъ въ шутку называли мы Буюкдерскій рейдъ; по пословицѣ: « привычка вторая природа. »

Digitized by Google

немъ; развѣ скажу то, что Его Величество былъ въ манціи, или лучше сказать въ простой солдатской шинели, съ воротникомъ, осыпаннымъ драгоцѣнными каменьями; что большая часть Турецкихъ офицеровъ были въ эполетахъ (*), и наконецъ, что большая часть Турецкихъ дамъ явились съ непокровенными носами и ртомъ!... О духъ времени!... О духъ преобразованій!... Кто-жъ послѣ этого согласится съ Г-мъ Морьеромъ, что доколѣ Турки останутся вѣрными ученію своего Магомеда, доколѣ, по неисчерпаемой благости Аллаха, они не станутъ ничего дѣлать; будутъ только дремать въ сладостномъ кейфѣ, будутъ весь день курить табакъ, и дорого платить за длинные черешневые чубуки (**)!

(*) Которые, замѣтимъ мимоходомъ, весьма нравятся имъ, и, какъ говорятъ, выписываются изъ Одессы уже цѣлыми десятками. Странно, что до сихъ поръ ни одинъ изъ нашихъ капиталистовъ не заведетъ въ Одессѣ фабрики офицерскихъ вещей и золотошвейни. Думаю, что онъ имѣлъ-бы важный сбытъ; теперь-же все это выписывается изъ Петербурга!..

(**) Во всѣхъ возможныхъ путешествіяхъ по Турціи, говорится объ удивительной нескладицѣ *національной* Турецкой музыки. Тагиръ Паша (Капитанъ-Паша), сей образованнѣйшій царедворецъ Махмута,

Digitized by Google

Ну, кажется, друзья мои, наконецъ перечиталъ я вамъ все, что только случилось у насъ изъ заслуживавшаго какое нибудь вниманіе. Теперь надобно также упомянуть, что 22-го я ѣздилъ (*) осматривать такъ называемый Юстиніановъ водопроводъ (aquaeductus Justiniani),

---

разговаривая о музыкѣ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ, сказалъ: « Да, еще года два, три, и эта музыка будетъ нравиться нашему народу.... »

(*) Въ Восточныхъ странахъ существуетъ два рода ѣзды: верховая — исключительно принадлежащая мужчинамъ — и ѣзда въ арбахъ — принадлежащая женщинамъ. Арба, всегда везомая парою воловъ или буйволовъ, есть нѣчто похожее на Римскую тѣлегу, или, проще, на нашу тѣлегу, если только покрыть ее дугообразнымъ бѣлымъ *тентомъ*. Рѣзьба и длинные ряды разноцвѣтныхъ кистей, симметрически повѣшенныхъ надъ спиною вола, по направленію длиннаго, изогнутаго прута, коего одинъ конецъ привязанъ къ хвосту животнаго, а другой воткнутъ въ ярмо — составляютъ единственное украшеніе сихъ возницъ временъ патріархальныхъ! И вообразите, что кататься въ арбѣ — всякая Турчанка почитаетъ величайшимъ удовольствіемъ. Даже на языкѣ этого сидячаго народа есть пословица: « Чтобъ быть счастливымъ въ жизни сей, надо травить зайцевъ сидя въ арбѣ!...» Впрочемъ, мнѣ случалось видѣть въ Константинополѣ женъ нѣкоторыхъ Пашей, разъѣзжавшихъ въ арбахъ, сдѣланныхъ на манеръ нашихъ каретъ и облитыхъ золотомъ....

Digitized by Google

находящійся верстахъ въ 10-ти отъ Буюкдере, въ окрестностяхъ довольно запачканной деревни, называемой не только городомъ, но еще и Бѣлгородомъ. . . . Я видѣлъ, друзья мои, сей истинно достопримѣчательный водопроводъ; я благоговѣлъ предъ тою искусною рукою, которая, сими великими громадами мрамора ограничивъ излишнее изліяніе водъ, на цѣлые вѣки обезпечила благосостояніе многихъ тысячъ народовъ! Но, что могу я прибавить къ описанію сихъ славныхъ памятниковъ древней образованности, когда одинъ изъ ученѣйшихъ мужей нашего времени (*), можно сказать исчерпалъ сей предметъ до дна? Думаю, что въ подобномъ случаѣ, болѣе нежели когда нибудь, res est magna—tacere! Но, говоря это мудрое правило, я въ тоже время проштворѣчу самъ себѣ, намѣреваясь описывать вамъ поѣздку свою въ Константинополь! Кто не читывалъ описаній сего знаменитаго города?... И я читалъ ихъ, друзья мои; но при всемъ томъ, лишь теперь имѣю о немъ надлежащее понятіе; по этому-то намѣренъ я сдѣлать и васъ участниками тѣхъ думъ и ощущеній, которыя, при видѣ бренныхъ остатковъ Византіи, попеременно занимали мою душу!...

(*) Генералъ Андреосси.

Digitized by Google

Былъ пятый часъ утра. *Зоря* еще гремѣла въ нашемъ лагерѣ, когда быстролетный каюкъ, движимый 30-ю левами (то есть 7-ю съ $\frac{1}{2}$-ю рублями), уже донесъ меня до средины Босфора. По мѣрѣ приближенія къ Константинополю, гребцы мои оподдували щеки болѣе и болѣе, выражая тѣмъ высочайшую степень *навалясь* (*), и будучи въ совершенной надеждѣ получить хорошій *бакшишъ* (**). Они старались занимать меня различными разсказами.

Какъ прелестны берега Босфора!... Вотъ ужь истинно, что махъ весла, то новая картина!...

«А это что такое?» спросилъ я наконецъ моего словоохотливаго Турка, указывая на зеленѣющійся мысъ, выказывавшійся изъ подъ эѳирнаго покрова утреннихъ тумановъ, прямо предо мною. — Это Царь-Градъ! — отвѣчалъ онъ. — А вотъ эти башни, мимо которыхъ проѣзжаемъ мы теперь, находясь на самомъ узкомъ мѣстѣ пролива и почти на самой сре-

---

(*) Морское техническое слово, употребляемое при греблѣ.

(**) Т. е., по-Христіански: на водку, а по-Мугаммедански это значитъ то самое, что наше Русское слово—*магарычъ*.

Digitized by Google

динѣ онаго. Онѣ означаютъ мѣсто переправы войскъ нашего *Мугаммеда*. Это были его первыя укрѣпленія. А знаете-ли вы, какимъ образомъ онъ опнялъ городъ у Конспантина?—(*) И что-же? На отрицательный отвѣтъ мой, гребецъ—въ добавокъ Турокъ, слѣдственно человѣкъ, ничего не читавшій въ жизнь свою—разсказалъ мнѣ ту самую сказку, которую у насъ всѣ школьные преподаватели *Исторіи* разсказываютъ между прочимъ о *Тирской* Царицѣ Дидонѣ, яко-бы основательницѣ Карѳагена, на землѣ, добытой посредствомъ воловьей кожи, изрѣзанной на ремешки, и о прочемъ!... Согласитесь, что это довольно странное столкновеніе обстоятельствъ, лицъ и событій!..

Но между тѣмъ, занятой разговорами и разсматриваніемъ мѣстности, вообще живописной,

---

(**) Турокъ, говорившій нѣсколько по-Русски, потому что въ послѣднюю войну нашу съ Турціею былъ взятъ въ плѣнъ подъ Сизополемъ и долгое время находился въ Бобруйскѣ (о которомъ впрочемъ теперь знаютъ только то, что «*тамъ работа мнова и булка черна*»), само собою разумѣется, разсказывалъ не такъ складно; дѣло не въ словахъ, а въ мысли. Кстати здѣсь замѣтишь, что Турки не называютъ Пророка своего и соименныхъ ему, какъ мы: Магометъ, но Мухамедъ или Мухаммедъ.

Digitized by Google

я чуть было не оставилъ безъ вниманія единственнаго здѣсь, на Азіятскомъ берегу, довольно обширнаго и красиваго строенія, могущаго исключительно на себѣ остановить взоръ путника. Это новый, только что отстроившійся Султанскій дворецъ, въ коемъ нынѣ и живетъ Его Величество. Прямо-же противъ дворца сего, у берега Европейскаго, находился сто-пушечный, подъ флагомъ Капинанъ-Паши, корабль *Махмутье*, отъ коего далѣе къ городу, даже въ самую глубину залива *Корнодора* (*), омывающаго сѣверо-западный

(*) До покоренія Константинополя Турками (1453), до той эпохи, когда Геллеспонтъ и Босфоръ содѣлались непроходимыми для Христіанскихъ націй, Генуэзцы, сіи Ганзеаты юга, держали въ рукахъ своихъ всю Леванстскую торговлю, и вліяніе ихъ на всѣ народы, съ коими они имѣли сношенія, было столь могущественно, что самые Греки, тогда образованнѣйшіе изъ всѣхъ, не избѣгли того, что даже языкъ ихъ во многихъ отношеніяхъ подвергся вліянію языка Итальянскаго. Этимъ-то изъясняется, почему такое множество Итальянскихъ наименованій, преимущественно-же въ отношеніи Географическомъ, сохранилось на почвѣ Греко-Турецкой даже до нашихъ дней!... Хотя нѣтъ, такъ сказать, историческихъ свидѣтельствъ, но нѣтъ и сомнѣнія, что къ числу послѣднихъ принадлежитъ имя залива, который, вдаваясь узкою полосою въ Европейскій берегъ Босфора,

Digitized by Google

берегъ Константинополя, расположенъ былъ, въ самой правильной линіи, весь Турецкій флотъ, состоявшій изъ 7 кораблей, 7 фрега-

---

отдѣляетъ самый Константинополь отъ важнѣйшихъ предмѣстій его, Перы и Галаты, расположенныхъ, равно какъ и Адмиралтейство, вдоль другаго берега залива сего. Весьма ясно, почему заливъ сей, могущій служить превосходною гаванью для кораблей цѣлаго свѣта, Генуэзцы называли Corno d'oro. На основаніи замѣчанія извѣстнаго Географа, Г-на Блоссевилля, что le meilleur nom géographique, quelle que soit son origine, doit être clair, harmonieux, bref et original (см. Abrégé de Géographie, par Balbi, единственное въ своемъ родѣ твореніе знаменитаго Географа и Статистика), и мыслей моихъ на счетъ географическаго именослонія, изложенныхъ въ 15 N° Моск. Тел. 1832 года—мы предлагаемъ именовать заливъ сей заливомъ *Корнодоро*, а не Золотымъ рогомъ, какъ это дѣлается доселѣ. Турки, сколько я могъ развѣдать, называютъ заливъ сей просто *Дэнызъ*, т. е. море. Извѣстно, что Черное море называютъ они *Карра-Дэнызъ*; въ противность сему Средиземное море именуютъ *Акъ Дэнызъ*, т. е. *Бѣлое море*. Впрочемъ, имя сіе вообще всѣми усвоено здѣсь Средиземному морю, не исключая и Русскихъ моряковъ. Мы предлагаемъ также, несвойственное названіе: *Марморное море*, принадлежащее собственно водамъ, непосредственно окружающимъ одинъ островъ Мармору — замѣнить названіемъ моря Пропонтидскаго: и сообразнѣе и отчетистѣе такъ сказать,

Digitized by Google

шовъ (*), 9 корвешовъ, нѣсколькихъ бриговъ и другихъ мѣлкихъ судовъ. Каюкъ нашъ, напущенный теченіемъ, несся по самой срединѣ пролива, вдоль линіи судовъ сихъ, и—каюсь предъ вами, друзья мои! — прежде нежели весь предался я созерцанію великаго града Константинова, я отдалъ дань удивленія прекрасной внѣшности Турецкаго флота, и замѣтилъ это моему гребцу-философу. «*Да, корабль нашъ хорошъ, да человѣкъ дуренъ*,» былъ его лаконическій отвѣтъ, послѣ котораго, къ сожалѣнію, разговоръ нашъ не возобновлялся, ибо въ это время солнце, выкатившись изъ-за горъ, ударило о шпицы минаретовъ. Просвѣтлѣли долы, и Царь-Градъ вполнѣ обрисовался для взоровъ моихъ, готовившихся къ чему-то чрезвычайному!... Но, между тѣмъ, скажите друзья мои: думали-ли вы, что иногда черезъ-чуръ восторженный другъ вашъ, не прибавитъ ни одной лепты къ тѣмъ гиперболически-прелестнымъ описаніямъ Константинополя, которыя встрѣчаются не рѣдко?...

«Плѣнительнѣе видъ Неаполя, восхитительнѣе видъ Ріо-Жанейро, очаровательнѣе видъ Палер-

(*) Въ томъ числѣ и нашъ Рафаилъ, единственный вооруженный чугунною артиллеріею; на всѣхъ прочихъ судахъ орудія мѣдныя.

Digitized by Google

мо, но все это ничто предъ видомъ Константинополя, въ особенности-же идя съ моря Пропонтидскаго!» говорилъ мнѣ одинъ изъ сослуживцевъ моихъ. Преимущественно съ послѣднимъ я совершенно согласенъ, ибо въ семъ случаѣ, такъ сказать, неприготовленное око вдругъ поражается всею прелестію и полнотою картины. Что-жъ касается до вида Константинополя, постепенно открывающагося для человѣка, ѣдущаго вдоль пролива отъ стороны Чернаго моря, то великолѣпіе вида сего, будучи безпрестанно предваряемо роскошнѣйшею мѣстностію и безчисленными живописными дворцами и селеніями, унизывающими оба берега Босфора, чрезвычайно теряетъ свою цѣну; по крайней мѣрѣ такимъ казался онъ мнѣ, и — я думаю, таковымъ покажется всякому, кто въ жизнь свою имѣлъ уже случай наслаждаться видами подобныхъ полудревнихъ и полуновыхъ городовъ. Такъ, напримѣръ, странное дѣло! нѣкоторыя части Константинополя имѣютъ большое сходство съ тѣмъ живописнымъ видомъ Ревеля, каковой въ прелестный лѣтній день представляетъ морская его сторона. И вообще говоря, это великое, необъятное для взора множество домовъ и домишковъ, оброивающее всѣ холмогоры южнѣйшей оконечности Европейскаго берега Босфора, составляя собственно городъ Константинополь, не имѣетъ само по себѣ ничего

Digitized by Google

особенно прекраснаго (*); но вѣчно лазуревое небо, но вѣчно зеркальная поверхность водъ залива Корнодоро, но величественный видъ мечетей, увѣнчавающихъ возвышеннѣйшія вершины прибрежныхъ холмовъ, и перспектива минаретовъ, сихъ живописныхъ эмблемъ возвышенности помысловъ человѣческихъ (**), разливаютъ какую-то скромную, задумчивую прелесть на все великое цѣлое!.. Между тѣмъ какъ пробирались мы среди необыкновеннаго множества каиковъ, съ отмѣннымъ искуствомъ рѣющихъ во всевозможныхъ направленіяхъ, и составляющихъ черезводное сообщеніе Константинополя съ его окрестностями, я удивлялся этой жизни и дѣятельности, которыя, вмѣстѣ съ очаровательностію мѣстоположенія, подавали мнѣ самое выгодное мнѣніе о городѣ и его окрестностяхъ. Но я совершенно разувѣрился въ этомъ, только что вышедши на берегъ Галатскій, ибо

(*) Любимѣйшій цвѣтъ Турковъ есть красный, а потому всѣ домы ихъ, не будучи прекрасными—прекрасные.

(**) Странное дѣло, что до сихъ поръ, въ нашей области письменъ не различаютъ двухъ, вовсе не однозначащихъ словъ: *возвышенность* и *возвышенность:* душа возвышенная, холмъ возвышенный—вотъ разница!

Digitized by Google

прежде нежели добрались мы до *операціонной линіи* всякаго путешественника—до линіи тракшировъ (коихъ въ самомъ Константинополѣ нѣтъ вове), много разъ надлежало прибѣгать къ той предосторожности, которую, помнится, долго заставляло употреблять у насъ въ Петербургѣ время холерное — такая вездѣ ужасная нечистота!..

Доставъ себѣ верховую лошадь, проводника-толмача, и въ то-же время отдавшись на волю того и другаго, я почти безъ отдыха ѣздилъ во весь остатокъ этого дня и во весь слѣдующій день. Могу сказать, что я видѣлъ все, что только можно видѣть безъ *протекцій* и фирмана, ибо какъ можно намъ, *людямъ маленькимъ*, добыть сильныя средства? И для чего-же они? Чтобъ видѣть то, чѣмъ не интересуется толпа *большихъ!.. Кофе ни по чемъ!.. А ужь сахаръ дешевле пареной рѣпы!..* Вотъ ихъ единственныя замѣчанія о Константинополѣ, плоды почти полугодоваго пребыванія въ окрестностяхъ онаго (*)!.. «Талантъ требуетъ сообщенія, участія другихъ,» сказалъ *представитель* нынѣшней Литературы нашей,

---

(*) NB. Въ 1833 году послѣ Рождества Христова!...

Digitized by Google

Николай Ивановичъ Гречъ. Но вовсе не желая намекать этимъ, чтобъ мы имѣли претензію на людей *талантливыхъ*, я долженъ сказать вамъ, друзьи мои, что это истина неоспоримая; съ этимъ согласится всякій, кто только, хотя нѣсколько, старался изучить себя и другихъ!... Что, если-бы напримѣръ, эта поѣздка моя въ Константинополь совершилась съ вами, почтеннѣйшій А... М..., мой менторъ при описаніи водъ Балтійскихъ? Сколько новыхъ замѣчаній и свѣтлыхъ идей, проблеснувъ въ душѣ моей, нашли-бы отзывъ въ пылкой душѣ вашей!... А теперь я одинъ, одинъ совершенно!... Я могу сказать о Константинополѣ только то, что, желая имѣть о немъ идею, достойную первобытной его славы, *надо не быть въ немъ!*.. Такъ думалъ я, когда возвращясь изъ очаровательной долины *Сладкихъ водъ*, находящейся верстахъ въ 10-ти за Перою, въ первый разъ проѣзжалъ я по граду храбрѣйшаго изъ Царей!..Ни что особенное не поразило чувствъ моихъ!.. Толпы праздношатающихся; крики шоргашей и возничихъ; *колонны* Турчанокъ, движущіяся около лавокъ съ разными пряпками — все это такъ обыкновенно!... Свидѣтели-же минувшей славы, памятники древности, находятся болѣе нежели въ жалкомъ положеніи!.. Всюду тѣснота, нечистота и развалины... и еще собаки!.. Однакожь никогда не забуду

Digitized by Google

я одной дивной картины, когда взошедъ на верхъ башни Сераскировой, высочайшей во всемъ Константинополѣ, я однимъ взоромъ обнялъ пространство огромное и невыразимо живописное!... Это была одна изъ тѣхъ минутъ, которыя возносятъ духъ нашъ превыше всего земнаго!...

Весь Константинополь, на подобіе узорчатаго ковра рисовавшійся при подножіи моемъ; живописное прибрежье Азіи; философская картина моря—и все это прикрытое чисто-лазурнымъ куполомъ полъ-неба—представляли такіе предметы, на которые не льзя было насмотрѣться вдоволь!... Тогда мысли мои, теряясь въ безднѣ вѣковъ минувшаго, казалось, отталкивали меня отъ цѣпи тѣхъ земнородныхъ, коихъ отзывы, дѣятельность и суетность достигали до меня, подобно отдаленнымъ звукамъ непостижимаго глагола океана!..

Вечерѣло, когда оставивъ башню и объѣхавъ еще разъ вокругъ Святыя Софіи, я сталъ помышлять о возвратномъ пути. Я не хотѣлъ оставаться долѣе тамъ, гдѣ ничто не оправдывало моихъ ожиданій.... Садясь въ каюкъ, могъ я только сказать съ знаменитымъ Шатобріаномъ: «Проходя сію философскую землю, которая безмолвнымъ краснорѣчіемъ своимъ ясно вѣщала мнѣ, какимъ образомъ пада-

Digitized by Google

ютъ и возстаютъ имперіи, я исповѣдывалъ собственное ничтожество предъ непостижимостію судебъ Провидѣнія — и долу преклонялъ мое чело!..»

Вотъ вамъ, друзья мои, весь отчетъ о поѣздкѣ моей въ Константинополь, о поѣздкѣ, хотя не вовсе бѣдной нѣкоторыми частными происшествіями, о коихъ со временемъ я буду говорить съ вами, но мало интересной вообще; а потому, не желая продлить письма сего, хочу лучше дать ему возможность поспѣть на почту, отходящую завтра въ Россію, изъ Штаба войскъ нашихъ при лагеряхъ Функиляръ-Силеси. Пишу на-бѣло, даже во время обратнаго плытія въ каюкѣ по проливу... До слѣдующей почты!

20-го Іюня 1833.

Корветъ Сизополь.

Н. Соковнинъ.

Digitized by Google

ЖИЛЬБЕРТЪ И ЛЮДОВИКЪ XV.

ПОВѢСТЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ВОЛЬНОМУ ЧЕРНЫМЪ ДОКТОРОМЪ.

Соч. Альфреда де Виньи.

(Окончаніе.)

Продолженіе исторіи о вѣшеной влохѣ.

Когда я отправился въ Версаль, была ужь темная ночь. Я ѣхалъ, что называется, Королевской ѣздой, то есть форрейторъ скакалъ въ галопъ, а коренныя бѣжали большой рысью. Черезъ два часа я прибылъ въ Тріанонъ. Подъѣзды были освѣщены и множество каретъ разъѣзжало около нихъ. Я думалъ, что найду весь Дворъ въ маленькихъ покояхъ, но люди пріѣзжали туда для того только, чтобы толкнуться носомъ въ дверь и опять возвратиться въ Парижъ. Толпа была только снаружи: въ Королевскихъ комнатахъ я не нашелъ никого, кромѣ дѣвицы де Куланжь.

Digitized by Google

— А, вотъ онъ наконецъ! — сказала она, давъ мнѣ поцѣловать свою руку. Король, лучшій человѣкъ въ свѣтѣ, прохаживался по комнатѣ и пилъ кофе изъ маленькой чашки голубаго фарфора.

Увидѣвъ меня, онъ засмѣялся отъ чистаго сердца.

— Боже мой! Докторъ—сказалъ онъ—мы не имѣемъ больше въ васъ надобности. Безпокойство было ужасное, но опасность ужь миновалась. Госпожа, которую вы здѣсь видите, отдѣлалась однимъ страхомъ. Вы знаете нашу маленькую слабость — прибавилъ онъ, положивъ руку на мое плечо и говоря вслухъ мнѣ на ухо:— мы боимся бѣшенства и видимъ его вездѣ. Да! очень было-бы пріятно имѣть въ домѣ собаку; но я не знаю, позволятъ-ли мнѣ охотиться.

«И такъ,» сказалъ я приближаясь къ камину, въ которомъ, не смотря на лѣтнюю пору, горѣлъ огонь (прекрасный обычай въ деревнѣ, между прочимъ будь сказано), «и такъ, чѣмъ могу я быть полезенъ моему Государю?

— Эта госпожа думаетъ — продолжалъ Король, покачиваясь на красныхъ каблукахъ своихъ, то на одномъ, то на другомъ поперемѣнно — что есть животныя, не больше вотъ этого (онъ сбилъ щелчкомъ табачную крошеч-

Digitized by Google

ку, приставшую къ кружеву его манжеты), что есть живошныя.... Ну, сударыня, не угодно-ли вамъ самимъ объясниться.

Дѣвица де Куланжъ сидѣла на своей софѣ, скорчившись какъ кошка, и спряпавъ свой лобъ подъ шелковый навѣсъ, какими закрывали тогда спинки мебелей отъ пудры. Она выглядывала украдкой, какъ ребенокъ, который унесъ конфекшу, и была хороша, какъ всѣ Амуры Буше и всѣ головки Грёза.

«Ахъ, Государь!» сказала она почти шепотомъ: «вы говорите такъ хорошо!...

— Но, сударыня, право я не могу передать вашихъ медицинскихъ идей....

«Ахъ, Государь, вы говорите такъ хорошо обо всемъ!...

— Постарайтесь, Докторъ, сами распросить ее; вы видите, что отъ нея ничего не добьешься.

Правду сказать, я и самъ былъ въ замѣшательствѣ. Я не слишкомъ понималъ, что онъ хочетъ сказать, и понялъ это только въ 90-мъ году.

— И такъ, сударыня, что-же это такое?— сказалъ я приближаясь къ любимицѣ. — Что-же это такое, сударыня? Что-же такое случи-

Digitized by Google

лось съ нами?... Мы немножко боимся... У насъ есть маленькія прихоти?... Женскія прихоти... Да, да, Государь, прихоти молоденькихъ женщинъ... Мы это знаемъ.... И такъ, что-же такое, сударыня? Какъ называются эти животныя?... Скажите-же, сударыня! Развѣ не хотимъ-ли мы быть нездоровы?...

Ну, я говорилъ все, что можно сказать вѣжливаго и пріятнаго молодой женщинѣ.

Дѣвица де Куланжъ посмотрѣла на Короля и на меня, я посмотрѣлъ на Короля и на нее, Король посмотрѣлъ на нее и на меня, и вдругъ всѣ мы захохотали такимъ продолжительнымъ смѣхомъ, какого я отъ роду не слыхивалъ. Она совершенно задыхалась, указывая на меня пальцемъ, а Король пролилъ кофе на свой парчевой камзолъ.

Когда смѣхъ его утихъ:—Довольно!—сказалъ онъ, взявъ меня за руку и насильно посадивъ на софу.—Поговоримъ о чемъ нибудь дѣльномъ, и оставимъ эту проказницу смѣяться надъ нами. Мы также дѣти какъ и она. Скажите мнѣ, Докторъ, какъ поживаютъ въ Парижѣ, въ послѣднюю недѣлю?

Замѣтивъ, что онъ въ веселомъ расположеніи, я отвѣчалъ:

— Лучше я скажу, Государь, какъ умираютъ

Digitized by Google

шамъ: довольно тяжело, если умирающій хоть немного поэтъ.

«Поэтъ!» повторилъ Король, и я замѣтилъ, что онъ съ неудовольствіемъ поднялъ голову, нахмурилъ брови и сложилъ ноги крестомъ.

— Поэтъ! — повторила дѣвица де Куланжъ, и я замѣтилъ, что ея нижняя губа выдалась, какъ губы всѣхъ женскихъ портретовъ временъ Людовика XIV-го.

Такъ! подумалъ я. Я это предвидѣлъ: достаточно одного этого названія, чтобы показаться смѣшнымъ или ненавистнымъ въ глазахъ свѣта.

«Но что за чертовщину онъ мнѣ разсказываетъ?» прибавилъ наконецъ Король. «Неужели Лагарпъ умеръ? Или онъ боленъ?

— Не онъ, Государь, совсѣмъ не онъ. Это другой, незначительный поэтъ, которому очень плохо, и я не знаю даже, спасу-ли его, потому что всякой разъ, какъ только ему становится лучше, порывъ негодованія опять ввергаетъ его въ состояніе отчаянное.

Я замолчалъ, и ни тотъ, ни другая не спросили меня: чѣмъ онъ страдаетъ?

Я продолжалъ съ обыкновеннымъ моимъ хладнокровіемъ:

Digitized by Google

— Это негодованіе страшно волнуетъ кровь и желчь его, и задушаетъ ими честнаго человѣка такъ сильно и ужасно, что по неволѣ содрогнешься.

Глубокое молчаніе было отвѣтомъ и на эти слова; ни тотъ ни другая не содрогались.

— Если—прибавилъ я — Государь съ такимъ благодушіемъ обращаетъ вниманіе на каждаго, самаго ничтожнаго писателя, то чтожь было-бы, если-бъ онъ зналъ того, котораго я сей часъ оставилъ?...

Опять продолжительное молчаніе; никто не спросилъ: какъ его зовутъ? Это было довольно прискорбно, потому что я зналъ его имя, тягостное для воспоминанія, зналъ это грустное имя, синонимъ горькой сатиры и отчаянія.... Но еще не спрашивайте меня о немъ; слушайте. Я продолжалъ, съ беззаботнымъ видомъ, чтобы не имѣть тона просителя:

— Если-бъ я не боялся утруждать снисхожденія Государя, то даже осмѣлился-бы просить у него помощи... какой нибудь маленькой помощи для. . . .

— Я обремененъ, заваленъ, сударь!— прервалъ меня Людовикъ XV-й.—Я обремененъ просьбами этого рода для бродягъ, которые упо-

Digitized by Google

требляютъ во зло наши благотворенія. — Потомъ, придвинувшись ближе ко мнѣ :—Для меня очень странно—сказалъ онъ — какъ вы, съ вашимъ знаніемъ свѣта, до сихъ поръ еще не понимаете, что кто молчитъ, тотъ не хочетъ отвѣчать.... Вы меня преслѣдовали до послѣдняго укрѣпленія; хорошо! Я буду говорить вамъ о вашихъ поэтахъ, и скажу, что не вижу большой надобности раззоряться на содержаніе этихъ добрыхъ людей, которые завтра-же напишутъ на нашъ счетъ премиленькіе стишки. Когда только есть у нихъ нѣсколько копѣекъ, они тотчасъ принимаются за работу, думая насъ учить, и всѣми силами стараются попасть въ Бастилію. Они хотятъ брать на себя роль Ришелье, не правда-ли?... Это страсть всѣхъ умниковъ, которые по моему очень глупы. Кончено! Мнѣ ужь наскучило быть сотрудникомъ этихъ людей; они и безъ моей помощи дѣлаютъ много зла... Теперь я не такъ молодъ и понимаю это дѣло; не знаю, пойметъ-ли его преемникъ мой, но это касается до него... Знаете-ли вы, Докторъ, что не смотря на мой беззаботный видъ, я по крайней мѣрѣ умѣю разсуждать, и меня не всегда проведутъ.

Тутъ Король всталъ и пошелъ скорыми шагами по комнатѣ, поправляя свой кружевный воротникъ. Вы можете представить, что по-

Digitized by Google

ложеніе мое было не слишкомъ весело, и что я также всталъ.

— Можетъ быть любезный братъ нашъ, Король Прусскій, находитъ удовольствіе покровительствовать поэтамъ. Онъ думалъ подшутить надо мной, и взялъ подъ свое покровительство Вольтера; но онъ сдѣлалъ мнѣ напротивъ большое удовольствіе; избавилъ меня отъ него, и выигралъ за то грубости, которыя долженъ слушать отъ этого господина. Право, эти люди воображаютъ, что умѣя красно говорить *немножко* о политикѣ, *немножко* о Философіи, они ужь могутъ съ своей школьной скамейки вскочить на каѳедру и проповѣдывать намъ.

Онъ остановился и прибавилъ тономъ болѣе веселымъ:

— Ничего нѣтъ скучнѣе такихъ проповѣдей, Докторъ, и я хочу слушать ихъ только въ моей церкви. Что-же могу я сдѣлать для покровительствуемаго вами? Дать ему пенсію? Но что-же изъ этого выйдетъ?... Завтра онъ назоветъ меня *Марсомъ*, по случаю Фонтенейскаго сраженія, и пожалуй назоветъ *Минервой* эту дѣвочку, которая не имѣетъ никакихъ притязаній на такой пиѳулъ.

Digitized by Google

(Я думалъ, что любимица разсердится; но она и не поморщилась. Она играла своимъ опахаломъ).

— Черезъ два дни онъ захочетъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ и станетъ разсуждать объ Англійскомъ правленіи, чтобы пріобрѣсть высокое мѣсто. Ему не дадутъ его, и хорошо сдѣлаютъ. Черезъ четыре дни онъ будетъ смѣяться надъ моимъ отцомъ, надъ моимъ дѣдомъ и надъ всѣми моими предками, до Людовика Святаго включительно. Онъ назоветъ *Сократомъ* Короля Прусскаго со всѣми его пажами, а меня пожалуетъ *Сарданапаломъ*, за то, что я принимаю этихъ госпожъ въ Тріанонѣ. Его велятъ взять по Королевскому повелѣнію, и онъ будетъ восхищаться, что страдаетъ за свою Философію.

«Ахъ, Государь!» вскричалъ я. «Этотъ противъ философовъ....

— Все равно—прервалъ Король.—Жанъ-Жакъ не былъ-бы моимъ другомъ, если-бъ и былъ ихъ непріятелемъ. *Сдѣлать себѣ имя, какими-бы то ни было средствами*: вотъ чего они добиваются. Всѣ эти люди на одинъ покрой. Каждый изъ нихъ, чтобъ быть тучнымъ, хочетъ отгрызть кусокъ отъ огромнаго пирога монархіи, и они еще дешево отдѣлываются тѣмъ,

Digitized by Google

что я ихъ оставляю теперь. Изъ всѣхъ искусниковъ, я почитаю людьми порядочными только музыкантовъ и танцовщиковъ: эти по крайней мѣрѣ никого не оскорбляютъ на своей сценѣ, не поютъ и не танцуютъ о политикѣ. За это я люблю ихъ, но не хочу, чтобы о другихъ мнѣ говорили.

Я хотѣлъ возражать и открылъ было ротъ для отвѣта, но онъ тихо взялъ меня за руку, и, съ видомъ вмѣстѣ веселымъ и важнымъ, пошелъ, переваливаясь по своему обыкновенію, къ дверямъ комнаты. Я, разумѣется, долженъ былъ за нимъ слѣдовать.

— Вы любите стихи, Докторъ? Послушайте-же, я прочту вамъ стихи, не хуже тѣхъ, которые ихъ сочиняютъ:

Il semble à trois gredins, dans leur petit cerveau,
Que, pour être imprimés et reliés en veau,
Les voilà dans l'état d'importantes personnes;
Qu'avec leur plume ils font le destin des couronnes;
Qu'au moindre petit bruit de leurs productions,
Ils doivent voir chez eux voler les pensions;
Que sur eux l'univers a la vue attachée;
Que partout de leurs nom la gloire est épanchée,
Et qu'en science ils sont des prodiges fameux,

Digitized by Google

Pour savoir ce qu'ont dit les autres avant eux ,
Pour avoir eu , trente ans , des yeux et des oreilles ,
Pour avoir employé neuf ou dix mille veilles
A se bien barbouiller de grec et de latin ,
Et se charger l'esprit d'un ténébreux butin ,
De tous les vieux fatras qui traînent dans les livres :
Gens qui de leur savoir paraissent toujours ivres ;
Riches , pour tout mérite , en babil importun ,
Inhabiles à tout , vides de sens commun ,
Et pleins d'un ridicule et d'une impertinence
A décrier partout l'esprit et la science (*).

(*) « Маленькому умишку этихъ нищихъ кажется , что если они напечатаны и переплетены въ сафьянъ, то они важные въ государствѣ люди. Они уже хотятъ своими перьями рѣшать жребій царствъ ; воображаютъ, что за малѣйшій слухъ о ихъ сочиненіяхъ, награды должны на нихъ сыпаться; что взоры вселенной обращены на нихъ ; что повсюду слава гремитъ объ ихъ имени ! Имъ кажется , что они сдѣлались чудомъ науки отъ того, что узнали сказанное прежде ихъ, что тридцать лѣтъ ходили съ ушами и глазами , что просидѣли нѣсколько тысячь вечеровъ марая по-Латыни и по-Гречески , и нагрузили память свою спарымъ соромъ , разбросаннымъ въ книгахъ : люди, вѣчно довольные своимъ знаніемъ, богатые, вмѣсто всѣхъ достоинствъ, нестерпимою болтовнею, не способные ни къ чему , не имѣющіе здраваго смысла , смѣшные, заносчивые, обезславившіе повсюду науки и умъ. »

Digitized by Google

— Вы видите, что *Дворъ однакожъ не совсѣмъ простъ* — прибавилъ Король, когда мы дошли до конца комнаты. — Вы видите, что ваши милые поэты глупѣе насъ, потому что сами на себя подаютъ розги, которыми ихъ можно сѣчь....— Потомъ онъ отворилъ мнѣ: я вышелъ откланявшись. Онъ оставилъ мою руку, вошелъ, заперся — и я услышалъ громкій смѣхъ дѣвицы де Куланжъ.

Я никакъ не умѣлъ рѣшить: это-ли называется: *вытолкать въ дверь?*

Одръ.

Я былъ такъ разстроенъ, что не хотѣлъ возвращаться къ Архіепископу и старался забыть больнаго, котораго у него видѣлъ. Мнѣ было нужно только нѣсколько минутъ, чтобы выкинуть изъ головы мысль о немъ, потому что я привыкъ укрощать порывы моей чувствительности.

— Жалкая побѣда! — проворчалъ Сшелло съ неудовольствіемъ.

Я ужъ думалъ, что совершенно освободился отъ этого безумца поэта — продолжалъ Докторъ — какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, меня позвали на какой-то чердакъ. Старая, глухая привратница показывала мнѣ дорогу.

Digitized by Google

— Но что-же я могу сдѣлать? — сказалъ я вошедши туда.—Это мертвый человѣкъ....

Она не отвѣчала, и оставила меня съ тѣмъ-же самымъ человѣкомъ, котораго вы ужь знаете, и котораго я узналъ съ трудомъ.

Онъ лежалъ, или, лучше сказать, почти сидѣлъ, на кровати, перетянутой ремнями и стоявшей посрединѣ пустой комнаты. Эта комната была мрачна и темна; ее освѣщала одна сальная свѣча, воткнутая, вмѣсто подсвѣчника, въ чернильницу, поставленную на огромной каменной печкѣ. Человѣкъ сидѣлъ на своемъ смертномъ одрѣ, покрытомъ худымъ, обмявшимся тюфякомъ; ноги его были завернуты лохмотьями шерстянаго одѣяла, голова обнажена, волосы растрепаны, грудь открыта и судорожно стянута смертными муками. Я также сѣлъ на кровать, потому что стула не было, и положилъ ноги на маленькій изъ черной кожи чемоданъ, на который поставилъ рюмку и двѣ стклянички съ лекарствомъ, безсильнымъ спасти больнаго, но по крайней мѣрѣ годнымъ къ тому, чтобы облегчить его страданія. Лицо его было прекрасно и благородно; онъ пристально смотрѣлъ на меня, но на верхней части щекъ его, между носа и глазъ, была замѣтна та неизъяснимая, невыразимая черта, которая говоритъ доктору: убирайся

Digitized by Google

прочь! и которую выставляетъ смерть, какъ знамя побѣды своей.

Въ одной рукѣ онъ держалъ перо, послѣднее перо свое, запачканное въ чернилахъ, ощипанное, измятое; въ другой черствую корку, послѣдній кусокъ своего хлѣба. Колѣна его дрожали и сталкивались такъ, что заставляли трещать ветхую кровать. Я прислушивался внимательно къ тяжкому, прерывистому дыханью больнаго: глухое хрипѣнье колокольца отдавалось въ груди его, и по этому звуку я узналъ приближеніе смерти, какъ опытный мореходецъ узнаетъ приближеніе бури по легкому шелесту вѣтерка, ей предшествующаго.

— И такъ ты являешься всегда одинакова?— сказалъ я смерти, такъ тихо, что слова мои могли отозваться въ ушахъ умирающаго только невнятнымъ шопотомъ. — Я узнаю тебя вездѣ, по твоему глухому голосу, который ссужаешь ты старымъ и молодымъ. Ахъ, какъ я знаю тебя и всѣ твои ужасы, для меня недоступные! Я чувствую холодъ, которымъ вѣютъ крылья твои, когда ты приближаешься, и вижу прахъ, съ нихъ сыплющійся, незримый для взоровъ другихъ людей!... И такъ это ты, неизбѣжная! Да, ты пришла избавить этого человѣка отъ горестей. Прими его, увлеки, я отдаю его тебѣ; избавь его отъ

Digitized by Google

всѣхъ золъ, которыя безпрестанно преслѣдуютъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы не успокоимся у тебя, благодѣтельный другъ!..

Я не ошибся: это была она, потому что больной пересталъ страдать, и невыразимое спокойствіе, предшествующее минутѣ тѣлеснаго разрушенія, разлилось по лицу его. Глаза его сдѣлались больше и смотрѣли съ удивленіемъ; на устахъ показалась улыбка; онъ два раза открывалъ ихъ, какъ-бы для того, чтобы поглотить изъ невидимаго кубка послѣднія капли жизни, и наконецъ произнесъ тѣмъ гробовымъ голосомъ, который вырываясь изъ внутренности, кажется выходящимъ изъ ногъ:

Au banquet de la vie infortuné convive.... (*).

«Это былъ Жильбертъ!» вскричалъ Стелло, всплеснувъ руками.

— Это ужь не былъ Жильбертъ—продолжалъ Докторъ, улыбнувшись одной половиной рта—потому что онъ не могъ ужь произнесть еще разъ этихъ словъ. Подбородокъ его склонился на грудь, корка хлѣба и перо поэта выпали въ одно время изъ рукъ. Правая рука его дол-

(*) На жизненномъ пиру собесѣдникъ несчастный....

Digitized by Google

го еще оставалась въ моей рукѣ, но я напрасно искалъ пульса. Я поднялъ перо и поднесъ къ его рту: слабое дыханіе чуть-чуть пошевелило косицы пера, какъ будто вылетающая душа мимоходомъ простилась съ нимъ; потомъ онѣ остались неподвижны. Я приложилъ къ холоднымъ устамъ стекло моей табакерки: оно не тускнѣло; тутъ я закрылъ мертвому глаза и взялъ свою шляпу.

Потерянный ключъ.

«Вотъ ужасный конецъ!» сказалъ Стелло, приподнявъ голову съ подушки и устремивъ на Доктора смущенный взоръ.... «Но гдѣ-же были его родственники?

— Они работали на своемъ полѣ, и я былъ очень доволенъ тѣмъ.... Родственники у постели умирающаго, для меня самые несносные люди.

«Отъ чего-же?» спросилъ Стелло.

— Если болѣзнь бываетъ продолжительна, то они играютъ самую жалкую роль. Въ первую недѣлю, они, предвидя приближеніе смерти, плачутъ и ломаютъ себѣ руки; въ слѣдующую, привыкаютъ къ мысли, что человѣкъ, ими оплакиваемый, долженъ умереть, толку-

Digitized by Google

ютъ о послѣдствіяхъ и дѣлаютъ ужъ кое какіе разсчеты; наконецъ еще недѣля, и они начинаютъ говорить потихоньку: *Мы измучились отъ безсонницы; за чѣмъ продолжаютъ его страданія; право, ужъ лучше будетъ для всѣхъ, когда это кончится.* И если послѣ того больной проживетъ еще нѣсколько дней, то на меня смотрятъ очень неласково. *Сидѣлки* (*) въ такихъ случаяхъ, по моему; гораздо лучше; правда, что имъ иногда очень хочется украсть простыню или одѣяло, но по крайней мѣрѣ онѣ не говорятъ ничего.

« О, Черный Докторъ! » воскликнулъ Стелло: « вѣчно неумолимый съ своими горькими истинами!...

— Сверхъ того, Жильбертъ негодовалъ на своего отца и на свою мать; во-первыхъ за то, что они произвели его на свѣтъ, а во-вторыхъ, что выучили читать.

« Ахъ! это правда! » сказалъ Стелло. « Онъ написалъ:

(*) Les gardes-malades.

Digitized by Google

Malheur à ceux dont je suis né. . . .

. . . . . .

Père aveugle et barbare! impitoyable mère!
Pauvres, vous faillait-il mettre au jour un enfant
Qui n'hérita de vous qu'une affreuse indigence!
Encor si vous m'eussiez laissé votre ignorance!
J'aurais vécu paisible en cultivant mon champ:
Mais vous avez nourri les feux de mon génie (*).

— Вотъ стихи очень справедливые — сказалъ Докторъ.

« Дурныя рифмы, » прибавилъ другой по привычкѣ.

— Я хочу только сказать, что онъ имѣлъ полное право жаловаться, зачѣмъ его выучили читать; потому что съ самаго того дня, когда онъ сталъ читать—онъ ужъ былъ поэтъ, и слѣдственно принадлежалъ къ тому роду, который презрѣнъ на землѣ.... Что-же ка-

---

(*) « Горе виновникамъ дней моихъ!... Отецъ безразсудный и жестокій! мать безжалостная! для чего произвели вы на свѣтъ дитя, которому не отдали ничего, кромѣ нищеты вашей! Если-бы вы по крайней мѣрѣ оставили мнѣ ваше невѣжество, тогда-бы я могъ прожить спокойно, обрабатывая поле мое: но вы раздули пламень моего генія! »

Digitized by Google

саешся до меня, то какъ я ужь имѣлъ честь вамъ сказать, я взялъ свою шляпу и хотѣлъ выйдти; но въ дверяхъ встрѣтились мнѣ хозяева бѣднаго жилища, которые горевали о пошерѣ ключа. Я зналъ, гдѣ этотъ ключъ.

« Ахъ, какъ вы меня терзаете! » сказалъ Стелло. « Не говорите больше: я знаю эту исторію.

— Какъ вамъ угодно — отвѣчалъ Докторъ съ скромнымъ видомъ.—Я не буду распространяться о подробностяхъ хирургическихъ—и не шѣмъ думаю доставить вамъ облегченіе — но скажу просто, что я возвратился къ этому бѣдняку Жильберту, вскрылъ трупъ его, вынулъ изъ пищепріемнаго канала ключъ, и отдалъ его хозяевамъ.

Съ Французскаго П. С.

Digitized by Google

Поѣздка къ Ледовитому морю, Фр. Бѣлявскаго.— *Поѣздка въ Якутскъ*, изд. Н. Щ.

(Окончаніе.)

Отъ сѣверныхъ береговъ Кондійскихъ и Обдорскихъ, напоминающихъ первоначальное покореніе Сибири во времена Іоанна, Василія, Ермака, и бѣдствіе знаменитаго Меншикова, мы попросимъ теперь читателей нашихъ перейдти на Сѣверо-Востокъ, въ другую сторону Сибири. *Якутскъ* — средоточіе сборки дорогихъ Сибирскихъ мѣховъ, мѣсто, ошкуда расходятся пути въ Охотскъ, Камчатку, Америку, и къ Ледовитому морю по рѣкамъ Ленѣ, Индигиркѣ и Колымѣ, обратитъ на себя наше вниманіе. Здѣсь менѣе-ли *историческихъ* воспоминаній? Нѣтъ!

Разложите передъ собою карту Сибири, и отправимся въ Якутскъ, не тѣмъ путемъ, по которому нынѣ ѣздятъ въ сей отдаленный городъ: намъ надобно-бы для этого отъ Обдорска опять ѣхать въ Тобольскъ, и на почтовыхъ скакать потомъ въ Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ. Разсмотримъ *первобытный* путь въ Якутскъ.

Задолго до существованія Иркутска и Нерчинска, въ началѣ XVII-го столѣтія, послѣ утвер-

Digitized by Google

жденія за Россіею завоеваній Ермака, власть Русскаго Царя понемногу раздвигалась около Тобольска, на югъ и востокъ. Управлявшіе Сибирью Воеводы разспанавливали *острожки*, или городки, безпрерывно далѣе и далѣе. Такъ построены были ими: *Нарымъ* и *Кетской* 1596 г., *Туруханскъ*, или Мангазея 1600 г., *Туринскъ* 1601 г., *Томскъ* 1604 г., *Кузнецкъ* 1618 г., *Енисейскъ* въ 1619 г., *Красноярскъ* въ 1627 г. Но сіи раздвиженія были медленны, шихи, слишкомъ осторожны для Русскаго духа. Смотря на карту, вы увидите, что въ постройкѣ упомянутыхъ нами городковъ, въ теченіе 25-ти лѣтъ, собственно сдѣлано было два главныя распоряженія: по теченію Оби Русскіе шли далѣе, и поставили *Нарымъ*, *Томскъ* и *Кузнецкъ*; потомъ перебрались въ сѣверѣ на другую большую рѣку, и построили на ней *Туруханскъ* (*), *Енисейскъ* и *Красноярскъ*. Тутъ вездѣ встрѣчались они съ кочевыми и осѣдлыми Сибирскими народами, дрались съ ними, прогоняли, покоряли, били ихъ. Отдаленность отъ Москвы мѣшала наблюденіямъ за дѣйствіями правителей Сибири. Вспомните и то, какое время было тогда для Россіи: время Годунова, Самозванца, Шуйскаго, первыхъ лѣтъ Михаила! Тогда требовали тяжкихъ пособій отъ Сибири; не думали о томъ, чтобы дать помощь

(*) *Или Мангазею.* Какъ жаль, что это имя, столь памятное по Лѣтописямъ, замѣнено нынѣ простонароднымъ именемъ — *Туруханскъ*.

Digitized by Google

тамошнимъ Воеводамъ. Къ этому присоединялись корыстолюбіе и своевольство Воеводъ, самовластныхъ повелителей дикой и богатой страны. Кому было на нихъ жаловаться? *До Бога высоко, до Царя далеко:* эта пословица едва-ли не въ Сибири началась. И какъ было жаловаться бѣдному дикарю, или какому нибудь Казаку, надъ которыми власть Воеводы была, по необходимости, безгранична? И что̀ было сдѣлать съ Воеводою, когда онъ исправно присылалъ въ Москву богатые ясаки Сибирскіе, умножалъ число ихъ, а посланный судить его торговался съ нимъ на соболяхъ и лисицахъ объ оправданіи? Не смотря на то, рѣдкій изъ Воеводъ Сибирскихъ оканчивалъ свое служеніе безъ суда и безъ наказанія (*).

Пока все это дѣлалось тихо и медленно, съ пересылкою множества приказныхъ бумагъ и грамотъ, удалый Русскій духъ умѣлъ найдти себѣ занятіе. И въ Сибири являлся онъ такимъ-же чуднымъ Русскимъ духомъ, какимъ былъ на Новгородскомъ вѣчѣ, на полѣ Куликовскомъ, на Нижегородскомъ базарѣ.

(*) Первый посланный въ Сибирь Воевода, послѣ покоренія нынѣшняго Тобольска, былъ Князь Семенъ Болховской, отправившійся изъ Москвы въ 1583 году. Послѣ того, до преобразованія управленія Сибири Петромъ Великимъ, было въ Тобольскѣ *сорокъ три* Воеводы. Пересмотрите любопытное исчисленіе дѣлъ ихъ въ Сибирскомъ Лѣтописцѣ, который помѣщенъ въ III-мъ т. *Россійской Виблiовики* Новикова (стр. 104—288).

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ, какъ Ермакъ открылъ Сибирь (*завоевалъ*, кажется будетъ сказано слишкомъ много), она сдѣлалась пристаномъ множества выходцевъ изъ Россіи. Подобно Ермаку, одни шли туда снова заслуживать себѣ *честное имя*; другихъ привлекала корысть: хотѣли обогатиться, думали найдти въ Сибири *золотое дно*; третьихъ переселяли туда нарочно, и они принимали образъ жизни и духъ первоначальныхъ завоевателей Сибири; наконецъ, множество народа бѣжало туда, спасая голову отъ плахи. Какъ будто нарочно, смутныя времена отъ Годунова до 1620-го года породили въ Россіи неисчетныя толпы бездомныхъ *Казаковъ* и *Черкесовъ*: такъ обыкновенно называли ихъ въ Россіи. Михаилъ принужденъ былъ даже посылать цѣлыя войска противъ людей, привыкшихъ не знать ни чести, ни отчизны, въ буйныхъ набѣгахъ подъ предводительствомъ Сапегъ, Рожинскихъ, Лисовскихъ, Заруцкихъ, Болотниковыхъ, Баловней, Лапшей, Сагайдачныхъ. Они проходили для добычи, потомъ для спасенія жизни своей, въ лѣса Олонца и Неноксы, въ горы Терки и Дербента, и толпами бѣжали отвсюду въ Сибирь. Вообразите: чего могло устрашиться все это вольное населеніе Сибири? Чего могли побояться такіе люди, для которыхъ *смерть* была истинно *копѣйка*, по Русской поговоркѣ? Пока настоящіе *рядовые* Казаки отстрѣливались изъ своихъ острожковъ отъ Татаръ, Остяковъ, Киргизовъ, Калмыковъ, и ждали приказа Воеводскаго, чтобы идти далѣе, или сбирать ясакъ, тысячи новыхъ Ермаковъ являлись изъ среды *Казаковъ вольныхъ*, и ихъ подвиги, заб-

Digitized by Google

венные Исторіею, могутъ изумить воображеніе даже въ наше время, когда его не изумляютъ никакіе новые Французскіе романы и драмы!

Обыкновенно, сіи искатели приключеній собирались небольшими партіями, запасались оружіемъ, какимъ могли (*), служили молебенъ Николаю Чудотворцу, и пускались по рѣкамъ, въ какихъ нибудь дрянныхъ суденышкахъ. Сибирь казалась нескончаемою: сколько ни шли впередъ, все конца ей не было; рѣка являлась за рѣкою, лѣсъ за лѣсомъ, народъ за народомъ, и вездѣ нѣсколько Казаковъ гнали тысячи дикарей, и всюду дорогіе мѣха обильно доставались въ добычу (**). Пройдя нѣкоторое разстояніе, иногда весьма обширное, Казаки останавливались, строили *зимовье*, укрѣпляли его, и посылали звать къ себѣ новыхъ товарищей. Вскорѣ они обогащались, начинали дорожить жизнію и спокойствіемъ, шли далѣе медленно, для того только, чтобы покорить окрестныхъ сосѣдей и обезопасить свое жилище; новые удальцы замѣняли ихъ, и неутомимо проходили по рѣкамъ впередъ. Прежніе, уже усталые, осѣдлые, зажиточные, по-

(*) *Жеваная*, не литая пуля была самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но донынѣ въ Якутскѣ сохранились патроны, вмѣсто пуль съ звѣриными когтями. Объ этомъ упоминаетъ Г-нъ Щ.

(**) Донынѣ у Якутовъ осталось первоначальное названіе, данное ими Рускимъ: *Луча*, т. е. лѣшій. Какъ много высказываетъ одно это слово!

Digitized by Google

сылали къ Царскимъ Воеводамъ, сказашь, что *милостію Божіею, а Государевымъ счастіемъ*, они обрѣли новый народъ, новую землю. Ихъ подкрѣпляли войскомъ, брали заняшыя ими земли на имя Царя, и нерѣдко изъ нихъ-же дѣлали первыхъ Воеводъ и заселенцевъ новой сшраны (*).

Такъ производились всѣ завоеванія въ Сибири, и опъ шого сшоль неровно и непосшепенно шла Русская власшь по Сибирской землѣ. Всего чаще, вольнымъ удальцамъ далеко впереди удавалось сдѣлашь шо, о чемъ долго послѣ нихъ даже не смѣли помышлять Царскіе Воеводы, дѣйсшвуя осшорожно и опчешливо.

Сообразише, чшо шолько около 1630 года упвердилась Царская власшь на предѣлѣ нынѣшней Иркушской губерніи, при рѣкѣ Канѣ, просшираясь по Оби и Енисею. Но въ эшо время, какъ уже смѣло и далеко шли, воевали и шорговали вольные Казаки и кочевые купцы, ибо за покорителями слѣдовали ошважные шорговцы Усшюга, Тошьмы, Ваги, Яренска, Соликамска, Каргополя. Какъ Аника Сшроговъ указалъ пушь Ермаку, шакъ сіи шорговцы указывали дорогу, давали средсшва

(*) Донынѣ во многихъ городахъ Сибирскихъ найдеше попомковъ опъ основашелей сихъ городовъ, извѣсшныхъ по лѣшописямъ и записками Сибирскимъ.

Digitized by Google

его послѣдователямъ, и въ покоренныхъ ими земляхъ заводили торговлю и промышленность (*).

Мы упомянули объ изумительныхъ предпріятіяхъ Сибирскихъ завоевателей. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ. Изъ Енисейска, по Верхней Тунгускѣ, пробрались они къ прибрежью Лены. Изъ Туруханска отправились по Нижней Тунгускѣ соперники ихъ, узнавшіе объ успѣхѣ, и прошли на Киренгу и Вилюй. Въ 1632 году уже заложенъ былъ ими *Якутскій* острогъ, а въ 1639 г. по Алдану пробрались они до Яблоннаго хребта, и узнали о существованіи Амура. Въ 1638 году, отвага Перфильевъ ходилъ по Вишиму и провѣдалъ Шилку, родоначальницу Амура, а Казакъ Москвитинъ, въ 1639 году, по Алдану, Маѣ и Юдомѣ, выплылъ въ Охотское море. Въ Илимскій острогъ, на Ленскій волокъ, присланъ былъ первый Воевода въ 1647 г., но въ Якутскѣ былъ уже Воевода съ 1640 года. *Илимскъ* и *Якутскъ* сдѣлались главными точками Царской власти на востокѣ Сибири. Между тѣмъ,

---

(*) И впослѣдствіи, почти всѣ отважные купцы, мореплаватели въ Америку: Поповы, Пропасовы, Лапины, Кульковы, Шапкины, Пановы, были изъ сѣверной Россіи. Москва и другіе города гораздо менѣе сѣверныхъ участвовали въ торгахъ Сибирскихъ, и только геніяльный Шелеховъ, съ 1776 года, открылъ путь въ Сибирь купцамъ Курска, Рыльска, и другихъ южныхъ городовъ.

Digitized by Google

въ 1643 г. Поярковъ уже проплылъ до самаго устья Амура, и моремъ шелъ оттуда къ Охотску. Соливычегодскій торгашъ Хабаровъ въ 1649 г. отправился закладывать Албазинъ, и отчаянно дрался съ Китайцами (Богдойскими людьми), когда съ юга Сибири узнали оффиціяльно о Китаѣ многими годами позднѣе (*). Но пока Поярковы и Хабаровы шли на югъ, отважность увлекла другихъ удальцовъ въ самый глубокій Сѣверъ. До 1646 года, они узнали въ сѣверѣ рѣки Яну, Индигирку, Алазею, Колыму. Въ 1647 г. *Семенъ Дежневъ*, простой Казакъ, совершилъ то, чего не могли донынѣ совершить въ наше время, при всѣхъ пособіяхъ науки: изъ устья Колымы, онъ обогнулъ Чукотскій носъ, *первый* прошелъ проливомъ между Азіею и Америкою, который несправедливое потомство назвало по имени жалкаго Беринга, и приплылъ въ Анадырь, съ 25-ю человѣками; остальные его товарищи всѣ погибли дорогою. Тутъ Дежневъ дрался съ дикарями, не зная: гдѣ онъ, куда идти и чѣмъ питаться? Уже въ 1450 году, его нашла на Анадырѣ

(*) Первый посолъ въ Китай былъ Ѳедоръ Байковъ, отправившійся изъ Тобольска въ 1654 году. Прежде, сношенія съ Китаемъ производились, и вѣсти оттуда доходили, черезъ Калмыцкихъ и Монгольскихъ Хановъ. Воевода Петръ Годуновъ составилъ изъ свѣдѣній, собранныхъ имъ въ Тобольскѣ, довольно подробное описаніе Китая, около 1670 года. Сіе любопытное описаніе см. въ *Продолж. Россійской Вивліовики*, т. VII, стр. 198.

Digitized by Google

партія удальцовъ, отправясь изъ Нижне-Колымска, и сухимъ путемъ прошедши по рѣкѣ Анадыру. Отсюда пустились Казаки въ Камчатку, и Морозко, черезъ 40 лѣтъ послѣ Дежнева, узналъ уже о Японіи и положеніи Курильскихъ острововъ.

Такъ обгибались повсюду отважныя путешествія Казаковъ и торговцевъ Сибирскихъ, и постоянное завладѣніе Сибирью не успѣвало слѣдовать за ними. *Колымскъ*, *Анадырскъ*, *Албазинъ* уже существовали, и имя Царя Русскаго было уже извѣстно Чукчамъ, Камчадаламъ, Японцамъ и Китайцамъ, когда рѣшились наконецъ соединить ближайшею дорогою земли между *Албазиномъ* и *Енисейскомъ*, главнѣйшимъ мѣстомъ управленія восточною Сибирью. Только въ 1660-хъ годахъ, Воевода Пашковъ заложилъ городки *Иркутскій*, *Нерчинскій*, *Телембинскій*; только въ 1711-мъ году въ первый разъ поплыли въ Камчатку изъ Охотска моремъ, до того времени сообщаясь съ Камчаткою черезъ Анадырскъ.

Такова Историческая сѣтка, которою дѣписатель можетъ означить покореніе Сибири и подвиги нашихъ Пизарровъ, Коршеповъ, Алмагровъ, отвергнувъ ложную мысль, будто у насъ иначе дѣлалось, нежели въ другихъ земляхъ (*). Просимъ прощенія у читателей, что имя *Якутска* увлекло насъ въ область Историческихъ воспоминаній отъ настоящаго

(*) Ист. Гос. Росс. т. V, стр. 359 (2-го изданія).

Digitized by Google

го состоянія сего мѣста, которое изображаетъ въ *Поѣздкѣ* своей Г-нъ Щукинъ. Краткій очеркъ нашъ можетъ однакожь показать: какую обширную и прекрасную каршину долженъ имѣть въ виду будущій Историкъ Сибири! Принимаясь за трудъ свой, онъ сообразитъ природу и мѣстность Сибирскую, громадную, разнообразную, и въ предварительномъ очеркѣ покажетъ намъ Исторію Сибири до XV-го вѣка. Онъ подумаетъ о томъ: когда зашли въ сѣверъ племена древнихъ *Саковъ* или Турковъ (Остяки, Вогуличи, Самоѣды); когда пришелъ на Лену Турецкій народъ *Якутовъ*; когда изъ Америки перешли въ уголъ Сибири *Чукчи*; остановишся надъ древними могилами и неизъяснимыми надписями Сибирскими; разберетъ смѣшеніе Азійскихъ аборигеновъ *(Тунгусовъ)* съ Монгольскими племенами *(Бурятами, Калмыками)*, и съ Турецкими *(Киргизами, Башкирами)*; взглянетъ на *Камчадаловъ*, *Коряковъ*; вспомнитъ и исчезнувшія нынѣ племена Сибирскія; наконецъ изобразитъ основаніе *царства Чингизидовъ* въ Сибири. Тутъ явится движеніе Рускихъ въ сѣверъ Сибири, когда Іоаннъ III-й положилъ основаніе самобытности Русскаго Царства. Съ другой стороны изобразится каршина кочевой Казацкой жизни на югѣ Россіи, вольной удалости Новгородскихъ *ушкуйниковъ* (*), и то, какъ

(*) Въ то время, когда на югѣ образовались удалыя *Казацкія* общества, въ Новгородѣ, Успюгѣ, Вяткѣ, удаль Русская проявляла себя *ушкуйничествомъ*: такъ

Digitized by Google

торговля и удаль ведутъ въ Сибирь Строгоновыхъ и Ермаковъ, и какъ за ними слѣдуетъ гражданское образованіе Сибири и Христіанская религія. Какая богатая рама для руки опытной, мастерской, для человѣка, видѣвшаго Сибирь, ибо безъ этого картина его будетъ мертва! Мы увидимъ въ сей картинѣ отважнаго Хабарова и смѣлаго Толбузина на Амурѣ, Дешнева и Стадухина на Ледовитомъ морѣ, переходы, постепенно испытанные Сибирью, и происшедшее отъ того нынѣшнее ея состояніе. Сколько тутъ красокъ: *Китайцы* осаждаютъ Албазинъ съ тысячами, гдѣ сотнями Руских предводительствуетъ *Англичанинъ* Бейтонъ; *Шведъ*, плѣненный подъ Выборгомъ въ 1706 г., строитъ корабль въ Охотскѣ, и плаветъ въ Камчатку; *Рыльскій мѣщанинъ* Шелеховъ отправляется на кораблѣ, не лучше какого нибудь Скиѳскаго, и открываетъ Америку; герой Павлуцкій бьется съ Американскими Чукчами; Остяки, Якуты, Тунгусы, Буряты, Коряки осаждаютъ Русскіе городки, и жестоко сражаются за свою независимость; Русскіе караваны идутъ въ Китай; Мунгальскій Алтынъ-Ханъ

назывались вольные походы людей, плававшихъ на сѣверъ и на югъ въ *ушкуяхъ* (особеннаго рода лодкахъ), и грабившихъ и опустошавшихъ Ордынцевъ, сѣверныхъ дикарей, иногда и православныя области, а иногда заходившихъ даже далеко въ Сибирь. Подробности мы объяснимъ въ *Ист. Русск. Народа*, сказавъ здѣсь только, что *ушкуйничество* донынѣ не обратило на себя надлежащаго вниманія Русскихъ историковъ.

Digitized by Google

посылаетъ въ Москву, ударитъ челомъ Бѣлому Царю, изъ стенеи, гдѣ нѣкогда стояли побѣдительныя юрты Чингиса; наконецъ Петръ мыслитъ объ исполинскомъ предпріятіи: *покорить Китай*, между тѣмъ, какъ онъ-же посылаетъ Беринга *искать проѣзда между Азіею* и *Америкою* и пути по Ледовитому морю въ Архангельскъ и въ Индію; Бековича добывать золото въ Аму-Дарьѣ, Вильстера покоритъ Мадагаскаръ (*), а самъ идетъ отнять богатые Закавказскіе края у Персіянъ!

Все это прошло; все постепенно влилось въ предѣлы политическаго образованія Россіи, которая послѣ Петра увлечена была силою времени и обстоятельствъ въ систему Запада Европы. *Сибирь* сдѣлалась *Россіею*; ее узнали всю. Удальцы кончили свои предпріятія, и мирно почили: иной среди

(*) Къ удивленію, до сихъ поръ не обращено ни чье вниманіе на изслѣдованія объ экспедиціи, которую предполагалъ Петръ Великій, войдя въ сношенія съ славнымъ флибустіеромъ Вилліамомъ Морганомъ, и думая основать *Русскія колоніи на Мадагаскарѣ*. Голиковъ говоритъ объ этомъ въ XIV-мъ томѣ *Дополненій*, подъ 1724 годомъ. Но его извѣстія недостаточны. Мы просили-бы почтеннаго В. Н. Берха, знакомаго подробно съ матеріялами для Исторіи Россійскаго флота, сообщить публикѣ дальнѣйшія и болѣе подробныя свѣдѣнія о предпріятіи, которое весьма сильно занимало Петра Великаго. Никто лучше Г-на Берха не можетъ удовлетворить въ семъ отношеніи справедливаго любопытства соотечественниковъ.

Digitized by Google

волнъ Ледовитаго Океана; другой въ лѣсахъ Америки; третій въ долинахъ Монголіи. Америка перестала привлекать послѣдовавшихъ за тѣмъ черезъ Сибирь искателей приключеній, подчиненная владѣнію привиллегированной торговой Компаніи; съ Китайцами мирно торгуютъ Рускіе на Кяхтѣ; на становищахъ Кучума спокойно промываютъ теперь золото изъ песковъ; дикари смиренно покорствуютъ владычеству Рускихъ; отъ Петербурга до Нижне-Камчатска постоянно звенитъ почтовой колокольчикъ, и въ Охотскѣ пьютъ Шампанское, привезенное изъ Петербурга черезъ 10,000 верстъ. Такъ и должно быть. Пожелаемъ однакожь, чтобы прошедшее было для насъ оживлено мастеромъ своего дѣла въ достойной картинѣ, а въ ожиданіи того, взглянемъ на *нынѣшній Якутскъ*, какъ онъ есть; послушаемъ, что скажетъ намъ объ Якутской сторонѣ почтенный нашъ путешественникъ, и дозволимъ себѣ повѣрить нѣкоторыя изъ его извѣстій другими свѣдѣніями, и тѣмъ, что мы сами знаемъ объ Якутскѣ, и сторонѣ Якутской.

Г-нъ Щ. былъ въ Якутскѣ лѣтомъ 1830 года, и провелъ тамъ зиму. Онъ описываетъ цѣлый годовой кругъ быта Якутскаго, въ 36-ти небольшихъ письмахъ. Содержаніе сихъ писемъ разнообразно. Если они въ самомъ дѣлѣ были писаны на мѣстахъ путешествія, то напрасно потомъ Авторъ не придалъ имъ болѣе стройности и порядка, напрасно многаго онъ не дополнилъ, оставивъ на замѣткахъ своихъ слѣды легкости впечатлѣній первыхъ, которыя впослѣдствіи могли быть изглажены наблюденіи-

Digitized by Google

емъ болѣе прилежнымъ и болѣе основательнымъ.

Нынѣшній путь отъ Иркутска до Якутска довольно извѣстенъ. Читатели могутъ видѣть топографію его въ путешествіи Сарычева, и особенно въ путешествіи Хвостова и Давыдова (*). Недавно въ Повѣстяхъ и Разсказахъ Марлинскаго мы перечитали живописный очеркъ дороги изъ Якутска въ Иркутскъ, яркій, блестящій, неподражаемый очеркъ! Не выписываемъ здѣсь изъ него ни одной черты, ибо читатели Телеграфа видѣли его вполнѣ (**).

Какъ за Тобольскомъ къ Березову мы замѣтили прекращеніе полнаго общественнаго образованія не въ дальнемъ разстояніи отъ сей Сибирской столицы, такъ, собственно говоря, оно прекращается при верховьяхъ Лены недалеко отъ Иркутска. Здѣсь, гдѣ хребетъ горъ Байкальскихъ, обогнувшись на западъ, поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, можете провесть прямую черту на сѣверъ, къ западному краю Якутской области, и по рѣкѣ Анабарѣ до Ледовитаго моря: вы означите сею чертою *собственно-Якутскую Область*, прибавивъ къ ней небольшую восточную часть Иркутской губерніи.

Путь въ эту сторону, на разстояніи 275-ти

(*) *Двукратное путешествіе въ Америку* Хвостова и Давыдова, изд. А. С. Шишковымъ (СПб. 1810—1812 гг., 2 ч.).

(**) Письмо къ Доктору Эрману (*Телеграфъ*, 1831 г. книжка 17-я).

Digitized by Google

верстъ отъ Иркутска, обыкновенный, большею частію идетъ черезъ Буряцкія селенія. Въ *Качугѣ* пристань; здѣсь рѣка Лена, шириною уже съ Волгу подъ Тверью, ждетъ васъ: это нынѣшній единственный путь далѣе на востокъ отъ Иркутска. Лѣтомъ, вы плывете по Ленѣ до Якутска; зимою ѣдете по льду ея, поднимаясь для перемѣны лошадей къ селеніямъ, разсѣяннымъ по лѣвому берегу Лены, и опять спускаясь на ледъ сей рѣки.

По этой водяной полосѣ, на разстояніи 2500 верстъ, вся населенность тѣснится по лѣвому берегу рѣки; тутъ находятся и города *Киренскъ*, *Олекминскъ*, и между ними упраздненный городъ *Витимъ*. Вся правая сторона отъ рѣки Лены до Яблоннаго хребта къ югу, и къ юго-востоку до Охотской дороги — пустыня, которую можно назвать *Тунгусіею*: здѣсь только около Якутска живетъ немного Якутовъ, но собственно по ней разсѣяны и кочуютъ Тунгусы, простираясь на юго-западъ за Байкалъ, и сближаясь тамъ съ Монгольскими поколѣніями, Буряатами. Смотря на сію пустыню, путешественникъ, плывущій по Ленѣ, видитъ только иногда уединенныя жилища Якутовъ и мѣлкія кочевья Тунгусовъ. Три вѣковѣчные обитателя сей пустыни привѣтствуютъ еще его шумомъ волнъ своихъ: это три рѣки — *Киренга*, *Витимъ*, *Олекма;* двѣ послѣднія, и третья *Алданъ*, текутъ почти параллельно съ юга на сѣверъ, и впадаютъ въ Лену — Витимъ и Олекма при городахъ, по ихъ именамъ названныхъ; Алданъ ниже Якутска, изогнувшись къ сѣверо-востоку, и по-

Digitized by Google

томъ круто повернувъ на западъ. Это суть три пути, по которымъ наши удальцы нѣкогда хаживали на Амуръ.

Лена (по-Якутски *Орюсъ*, т. е. рѣка, или *Эббе* — бабушка) есть величайшая изъ Сибирскихъ рѣкъ, хотя несправедливо похитила это право у Вишима. Здѣсь можно сдѣлать любопытное замѣчаніе: у насъ на Руси есть *три* примѣра такихъ географическихъ похищеній: *Волга*, *Енисей* и *Лена*. Во всѣхъ географіяхъ вы читаете, что *Ока* впадаетъ въ *Волгу*, *Ангара* въ Енисей, *Витимъ* въ Лену, когда повѣрка на мѣстахъ доказываетъ противное, и надобно-бы говорить, что *Волга* впадаетъ въ Оку, *Енисей* въ Ангару и *Лена* въ Витимъ. Отъ чего такое недоразумѣніе? Отъ того, что Руссы, простираясь съ сѣвера къ югу-востоку, шли по Волгѣ, не замѣтили Оки, и продолжили имя *Волги* по сліянію оной съ Окою. Тоже было съ Ангарой. Рускіе шли по Енисею, и долго потомъ не знали, что бѣдная *Тунгузка*, впадающая съ правой стороны, есть громадная *Іоандези*, или *Ангара*. Съ Леною была таже исторія: Рускіе узнали Витимъ, когда далеко впереди они называли уже теченіе его Леною. Ни одной изъ этихъ рѣкъ такъ не жаль, какъ *Ангары*. Если-бы предки наши не сдѣлали географической ошибки, и правильно назвали Ангарою рѣку, *вытекающую изъ Байкала, поглощающую въ себя Енисей, и впадающую потомъ въ Ледовитое море*, то честь: имѣть въ предѣлахъ своихъ *самую величайшую рѣку въ мірѣ* принадлежала-бы Россіи. Теперь этой чести мы лишаемся несправедливо, и должны уступать ее Африкѣ и Америкѣ. Но чѣмъ посо-

Digitized by Google

бишь? Какъ прикажете передѣлать Исторію и Географію, гдѣ *Енисей* торжественно течетъ въ Океанъ, а исполинская *Ангара* смиренно уступаетъ ему свое имя?

Г-нъ Щ. невыгодно изображаетъ все Русское населеніе къ Ленѣ отъ Иркутска, и по самой Ленѣ. Жители сихъ мѣстъ бѣдны, невѣжественны, склонны къ пьянству и ябедѣ. Приходскія Училища были открыты по всѣмъ волостямъ Иркутскаго и Киренскаго уѣздовъ, когда П. А. Словцовъ находился Директоромъ Иркутской Гимназіи. Но послѣ него подумали, что содержаніе сихъ Училищъ тягостно, и «легко можетъ статься, что крестьяне, выучив-«шись читать и писать, сдѣлаются ябедниками» (слова Г-на Щ., стр. 21). Вслѣдствіе сего Училища были закрыты. Но теперь, по Высочайшему повелѣнію, велѣно вновь открыть ихъ. Приленскіе звѣриные промыслы становятся годъ отъ году хуже; звѣри постепенно удаляются въ глубь лѣсовъ и пустынь; крестьянскія заняпія у жителей ничтожны (*) Городъ *Киренскъ* не что иное,

(*) Климатъ не благопріятствуетъ земледѣлію, однакожь оно можетъ быть и на Ленѣ; только безпечность жителей совершенно лишаетъ ихъ выгодъ земледѣлія, и особенно скотоводства. Бывало много примѣровъ, что трудолюбивый, дѣятельный крестьянинъ, поселясь на Ленѣ, дѣлался зажиточнымъ и даже богатымъ семьяниномъ. Такъ и Г-нъ Щ. (стр. 60)

Digitized by Google

какъ бѣдное селеніе, гдѣ менѣе 100 домовъ и двѣ церкви. Даже горшки возятъ сюда изъ Иркутска; здѣсь нѣтъ даже мяснаго ряда, и жители запасаются провизіею на цѣлый годъ отъ торговцевъ, которые весною плывутъ въ Якутскъ цѣлыми караванами и на пути останавливаются подлѣ Киренска.—Селеніе *Витимъ* замѣчательно тѣмъ, что въ немъ средоточіе добыванія слюды. Нѣкогда слюда составляла важный предметъ здѣшней торговли. Сибиряки не знали употребленія для окошекъ стекла и предпочитали ему слюду. Въ прежнія времена даже щеголяли въ Сибири большими слюдяными окнами, искусно набранными изъ кусочковъ слюды. Теперь она главнѣйше употребляется только для оконницъ на флотскіе корабли, но въ Сибири выходитъ изъ общаго употребленія. Между Точильною и Березовскою станціями, Русское остроуміе дало названіе *Гусельной горы* двумъ горамъ, у которыхъ въ береговомъ изломѣ обозначились пласты разноцвѣтнаго песчаника правильными полосами; эти полосы назвали *струнами*, а всю го-

---

упоминаетъ о почтенномъ крестьянинѣ *Леонтіи Яньевинѣ*, который 45-ть лѣтъ тому былъ поселенъ близъ нынѣшней Харапикской станціи. Неутомимымъ прилежаніемъ достигъ онъ до того, что разжился и даже обогатился, и теперь, будучи родоначальникомъ цѣлаго селенія, *блаженствуетъ*, по словамъ Г-на Щ., будучи уваженъ за свое примѣрное поведеніе, и живя не только достаточно, но даже роскошно.

Digitized by Google

ру *гуслями*. Городъ *Олекминскъ* состоитъ изъ 60 домовъ и юртъ. — Г-нъ Щ. съ восторгомъ описываетъ послѣ сего, такъ называемые: *Ленскіе столбы*. Противъ Синей станціи, гдѣ Лена въ ширину около пяти верстъ, на протяженіи 2-хъ верстъ берега находятся сіи *столбы*; потомъ прерываются они лѣсомъ, и идутъ опять верстъ на 15-ть. Это собственно уклонъ прибрежной горы къ рѣкѣ, составленный изъ огромныхъ обломковъ, крѣпкаго, какъ мраморъ, извесшковаго сланца, сѣраго, краснаго, желтаго, бѣлаго цвѣтовъ. Сіи обломки отъ вершины прибрежныхъ горъ идутъ въ нѣсколько рядовъ до самой рѣки, пробиваются потоками, отщѣняются лѣсомъ, и составляютъ собою такія своевольныя, прихотливыя изображенія, что изумляютъ путешественника, какъ громадностью, такъ и разнообразіемъ самыхъ странныхъ фигуръ: башенъ, замковъ, колоннъ, крѣпостей, оцвѣчиваясь притомъ чудною мозаикою цвѣтовъ и оттѣнковъ, какая видна въ сихъ громадахъ. Въ пустыняхъ отдаленной Сибири, этому дивному явленію природы изумляется только изрѣдка являющійся, наблюдательный странникъ; воображеніе жителей не соединяетъ съ нимъ никакой волшебной сказки. Люди, занятые хлопотами жизни, ѣдутъ и плывутъ мимо съ стоическимъ равнодушіемъ.

Якутскъ (62° 1′ 50″ ш. и 147° 23′ 45″ д., отъ СПбурга 8,807, отъ Иркутска 2,648 верстъ) построенъ на долинѣ при рѣкѣ Ленѣ, теченіе которой отошло теперь отъ города версты на двѣ, такъ, что находясь на берегу громадной рѣки,

Digitized by Google

жители Якутска чрезвычайно нуждаются въ водѣ, и употребляютъ большею частію ледяную воду изъ зимняго запаса льду. Въ Якутскѣ считаютъ до 300 домовъ. Г-нъ Щ. полагаетъ число жителей до 1811 человѣкъ; но по извѣстіямъ Г-на Миницкаго (*Журн. М. В. Д.* ш. III, стр. 155) ихъ 2626, именно: 1560 м. и 1066 женскаго пола (не постигаемъ, отъ чего такая разница въ счисленіи Г-на М. и Г-на Щ.). Семь церквей, богато украшенныхъ, и одна правильно обстроенная улица, придаютъ Якутску видъ значительнаго города, послѣ пустынь и бѣдныхъ селеній, какія путешественникъ видѣлъ по берегамъ Лены. Старинная деревянная крѣпость Якутская почти разрушена. Ея не поддерживали, не поправляли, а конечное разрушеніе нанесъ ей какой-то Городничій, употребившій часть бревенъ ея на заборъ; еще болѣе погубила ее мысль — построить въ Якутскѣ *Клубъ*, для котораго не пожалѣли единственной достопамятности города (Г-нъ Щ. стр. 130). Г-нъ Щ. грустилъ надъ развалинами сей достопамятности, которой нынѣ минуло 200 лѣтъ. Описывая подробно остатки ея, онъ сообщаетъ намъ также не менѣе грустное извѣстіе о драгоцѣнномъ Якутскомъ архивѣ. Этотъ архивъ догниваетъ теперь безъ всякаго призрѣнія, въ ветхомъ амбарѣ. Множество рукописей изъ него разпаскано, и свертками изъ архива во многихъ домахъ заклеены окошки: въ какой-то юртѣ Г-нъ Щ. списалъ съ окошка драгоцѣнное донесеніе Якутскому Воеводѣ объ открытіи Охотскаго моря (Г-нъ Щ. стр. 138). Къ счастію, трудолюбивый Миллеръ, сопро-

Digitized by Google

вождая Беринга во второй его экспедиціи, успѣлъ разобрать Якутскій архивъ, и какъ изъ Чердынскихъ и Соликамскихъ, такъ и изъ Якутскихъ бумагъ извлекъ свои многочисленныя извѣстія, драгоцѣнныя не только для Исторіи Сибири, но даже и Россіи (*). Нынѣшніе осташки Якутскаго архива занимали Г-на Щ., и ихъ еще сохранилось такъ много, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Г-нъ Щ. не успѣлъ перебрать ихъ половины; одно слѣдственное дѣло о первомъ Якутскомъ Воеводѣ Головинѣ, смѣненномъ въ 1645 году, составляетъ собою свертокъ около аршина въ діаметрѣ. Впрочемъ, можемъ-ли мы упрекать въ небреженіи Якутскихъ археографовъ, зная состояніе многихъ драгоцѣнныхъ архивовъ въ Римѣ и Парижѣ?

Г-нъ Щ. подробно изображаетъ климатъ Якутскій: онъ вообще одинаковъ съ климатомъ другихъ сѣверныхъ мѣстъ Сибири. Лѣтомъ жары, доходящіе до 28° въ тѣни и 45° на солнцѣ. Въ $10\frac{1}{2}$ часовъ

(*) Многое осталось-бы для насъ неизвѣстнымъ, напримѣръ, въ Исторіи Междоцарствія и Самозванцевъ, безъ матеріяловъ, извлеченныхъ Миллеромъ изъ Сибирскихъ архивовъ. Не говоримъ уже о драгоцѣнныхъ свѣдѣніяхъ, касательно Исторіи самой Сибири, послѣ Миллера не обращавшей на себя почти ни чьего вниманія. Его-же извѣстія перебирали и выдавали за *новость* люди, печатавшіе подъ своими именами въ новѣйшее время свѣдѣнія Историческія о Сибири; и не только дѣлали это Русскіе писатели, но даже иностранцы (напримѣръ, извѣстный Клапротъ).

Digitized by Google

вечера, солнце закашывается за горизонтъ, красное какъ рубинъ, втрое болѣе обыкновенной величины своей; роса падаетъ на землю; жаръ спадаетъ на 12°, а къ восхожденію солнца на 8°.—Это время дѣятельности жителей, которые днемъ прячутся въ домы свои отъ жара; въ часъ по полуночи природа засыпаетъ; пѣніе птичекъ умолкло; свѣтило бываетъ во всю ночь, какъ въ лѣтній пасмурный день, и въ 2 часа ночи солнце, бѣлымъ, огромнымъ шаромъ восходитъ снова на небосклонъ, почти на сѣверѣ. При такихъ жарахъ лѣтомъ земля не оттаиваетъ однакожъ болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина; но сила произрастанія въ это время бываетъ ужасающая. Съ первыхъ чиселъ Августа наступаетъ осень; вода мерзнетъ; въ первыхъ Октября уже наступаютъ 15-ти градусные морозы; съ половины Сентября все бываетъ покрыто снѣгомъ. Въ юртахъ и бѣдныхъ домахъ куски льда замѣняютъ тогда окошки, и морозы въ Декабрѣ доходятъ до 40 градусовъ обыкновенно, но бываютъ въ 46, и даже болѣе 50 градусовъ! Ртутъ замерзаетъ зимою на воздухѣ; солнце едва явится на небѣ, и уже, тусклое, блѣдное, скрываетъ за небосклонъ. Глубокая, продолжительная ночь тягостѣетъ тогда надъ Якутскомъ. Дыханіе человѣческое видимо мерзнетъ на воздухѣ, журча, какъ сухая трава, раздираемся руками. Все тихо, душно; отъ густоты застывшаго воздуха, какъ будто въ туманѣ, вы ничего не видите въ трехъ саженяхъ. Но сѣверныя сіянія горятъ въ это время на небѣ великолѣпными фейерверками, необъятными пожарами. Постепенно потомъ, холодъ умень-

Digitized by Google

шается, снѣгъ исчезаетъ. Въ началѣ Мая, съ верховья Лены плывутъ уже *паузки* и *барки*, неся на себѣ годовое продовольствіе Якутской области и роскошь Запада. Тогда въ Якутскѣ открывается ярмарка. Покупаютъ, что привезли изъ Иркутска, продаютъ, что добыли, скупили у Якутовъ и Тунгусовъ; тутъ собираются торговые караваны въ Охотскъ; тогда отправляются туда и казенные транспорты, ибо всѣ берега Охотскаго моря и Камчатка существуютъ только тѣмъ, что доставляется туда изъ Якутска и Иркутска. Привезенное остается въ Якутскѣ до слѣдующаго года, и въ Апрѣлѣ отправляется по льду до Алдана, ибо иначе должно тонуть въ болотахъ до сей рѣки. Вообще путешествіе и перевозка тягостей въ Охотскъ, простираясь на 1114 верстъ, представляетъ собою нѣчто похожее на странствованія пустынныхъ каравановъ, какіе донынѣ ходятъ въ Азіи и въ Африкѣ. Тѣлежной дороги нѣтъ. Черезъ рѣки и горы ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ, и везутъ во вьюкахъ все, что слѣдуетъ въ Охотскъ: казенныя вещи, купеческіе товары, запасы для селеній Россійско-Американской Компаніи. Въ Охотскѣ ожидаютъ сего привоза транспортныя суда, и плывутъ потомъ въ Ижигинскъ, Камчатку и Америку. *Вьюкомъ* по Охотской дорогѣ называютъ двѣ кожаныя сумы, перекинутыя на спинѣ лошади, такъ, что каждая лошадь везетъ слишкомъ пять пудовъ. Въ такихъ сумахъ все перевозится въ Охотскъ — мука и водка, сукно и ленты. При каждыхъ 12-ти лошадяхъ бываетъ *проводникъ* Якутъ; 100 и 150 лоша-

Digitized by Google

дей называютъ *конвоемъ*. Ежегодно по Охотской дорогѣ употребляется для перевоза тягостей отъ 7-ми до 12,000 лошадей. Купцы, ѣдущіе въ Охотскъ, уподобляясь древнимъ странникамъ Аравіи, кочуютъ впередъ и обратно подъ открытымъ небомъ, везя съ собою всѣ дорожные запасы, и палатки, въ которыхъ останавливаются ночевать, пуская лошадей искать подножнаго корма. Въ другое время года, въ Охотскъ ходитъ только почта, разъ въ мѣсяцъ, зимою слѣдуя до Алдана въ обыкновенныхъ повозкахъ; потомъ 120 верстъ верхомъ на лошадяхъ; 260 верстъ верхомъ на оленяхъ, и 160 верстъ въ нартахъ на собакахъ.

Такъ-же, какъ для Охотска и Камчатки, Якутскъ есть средоточіе сношеній казенныхъ и торговыхъ съ другими мѣстами Восточной Сибири, кои суть: *Жиганскъ*, *Зашиверскъ*, *Средне-Колымскъ* (гдѣ бываетъ въ Февралѣ мѣсяцѣ торговля съ Чукчами). Сношенія съ сими мѣстами производятся обыкновенно зимою. Здѣсь въ безмѣрныхъ, снѣговыхъ пустыняхъ, путешественникъ останавливается ночевать въ снѣгу, разгребая себѣ яму въ снѣгу, разводя въ ней огонь, и закапывая платье свое въ снѣгъ, пока огонь отогрѣваетъ его самого, ибо иначе платье замерзнетъ и скоробится, разогрѣтое отъ огня.

Мы должны-бъ были написать не Журнальную статью, но цѣлую книгу, если-бы рѣшились представить читателямъ наши замѣчанія обо всемъ томъ, къ чему даетъ поводъ поговорить сочиненіе Г-на Щ., принимая притомъ для соображеній опи-

Digitized by Google

санія другихъ путешествениковъ и самовидцевъ. Мы могли-бы представить читателямъ нашимъ вообще картину безмѣрной дикой пустыни Восточной, составляющей *Якутскую Область*, гдѣ на *сто тысячахъ* квадратныхъ верстъ пространства, обитаетъ всего жителей мужескаго пола съ небольшимъ *семьдесятъ* тысячь. Въ семъ числѣ въ Якутскомъ уѣздѣ собственно полагается болѣе 50,000, (Якутовъ болѣе 47,000, Тунгусовъ болѣе 2,700, остальное Рускіе; пространство уѣзда составляетъ до 20 ш. кв. верстъ). И такъ на остальныя 80 ш. кв. верстъ остается жителей *тысячь двадцать!* Разсыпьте-же ихъ по этому страшному пространству; соедините ихъ около рѣкъ, въ мѣлкихъ селеніяхъ (*); проложите между ними дикія пустыни, которыя, начиная съ 70° далѣе къ сѣверу, вовсе безлѣсны, шундренны; протяните по этому пространству *рѣку Бабушку* (какъ называютъ Якуты Лену) и другія громады водныя: *Анабару*, *Оленекъ*, *Яну*, *Индигирку*, *Колыму*, всѣ прямо и параллельно къ сѣверу; присовокупивъ съ юга об-

---

(*) По извѣстіямъ Г-на Миницкаго (Ж. М. В. Д. ш. III, стр. 156) число селеній въ Якутской области простирается до 260, въ коихъ вообще дворовъ считается до $17\frac{1}{2}$ тысячь. Но только въ *одномъ* селеніи находится болѣе 50-ти дворовъ, и только 52 селенія, въ коихъ находится *отъ десяти до пятидесяти* дворовъ; остальныя 200 селеній заключаютъ въ себѣ каждое *менѣе десяти* дворовъ.

Digitized by Google

ширную Тунгусію, лѣсную, дикую, съ *Алданомъ, Олекмою, Витимомъ*, ограничьте все это съ сѣвера безмѣрнымъ Ледовитымъ подполюснымъ Океаномъ. Углубляясь въ оледенѣлую, только на поверхности ошшаивающую почву сихъ пустынь, помыслите и *допотопныхъ* животныхъ, и подземныхъ лѣсахъ, заключенныхъ въ глубину земли у самаго сѣвернаго края сей дикой, мертвой страны. Четыреста верстъ далѣе отъ Якутска къ сѣверу, солнце *лѣтомъ* не заходитъ уже за небосклонъ; за то *зимою* два мѣсяца продолжается въ сихъ мѣстахъ глубокая ночь, прерываемая только сѣверными сіяніями. Стада дикихъ оленей, иногда до 10,000 въ одномъ стадѣ, свободно ходятъ здѣсь по сѣвернымъ тундрамъ береговъ Ледовитаго моря, и населеніе лѣсовъ, кромѣ звѣрей, составляютъ только отважные звѣроловы, не дающіе покоя ни рѣзвой бѣлкѣ, ни свирѣпому медвѣдю, не страшащіеся переходовъ на сотни, тысячи верстъ, ни удушливыхъ морозовъ, ни безлюдныхъ пустынь сѣверныхъ. Какая природа, какая картина!

И въ сіи пустыни проникъ *человѣкъ*: и сюда зашли толпы дикарей изъ Америки и средины Азіи; сюда прошелъ за ними Рускій, влекомый корыстью, и покорилъ шуземцевъ, которые для него сражаются съ дикими звѣрями, и для роскоши Запада истребляютъ обитателей сѣверныхъ лѣсовъ и тундръ, звѣрей, награжденныхъ отъ природы драгоцѣнными шкурами. И здѣсь человѣкъ умѣлъ ужиться съ ужасающею природою, не страшиться 50° мороза, ѣздитъ по безконечнымъ снѣгамъ, плаватъ по безмѣрнымъ рѣкамъ, и изъ своихъ маленькихъ жилищъ

Digitized by Google

распространить обладаніе на пространства, приводящія въ изумленіе обширностью!

Народонаселеніе Якутской области, кромѣ небольшаго числа Рускихъ, вообще составляютъ только два народа собственно: *Якуты* и *Тунгусы*.

Тунгусы обитаютъ по теченію Нижней, Подкаменной и Верхней Тунгуски (въ Енисейской губерніе); далѣе въ Якутской области къ юго-западу, по Ленѣ, Байкалу, и отъ него къ Удскому острогу. Якуты вообще живутъ по Ленѣ, далѣе Олекминска. Они *обольнули*, такъ сказать, теченіе Лены, и потомъ въ сѣверѣ простянулись на западъ, по низовью Анабары къ Самоѣдамъ, и къ востоку до Колымы къ Чукчамъ, гдѣ *Юкагиры* и *Ламуты* (на югъ къ Охотскому морю) суть смѣшенія Якутовъ съ Тунгусами.

Мы полагаемъ, основываясь на Историческихъ и Лингвистическихъ выводахъ, что Тунгусы суть аборигены Азійскаго Сѣвера, какъ Финны суть аборигены Сѣвера Европейскаго. По всему видно, что нѣкогда они занимали весь Сѣверъ Азіи, но были стѣснены пришельцами, Турецкими и Монгольскими племенами. Нынѣ ихъ вообще въ Сибири считаютъ не болѣе 16,000 душъ муж. пола, положенныхъ въ ясакъ. Впрочемъ, будучи разсѣяны во глубинѣ пустынь, и, подобно Самоѣдамъ, не собираясь въ селенія, но кочуя болѣе отдѣльными юртами и не выходя къ Рускимъ, многіе Тунгусы избѣгаютъ ясака; нѣкоторые-же изъ нихъ живутъ на землѣ Китайской. Но все число ихъ нынѣ должно быть не велико, а смотря на мирный бытъ Тунгусовъ, вообразить невозможно, что *нѣкогда* они сильно сопротивлялись Рускимъ, и составляли собою сила-

Digitized by Google

ныя орды. Въ Якушской области считается Тунгусовъ, по извѣстіямъ Г-на Щ., до 5,000 душъ м. п. — Въ Прпленскую пустыню, названную нами *Тунгусіею*, ежегодно ѣздишъ изъ Олекминска чиновникъ, верстъ за 1000, на рѣчку Жугжу, гдѣ сбираются Тунгусы, отдаютъ ясакъ и торгуютъ съ Рускими; другіе роды ихъ выходятъ такимъ-же образомъ къ Рускимъ въ условленное время, въ крѣпостцу Горбицу, въ Удской острогъ, въ мѣста по рѣкѣ Маѣ, и т. д.—Остальное время года, Тунгусы бродятъ съ своими оленями по дикимъ своимъ лѣсамъ, бьютъ и ловятъ звѣрей, и чрезвычайно довольны своимъ философскимъ уединеніемъ: покрайней мѣрѣ, не стараются перенять нравовъ и образа жизни Рускихъ. Они вообще тихи, крошки, средняго роста, черноволосы; нѣкоторые изъ нихъ крещены, но большая часть слѣдуетъ Шаманской вѣрѣ. Г-нъ Щ. видѣлъ Тунгусовъ на Ленѣ, противъ станціи Саналхшахъ, и занимашельно описываетъ свиданіе съ ними (стр. 82).

Якуты суть позднѣйшіе пришельцы на востокъ Сибири. Это Турецкій народъ, вшѣснившійся между Тунгусами. Въ преданіяхъ Якушовъ сохранились донынѣ вѣсши объ ихъ переселеніи (см. Г-на Щ. стр. 193, и Миллера *Сиб. Исторіи*, т. I. стр. 28). Якуты называютъ себя: *Соха*, или *Саха* — имя Турковъ, ппзѣстное намъ по Иродоту; они говорятъ Турецкимъ или, какъ мы несправедливо называемъ, *Татарскимъ* языкомъ. Названіе: *Якутъ*, Рускіе переняли отъ Тунгусовъ. Якуты нынѣ всѣ крещены, покорны Рускимъ, управляются мѣлкими

Digitized by Google

Князьками своими, живутъ маленькими селеніями, рѣдко отдѣльно; зимою обитаютъ въ рубленыхъ *юртахъ*, лѣтомъ въ берестяныхъ шалашахъ, или *урасахъ*; они всего болѣе находятся около Якутска (какъ уже мы говорили выше), и тутъ отправляютъ почтовую гоньбу, возятъ тягости въ Охотскъ и другія мѣста, нанимаются въ рабочники къ Русскимъ, какъ Буряты, живущіе около Иркутска. Якуты вообще хитры, лукавы, пронырливы; росла небольшаго, но гораздо стройнѣе Тунгусовъ, носящихъ на себѣ, подобно Чухнамъ, отпечатокъ дикой первобытности человѣка. Не смотря на крещеніе, Якуты не оставляютъ шаманства. Шаманы донынѣ почитаются у нихъ лекарями и предвѣщателями. Якуты прилежно занимаются скотоводствомъ (*), и особенно звѣроловствомъ. Предѣлы статьи нашей не дозволяютъ намъ распространяться здѣсь выпискою прибавленій, какія Географія и Статистика могутъ получить изъ книги Г-на Щ., касательно Якутовъ.

Г-нъ Щ. приложилъ къ книгѣ своей таблицы звѣриныхъ промысловъ по Якутской области, съ 1825-го до 1831 года. Изъ сихъ таблицъ видно, что сборъ звѣрей въ Якутскѣ ежегодно уменьшается:

(*) По извѣстіямъ Г-на Миницкаго (Ж. М. В. Д. ш. III, стр. 158), количество рогатаго скота въ Якутскомъ уѣздѣ можно положить до 125,000 штукъ и лошадей болѣе 100,000; да оленей у Тунгусовъ и Якутовъ до 3,000.

Digitized by Google

соболей вывезено было оттуда въ 1825 году, 18,600, въ 1826 г. 15,500, въ 1827 г. 12,400, въ 1828 г. 10,500, въ 1829 г. 7,520, въ 1830 г. 6,000. Число лисицъ уменьшилось въ сіи годы отъ 14,250 до 7,485, бѣлокъ отъ 455,000 до 332,500, горностаевъ отъ 25,000 до 18,500, песцовъ отъ 18,850 до 9,000, струи кабарожьей отъ 15,000 штукъ до 8,000, косши мамонтовой отъ 1950 пудъ до 1520 пудъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что число звѣрей должно вообще постепенно убавляться въ Сибири, но столь быстраго погоднаго умаленія не льзя приписать сему обстоятельству. Здѣсь дѣло совсѣмъ другое: мануфактурные товары вытѣсняютъ нынѣ годъ отъ году пушной товаръ изъ торга съ Китайцами, а послѣдняя война Турецкая прекратила требованіе соболей и другаго звѣря въ Турцію, куда прежде сбывали пушнаго товара большое количество. Наконецъ, непомѣрное употребленіе зимняго платья на вать, и вообще бумажныхъ издѣлій, распространившееся въ Россіи въ послѣднее время, нанесло жестокій ударъ звѣринымъ промысламъ Сибирскимъ. Купцу не для чего покупать звѣриной шкуры, если она не требуется въ Россіи, или на Кяхтѣ. Впрочемъ, Сибирская торговля, многосложная и оригинальная, требуетъ болѣе подробнаго и болѣе обширнаго разсмотрѣнія, для поняшія оной вполнѣ.

Отсылаемъ читателей къ самой книгѣ Г-на Щ. для узнанія множества подробностей, которыхъ мы не выписываемъ. Читатели не потеряютъ вре-

Digitized by Google

мени, даже слушая разсказы Г-на Щ. о проказахъ медвѣдей (стр. 65), соображая справедливыя мысли его о правахъ Россіи на Амуръ (стр. 79), плывя съ нимъ по Ленѣ, и наблюдая замерзаніе ршуши и великолѣпіе сѣверныхъ сіяній въ Якутскѣ. (стр. 182). Заключимъ общимъ взглядомъ на книгу Г-па Щ.

Кромѣ библіографическихъ дѣленій, не надобно-ли еще дѣлить вообще всѣ путешествія на веселыя и унылыя, или, лучше сказать, *ласковыя* и *сердитыя?* Мы говоримъ, разумѣется, для шутки; но не назовете-ли и не шутя описаній одного путешественника веселыми, а другаго сердитыми? Одному все нравится, другому напротивъ; одному всѣ люди, встрѣченные имъ въ путешествіи, кажутся добрыми, другому напротивъ. Это происходитъ отъ взгляда путешественниковъ, отъ обстоятельствъ, въ которыхъ тотъ или другой изъ нихъ находился, и нѣтъ сомнѣнія, что тотъ и другой странствователь равно ошибаются. Такъ островитянъ Южнаго моря, одни изображали намъ красавцами, счастливцами, добрыми дѣтьми природы; другіе описывали ихъ дикими, гадкими уродами, злыми, безнравственными, глупыми варварами. Въ Поѣздкѣ Г-на Щ. вообще замѣтенъ *мрачный* взглядъ на все видѣнное имъ. Немилостиво говоритъ онъ вообще объ Якутахъ, и особенно о Ленскихъ приказныхъ, которые, по его словамъ, весьма любятъ хватать *синицъ* и *снигирей* (стр. 44). Мы и не споримъ объ этомъ; но, да позволитъ намъ Г-нъ Щ. заступиться за жителей

Digitized by Google

Якутска, и *вообще за Якутскъ*, ибо онъ вовсе несправедливъ въ своихъ общихъ замѣчаніяхъ о нравственности обитателей Якутска.

Бѣда не велика, если Г-нъ Щ. жестоко нападаешъ (стр. 33 и 164) на *провинціализмы* Якутскаго нарѣчія. Въ Якутскѣ называютъ капусту *щами*, муку *провьянтомъ*, табакъ *прошкою*; говорятъ: *пить табакъ*, *затопить огонь*. Впрочемъ, это, право, не стоило насмѣшки, ибо, во-первыхъ, что все это большею частію суть древніе идіотизмы, занесенные въ Сибирь изъ сѣвера Россіи; во-вторыхъ, Сибирякъ, употребляя гласную *О*, вмѣсто *А (говорилъ*, вмѣсто: *гаварилъ*, *офца*, вмѣсто: *афца)*, или принявъ слова: *шаберъ*, *турсукъ*, *туезъ*, *лонись*, *унты*, *чебакъ*, *ушканъ*, *яманъ*, чѣмъ грѣшнѣе Великороссіянъ, гораздо немилосердѣе ломающихъ Русскій языкъ? Гдѣ, кромѣ образованнаго общества, говорятъ у насъ *чистымъ Русскимъ языкомъ?* Въ самой Москвѣ не встрѣтите-ли вы людей, употребляющихъ свои провинціялизмы и идіотизмы (*)? Сибиряки еще гораздо правѣе Великороссіянъ въ семъ случаѣ, ибо ихъ сѣвернымъ нарѣчіемъ говорятъ въ Россіи го-

(*) Напримѣръ, между людьми довольно образованными, услышите въ Москвѣ употребленіе звуковъ: *И* и *Я*, вмѣсто *Е (имц, ямц, писаный, пясаный*, вмѣсто: *емц*, *песаный)*; или сокращеніе звука *Э* въ коротшое *Й* (*пойтомц*, вмѣсто: *по этомц*); нако-

Digitized by Google

раздо большее число народа, нежели *южнымъ*, *Московскимъ* и *Бѣлорусскимъ* нарѣчіями.

Г-ну Щ. (стр. 135) странно кажется, что никто въ Якутскѣ не помнитъ Войнаровскаго, или Миллера. Но, Боже мой! много-ли преданій осталось въ самой Москвѣ о важныхъ событіяхъ, гораздо болѣе близкихъ, напримѣръ: о пріѣздѣ въ Москву Іосифа II-го, казни Пугачева, Московской чумѣ?

Г-нъ Щ. (стр. 121) немилосердо насмѣхается надъ хоромъ пѣвчихъ Якутскихъ. Но правильное, хорошее пѣніе вообще часто-ли можетъ понѣжить слухъ его въ Москвѣ — даже въ Петербургѣ, даже на сценѣ Петербургскаго театра? Зачѣмъ-же, напрошивъ, не упомянулъ онъ о большомъ мастерствѣ Сибиряковъ пѣть народныя пѣсни, и охотѣ ихъ къ простому пѣнію? Между простонародіемъ Сибири и теперь еще услышите старинныя пѣсни, уже давно исчезнувшія въ Россіи.

Забавно, что Г-нъ Щ. ожидалъ большихъ успѣховъ ученія въ Якутскихъ училищахъ (стр. 169), забывъ удаленіе края, недостатокъ средствъ, и не соображая состоянія тамошнихъ училищъ съ ближайшими къ центру просвѣщенія! Но мы хо-

---

нецъ употребленіе буквъ: *М* вмѣсто *В*, *У* вмѣсто *В*, и обратно (*взялши*, *узялъ*, *вшолъ*, вмѣсто: *взявши*, *взялъ*, *ушолъ*), и проч. — Въ Петербургѣ вообще нарѣчіе весьма дурно.

Digitized by Google

шимъ поговорить о важнѣйшемъ. Мы рѣшительно несогласны съ Г-мъ Щ. въ его изображеніи *нравственности жителей Якутска вообще.* Пусть-бы еще Г-нъ Щ. подсмѣивался надъ скукою Якутскихъ собраній, надъ тѣмъ уваженіемъ, какое оказываютъ тамъ богатымъ людямъ, надъ тѣмъ, что тамъ пьютъ много чаю, садятъ гостей по чинамъ и любятъ сплетни (стр. 161—165). Мы только спросили-бы его: гдѣ почти всего этого нѣтъ? Гдѣ мѣшку съ деньгами не даютъ преимущества передъ безсребреннымъ умомъ? Гдѣ не сплетничаютъ? Гдѣ не убиваютъ времени за каршами, и гдѣ предпочитаютъ книги каршамъ? Укажите намъ такую блаженную сторону, и послѣ того, какъ вамъ угодно осуждайте Якутскъ! Но Г-нъ Щ. не довольствуется мелкою насмѣшкою, и говоритъ слѣдующее (стр. 161): «Господствующій классъ (въ Якутскѣ) есть купцы. *Сіи люди извѣстны по ихъ стремленію къ богатству, къ деньгамъ;* а какъ маленькій вездѣ подражаетъ большому, то и выходитъ, что общій характеръ здѣшнихъ жителей есть *купеческій. Повсюду видна излишняя бережливость, вездѣ стремленіе къ деньгамъ, съ пренебреженіемъ чести.* Здѣсь говорятъ: «Вѣдь все равно будутъ судить, какъ за рубль, такъ и за тысячу? *Пусть-же буду варпакомъ, но съ деньгами!*» Слово: *скупой,* употребляется здѣсь въ похвальномъ смыслѣ. Слова: *богатъ, имѣетъ деньги,* значатъ уже болѣе нежели: *уменъ,* но соединеніе ума съ образованностію. Если-бы сказалъ кто нибудь, что такой-то *пустой человѣкъ.*—«Какъ *пустой?*»—отвѣчали-бы ему.—«Да у него тысячъ пятьдесятъ денегъ наличныхъ, да въ дол-

Digitized by Google

гахъ на Якушахъ столько-же!» Наклонность къ тяжбамъ и ябедамъ (слова Г-на Щ.) нигдѣ, кажется, такъ не господствуетъ, какъ въ Якутскѣ: сею болѣзнію заражены Русскіе и Якуты. Говорятъ, *что здѣсь есть люди, которые ходятъ по домамъ, спрашивая:* «Нѣтъ-ли какого иска? Подумай-ка, не найдешь-ли чего нибудь?» Люди сіи носятъ названіе дѣльцовъ. Подавъ ябеду, или доносъ, они воображаютъ, что уже погубили своего противника, уже гордятся своимъ поступкомъ. *Здѣшніе дѣльцы, живущіе въ Иркутскѣ, друзьямъ своимъ и знакомымъ, какъ рѣдкость, или новость, присылаютъ копіи съ ябедъ и прошеній своихъ.* Говорятъ, что въ прежнія времена не проходило ни одной пирушки, гдѣбы нѣсколько человѣкъ не подралось между собою въ сильной подгулкѣ, и чтобы на завтра не подали другъ на друга прошеній.» . . .

Мы смѣемъ увѣрить Г-на Щ., что если все это замѣшивъ въ Якутскѣ у *кого нибудь*, онъ выдаетъ публикѣ свое описаніе *изображеніемъ общаго характера жителей Якутска*, то онъ, по крайней мѣрѣ, ужасно ошибается. . . . Налагая печать отверженія на *купцовъ вообще*; заставляя всѣхъ жителей Якутска быть ябедниками и такими людьми, что никто изъ нихъ не спрашится суда и наказанія, и не жалѣетъ чести для денегъ, Г-нъ Щ. отнимаетъ столько вѣру къ другимъ своимъ описаніямъ, и заставляетъ насъ жалѣть, что на его полезной книгѣ находится пятно, произведенное, можетъ быть, какими нибудь частными отношеніями. И безъ нашего опро-

Digitized by Google

верженія, конечно, никто не повѣритъ его словамъ; а мы, кромѣ того, можемъ увѣрить читателей, что все сказанное Г-мъ Щ. — совершенная несправедливость. Пороки и слабости есть вездѣ; но мы лично знали многихъ почтенныхъ Якутскихъ гражданъ, и всякій изъ бывавшихъ въ Якутскѣ поспѣшитъ увѣрить, что въ Якутскѣ, какъ вездѣ, *есть добрые, есть и худые люди*; но общій характеръ Якутска чисто-Русскій, какой найдете вы въ Москвѣ, Иркутскѣ, Казани, и всѣхъ другихъ городахъ Сибири и Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ, свойственныхъ каждому городу оттѣнковъ, и худыхъ и хорошихъ. Что касается до осужденія характера *купцовъ вообще*, то принадлежа самъ къ сему почтенному сословію, и не только не стыдясь того, но и не желая перемѣнять его на какое нибудь другое званіе, Сочинитель сей статьи не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Думаетъ онъ однакожъ, что и въ семъ отношеніи, слова Г-на Щ. не могутъ никѣмъ быть почтены основательными.

Говоря объ ошибкахъ Г-на Щ., мы отнесемъ къ числу ихъ слѣдующее: (стр. 113) онъ говоритъ, что въ Ленѣ водятся *омули*; (стр. 179) что *хіузомъ* называютъ въ Сибири *тихое движеніе воздуха* зимою. Въ Ленѣ омулей, кажется, во все нѣтъ: они водятся *только въ Байкалѣ*, и входятъ только въ рѣки, впадающія въ Байкалъ. *Хіузомъ* называютъ въ Сибири *тонкій и рѣзкій вѣтеръ зимній*.

Гораздо болѣе можно-бъ было распространиться о томъ, что говоритъ Г-нъ Щ. о *Шаманствѣ* и

Digitized by Google

Шаманахъ. Утверждая, что Шаманы суть просто *грубые фигляры*, и что Шаманское богослуженіе никогда и нигдѣ не составляло народной религіи (стр. 220 и 91), Г-нъ Щ. доказываетъ тѣмъ одно: что онъ *вовсе не видалъ настоящихъ Шамановъ*; отъ него, какъ отъ чиновника, Якуты, вѣроятно, скрывали своихъ Шамановъ, выставляя ему своихъ фокусниковъ, надъ которыми они сами смѣются, и которыхъ обыкновенно они показываютъ, если надобно шаманить *по приказу*, для удовлетворенія чьего-либо любопытства. Слова-же Г-на Щ. о Шаманской вѣрѣ есть доказательство, что ему вовсе неизвѣстны изслѣдованія и мнѣнія ученыхъ людей и философовъ о Сѣверныхъ Миѳологіяхъ и Фетишизмѣ Азіи, Африки и Америки. — Не менѣе ошибочно мнѣніе Г-на Щ. о психологическомъ явленіи, которое называютъ въ Якутскѣ *Омирячествомъ* (стр. 172, отъ слова: *Омирякъ*, или *Имрехъ*, какъ говоритъ Г-нъ Щ.). Впрочемъ, мы не станемъ привязываться къ тому, что легко можетъ замѣтить каждый знающій дѣло, и заключимъ, что *Поѣздку въ Якутскъ* Г-на Щ. можно рекомендовать вниманію просвѣщенныхъ читателей, хотя она во многомъ уступаетъ *Поѣздкѣ къ Ледовитому морю*, Г-на Бѣлявскаго.

Н. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Мельмотъ Скитлецъ.* Сочиненіе Матюреня, Автора Бертрама, Албійгоцевъ, и проч. Переводъ съ Французскаго Н. М. 6 частей. СПб. 1833. Въ т. А. Смирдина. 153, 180, 193, 159, 205, 233 стр. in-12 (*).

Матюринъ оставался до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ въ Русской Литтературѣ; но причиной этого былъ конечно не самъ онъ. Много есть хорошихъ романистовъ почти у всѣхъ образованныхъ народовъ, но Матюринъ принадлежитъ къ числу оригинальныхъ писателей въ области романа. Его созданія не подходятъ ни къ какому разряду и не измѣриваются никакою мѣркою извѣстнаго наименованія. Какъ произведеній дикой природы не льзя, не должно взвѣшивать золотниками или мѣрять футами, такъ и романовъ Матюрина не льзя уравнивать и уподоблять сочиненіямъ Сталь, Жанлисъ, А. Лафонтена, или даже Ричардсона и В. Скотта. Его романы составляютъ свой, особый родъ, потому что главное чувство Сочин-

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 12 рубл. ассигн. за экземпляръ.

Digitized by Google

шеля, дающее характеръ всѣмъ его сочиненіямъ, странно и несогласно съ обыкновенною природой человѣка. Во всякомъ изъ насъ, болѣе или менѣе, есть наклонность къ спокойствію, къ отдыху, къ чему-то легкому и сладкому. Для самой большей части (потому что не льзя сказать *для всѣхъ* читателей), даже чтеніе романа вообще есть особенный родъ отдыха, родъ послѣобѣденной лѣни, которою утомленный заботами человѣкъ хочетъ освѣжить свое тѣло и польстить вещественному своему вкусу. На этомъ чувствѣ основанъ успѣхъ глупыхъ романовъ и глупыхъ театральныхъ пьесъ: ихъ читаютъ или смотрятъ не для эстетическаго наслажденія, а *такъ*, чтобы занять чѣмъ нибудь вниманіе, зѣвнуть незамѣтно для самого себя, и помиришься съ авторомъ на двухъ, трехъ улыбкахъ. Не такъ легко сладишь съ Машюриномъ. Чтеніе романовъ его не дастъ вамъ успокоенія. Главное, что стараешся онъ развить и внушить своему читателю, есть ужасъ. Не считая своего читателя ребенкомъ, какъ Г-жа Радклифъ, которая думала пугать воображеніе потёмками и фантасмагоріей; не входя и въ тотъ фантастическій міръ, гдѣ возможно все, что захочетъ представить авторъ, но гдѣ читатель видитъ мечтательные образы и слѣдственно знаетъ, что онъ не дома, а въ гостяхъ у фантазіи; словомъ, не приводя въ движеніе никакихъ чудесныхъ силъ, Машюринъ представляетъ намъ міръ дѣйствительный, тотъ, въ которомъ живутъ всѣ, но представляетъ съ такихъ ужасныхъ сторонъ, въ такія страшныя мгновенія, что невольная дрожь проникаетъ весь составъ его чи-

Digitized by Google

шателя. Избравъ предметъ историческій, Машюринъ основываетъ завязку на какомъ нибудь ужасномъ событіи, напримѣръ на войнѣ Албигойцевъ; взявъ обыкновенный случай, вмѣшиваетъ въ него какое нибудь страшное лицо: таковъ его Мельмотъ, извѣстный миѳъ новыхъ народовъ, называемый Странствующимъ Жидомъ. Надобно сказать, что *Мельмотъ* есть самое славное изъ произведеній Машюрина, и въ немъ Авторъ всего болѣе выразилъ свое дарованіе. Не льзя дать лучшаго понятія о характерѣ сочиненій Машюрина, какъ представивъ очеркъ этого славнаго романа.

Джонъ Мельмотъ, молодой воспитанникъ Дублинскаго училища, пріѣзжаетъ къ умирающему дядѣ своему, идеалу скупцовъ. Среди искуственной нищеты у этого скряги, онъ находитъ, въ одномъ запустѣломъ кабинетѣ, портретъ какого-то человѣка, ужаснаго вида, съ надписью: *Джонъ Мельмотъ, 1646 года.* Умирающій дядя объявляетъ племяннику, что этотъ человѣкъ еще живъ, и что онъ увидитъ его. А дѣйствіе происходитъ въ 1816 году. Изумленіе и любопытство молодаго Мельмота на высокой степени. По смерти своего дяди, онъ читаетъ его завѣщаніе, гдѣ между прочимъ сказано, чтобы наслѣдникъ уничтожилъ портретъ, находящійся въ кабинетѣ, а рукопись, которую найдетъ онъ тамъ-же, можетъ прочитать; но лучше сдѣлаетъ, если удержится отъ этого. Разумѣется, молодой Мельмотъ не послушался дяди: онъ оставляетъ портретъ и прочитываетъ рукопись. Въ ней находитъ онъ подтвержденіе того,

Digitized by Google

что слышалъ отъ дяди и отъ старыхъ служителей и сосѣдей замка, то есть, что оригиналъ портрета дѣйствительно живъ, и что онъ является иногда въ замкѣ. Рукопись содержитъ въ себѣ описаніе приключеній какого-то Станиона, которому, около 1676-го года, въ Испаніи, являлся таинственный Мельмотъ три раза, въ самыхъ ужасныхъ случаяхъ его жизни. Между прочимъ, заключеніе Станиона въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ Мельмотъ предлагалъ ему услуги свои на самыхъ страшныхъ условіяхъ, уже показываетъ полетъ Автора. — Прочитавъ рукопись, молодой Джонъ пришелъ въ такой трепетъ, что изорвалъ портретъ своего предка и бросилъ въ огонь. Ночью, когда онъ забывался сномъ, предокъ явился къ нему, съ словами: « Ты сжегъ меня; но я существую: я подлѣ тебя. » Видѣніе исчезло; только на правой рукѣ юноши осталось синее пятно, слѣдъ пожатія чьей-то огненной руки. Скиталецъ опять является ему, во время бури, когда Джонъ, стоя на берегу подлѣ своего замка, видитъ крушеніе корабля и гибель многихъ несчастныхъ. Только одинъ спасается изъ нихъ. Джонъ не видалъ его, потому, что бросившись спасать утопавшихъ, самъ едва не лишился жизни, и былъ вытащенъ безъ чувствъ изъ воды, этимъ самымъ спасшимся человѣкомъ. Послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни и слабости, Джонъ видится съ нечаяннымъ своимъ избавителемъ. Это былъ Испанецъ. Узнавъ, что хозяинъ его называется Мельмотомъ, онъ приходитъ въ ужасъ, и послѣ немногихъ объясненій начинаетъ разсказывать ему свою исторію. Эта исторія, со вводными въ нее повѣ-

Digitized by Google

ствями, занимаетъ почти всю книгу, и здѣсь-то читатель переходитъ отъ ужаса къ ужасу. Страданія Испанца, знатнаго родомъ и по неволѣ отданнаго въ монашество, истязаніе его въ монастырѣ и въ тюрьмахъ Инквизиціи, гдѣ является къ нему съ услугами своими страшный Мельмотъ, дѣйствительно могутъ привести въ трепетъ. Особенно описаніе бѣгства изъ монастыря, когда Испанецъ, съ отвратительнымъ сопутникомъ, идетъ въ подземельяхъ, ужасно какъ адское пламя. Разсказъ этотъ прерывается (въ 4-й части Русскаго перевода), новою повѣстью, которую даетъ переписать Испанцу Жидъ, укрывшій его отъ преслѣдованій Инквизиціи въ своемъ подземномъ жилищѣ. Рукопись Жида заключаетъ въ себѣ исторію Иммаліи, дикой дѣвушки, случайно попавшей, въ малолѣтствѣ, на необитаемый островъ, близъ береговъ Индіи, и возросшей безъ всякаго понятія о мірѣ и людяхъ. Описаніе райскаго убѣжища этой невинности, и появленія къ ней Мельмота, въ котораго влюбляется она со всѣмъ восторгомъ чистой души, столь превосходно, что мы причисляемъ его къ созданіямъ геніяльнымъ. Но вотъ Иммалія уже въ Испаніи, уже она отысканная и признанная дочь богатаго Дона Франциска д'Аліаго. Переходъ отъ дикости къ утонченностямъ и удобствамъ образованнаго общества, представленъ рѣзко, но оригинально. Мельмотъ преслѣдуетъ Иммалію и здѣсь, ибо время и пространство не существуютъ для него. Онъ наконецъ убѣждаетъ ее предаться ему совершенно, и описаніе ихъ бѣгства,

Digitized by Google

ихъ блужданія въ темную ночь, когда Иммалія полагаетъ, что онъ ведетъ ее въ церковь вѣнчаться, это описаніе приковываетъ къ себѣ читателя; но — опять перерывъ! Отецъ Иммаліи, возвращаясь изъ путешествія своего, съѣзжается въ одномъ трактирѣ съ какимъ-то путешественникомъ, который начинаетъ новую исторію о явленіи Мельмоша. Если повѣствованіе рукописи, разсказъ Испанца, Иммалія, и всѣ ужасы искушеній этой прелестной жертвы, еще не растерзали читателя, то Валбергъ, доведенный съ семействомъ до нищеты, голода и до преступнаго сумасшествія, Валбергъ, искушаемый Мельмотомъ, долженъ сдѣлать это. — Путешественникъ, разсказывавшій исторію о Валбергѣ, ушелъ спать, а Донъ Аліаго одинъ осшался въ комнатѣ. Онъ пробужденъ приходомъ незнакомца, страшнаго видомъ: это самъ Мельмотъ. Но Донъ Аліаго не знаетъ его, хотя и чувствуетъ какой-то ужасъ въ его присутствіи. Послѣ коротказо, вѣжливаго разговора, Мельмотъ спрашиваетъ у него: «Вы, кажется, слушали исторію страшнаго и удивительнаго существа, имѣющаго такое порученіе, котораго никто не смѣетъ назвать? Онъ долженъ, говорили вамъ, искушать сердца людей, поверженныхъ въ глубочайшую бездну золъ и несчастій. Онъ долженъ предлагать имъ отказаться отъ всѣхъ будущихъ надеждъ ихъ, зашѣмъ, чтобы получить здѣсь краткое вознагражденіе за ихъ земныя странствованія?» — Донъ Аліаго отрицаетъ эти слова и говоритъ, что онъ слышалъ исторію о самомъ демонѣ или его посланникѣ. — Прошу не смѣшивать

Digitized by Google

лицъ! — восклицаетъ Мельмотъ. — Демонъ и агенты его совершенно различны. Вы сами, конечно противъ воли, часто бывали агентомъ его; но вамъ конечно не понравилось-бы, если-бъ кто нибудь сказалъ, что вы и дьяволъ одно и тоже. — Донъ Аліаго перекрестился, и ошвѣчалъ, что никогда не былъ агентомъ врага человѣковъ. — Смѣете-ли вы ушверждать это! — сказалъ таинственный незнакомецъ, понизивъ голосъ и придвинувъ стулъ свой къ собесѣднику. — Развѣ вы никогда не заблуждались? Развѣ никогда не ощущали вы нечистыхъ желаній? Неужели чувства ненависти, злобы и мщенія никогда не волновали души вашей? Неужели никогда не забывали вы дѣлать добро, когда были къ тому обязаны? Неужели въ торговлѣ вы никогда не обманывали покупщиковъ своихъ и не пользовались послѣднею монетою должника вашего, умирающаго съ голоду? Все это не случалось-ли съ вами? И можете-ли вы послѣ того сказать, что не бывали никогда служителемъ сатаны? Вѣрьте мнѣ: каждый разъ, когда вы уступали порочной страсти, гнусному желанію, нечистымъ мечтамъ, каждый разъ, когда произносили слово, оскорблявшее ближняго вашего, или видѣли слезы, которыхъ вы не хотѣли осушить, когда могли то сдѣлать, были вы дѣйствительнымъ и настоящимъ служителемъ врага человѣческаго рода! Но что я говорю? Ахъ! напрасно даютъ такое названіе этому великому предводителю ангеловъ, этой первой утренней звѣздѣ, упавшей съ неба! Кто самый злѣйшій врагъ человѣка, ежели не самъ онъ? Если-же

Digitized by Google

человѣкъ хочетъ узнать, гдѣ врагъ этотъ, пустъ ударитъ себя въ грудь, и собственное сердце его будетъ отвѣчать ему: вотъ онъ!»

Мы нарочно выписали почти всю эту сцену, дабы представить образчикъ мужества и силы слога Автторова, которыя, какъ видятъ читатели, удачно поддерживаетъ Русскій Переводчикъ.

Обратимся къ разсказу.

Скиталецъ не отстаетъ отъ Дона Аліаго. Онъ ѣдетъ съ нимъ и дорогою разсказываетъ ему еще одну горестную исторію, гдѣ самъ онъ былъ дѣйствующимъ лицемъ. Впрочемъ, о себѣ Мельмотъ говоритъ въ третьемъ лицѣ. Наконецъ онъ почти ясно объявляетъ Дону Аліаго, чтобы онъ спѣшилъ спасти дочь свою отъ Мельмота.... Между тѣмъ Донна Изидора, бывшая Иммалія, уже тайная жена этого страшнаго существа; она уже должна скоро произвести на свѣтъ залогъ своего союза съ нимъ....Послѣ долгихъ медленій въ дорогѣ, Донъ Аліаго пріѣзжаетъ домой, вмѣстѣ съ женихомъ дочери своей, Дономъ Монтилло, давно предназначеннымъ ей. Даютъ великолѣпный маскарадъ. По уговору съ Мельмотомъ, Донна Изидора хочетъ бѣжать прямо съ маскарада и навсегда удалиться.... куда? Куда поведетъ ее Мельмотъ. Но бѣглецовъ останавливаютъ въ саду, женихъ и братъ Иммаліи; сбѣгаются служители, и гости бывшіе на балѣ. Мельмотъ закалаетъ брата Донны Изидоры, и уходитъ оставляя несчастную. Остановить его не могъ никто. Изидора и родившееся у нея дитя умираютъ

Digitized by Google

въ тюрьмѣ Инквизиціи. — Этимъ оканчивается разсказъ Испанца. Онъ обѣщаетъ продолжать его, но къ нему и къ молодому Мельмошу является самъ Скиталецъ. Величественно-ужасная сцена смерти этого непостижимаго существа оканчиваетъ романъ.

Очеркъ нашъ слишкомъ неполонъ, однако можно видѣть и по немъ, какое странное и необузданное воображеніе надобно было имѣть для созданія *Мельмота!* Кажется, всѣ возможные ужасы и страданія собраны въ немъ, хотя въ нихъ нѣтъ ничего *отвратительнаго*, этой необходимой стихіи многихъ, особенно Французскихъ новыхъ романовъ. Въ *Мельмотѣ* представленъ только слабый въ искушеніяхъ и бѣдствіяхъ человѣкъ. Авторъ его хотѣлъ показать, до какой степени могутъ простираться бѣдствія наши, и до какой утонченности бываютъ иногда доведены страданія физическія и нравственныя. Самъ Мельмотъ лицо не новое: это искуситель, но представленный особеннымъ образомъ. Авторъ не называетъ его ни Жидомъ, ни продавшимъ душу дьяволу человѣкомъ; онъ даже не сказываетъ причины или цѣли искушеній Мельмотовыхъ. Часто видимъ въ Мельмотѣ побужденія добрыя; напримѣръ, онъ нѣсколько разъ хочетъ и даже старается спасти отъ себя Иммалію. Слѣдственно это не самъ Искуситель, но жертва его, обреченная противъ воли творить зло; это одна изъ частей природы человѣческой, представленная въ рѣзкомъ очертаніи одного человѣка.

Digitized by Google

Къ недостаткамъ плана Авторова можно причислить безконечный рядъ повѣстей, выходящихъ одна изъ другой: Испанецъ разсказываетъ Мельмоту; въ его разсказъ вставленъ еще разсказъ, а въ этотъ еще и еще, такъ что исторія Испанца не имѣетъ конца, а начальный разсказъ о скрягѣ Мельмотѣ дѣлается лишнимъ. Должно замѣтить также, что самое желаніе сближать безпрестанно ужасы, это, можно сказать, томленіе природы человѣческой бѣдствіями, не смягчаемое ни однимъ небеснымъ, усладительнымъ взглядомъ, наконецъ становится тягостно. Въ произведеніяхъ Изящнаго должна быть гармонія, а Матюринъ не всегда заботился о ней и почти совсѣмъ забылъ ее въ своемъ *Мельмотѣ*. Удивляетесь истинѣ и силѣ многихъ мѣстъ его романа, и вмѣстѣ съ этимъ не чувствуете въ душѣ того полнаго наслажденія, которое непремѣнно должны производить въ насъ истинныя созданія Изящнаго.

Русскій переводъ сего романа, какъ уже мы сказали, хорошъ.

— *Новыя усовершенствованныя литеры для Русскаго алфавита*, или удобнѣйшее средство учиться чтенію и письму Русскому, даже и иностранцамъ, приспособленное вмѣстѣ къ изученію всѣхъ Европейскихъ алфавитовъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ Историческихъ замѣчаній о употребленіи буквъ у Древнихъ и Новыхъ народовъ. М. Въ т. А. Семена. 1833. 37 и VIII стр. in-12.

Digitized by Google

Книга сія имѣетъ два заглавія: первое списано здѣсь, а другое: *Опытъ введенія новыхъ Русскихъ литеръ*, находится на выходной страницѣ; кажется, оно и приличнѣе сему сочиненію, ибо даетъ надлежащее понятіе о цѣли и главной мысли Сочинителя. Несовершенство Русскаго алфавита заставляло многихъ думать объ измѣненіи и даже о перемѣнѣ онаго. Но употребленіе, вѣчный врагъ всѣхъ нововведеній, прошивится преобразователямъ нашего алфавита, и уничтожаетъ ихъ попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что и сей новый *Опытъ введенія новыхъ Русскихъ литеръ*, не будетъ имѣть никакихъ слѣдствій. Мнѣніе наше основываемъ мы на самой сущности дѣла, которое состоитъ въ слѣдующемъ.

Авторъ предлагаетъ замѣнить нынѣшній алфавитъ Русскій, состоящій изъ 35-ти буквъ, Латинскими и отчасти нынѣшними буквами, но только въ числѣ 27-ми. Польза отъ этого произошла-бы слѣдующая: 1-е, выучивъ Русскій алфавитъ, можно было-бы читать всѣ иностранныя книги, писанныя Латинскими буквами; 2-е, облегчилось-бы изученіе Азбуки для дѣтей, и Правописанія для взрослыхъ, ибо теперь многихъ затрудняютъ однозвучныя И, І, Ѵ, или Е, Ѣ, Э, или Ф, Ѳ. Другихъ выгодъ нѣтъ, и быть не можетъ, ибо лишь въ шутку можно сказать, что иностранцы не стали-бы смотрѣть на наши буквы, какъ на полу-Азіятскія, если-бы введена была новая Латино-Русская азбука. Да пусть смотрятъ какъ имъ угодно! Ихъ не

Digitized by Google

страшатъ ни Санскришскія, ни Еврейскія буквы, ни Китайскіе символы, ни Египетскіе гіероглифы; почему-же не узнать имъ нашихъ красивыхъ, легкихъ для запамятованія буквъ? «Прямо можно будетъ печатать красивыми Дидотовскими литерами.» Что за честь въ этомъ? Долго-ли останемся мы данниками иностранцевъ? И какъ не знать намъ, что у насъ въ Петербургѣ, въ Военной Типографіи, есть такіе искусные словорѣзы, которые едвали хуже Дидота знаютъ свое дѣло? Доказательствомъ этого служатъ многіе шрифты, вышедшіе изъ рукъ мастеровъ Типографіи Главнаго Штаба. Но обратимся къ истиннымъ преимуществамъ новой азбуки, и спросимъ себя безпристрастно: возможны-ли и они, что есть возможно-ли осуществить ихъ, и принесутъ-ли они ожидаемую пользу? Мы сомнѣваемся и въ этомъ. Во-первыхъ, если-бы у насъ была теперь введена даже чистая Лапинская азбука, безъ примѣси Русскихъ буквъ, то и тогда она осталась-бы для иностранцевъ затруднительною не менѣе прежняго. Развѣ у Англичанъ, Французовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, и многихъ другихъ народовъ не одинакія буквы въ азбукѣ? Но могутъ-ли эти народы читать чужеязычныя книги, печатанныя общими ихъ буквами? Можетъ-ли, безъ особеннаго изученія, Французъ читать Англійскую книгу, Англичанинъ Французскую, Полякъ Испанскую, и такъ далѣе? Никакъ, потому что языкъ состоитъ не изъ буквъ, а изъ звуковъ, и буквы, представители звуковъ, служатъ въ каждомъ языкѣ особеннымъ образомъ. Это упустилъ изъ виду Г-нъ Сочинитель *Опыта*,

Digitized by Google

и отъ того книжка его имѣетъ основаніе самое слабое. Русское Е пишется точно такъ-же какъ Е Французское, Англійское, и проч., но произносится совсѣмъ иначе, или, по крайней мѣрѣ, со столькими измѣненіями, что его уже не льзя назвать тѣмъ-же, что означаетъ Е у другихъ народовъ. Слѣдственно — первой выгоды отъ новой азбуки нѣтъ. Во-вторыхъ, совсѣмъ не нужно облегчать изученіе нынѣшней азбуки, ибо ей и безъ того выучиваются въ нѣсколько часовъ: такъ упрощены теперь методы. Правописаніе также не получитъ никакой выгоды отъ новой азбуки. Затруднительность Правописанія Русскаго заключается не въ ф и ѳ, или не въ ѣ и е, а въ различіи словъ на письмѣ и въ произношеніи. Напримѣръ: *Янтарь въ устахъ его дымился*, произносится: «*Ентарь* въ устахъ *ево дымилса.*» Не зная правилъ, всякій такъ и напишетъ, все равно хошь прежними, хошь новыми буквами. Слѣдственно, другая выгода ограничиваетса только тѣмъ, что лѣнивые не должны будутъ замѣчать, гдѣ употребленіе велитъ писать роковыя ѳ, ѣ, ѵ, и, э.

Но что̀, если, для противоположности, мы начнемъ исчислять невыгоды новой азбуки? Первая и самая главная состоитъ въ томъ, что надобно будетъ переучить все нынѣшнее поколѣніе Рускихъ, которые привыкли писать своими *полу-Азіятскими* буквами. Каковъ этотъ трудъ? Да, это уже не затрудненіе, а трудъ невозможный. Вообразите, что надобно переучить всѣхъ писцовъ, перепис-

Digitized by Google

чиковъ, приказныхъ, дьячковъ, фельдфебелей, старостъ, почтальоновъ, заставныхъ и полицейскихъ писарей, и наборщиковъ, бѣдныхъ нашихъ наборщиковъ, которые и безъ того едва привыкаютъ къ нашимъ крючкамъ! Боже мой! Какой переворотъ! Сколько ропоту, закляній и слезъ, *рѣки слезъ*, по выраженію самого Г-на Сочинителя, который говоритъ, что ихъ проливаютъ теперь дѣти за азбукой, а тогда, разумѣется, будутъ проливать взрослые, дѣти въ азбукѣ. Вотъ вся разница. Можетъ быть скажутъ, что это неудобство отвратимое: поплачутъ да привыкнутъ. Но, ради Бога, если и шутъ привычка, то она уже есть у насъ: мы привыкли къ старымъ буквамъ; надобно отвыкать отъ нихъ, и привыкать къ новымъ. И для чего это? Для того, чтобы у насъ было 27 буквъ, а не 35! Но, согласимся и съ этимъ; спросимъ только: выражаютъ-ли новыя буквы всѣ звуки и удовлетворяютъ-ли всѣмъ потребностямъ Русскаго языка? Нѣтъ. Буква е не замѣняетъ э, буква і не замѣняетъ й; исключенный ъ вопіетъ въ словахъ: объявленіе, разъяренный; изгнанный ь вступается за себя въ словахъ: скорбь, деньги. Несчастные: щ, ѵ, и теперь въ гоненіи; кажется, по дѣломъ. Новыхъ изгнанниковъ хотятъ замѣнять удареніями и значками; но велика-ли выгода отъ этого? Не труднѣе-ли привыкнуть къ удареніямъ, чѣмъ къ буквамъ?

Такимъ образомъ, съ какой ни поглядимъ стороны, дѣло пойдетъ на ладъ. Употребленіе, при-

Digitized by Google

вычка, потребности языка и малозначительность пользы отъ преобразованія, не даютъ Сочинителю новой азбуки ни малѣйшей надежды къ успѣху, къ слѣдствію значительному. Не можемъ однако не отдать справедливости доброму его намѣренію, хотя и не думаемъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы отъ введенія удобнѣйшей азбуки шагнула хоть на вершокъ впередъ Литтература. Стенографія кратка болѣе всякой новой азбуки; но такъ мала существенная польза отъ оной, что никогда не будутъ всѣ пишущіе стенографами.

Мы хотѣли было, въ доказательство безуспѣшности подобныхъ опытовъ, упомянуть еще о Г-нѣ Марлѣ, знатокѣ Французскаго языка, Издателѣ *Грамматическаго Журнала* (Journal Grammatical), и также преобразователѣ азбуки. Но уже другіе Журналисты говорили о немъ: предоставимъ имъ важное свѣдѣніе о Г-нѣ Марлѣ. И чѣмъ, думаете вы, Французскіе Журналисты убили полезное предпріятіе Г-на Марля? Насмѣшкой. При всей нелѣпости нынѣшней Французской азбуки, гдѣ одинъ знакъ выражаетъ нѣсколько различныхъ звуковъ, и въ то-же время одинъ звукъ выражается на письмѣ нѣсколькими знаками — Французы не могли безъ смѣху видѣть словъ, написанныхъ такимъ образомъ: il fo s'antr'ede mutuelleman.

Но лучше-ли для глазъ и новый предлагаемый способъ? Вотъ для примѣра нѣсколько строчекъ:

Vaяnie i Poêzія, Jivopiż i Muzыka sut' tol'ko razпыя

Digitized by Google

narêčія odnogo i togoje яzыka; vo vsêh serdce govorit serdcu яzыkom чuvstva.

По совѣсти: неужели вы не улыбнулись прочитавъ эти строки? И вотъ эта-то улыбка есть одинъ изъ главныхъ враговъ вновь предлагаемой азбуки.

— *Подарокъ товарищамъ, или переписка Русскихъ солдатъ въ 1812 году*, изданная Русскимъ инвалидомъ, Иваномъ Скобелевымъ. СПб. 1833. Въ т. Н. Греча. XVI и 205 стр. in-8.

Почтеннѣйшій Авторъ сей книги, заслуженный Русскій Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ, славенъ не однимъ мужествомъ, котораго не умѣли и не могли сокрушить Французскія и Шведскія ядра, гранаты и картечи. Публика давно слышала и о краснорѣчіи его, истинно Русскомъ, военномъ, доступномъ до сердца и души Русскаго солдата. Не мѣсто здѣсь разсказывать о многихъ случаяхъ прошедшихъ войнъ, когда Г. Скобелевъ умѣлъ немногими словами воспламенять мужество и львиную храбрость сподвижниковъ-воиновъ. Онъ сжился, сроднился не только съ боевою жизнію, но и съ самими властителями боевыхъ драмъ, Русскими солдатами. Онъ проникъ ихъ безкорыстную, чистую, славную душу, и въ школѣ опыта и сотрудничества узналъ это поэтическое существо, которое извѣстно подъ именемъ

Digitized by Google

Русскаго солдата. Кто изъ насъ можетъ безъ сердечнаго умиленія смотрѣть на добраго, храбраго Русскаго воина, котораго грудь украшена заслуженными кровью знаками отличія, а рука повита свидѣтельствомъ многолѣтней службы? По крайней мѣрѣ я всегда вижу въ немъ достойнаго брата, съ которымъ готовъ раздѣлить и любовь къ родинѣ и всѣ вещественныя выгоды. Вообразите только самоотверженіе этого человѣка: онъ оставилъ родныхъ, домашній кровъ и всѣ удобства семейной жизни, можетъ быть и скудной, но всегда драгоцѣнной; онъ не наслаждается ничѣмъ въ мірѣ, кромѣ одной мысли, что служитъ отечеству; онъ не имѣетъ даже никакой надежды на выгоды въ будущемъ, которое льститъ ему не блестящими эполетами и довольствомъ, а смертью отъ чужой руки, или по крайней мѣрѣ всѣми нуждами походной и служивой жизни. И вмѣстѣ съ этимъ, солдатъ нашъ всегда веселъ, бодръ, счастливъ при малѣйшемъ отдыхѣ! Это существо странное, непостижимое для насъ, лѣнивыхъ домосѣдовъ, и объясняемое только высокою поэзіею, которая хранится въ груди Русскаго солдата. Вотъ что всегда желалъ я видѣть выраженнымъ въ книгѣ, и, думаю, чего не могъ-бы никто выразить лучше Генерала Скобелева. Поэзія Русскаго солдата, столь богатая образами и чувствами, эта поэзія есть сама жизнь его. Она еще не облечена въ прочныя формы Словесности, и въ семъ отношеніи книга Г. Скобелева есть явленіе столь-же новое, сколь пріятное.

Онъ представляетъ себѣ, что грамотный Рус-

Digitized by Google

скій солдатъ, Ручкинъ, пишетъ къ отставному солдату Кремневу, и наконецъ такъ воспламеняетъ его описаніемъ подвиговъ 1812 года, что заслуженный Кремневъ опять вступаетъ въ ряды старыхъ товарищей, и пишетъ, уже отъ себя, письма къ пріятелю Лазаричу Ранцеву. Всѣ эти письма содержатъ въ себѣ описаніе войны 1812 года. Въ Прибавленіи, почтеннѣйшій Издатель описываетъ, какъ посѣтилъ онъ стараго своего сослуживца Кремнева. Но все это лишь форма сочиненія. Существенное достоинство его заключается въ самыхъ письмахъ, которыя желали-бы мы здѣсь переписать всѣ; но, къ сожалѣнію, это невозможно. Образчики сихъ писемъ были напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ, но по нимъ не льзя судить о цѣлой книгѣ: надобно прочитать ее, отъ первой странички до послѣдней, чтобы составить себѣ полное понятіе, что это за книга. Это настоящая исповѣдь солдатская. Многія выраженія, помѣщенныя въ ней, могутъ войдти въ пословицу. Напримѣръ, въ письмѣ Х-мъ, Ручкинъ объясняетъ, какъ легко выучиться Французскому языку, высказываетъ наконецъ истинно Русское, солдатское замѣчаніе: «Да что толковать! И въ Польшѣ точнехонько тоже: какъ начнешь, бывало, слова-то ломать и съ права на лѣво, и съ лѣва на право, и на изнанку, такъ и пойдутъ дѣла на ладъ. Иное мѣсто и самъ не понимаешь, что говоришь, а они ужь знаютъ: катай только на выворотъ.»

Иностранныя имена также переиначены совершенно по-солдатски; напримѣръ, солдаты говорятъ:

Digitized by Google

Аглицкой Лимондръ (Англійскій Милордъ), Ларястой (Лористонъ, котораго разговоръ съ Кутузовымъ описанъ преутѣшно!), Бибичъ (Дибичъ), Жаредный (Жандръ), Винцовогородѣ (Винценгероде), Вершель (Эртель), Меропа (Европа).

Это истинный подарокъ Русскаго солдатскаго ума!

— *Повѣсти Библіофила Жакоба, извлеченныя изъ Исторіи Франціи.* Перев. съ Французскаго М. Михайловъ. 2 части. СПб. 1833. Въ т. Главн. Управленія путей сообщ. 258 и 290 стр. in-12 (*).

Извѣщая о подлинникѣ сихъ Повѣстей (Моск. Тел. 1832, N° 14, стр. 257-я), мы изъявляли желаніе видѣть ихъ въ Русскомъ переводѣ. Благодаримъ Г-на Переводчика, что онъ весьма удачно исполнилъ это желаніе, которое конечно принадлежало не однимъ намъ. Русскій переводъ Повѣстей псевдонима Жакоба (котораго можно было-бы называть у насъ истиннымъ его именемъ: Г-нъ Лакруа), знакомитъ публику нашу съ однимъ изъ замѣчательныхъ современныхъ произведеній. Лакруа облекъ занимательнымъ разсказомъ нѣсколько событій изъ Французской Исторіи, и преобразилъ ихъ въ любопытныя и наставительныя повѣсти. Вотъ названіе сихъ повѣстей: *Пытка; Подвигъ; Поцѣлуй; Груши; Турниръ; Государственная тайна*; *Заса-*

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 8 р. асс. за экземпляръ.

Digitized by Google

да; Урокъ. Жалѣемъ, что Русскій Переводчикъ исключилъ *Введеніе*, въ которомъ Авторъ умно и поучительно доказываетъ необходимость подобнаго Историческо-разсказнаго чтенія для дѣтей. Его доводы, можетъ быть, убѣдили-бы нѣкоторыхъ родителей въ томъ, что надобно быть весьма разборчивымъ въ выборѣ не только чтенія, но и разсказовъ для дѣтей, которымъ няньки и мамушки набиваютъ голову всякими вздорными, такъ называемыми *страшными исторіями*. Напротивъ, *Повѣсти Жакоба* и занимательны и вмѣстѣ наставительны. Это истинно полезная для дѣтей книга. Какъ не вздохнуть однакожъ о томъ, что она писана для Французовъ, а не для Русскихъ! Въ статьѣ нашей о подлинникѣ Повѣстей Жакоба, мы подробно говорили объ этомъ, и даже назвали предметы, которые могъ-бы представить нашъ Русскій Жакобъ, для Русскихъ юныхъ умовъ. Сколько удовольствія и пользы дѣтямъ принесъ-бы подобный трудъ!

— Nouvelle Grammaire française, sur un plan très-méthodique; par MM. Noël et Chapsal. (*Новая Французская Грамматика, составленная по плану весьма методическому, Г-дами Ноэлемъ и Шапсалемъ*). Сочиненіе, признанное отъ Французскаго Университета классическимъ, и принятое въ Военныхъ Школахъ. Новое изданіе, значительно умноженное

Digitized by Google

для Русскаго юношества И. Б. Эйнерлингомъ. СПб. 1833 г. Въ т. Гинце. XII и 406 стр. in-12.

Мы имѣемъ на Русскомъ языкѣ много хорошихъ Граммашикъ Французскихъ, начиная ошъ прекраснаго шруда Г-на Перелогова, до совершеннѣйшей изъ книгъ своего рода, Граммашики Лефранка, переведенной покойнымъ О. М. Сомовымъ. Но сочиненіе Шапсаля и Ноэля шакже не покажется лишнимъ, если сообразимъ, что вмѣспѣ съ хорошими, есшь у насъ много и нелѣпѣйшихъ Французскихъ Граммашикъ, введенныхъ въ упошребленіе, и раздаваемыхъ, волею и неволею, ученикамъ чужеземныхъ *урочниковъ*, которые прежде всего спараюшся разъѣзжашь изъ дома въ домъ, и сбирашь свои билешы, а пошомъ уже учишь и приносишь пользу. Желашельно было-бы видѣшь замѣну многихъ уродливыхъ руководспвъ къ языку Французскому, шакою прекрасною книгою, какъ Граммашика Г-дъ Ноэля и Шапсаля. Она имѣла во Франціи успѣхъ необыкновенный: 23 изданія ея свидѣшельспвуюшъ о шомъ. Мы, впрочемъ, не всегда вѣримъ многочисленносши изданій, кошорой удосшоиваюшся иногда и самыя вздорныя книги. Мы смошримъ на внушреннее досшоинспво шруда, и въ эшомъ оношеніи не можемъ не ошдашь справедливосши книгѣ Гг. Ноэля и Шапсаля. Она вполнѣ соошвѣшспвуешъ нынѣшнему усовершенспвованію Французской Граммашики. Г. Эйнерлингъ, заслужившій изданіемъ многихъ учебныхъ книгъ благодарносшь всѣхъ воспишашелей, сдѣлалъ еще нѣкоторыя, часшныя усовер-

Digitized by Google

шенствованія въ сей книгѣ. Онъ распространился въ изъясненіи гласныхъ и согласныхъ, и, желая болѣе приблизишься къ пошребностямъ и понятіямъ юныхъ читателей, присовокупилъ примѣры изъ лучшихъ Французскихъ авторовъ, упражненія въ причастіяхъ настоящихъ и прошедшихъ, замѣчанія о строчныхъ знакахъ, и проч. Указавъ на неправильности, на несообразныя духу языка слова, на затрудненія Грамматическія, и на множество другихъ предметовъ, важныхъ при изученіи Грамматики, Г. Эйнерлингъ прибавилъ много примѣровъ разбора или анализа Грамматическаго. Всѣ сіи усовершенствованія заимствовалъ онъ изъ другихъ, лучшихъ Грамматикъ Французскихъ. Нужнали послѣ сего наша рекомендація его книгѣ, которая убѣдительно говоритъ сама за себя?

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Матеріялы для Исторіи Козьмы Минина, или усердная просьба къ Любителямъ Отечественныхъ Древностей.*

Донынѣ мы не имѣемъ достаточныхъ матеріяловъ для составленія жизнеописанія великаго Гражданина Русскаго, или, какъ современники нарекли его — *Избраннаго отъ всея земли Русскія человѣка, Козьмы Минича Сухорукаго*, спасителя отчизны и чести Русской въ 1612-мъ году.

Грустно думать, что уже прошекло послѣ сего болѣе двухъ сотъ двадцати лѣтъ, и *никто* донынѣ не помыслилъ собрать и сохранить для Исторіи драгоцѣнныя черты жизнеописанія Минина!

Само по себѣ разумѣется, что жизнь Минина, до тѣхъ поръ, когда явился онъ Великимъ Гражданиномъ на площади Нижегородской, не представляла ничего достопамятнаго. Онъ смиренно торговалъ мясомъ, былъ честенъ, уваженъ согражданами, какъ добрый купецъ; но *послѣ того?*

Мы знаемъ, изъ сочиненій Миллера, Голикова, А. Ѳ. Малиновскаго, Лѣтописей и актовъ, что

Digitized by Google

Козьма Мининъ былъ награжденъ за *освобожденіе Москвы* званіемъ *Думнаго Дворянина*, съ окладомъ не въ урядъ съ другими; что онъ засѣдалъ въ Царской Думѣ, и въ 1616-мъ году скончался, *вѣроятно*, въ Нижнемъ Новгородѣ, ибо гробница его находится въ Нижегородскомъ Преображенскомъ соборѣ; что сынъ его Меѳодій оставался въ Москвѣ, и былъ при свадьбѣ Царя Михаила Ѳеодоровича въ числѣ чиновниковъ, и что имена *Козьмы* и *Меѳодія* повелѣно было упоминать на Вселенскихъ панихидахъ въ Нижегородскомъ соборѣ (см. обо всемъ этомъ *Дополненія къ Дѣяніямъ*, Голикова, ш. II, стр. 380, и слѣд.; *Извѣстія о Дворянахъ Россійскихъ*, Миллера, стр. 68; *Біограф. свѣдѣнія о Князѣ Д. М. Пожарскомъ*, А. Ѳ. Малиновскаго; *Вивліоѳику*, Новикова, ш. XX, стр. 90; *Описаніе бракосочетанія Царя М. Ѳ.*, стр. 38; *Собраніе Гос. грамотъ*, ш. I, стр. 611, ш. III, стр. 120.

И только донынѣ?

Да, только. Между тѣмъ, опъ вниманія любителей древности и отечественной чести, укрывались до сихъ поръ два важные источника, изъ коихъ значительно могутъ быть дополнены исчисленныя нами свѣдѣнія о жизни и родѣ Минина. Къ изумленію читателей, *можетъ быть* — мы скажемъ, что оба сіи источника *печатные*, и еще болѣе: одинъ изъ нихъ есть извѣстный Журналъ, *Сынъ Отечества*. Другой источникъ, конечно, менѣе извѣстенъ: это *Статистическое описаніе Нижегородской губерніи*, сосставленное тамошней Гимна-

Digitized by Google

зіи Старшимъ Учителемъ Михаиломъ Духовскимъ (Казань, 1827 г. 79 стр. in-8).

Въ *Сынѣ Отечества*, 1813 года, ч. III, № 3-й, стр. 105 — 109, напечатана была *грамата*, данная на помѣстья, пожалованныя Козьмѣ Минину въ 7123-мъ, или 1615-мъ году, Января 20 дня. Мы помѣщаемъ эшу Грамашу въ концѣ сей нашей спашьи.

Въ вышеозначенной книжкѣ Г-на Духовскаго, упоминаешся (на стр. 20) о *сошной грамашѣ* Царя Михаила Ѳеодоровича, въ которой описано шогдашнее состояніе Нижняго Новгорода, и говоришся между прочимъ, чшо «*въ каменномъ городѣ, близъ соборной церкви*, былъ *домъ Стряпчаго Мевсдія Кузмина сына Минина, съ садомъ.*» Г-нъ Духовской прибавляешъ: «Вѣроящно, предосшавленный во владѣніе его изъ признашельносши Монархомъ, пошому чшо, *какъ изъ граматы сей видно*, мѣсшо сіе всегда было Государево дворовое.» — Объ эшой сошной грамашѣ говоришъ Г-нъ Духовской, чшо *она хранилась въ бумагахъ сшараго Архива при Нижегородскомъ Магисшрашѣ.*— На стр. 24-й, Г-нъ Духовской упоминаешъ, чшо въ Преображенскомъ соборѣ покоящся осшанки Козьмы Минина, «*перенесенные шуда при посшроеніи собора*, въ царсшвованіе Алексѣя Михайловича, *оть приходской церкви Похвалы Пресвятыя Дѣвы.*»

Изъ грамашы, въ С. О. помѣщенной, оказываешся, чшо Минину пожалованы были: село *Богородицкое*, съ пусшошами: *Окуловскою*, *Орловою*, *Зенововою Дубравою*, и деревнями: *Цепелевою*, *Высо-*

Digitized by Google

кою, Осиновкою, Песочною, Каврова шожь, *Баклановою, Коростелевою, Дикое ременье*, Новое ременье Починокъ шожь, *Демидовою* и *Выболовою.*

На большой каршѣ Россійской Имперіи (Часшь XIII, лисшъ 56) находимъ нѣкошорыя изъ сихъ именъ, а именно: *Богородское, Выболово, Демидово, Песошное*: эшо сушь села и деревни, донынѣ находящіяся на дорогѣ въ Муромъ и Горбашовъ изъ Нижняго Новгорода. *Богородское,* если не ошибаемся, есшь славное своею промышленносшію село, принадлежащее нынѣ Г-ну Шеремешеву. Можешъ бышь, начало богашсшва и промышленносши селянъ Богородскихъ положилъ здѣсь Козьма Мининъ.

Жалованная Минину грамаша прислана была къ Издашелю Сына Ошечесшва ошъ особы, находившейся въ 1812-мъ году въ Нижнемъ Новгородѣ. Въ письмѣ изъ Мурома, при конюромъ прислана была грамаша, сказано: «Въ бышносшь мою въ Нижнемъ, досшалъ я копію съ грамашы, жалованной Козьмѣ Минину ошъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Сію грамашу выписалъ изъ Архива *одинъ шамошній купецъ, коему шеперь* (въ 1812 году) *около* 80-*ши лѣшъ, шому назадъ уже годовъ съ* 50-*шъ*, и въ шогдашнее время за ошыскиваніе оной заплашилъ 120 рублей.» (С. О. 1813 г. книжка 2-я, сшр. 92).

Соображая все изложенное нами, мы полагаемъ, чшо по малымъ слѣдамъ, какіе здѣсь ошкрываюшся, можемъ мы ошыскашь *многія подробносши о жизни и родѣ Минина.* Вслѣдсшвіе сего, обращаемся мы съ покорною просьбою:

Digitized by Google

1-е. Къ *Г-ну Издателю Сына Отечества.* Не можешъ-ли онъ сказать намъ имени той почтенной особы, отъ которой получены былъ имъ списокъ съ жалованной граматы въ 1812-мъ году?

2-е. *Къ почтенному Г-ну Духовскому,* и вообще *къ Любителямъ Отечественныхъ Древностей, обитающимъ въ Нижнемъ Новгородѣ:*

а. Не льзя-ли въ Нижнемъ узнать объ имени почтеннаго старца, который, *лѣтъ семьдесятъ тому,* не пожалѣлъ довольно значительныхъ издержекъ, чтобы только достать драгоцѣнную грамату о Мининѣ? — Не хранится-ли списокъ оной у потомковъ его, и не извѣстно-ли: изъ какого именно *Архива* полученъ былъ имъ сей списокъ?

б. Желательно знать: кому принадлежатъ нынѣ, находящіяся въ Горбатовскомъ уѣздѣ, село *Богородское,* и деревни *Выболова, Демидова, Песошное?* Нѣтъ-ли подлѣ нихъ деревень, или урочищъ, подъ названіемъ: *Окуловская, Орлова, Зенова Дубрава, Цепелева, Высокая, Осиновка, Бакланова, Коростелева, Раменье, Погнокъ?* Не льзя-ли узнать, когда дошли всѣ сіи мѣста во владѣніе нынѣшнихъ помѣщиковъ?

Сими свѣдѣніями можно будетъ разрѣшить: *когда пресѣкся родъ Минина,* и когда имѣніе его поступило, или продано было, въ другія руки.

в. Любопытно-бы узнать: есть-ли точно въ Архивѣ Нижегородскаго Магистрата *сошная* грамата, гдѣ упомянуто о домѣ Меѳодія Минина? Ко-

Digitized by Google

тораго она года, и что именно въ ней написано объ этомъ домѣ?

г. Желательно знать: что̀ находится нынѣ *на томъ мѣстѣ, гдѣ, по догадкамъ, былъ домъ Меѳодія Минина* въ каменномъ городѣ, т. е. *Кремлѣ* Нижегородскомъ?

д. Существуетъ-ли нынѣ въ Новгородѣ Нижнемъ *приходская церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы*, и нѣтъ-ли близъ ея слѣдовъ *первоначальнаго дома Козьмы Минина*, который, вѣроятно, жилъ въ приходѣ сей церкви, ибо на погостѣ ея былъ онъ погребенъ? Если-же сія церковь уже уничтожилась, то освѣдомиться: не перенесены-ли куда ея антиминсы, или какія нибудь древнія записки, иконы, и т. п.

е. На какихъ доказательствахъ основано мнѣніе, что Козьма Мининъ *былъ погребенъ* у церкви Похвалы Богородицы, и что потомъ, *уже въ царствованіе Алексія Михайловича*, останки его *перенесены* въ Преображенскій соборъ? Когда именно сіе происходило, и гдѣ объ этомъ записано?

ж. Нѣтъ-ли слѣдовъ сего событія въ какихъ нибудь запискахъ собора? Также потребно узнать: былъ-ли именно при Царѣ Алексіѣ сей соборъ *перестроенъ*, и *поминаютъ*-ли донынѣ память Козьмы Минина и сына его Меѳодія въ семъ соборѣ, какъ утверждаетъ Голиковъ?

Если-бы можно было обстоятельно рѣшить всѣ сіи вопросы, то мы узнали-бы много новыхъ по-

Digitized by Google

дробносшей о незабвенномъ Гражданинѣ Нижегородскомъ. Просимъ, усердно просимъ *соотечественниковъ Козьмы Минина*: заняшься на мѣсшѣ изслѣдованіями означенныхъ нами вопросовъ, и пошомъ сообщишь слѣдсшвія своихъ изслѣдованій *въ Москву, на имя Издателя Телеграфа*. Свѣдѣнія, къ нему досшавленныя, немедленно будушъ напечашаны въ Телеграфѣ; а благодарносшь каждаго, любящаго чесшь и славу ошчизны, слѣдовашельно уважающаго памяшь великихъ сыновъ ея, конечно будешъ досшашочнымъ возмездіемъ шруда, какой примешъ на себя въ ошчизнѣ Козьмы Минина Любишель Древносшей Ошечесшвенныхъ.

Грамата Царя Михаила Ѳеодоровича Думному Дворянину Козьмѣ Минину, въ 1615 году (по списку, напечашанному въ *Сынѣ Ошечесшва*, 1813 года, ч. III, кн. 3, сшр. 105 – 109).

« Божіею милосшію, Мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ, по своему Царскому осмошрѣнію пожаловали есьмя Думнаго своего Дворянина Кузму Минича, за его Кузмину многую службу, какъ въ прошломъ въ 119-мъ году Польскіе и Лишовскіе люди Московское государсшво раззоря и завладѣли; и Московскаго государсшва изъ городовъ Боярe и Воеводы, собрався со всякими рашными людьми, пришли подъ Москву, Московское государсшво ошъ Польскихъ и Лишовскихъ людей очищашь, и подъ Москвою многое время сшояли; и рашные

Digitized by Google

люди отъ Лишовскаго раззоренія скудости отъ Москвы разъѣхались; и онъ Кузма, памятуя Бога и Пречистую Богородицу, въ Нижнемъ Новѣгородѣ изъ низовыхъ, изъ верховыхъ, изъ поморскихъ и со всѣхъ городовъ и рашныхъ всякихъ раззоренныхъ людей подмогалъ; и рашные люди, съ Бояры и Воеводы, и съ нимъ Кузмою, собрався подъ Москву къ Боярамъ-же и Воеводамъ, кои стояли подъ Москвою безотступно, на помощь пришли и Московское государство очистили. И за шу его службу пожаловали есьмя его Кузму, и сына его Нефедья, въ Нижегородскомъ уѣздѣ изъ его-же помѣстья, что ему пожаловали есьмя напередъ сего за Московское очищеніе селомъ Богородицкимъ; да къ селу-жъ Богородскому припущено въ пашню: пустошь Окуловская, пустошь Орлова, пустошь Зеновова Дуброва; да къ селу-жъ Богородскому деревни: деревня Цепелева, деревня Высокая, деревня Осиновка, деревня Песочня, Каврово тожъ, деревня Бокланово, деревня Коростелево, деревня Дикое Ременье, а Новое Ременье тожъ, что былъ Починокъ, деревня Демидово, деревня Выболово; и всего къ селу Богородскому девять деревень живущихъ; а по памяти изъ Нижегородскія чети, за приписью Дьяка нашего Василія Семенова, въ Нижегородскихъ въ дозорныхъ книгахъ Василья Борисова, да Подъячаго Трешьяка Абрамова, лѣта 7096 (1588 г.) году, написано: «въ селѣ Богородскомъ, и въ деревняхъ, пашни тысяча шесть сотъ тридцать четвертей.» И Кузмѣ, и сыну его, по сей Нашей Царской жалованной грамотѣ владѣть тѣмъ селомъ Богородскимъ, съ деревнями и съ пустошами, и со всѣми

Digitized by Google

угодьи, въ вошчину имъ, и ихъ женамъ и дѣтямъ, и внучатомъ и правнучатомъ, и въ родъ ихъ неподвижно; и вольно имъ та вошчина, по Нашему Царскому жалованью, продати и заложити, и по душѣ и въ приданые отдати, и послѣ своего живота роду своему и племени отказати. Дана сія Наша грамата, Нашего государства въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7123 Генваря въ 20; а подписалъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи *Дьякъ Миколай Никитинъ сынъ Новокщеновъ.*»

Назади написано шако: «Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи Самодержецъ.»

«*Справилъ Подьячій Васька Волковъ.*»

«По Нижнему Нову-городу

подъ N° 281.»

«подъ N° 26.»

У шой грамашы печашь вислая, на красномъ воску (*).

«*Въ Боярской книгѣ 124 году, по прочемъ, значитъ:* Дворяне въ Думѣ, въ числѣ которыхъ яв-

---

(*) Слѣдующія за спискомъ грамашы замѣшки, вѣроятно, суть выписки изъ разныхъ дѣлъ и бумагъ того-же Архива, въ которомъ списана была грамата.

Digitized by Google

сшвуетъ *Козьма Мининъ.* Подъ именемъ его написано ему окладъ двѣсти рублевъ, а помѣстьемъ не верстаешь.

« *Въ книгѣ Московскаго Осаднаго Сидѣнья* 126, 127 (1618 и 1619) *годовъ, значитъ*: Стряпчіе были по полкамъ съ Воеводами на Москвѣ, въ числѣ которыхъ *Нефедъ Козьминъ сынъ Мининъ.*

« *Бывшей Печатной Конторы, въ записной* 7123 (1615) *года книгѣ, значитъ*:

« Февраля въ 23 день грамата жалованная, закрѣпленная красною печатью, Думнаго Дворянина Кузьмы Минина, да сына его Нефедья, на Нижегородскую его вотчину, на село Богородское съ деревнями, на тысячу шесть сотъ на тридцать четвертей, за Московское очищеніе; пошлинъ двадцати рублевъ двѣнадцати алтынъ трехъ денегъ, по приказу Посшельничаго и Намѣстника Конспантина Ивановича Михалкова, не взято. »

— *Изъясненіе картинки.*—Микель-Анджело Буонароппи, поэтъ, первоклассный въ Живописи, Скульптурѣ, Архитектурѣ и даже Стихотворствѣ, почти неизвѣстенъ въ Россіи. Только знаменитый его куполъ церкви Св. Петра въ Римѣ, былъ описанъ у насъ нѣсколько разъ, хотя крашко и недосша-

Digitized by Google

точно. Живописныхъ произведеній Буонароттіи почти нѣтъ въ Россіи, а извѣстно, въ какомъ состояніи находится у насъ Исторія Искусствъ, необходимая отрасль Литтературы для истинно-образованнаго человѣка! Удивляться-ли послѣ сего, что Микель-Анджело всего менѣе извѣстенъ намъ какъ скульпторъ? Откуда почерпнетъ Русскій читатель свѣдѣнія о немъ? Въ ожиданіи нашихъ Катрмеровъ, мы думаемъ угодить читателямъ Телеграфа, прилагая при сей книжкѣ очеркъ одного изъ скульптурныхъ произведеній Микель-Анджело. Надобно сказать прежде всего, по какому случаю было оно сдѣлано. Папа Леонъ X-й, желая воздвигнуть великолѣпные памятники брату и племяннику своимъ, велѣлъ Микель-Анджело построить при церкви Св. Лавреншія, во Флоренціи, ризницу, которая и называется *новою ризницею*. Во внутренности сей-то часши церкви, художникъ сдѣлалъ два надгробные памятника для Юліана и Лавреншія Медичи.

Сіи мавзолеи находятся подлѣ стѣнъ, одинъ противъ другаго. Мавзолей Юліана, въ лѣвой сторонѣ, обращенъ къ алтарю; статуя его, въ Римской одеждѣ, сидящая, поставлена въ нишѣ, украшенной четырьмя Коринѳскими колоннами; внизу кенотафія, и надъ нею двѣ полулежащія фигуры, изображающія *День* и *Ночь*. Сія послѣдняя считается превосходнѣйшею по мысли и по исполненію: она представлена въ прилагаемомъ нами очеркѣ. Художникъ умѣлъ выразить въ ней спокойствіе и вмѣ-

Digitized by Google

сшѣ глубокое уныніе: двѣ таинственныя принадлежности, два вѣчные, отличительные признака ночи. Но не такова-ли свойства и горести, утишенной временемъ и успокоиваемой памятью драгоцѣннаго намъ человѣка? Только воспоминаніе о низкомъ, порочномъ, угнетаетъ душу; воспоминаніе о доблестяхъ даетъ спокойствіе и тихую грусть душѣ. Такова поэтическая мысль, которую выразилъ въ сей фигурѣ Микель-Анджело. Надобно-ли говорить объ исполненіи ея, о самой работѣ Художника? Микель-Анджело былъ столь-же великій анатомъ, сколь великій, сильный художникъ. Въ произведеніяхъ его нѣтъ той мягкости, нѣжности, коими отличаются стаатуи Кановы, но за то въ немъ гораздо болѣе силы, мужества, чего-то великаго, отличающаго произведенія его во всѣхъ родахъ.

Digitized by Google

ОПЕЧАТКА.

Въ 13-й книжкѣ Телеграфа, на страницѣ 118-й, въ строкѣ 9-й, вмѣсто: *тогдашней*, должно читать: *тогдашней Россіи.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Рис. Карагина. Гр. Аванасьева.

Digitized by Google

N° XV. АВГУСТЪ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ УСТАВЪ

о пѣхотной службѣ, напечатанный въ Москвѣ, при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, 1647 года (*).

Весь чинъ и пребываніе человѣческаго народа, жиніе и похожденіе, раздѣляется въ три начальные чина: *учительный, оборонительный, промышленный.* Сіи чины можно-бы пространно и достаточно описать, и толковать про всякій чинъ по своему надобью и по достоинству, что онъ есть, и что въ себѣ содержитъ, и какъ его весть,

(*) Зная, что въ числѣ читателей Телеграфа находится много военныхъ людей, и увѣренные въ томъ, что воины Русскіе столько-же дорожатъ просвѣщеннымъ познаніемъ своего занятія, сколько храбростію, мы рѣшились помѣстить въ Телеграфѣ отрывокъ изъ драгоцѣнной книги. Эта книга: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей,* напеч. въ Москвѣ, при началѣ царствованія Алексія Михайловича,

Digitized by Google

и какъ въ немъ жишь, по его природѣ и по свойству. Только мы въ сей нашей матеріи, или въ семъ нашемъ дѣлѣ, первый, учительный, и третій, промышленный чинъ, къ сторонѣ оставимъ, и только о второмъ, *оборонительномъ чинѣ*, немного къ введенію сего дѣла напишемъ.

Оборонительный чинъ содержитъ въ себѣ двѣ части: первое, владѣтельный чинъ; второе, ратный чинъ. — Что о первой части, владѣтельномъ чинѣ, въ томъ есть всѣ Великіе Государи, и начало высокаго и нижняго чина,

---

въ 1647 году, слѣдовательно: *сто восемьдесятъ шесть лѣтъ* тому. Ея не должно смѣшивать съ книгою: *Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до Воинской науки.* Сія послѣдняя оставалась въ рукописи, и напечатана была уже въ 1777 и 1781 гг., по повелѣнію Потемкина, извѣстнымъ Рубаномъ (въ ней находится 663 статьи, составленныя какимъ-то *Анисимомъ Михайловымъ*, по повелѣнію Царей Василія въ 1607-мъ, и Михайла въ 1621 г.). Книга, изъ которой мы предлагаемъ отрывокъ читателямъ, напечатана церковными буквами. Къ ней приложены планы и рисунки, гравированные въ Голландіи. Она весьма рѣдка. Сею книгою, и *Уставомъ ратныхъ дѣлъ*, обозначается начало новаго образованія военныхъ силъ Россіи, доведенное до совершенства Петромъ Великимъ. Михаилъ *первый* убѣдился въ превосходствѣ иностраннаго военнаго об-

Digitized by Google

какъ они ни именуются, Владѣтели и Судіи, которые учинены надъ человѣческимъ народомъ владѣть. Про тѣхъ мы нынѣ не пишемъ, только лишь про послѣднюю часть, которая именуется: *ратный чинъ*. И то не съ тѣмъ обычаемъ, чтобы у меня на мысли о всемъ ратномъ дѣлѣ описать, какъ въ школахъ новоначинающіе ученики во всѣхъ мудростяхъ, которымъ подобаетъ первое о мудрости, и о силѣ, которой они ся предаютъ, чтобъ имъ вѣдать, какова которая мудрость, и чѣмъ сила ея обдержится, и что основаніе, и что конецъ есть, какъ и чѣмъ добывается, и къ чему-то сяжетъ, и какъ владѣется. Для того моя мысль въ семъ моемъ дѣлѣ писать только о новопришедшихъ молодыхъ солдатахъ, какъ есть азбукѣ учить, чѣмъ-бы имъ начало и основаніе чина

разованія противъ прежняго Русскаго, ибо несчастное время Самозванцевъ доказало это ясно и неоспоримо. Онъ первый, съ 1630 года, началъ образовывать въ Россіи регулярное *войско Нѣмецкое*. Вѣроятно, тогда составили и книгу о *пѣхотномъ ученіи*. Г-нъ Берхъ почиталъ ее переводомъ съ Нѣмецкаго (*Царств. Ц. Алексія Мих.* т. I, стр. 66), но, кажется, что только основаніе ся составляютъ тогдашніе иностранные ратные уставы, она-же собственно есть *сочиненіе Русскаго*. Къ сожалѣнію, имя сочинителя неизвѣстно. Онъ говоритъ о трудѣ своемъ, въ заглавіи: « *вымышлено охотникомъ и любителемъ доброй*

Digitized by Google

своего, въ который они вступили, вѣдать и внять.

Только-же, какъ въ семъ второмъ чинѣ, ведется равно по тому-же, какъ и въ шѣхъ двухъ чинахъ. И хотя сіи три чина отъ Бога уставлены, устроены и добромъ почтены, и Богу любы, какъ я послѣ сего объявлю, что ратный чинъ столже отъ Бога устроенъ, и уставленъ, и добромъ почтенъ, какъ другіе два чина, и всякій человѣкъ, который въ немъ живетъ, можетъ Богу угодить и пріятенъ быть, и служить потому-же, какъ и въ другихъ двухъ, во владѣтельномъ, да въ промышленномъ чинахъ, чѣмъ получается временное доброе пребываніе и вѣчное спасеніе. Однако я вѣдаю, что сей чинъ отъ многихъ сопротивниковъ, и спориковъ, и

ратной мудрости, къ службѣ и охотѣ.» Въ Предисловіи называетъ онъ себя *молодымъ и неискуснымъ ученикомъ*, уподобляя знанія военныя руднику, гдѣ много уже великихъ людей умѣли добывать драгоцѣнную руду, а онъ, по слѣдамъ ихъ, хоть не многое старается собрать. Мы представляемъ читателямъ нашимъ, слѣдующее за краткимъ Предисловіемъ, *Введеніе*, или по словамъ автора: *входъ къ дѣлу*. Любопытно видѣть и соображать, *что* и *какъ* мыслили наши предки за двѣсти лѣтъ о важномъ воинскомъ занятіи. Любопытенъ для наблюдателя самый образъ ихъ выраженія, и то, *что* хотѣлъ внушить своимъ

Digitized by Google

неразумныхъ безбожныхъ, и Богу непріятнымъ и осужденнымъ чиномъ почтенъ есть, какъ нѣкій мудрецъ глаголетъ: нѣсть спасенія въ войнѣ.

Вина тому есть одна, что его мимо дѣла ведутъ, и невоздержательно въ немъ живутъ. Не токмо что въ семъ одномъ чинѣ (кокоторый неправдою и не дѣломъ, отъ многихъ безбожнымъ чиномъ почтенъ, и то они неправду говорятъ) есть много безчинства, и худобы бываютъ, но только всѣ худобы и безчинства, которыя бываютъ и въ другихъ двухъ чинахъ, въ учительномъ и въ промыш-

---

воинамъ Царь, и его сановники, опытные вожди на полѣ брани, мудрые мужи совѣта въ мирѣ. — За Введеніемъ слѣдуютъ восемь книгъ: о маневрахъ и стрѣльбѣ отдѣльно; о стрѣльбѣ ширенгами; о владѣніи копьемъ; техника словъ и ученье огнестрѣльное отдѣльно; ученіе и повороты рядами; ученіе полковое; походное устройство; отводные караулы. Изложеніе вообще ясно, рисунки подробны. — Мы нисколько не измѣняемъ слога стариннаго, но только соблюдаемъ нынѣшнее правописаніе, и удаляемъ несвойственныя намъ грамматическія формы словъ, какъ-то: окончанія глаголовъ на *ти* (писати, глаголати), или *салдатѣхъ*, вмѣсто: *солдатахъ*, *тимъ* вмѣсто *тѣмъ*, *тину* вмѣсто *тинъ*, и проч.—Это затрудняло-бы чтеніе, безъ всякой пользы. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

ленномъ чинѣ, описать—и того будетъ цѣлая книга.

Можно божественнымъ Святымъ Писаніемъ оказать, что сей чинъ Богу столь-же пріятенъ, и отъ него потому-же уставленъ, какъ и учительный и промышленный чинъ. И то я, не токмо что на короткѣ, но пространно могу сказать.

Первое что о томъ: кто сему чину уставитель и сотворитель есть? Самъ Богъ всемогущій, иже начало и вина всему добру, и все что онъ дѣлаетъ, то все добро и благо (I-й книги Моисеевой, I-й главы, зач. 31, и Іисусъ Сираховъ, въ XXXIX главѣ, ст. 21). — Кѣмъ и кто первые ратные люди были? То были Святые Патріархи сами, въ началѣ міра. Авраамъ (I-й кн. Моис. глава XIV, стр. 14), Моисей, Ааронъ, Іисусъ Навинъ, Самуилъ, Давидъ, и еще и всѣхъ святѣйшіе Духовнаго чина: то были воины веліе, и были ратные полковники и начальнѣйшіе головы ратнаго войска. И то не надъ малыми воинами, но надъ такими великими воинами, что покамѣстъ свѣтъ стоялъ, такихъ сильныхъ вой не слыхано. Въ III-й кн. Царствъ, главѣ 14-й, написано, что Саранъ, Царь Арабскій, противъ Израилевыхъ людей находилъ, а съ нимъ было 900,000 человѣкъ. А Израильскій Царь Асса, и съ нимъ 500,000, противъ его шелъ. И про такое во-

Digitized by Google

инство николи не слыхано, чтобы такія войска въ одно время на полѣ бывали. А въ Новомъ Завѣтѣ, какъ Предтеча Христовъ Іоаннъ всѣмъ человѣкамъ всякихъ чиновъ путь спасенія училъ, какъ имъ жить, чтобы Богу пріятнымъ быть, тогда и рашные люди къ нему пришли, и вопросили, что̀ имъ дѣлать, чтобы Богу пріятнымъ быть, и какъ ему служить и спасеніе получить? И тутъ первый учитель Новаго Завѣта не сказалъ, что они въ безбожномъ и въ осужденномъ чинѣ; но онъ ихъ въ томъ-же числѣ оставилъ, въ которомъ ихъ Богъ, иже сотворитель того чина, устaвилъ; и рекъ имъ: никому насильства и неправды не дѣлайте, и довляйтесь оброками своими. — Тѣмъ обычаемъ онъ въ Новомъ Завѣтѣ рашный чинъ добрымъ и благопріятнымъ чиномъ почелъ.

Сіе можно-бы многими оказательными словами слишкомъ оказать. Какъ Богъ въ учительномъ чинѣ самъ глава есть, яко-же въ промышленномъ чинѣ самъ созидатель и начальный мужъ пашни, тако-же онъ и въ оборонительномъ чинѣ самъ начальный полевой воевода, и Царь всѣмъ Царямъ и Господь всѣмъ Господемъ, иже не токмо чно одолѣніе даетъ, но и воинамъ своимъ учитъ воевать (псаломъ XVI, ст. 35), и самъ начальный учитель рашнаго строя, какъ Давидъ отъ него молитъ и проситъ, чтобы

Digitized by Google

его научилъ воевать, и руку его училъ лукъ напянуть.

И по сему всему надеженъ я, что добродѣтельному читателю доволна оказано есть, что ратный чинъ есть Богу пріятенъ, и имъ самимъ уставленъ и добромъ познанъ. А противъ тѣхъ, которые пишутъ, или говорятъ, что ратный чинъ отъ Бога заказанъ, или Богу непріятенъ, можно-бы сіе и пространнѣе оказать, только сіе дѣло того не спрашиваетъ, и сей чинъ многіе, и большая часть человѣковъ, безбожнымъ и осужденнымъ чиномъ ставятъ. Мірская молва живетъ: кто отца и матери не слушаетъ, тотъ послушаенъ телячьей кожи, сирѣчь барабана. И еще въ пословицѣ: кто ничѣмъ прожить не вѣдаетъ, тотъ побѣжитъ, либо въ монастырь, или въ войну. То есть иное и правда, какъ многажды при нынѣшнихъ войнахъ бываетъ, и въ пословицѣ говорятъ: нѣсть спасенія въ войнѣ, и у ратныхъ людей ни вѣры, ни правды, ни смиренства; и еще иной написалъ богобоязный ратный человѣкъ: то нынѣ диковинная птица на землѣ, и подобна черному лебедю; а вина тому немѣрность и безчинство, и когда войну зачинаютъ не такъ, какъ Богъ поволилъ и приказалъ. Тѣмъ не полно, что войну зачать, тѣмъ обычаемъ какъ нынѣ въ людяхъ ведется, но всѣмъ великимъ Государямъ, которые вой-

Digitized by Google

ну зачать хотящъ, надобно первое идти къ полному своему Государю, который есть большой жалованный Государь всего свѣта, и все имѣніе и жалованье даетъ и раздѣляетъ, кому онъ хочетъ. У того слѣдуетъ спросить: поволно-ли имъ есть войну вести? И потому-же, какъ въ полѣ, въ шабарахъ, надъ которыми полевой Гетманъ владѣетъ, будетъ Полковникъ, или иной ниже его урядникъ, нѣчто безъ указа и безъ повелѣнія, и не спрашивая добраго совѣта зачнетъ противъ недруга своего; и хотя то удастся, или нѣтъ, однако его про то накрѣпко разпросятъ: кто ему то приказалъ, и съ кѣмъ онъ спрашивался, и впадетъ онъ тѣмъ обычаемъ въ великое прегрѣшеніе, что онъ Государя своего величество не почтилъ, и тому непослушливо, и спорно, и несмысленно сдѣлалъ, и за то великаго наказанія достоинъ. Тако-же и всѣмъ тѣмъ, которые войну вести мыслятъ, доведется перво бити челомъ и спрашиватися у высшаго и всемірнаго полеваго своего воеводы, и у него просить и молить о повольности и о помощи. И аще кто речетъ: какъ то можетъ быть, что мнѣ прежде идти къ Богу, и о повелѣніи молить, и совѣта у него просить: вести-ли мнѣ войну, или нѣтъ? И многимъ озорникамъ то посмѣшно и поругательно положится. Только для ошвѣта на то, надобно тебѣ вѣдать:

Digitized by Google

потому, какъ у великаго и сильнаго Государя, который войну весши хочетъ, думныхъ имѣетъ, у которыхъ онъ о семъ совѣта спрашиваетися, и своею думою разнымъ своимъ урядникамъ уставы и статьи, почему имъ ходить, написать велитъ, а кто сопротивно тому учинитъ, и тотъ въ великую опалу живота своего впадетъ. Такожде надобно у Бога совѣта просить тѣмъ обычаемъ, что имъ прежде разсудить: прямо-ли, и по прямому-ли дѣлу они войну зачинаютъ, и добрымъ-ли основаніемъ они войну зачинаютъ, и разсудить потому-же, какъ нѣкій великій Государь, который государства своего имѣніе раздаетъ кому хочетъ, и буде въ тѣхъ его помѣщикахъ, которымъ онъ великія помѣстья роздалъ, кто сыщется, что помѣстье, которое ему дано, чужимъ Государемъ учнетъ продавать, или закладывать, или христіянъ учнетъ продавать, или закладывать, или христіанъ учнетъ немѣрными податьми или наметы отягчать, или не по мѣрѣ неподобныя тамги и пошлины на нихъ имѣть, и тѣмъ ихъ тѣснить, хотя гордость, или упрямство свое надъ недругомъ своимъ вымѣстить, и обычаи свои въ томъ потѣшить, того не похвалитъ, и скажетъ: я тебѣ то помѣстье не на то давалъ, что тѣмъ такъ надъ нимъ дѣлать. Также и начальный и превышній Государь человѣческимъ дѣтямъ великія помѣстья, Королевства, и Кня-

Digitized by Google

жества, и Государства и земли, не на то подавалъ, чтобы имъ пѣми государствами, имѣніями, или богатствомъ, возгордѣть, или всякія безчинныя и неправыя дѣла заводить. Надобно имъ памятовать, что они надъ собою Бога имѣютъ, отъ коего они то воспріяли. И только похотятъ войну вести, и имъ надобно искать прежде Божіей чести, а потомъ искреннему своему прибыли. И только-бы всѣ великіе Государи, прежде нежели они войну зачнутъ, то разсуждали: не сопротивналиста война Божіей чести и ближнихъ ихъ прибыли? и тогда-бы они добро чинили; и ихъбы войны, которыя правдою, съ добрымъ основаніемъ зачнутъ, съ добрымъ скончаніемъ совершались.

А чтобы мнѣ добродѣтельнаго читателя многимъ писаніемъ недолго задержать, и я къ дѣлу приступлю, которое именуется: *война*. Сіе слово война въ Лашинскомъ языкѣ именуется: *беллумъ*, и то сирѣчь: *красно*, или *пригоже*. И то ему прямое имя, потому, какъ война примѣчена и вымышлена, и ведена бываетъ въ той мѣрѣ, какъ ея Богъ уставилъ, и тогда лучше во всѣхъ чинахъ того устава и чина, заповѣдей, обычаевъ и мѣръ не сыщется, какъ въ семъ чинѣ есть, когда то пространно разсудить. То я по семъ окажу. Въ учительномъ чинѣ надобно разумѣніе, какъ Божіе слово учитъ и

Digitized by Google

указывать. Въ промышленномъ чинѣ, пахатному, и рукодѣльному, и торговому человѣку надобно вѣдать, какъ землю пахать, и какъ рукодѣліе вести, и какъ торговать, и въ тѣхъ обоихъ чинахъ, всякому въ своемъ чинѣ, во что онъ званъ, полно дѣлать и вѣдать есть.

А кто въ воинскій чинъ поставленъ, и буде онъ хочетъ искусный, знающій и счастливый воинъ быть, ему всѣхъ трехъ чиновъ разумѣть и великое вѣданіе имѣть въ ученіи перваго чина. Надобно ему вѣдать: какъ ему Бога прямо почитать и служить, и солдаты, которые подъ нимъ есть, прилежно и съ радѣніемъ въ страхѣ Божіемъ держать, и чтобы они Богу честь воздавали; да ему-же надобно слово Божіе вѣдать, и честь Божію чиномъ своимъ пространять и насаждать, и то постоянно, покамѣстъ ему Богъ милость подаруетъ, вести, и о томъ радѣть, и всегда въ сердцѣ своемъ имѣть, и всѣ свои рапные промыслы и заводы во имя Божіе начинать и исполнять противъ своего недруга, и всякое счастіе и одолѣніе едино отъ Бога ожидать.

Ученіе втораго, промышленнаго чина, ему надобно-же вѣдать, и вѣдать: какъ крестьянина при пашнѣ держать, чтобы солдатамъ и рапнымъ людямъ хлѣбъ былъ; а пахатные люди

Digitized by Google

ему надобны въ таборахъ шанцы дѣлать, и рвы копать; ремесла ему надобно разумѣть, какъ въ таборахъ станы, въ чемъ жить, и какъ всякія крѣпости и рвы, и всякія орудія и сбруи дѣлать. Торговлю ему потому-же надобно вѣдать, и тѣмъ вымысломъ достигнетъ онъ остроумія, какъ деньги на плашежъ солдатамъ смѣчать, и въ береженіи держать, и о томъ немало належитъ.

Четвертое надобно ему и третій чинъ разумѣть: какъ ему оружіе противъ недруга держать и вести, и какъ ему недруга силою и крѣпостью вспрѣчать, и, накороткѣ сказать: все, что ко всему ратному дѣлу годно, то ему надобно вѣдать, и то не малое дѣло, ибо все воинское дѣло и ученіе ему надобно достаточно разумѣть. Для того тотъ чинъ, не токмо что надобный, но и прекрасный чинъ есть, для многихъ красныхъ вещей, которыя изъ него родятся. Красенъ есть тотъ чинъ для того, что Божіе слово тѣмъ содержится и пространяется, какъ такихъ ратныхъ воеводъ называютъ стоятелями и строителями за Божіи церкви. Красенъ тотъ чинъ и для того, что имъ земли и люди, всякъ у своего промысла содержится, и торговые люди и торговли опасены. Красенъ онъ есть и для того, что Кесари и Короли, Князи и Арцухи, и

Digitized by Google

грады, и вольные господа Шляхетные люди, и Бурмистры, и всякіе владѣтели, по сему разумѣванію отъ рыцарскихъ дѣлъ взялися, и отъ воинскаго дѣла начало свое имѣютъ.

Такіе именитые и почтенные воины въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ бывали: Авраамъ, Моисей, Аaронъ, Іисусъ Навинъ, Самуилъ и Давидъ. И тѣ всѣ прежде именованные чины гораздо разумѣли и вѣдали содержать; и въ ихъ степени всѣмъ ратнымъ людямъ, которые честное, и прибыльное, и годное въ ратномъ дѣлѣ хотятъ учинить, надобно вступить. Се есть накороткѣ о словѣ: *война*, и для чего въ Латинскомъ языкѣ то слово: красно, или пригоже, называютъ.

То слово: *война*, общее есть слово, имѣетъ въ себѣ различныя статьи, и раздѣляются въ различныя войны, какъ есть: междоусобная война въ своей землѣ; и какъ есть: явныя войны, которыя войны изъ земли, или за землею бываютъ.—Междоусобныя войны слывутъ тѣ, когда въ королевствѣ, или въ государствѣ, начальныя головы, статы и владѣтели тоя земли межъ собой не въ соединеніи; и когда всякъ похощетъ быть начальнѣйшій, и большій, и похвальнѣйшій; и всякъ высшій и лучшій хочетъ быть единъ и ищетъ владѣнія; и единъ такими трудами, а иной

Digitized by Google

иными трудами ищетъ людей къ себѣ, одинъ сей городъ, а другой иной городъ къ себѣ присвояетъ, и тѣмъ королевство, или государство, въ междоусобную войну приведутъ, и мечъ одного сосѣда и городскаго жильца противъ другаго сосѣда и жильца воздвигнутъ. Такія войны, всѣ языческіе писцы всѣхъ злѣе почитали, и про тѣ образцы можно-бы великую книгу написать, и посмотрѣть въ языческихъ книгахъ. Какихъ великихъ Монарховъ Римляне имѣли, и они мало чѣмъ не всю вселенную подданну себѣ учинили! Покамѣстъ они противъ иныхъ земель войны вели, потамѣстъ имъ всегда добро было и податно. А какъ они почали междоусобныя войны вести, какъ на достали Помпеемъ и Юліемъ Кесаремъ великія смуты въ монархіи вселились, и тогда главы, которыя долгого въ добромъ соединеніи владѣли и заединъ стояли, межь собою другъ на друга возстали; а потомъ и до того дошли, что городской жилецъ на жильца, сосѣдъ на сосѣда, и городъ на городъ, и земля на землю другъ на друга возстали, и тѣмъ раззореніе и погибель на всю монархію пришли; и потомъ земля по землѣ и удѣлъ по удѣлу опали; и все то, что во многія лѣта, великими трудами и работою, и мечемъ и оружіемъ добыто было, и то не во многіе дни, какъ есть

Digitized by Google

вода, раздѣлилось и стекло, и въ землю пошло, раздралось и испорчено стало.

Да въ тѣ-же междоусобныя жилецкія войны также почтены бываютъ всякія смуты и волнованія, которыя противъ отъ Бога учиненныхъ владѣтелей воздвигнуты; и тѣмъ-же обычаемъ, когда дѣти на отца и на матерь, а подданные на властей и на оборонителей и на господарей своихъ, словомъ или дѣломъ, или оружіемъ, непослушаніемъ и сопротивностію окажутся, какъ во II-й книгѣ Царствъ, главѣ 15-й написано, что Авессаломъ на отца, Царя Давида, возсталъ, и искалъ его отъ царства изженуть и убить, и проч.—Се-бо вѣдомый, безбожный, опять изнова дѣтей Израилевыхъ противъ господаря, Царя ихъ, волнованіемъ воздвигъ (Ісаія въ XX-й главѣ); Аѳонія похотѣлъ самъ себя, мимо отцова вѣдома, Царемъ учинить (III-я книга Царствъ, глава 1-я); Израильтяне взволновались противъ Царя своего Ровоама (III-я кн. Царствъ, гл. 2-я). Можно-бы мнѣ такихъ образцовъ, изъ языческихъ и иныхъ писцовъ, неизреченно много воспомянуть, только я не хочу вамъ недавніе образцы, которые на свѣтѣ были, указывать. Кто охоту имѣетъ, тотъ посмотри, что въ нынѣшнихъ временахъ по вселенной дѣется, и пораспроси немного про тѣ войны, которыя

Digitized by Google

въ Европіи, и во Азіи, и въ Африкіи при нашихъ временахъ дѣялися; и тутъ сыщутся многіе такіе образцы междоусобныя и жилецкія войны.

А гдѣ такія войны возстанутъ, и тутъ начальный большой полевой воевода Господь Богъ не повелитель, и надъ такою рашью и смушою руки своей не держитъ, и такихъ искусителей Онъ не посылаетъ, и такіе регименты Онъ не строитъ. А повелѣваетъ Онъ всѣмъ подданнымъ, чтобы они начальству своему подобное послушаніе воздавали, Кесарю или Королю, или Князю, или Государю, или Бурмистру, малу и велику, каковы они ни слывутъ, какъ въ I-й кн. Царствъ, въ 8-й главѣ написано: « Сыны ваша возметъ, и положитъ я во оружіе свое, и на кони всадитъ ихъ, и предтекущіе предъ колесницами его, и поставитъ тысящники и жашельми жашвы своея, и обымутъ обыманіемъ гроздія его, и сотворитъ сосуды побѣды своея, суды колесницъ своихъ; и дщери ваша возметъ творити водки, и другія сотворитъ повареи, и иныя сотворитъ печи хлѣбы; и села ваша, и винограды ваша, и масличины ваша, и благая ваша возметъ, и дастъ рабомъ своимъ; и сѣмяна ваша, и вино ваше одесятеритъ, и дастъ скопцемъ своимъ и рабомъ своимъ; и рабы ваша, и рабыни, и

Digitized by Google

стада ваша благія, и ослы ваша ошыметъ, и удесятеритъ на дѣло свое, и пастбины ваша одесятеритъ, и вы будете ему въ рабы.»—Тутъ всѣ подданные, обои, великіе и малые, и всѣ, какъ они ни слывутъ, слышатъ какову сшатейную грамашу имъ начальной полевой Воевода предлагаетъ, какъ всѣмъ подданнымъ предъ своими Государями и оборонишелями держашься, и какъ ихъ имъ слушашь. Всѣмъ подданнымъ быть какъ есть рабомъ: здѣ выгороженія нѣтъ, и разни нѣтъ, и всѣмъ имъ начала своего почишашь, малы-ли они, или велики; всѣмъ подобаетъ послушливымъ быть, и имъ служить, какъ есть слуги. И нынѣ всякъ вѣдаетъ, что̀ рабу дѣлать подобаетъ: то, чтобы онъ былъ щщашеленъ и вѣренъ, и послушливъ во всемъ, что ему отъ Государей его днемъ и нощію приказано будетъ, хошь шеплое или холодное время, хошь кисло или сладко, хошь легко или шяжело, и не щадишь шѣла своего, ни живоша, и прочее. Здѣсь ни про какія повольносши, или ошниманія, не говоряшъ; а молвлено, что быть подданнымъ слугамъ, а не Государямъ, и того имъ не вмѣщашь: наши-де предки имѣли сію повольность, а иные наши имѣли иную повольность, и мы-де отъ того не отстанемъ, и у себя того ошняшь не дадимъ, хошь намъ что нибудь станешъ, и проч.—Только ошъ начальнаго полеваго Воеводы всѣмъ Государямъ не

Digitized by Google

шакъ приказано; а написано въ его спашейной грамашѣ шакъ: «Вы подданные, и вамъ быть рабами. Ты Кесарь, ты Король, ты Князь, ты Арцухъ, ты Графъ, ты вольной господинъ, ты шляхша, ты помѣщикъ—вамъ быть Государями.» А шолько приказано подданнымъ: «Будьше началу своему послушливы, а не шакъ что непослушливы; смуты не чинишь и заговора не имѣшь, никакого волнованія и смященія не заводишь и повольносшями не хвалишься; и быть вамъ слугамъ, а не Государямъ; и шо дѣлашь, что вамъ отъ власши вашей приказано, шолько и шо шѣмъ обычаемъ, чшобы Божіей чести и его Свяшому слову не къ пошѣсненію было; или буде вамъ повелящъ хулу на Бога положишь, шо вамъ шолько не дѣлашь, а опымашись шѣмъ, что Бога надобно слушашь паче человѣка.»—И шо полно про междоусобныя или жилецкія войны, про которыя можно-бы и пространнѣе писашь, шолько нынѣ при семъ оставлю. И по сему можно видѣшь добросердечному читашелю, что междоусобныя войны есшь, иже Божіимъ заповѣдямъ проштивишься, и не прямыя войны, но всѣхъ спрашнѣе и позорнѣе, и отъ шого великое премѣненіе и развращеніе великимъ государспвамъ бываешъ; и которое государство, или Королевспво въ себѣ раздѣлено, и шому долго споящъ невозможно.

А явныя и всемірныя войны, шѣ есшь справедливы, называюшъ ихъ законныя которыя прав-

Digitized by Google

дою и дѣломъ основаны, и прямою причиною починаются, и которыя можно правдою и доброю совѣстію почать и въ нихъ служить.

Какъ есть первыя тѣ войны, которыя ведены бываютъ противъ тѣхъ, которые Божіей чести и слова его ищутъ попрать и изгонять, и которые есть враги имени Христова, какъ есть: Турки, Татарове, языки и люди варварскіе. Такожде кто когда единъ Государь у другаго ищетъ землю осилить и отнять; и тогда встрѣчный сопостатъ имѣетъ справедливую войну вести причину, себя оборонять. Такія войны противъ языковъ велъ Моисей, см. Книги Числъ, въ 13-й главѣ. Такожде чти книгу Іисуса Навина, и про Давида въ 1-й книгѣ Царствъ, какъ со Филистимляны, и со Аммониты, и съ Хетимляны, и съ иными воевались, и всѣ богоспасаемые Цари, которые противъ языковъ стояли: и то были прямыя войны, какъ и днесь противъ Турковъ и Татаръ, и противъ иныхъ враговъ Христіанскаго имени. А въ войнахъ всякому солдату, или воину, который въ войнѣ служить охоту имѣетъ, и тому надобно разсудить: можно-ли ему съ доброю совѣстью тому Государю служить, къ которому онъ въ службу вступитъ? Не такъ, какъ нынѣ многіе безбожными устами говорятъ, что хоть дьяволу изъ денегъ служить готовы, и что они солдаты, служатъ

Digitized by Google

за деньги, а не за вѣру, и молвятъ: вѣра здѣсь, вѣра тамъ, кто больше денегъ дастъ, тому они и служатъ. И то есть безбожныхъ слова. И такимъ дьявольскимъ слугамъ подобаетъ дьявольская и мзда, или заплата, и страшную заплату воздаетъ дьяволъ имъ: сохрани Богъ всѣхъ чти любящихъ отъ того. Всякому солдату, или ратному человѣку, малу и велику, и еще всѣмъ великимъ Государямъ, которые себѣ въ мысль взяли войну вести, и тѣмъ сіи три статьи гораздо надобѣ примѣчать и внимать: первое, надобѣ имъ Бога въ сердце своемъ имѣть; второе, недруга во зрѣніи и во очахъ; третье, оружія въ рукахъ держать. И сіи три статьи всякому гораздо остерегать, и тѣми, какъ тремя чувствами украшену быть. Первою статьею, что Бога имѣть въ сердцѣ своемъ, отъ великихъ Государей, которые войну хотятъ зачать, воззовешъ, и они повинны что имъ разсуждать: прямую-ли доброосновванную причину они имѣютъ войну вести, и не сопротивна-ли та война Богу и слову его, и не сяжетъ-ли та война искреннему и подданныхъ раззоренію? Есть то зѣло тяжко предъ Вышнимъ Воеводою отвѣчать, когда два великіе Государя для обычныя вины межъ себя войну зачнутъ, и другъ другу въ землю впадетъ, и выграбитъ, и пожжетъ. Гдѣ такой огнь межь двумя Государями загорится,

Digitized by Google

и не одно что шѣмъ воюющимъ двумъ однимъ, но и окрестнымъ землямъ отъ того шкота учинится, и тѣ шѣмъ раззорятся, хотя онѣ тому неповинны. И когда великіе Государи межъ себя во враждѣ и въ войнѣ будутъ, тогда подданные ихъ имѣнія своего отбудутъ, и кровь свою прольютъ. И всякому великому Государю надобно того памятовать и остерегать, когда онъ съ кѣмъ во укрѣпленіи, что стоятъ за одно; а тотъ отъ него помощи попроситъ, и ему прежде разсудить: прямую-ли, основанную причину тотъ, который его на помощь призываетъ, къ той войнѣ имѣетъ? И буде прямой причины войну весть не имѣетъ, и ему можно въ томъ отговориться, что ему предъ Богомъ съ доброю совѣстью того учинить невозможно, хотъ между ними и самое большое укрѣпленіе. Тогда тому слову одолѣть надобно, что Апостолы ко Іудеямъ рекли: пригоже Бога паче, а не человѣка слушать.

Такожде и всякимъ ратнымъ людямъ, большимъ и малымъ урядникамъ, и рядовымъ солдатамъ, надобѣ Господа Бога въ сердцѣ своемъ имѣть, и то не одно, что словомъ, какъ многіе говорятъ. То уже гораздо золъ человѣкъ, кой Бога въ сердцѣ своемъ не имѣетъ. Или иные говорятъ: еще успѣю и тогда Бога въ сердцѣ своемъ имѣть, когда пропитъ недруга

Digitized by Google

своего на бой пойду. Такія слова неподобны. Всякому воину и рапному человѣку, когда хочетъ въ службу вступить, и ему Господа Бога въ сердцѣ имѣть, и въ себѣ размыслить, и гораздо разсудить: тотъ Государь, кому онъ хочетъ служить, прямую-ли причину къ своей войнѣ, которую зачинаетъ, имѣетъ, и не сопротивно-ли то вѣрѣ и совѣсти его? И надобѣ ему у Бога помощи и одолѣнія на недруга просить, и во всякой нуждѣ и въ страхѣ едино на Бога уповать, а на иныя заказанныя идольскія мѣры и на вѣдовство не надѣяться и отъ оружія, отъ поколотія, и отъ стрѣльбы не заговариваться, которое все отъ дьявола есть; но защитѣ и обороненію его быть тому, что Бога въ сердцѣ своемъ имѣть, который многимъ лучше можетъ помочь и избавить, нежели такія дьявольскія и идольскія мѣры. Тѣ, которые такихъ мѣръ держатся, не Бога, но дьявола въ сердцѣ своемъ имѣютъ. Да рапному-же человѣку надобно всегда Бога въ сердцѣ своемъ имѣть тѣмъ, что по вся дни Богу молиться, потому, какъ онъ противъ недруга идетъ, и онъ всегда въ смерномъ страхѣ; и подобаетъ ему мѣрное житіе вести, паче чернца въ монастырѣ, потому, что онъ въ великомъ страхованіи.

А нынѣ сопротивно тому дѣется: гдѣ больше проклинанія и божбы, объядѣнія и піянства,

Digitized by Google

непотребства, зерни, свары, вражды, плясанія, злыхъ, бездѣльныхъ и мерзкихъ словъ? И женъ безчестятъ, и всякую неправду дѣлаютъ услышишь въ нынѣшнихъ войнахъ. И смѣютъ говорить, что такія мѣры въ воинскомъ обычаѣ не грѣшны, и ратнымъ людямъ повольны, что они не черицы въ монастырѣ!

Только воззри на тѣхъ воиновъ и на солдатовъ, которые въ прежнихъ временахъ жили и войны вели. Что дѣлали Моисей, Іисусъ Навинъ, Давидъ, и прочіе, и ихъ солдаты, покамѣстъ они на походѣ и въ войнѣ были? Молились они Господу Богу, днемъ и нощію, падъ на колѣни. Почти о томъ Божественное Писаніе въ тѣхъ книгахъ, которыя о тѣхъ войнахъ написаны: тутъ не найдешь, чтобы во многихъ тысячахъ хотя единъ былъ, кой съ непотребными воровалъ, или объѣдался и въ пьянствѣ пребывалъ, игралъ, сварился, убойство чинилъ и грабилъ, или иныя позорныя дѣла и грѣхи дѣлалъ. А напротивъ, посмотри: каковъ богобоязный солдатъ Урій былъ; и тотъ съ своею законною женою въ то время быть не хотѣлъ, когда войско Израилево противъ непріятелей стояло. Можно и иные богоспасаемые образцы сыскать. Почти и языческія войны, въ которыхъ Бога не знали, и ты такихъ злыхъ дѣлъ не сыщешь. Почти писцовъ, которые про войны нашихъ праотцевъ пишутъ, и

Digitized by Google

ты тутъ найдешь, что тѣ войны были имъ школы и училища всякихъ чувственныхъ и добрыхъ, честныхъ, шляхетныхъ и рыцарственныхъ чувственныхъ дѣлъ; и потому-же, какъ во всякихъ школахъ всякимъ наукамъ и мудростямъ учатся, также и наши предки, рашные люди, воинскому чувству учились и навыкали, и въ томъ можно всякія шляхетныя дѣла, какъ есть въ зерцалѣ, видѣть. И откуда взялось шляхетство, аще не отъ войны? Всѣ Князи и Государи, и вольные рыцари и шляхетные люди ту честь въ войнѣ добыли. И нынѣ даю всякому рыцарю разсудить, что̀ подобаетъ шляхетному человѣку дѣлать? Именно то, что ему всякимъ шляхетнымъ чувствамъ, которыя праотцы его имѣли, тщаться. Потому-же и рашному человѣку быть зерцалу учтивости, чести и чувства, чтобы и ему достигнуть того-же, чего предки его искали. А что нынѣ въ войнахъ дѣется, а особливо въ Германскихъ регименшахъ, сирѣчь полкахъ, чего въ иныхъ *решахъ* не столь много? Коль скоро кто въ войну идти похочетъ, и первое то онъ въ сердцѣ своемъ имѣетъ: Азъ-де хочу красную жену имѣть. А иные, когда они въ своей землѣ, въ городѣ, или въ мѣстѣ, гдѣ, боясь отъ начала наказанія, распутства чинить не смѣютъ, и они помышляютъ: мы пойдемъ въ войну, и тамъ намъ: того не закажутъ, и прочее. До

Digitized by Google

нашихъ временъ воинское житіе было уголъ всякихъ чувственныхъ дѣлъ, а нынѣ близко того, что стало уголъ всякаго беззаконства. Когда нынѣ регименшъ разныхъ людей наймушъ трехъ тысячъ головъ, и шушъ тотчасъ объявится съ 4000 непотребныхъ, и ребяшъ, и такихъ бездѣльныхъ людей, которымъ нигдѣ мѣста нѣшъ, и тѣ всѣ въ войну бѣгушъ; и межь такими людьми услышишь такое проклинаніе, кляшвы, свары и брани, кражу и грабежъ, и всякія бездѣльныя мѣры, которыя напередъ сего и языческіе воины въ страхъ спавили.

И я тебѣ не одно что на языковъ укажу: поемотри днесь Турскаго рашный наукъ и обычай. И шушъ во многихъ тысячахъ ни единую непотребную не сыщешь и не увидишь, шакъ, что они многимъ мѣрнѣе черицовъ живушъ, и не увидишь, чтобы кто пилъ, или игралъ, или межь себя сварился и билися. А въ нынѣшнихъ войнахъ свары и поединки шакъ умножились, что и за одно слово другъ друга на поединки вызываютъ, и другъ друга заставливаютъ биться, и то мастеровищо видится. Когда братія пьяны, и тогда шакъ бываетъ: кой первый, тотъ лучше смѣло сѣки и коли, а послѣ бѣги, покамѣстъ голова ранена и ребра проколоты. И шушъ нѣшъ ни брашскія

Digitized by Google

любви, ни вѣрности, а солдатамъ подобаетъ какъ братьямъ жить, и другъ при другѣ въ войнѣ стоять, и тѣла и живота своего не щадить. А нынѣ инако; и большая доля высокаго и малаго чина урядниковъ ищутъ другъ у друга чести и живота украсть, а не соблюсти. Посмотри на иныхъ людей, при нашихъ временахъ, и ты такого безчинства не сыщешь, какъ въ Германскихъ (сирѣчь, въ Цезарскихъ) регименташъ. Для того, вельми есть о томъ жалоба держать, и опечалишься, что высокое и достойное, и во всю вселенную славное имя Германское, въ войнѣ не гораздо ведется и умаленіе ему чинится. Почти всѣхъ лѣтописцевъ: какую великую хвалу Германянамъ въ прежнія времена писали. Держали они войну школою всякаго чувства, предніе ратные люди, а особно высокаго и нижняго чина урядники. Когда они въ походѣ бывали, того одного искали, какъ-бы имъ недругу шкоту учинить, и Государямъ, которымъ они служатъ, земель и людей прибавить; гонялись за рыцарскими чувствами, и днемъ и ночью о томъ мыслили, какъ-бы имъ рыцарственно учинить, и чести и славы себѣ получить. А нынѣ инако дѣется. Что̀ наши ратные люди нынѣ мыслятъ? Нынѣ ратное дѣло уподобися купечеству и торговлѣ, что торговые люди, которые въ промышленномъ чинѣ живутъ. Тѣ

Digitized by Google

ищутъ и вымышляютъ одно, чтобы имъ, какими нибудь мѣрами, правдою и неправдою, обманствомъ и всячиною, которую по дѣлу можно тайною татьбою назвать, денегъ и пожитка себѣ получить; не думаютъ на рыцарскія дѣла, лишь-бы у нихъ мошня была полна. Тако-же нынѣ ратные люди отставили рыцарскихъ дѣлъ искать, и до того они при нашихъ временахъ дошли, что рыцарскаго шляхетнаго чина ратнаго дѣла оборотили заднее на передъ, и отъ того торговлю учинили. Въ прежнихъ временахъ, шляхетныхъ людей, которые по домамъ при печи сидѣли, и промысломъ богатства искали, тѣхъ мало почитали, и столь мало почитали, что не хотѣли съ ними и въ бесѣдахъ сидѣть, или сходиться. Праотцы наши тѣла, живота и крови, и всего своего имѣнія не щадили, чтобъ имъ хвалы и чести рыцарскими дѣлами добыть, и рыцарскій и шляхетный чинъ отъ одной войны и изъ высокаго вѣдома и воинскія мудрости начался. А нынѣ ты и одного образца не сыщешь, чтобы хотя одного человѣка отъ малаго чина въ воинскомъ дѣлѣ, когда онъ денегъ не имѣетъ, рыцаремъ, или шляхетнымъ Графомъ, или Княземъ, или инымъ чѣмъ учинили, хоть онъ будетъ и такія мужественныя дѣла дѣлалъ, чего никто не сдѣлалъ. А сколько образцовъ сыщется, которые тому сопротивны? Иной, ко-

Digitized by Google

торый и мертваго мужика не видалъ, и не вѣдаетъ, что̀ ратное дѣло за звѣрь, и что̀ въ себѣ обдержитъ, когда у него деньги есть, правдою или кривдою собраны, и онъ скоро можетъ шляхетства, или рыцарства, добиться, и за малыя деньги купить. Многіе съ молодыхъ дней чернилами мазали, а потомъ помалу въ писаря, или въ секретари попадутся. Тогда они вымышляютъ: какъ-бы имъ, правдою или кривдою, великія деньги собрать. И когда онъ шелковое платно наживетъ. И ему кажется, что онъ рыцарь; днемъ и нощію деньги добыть ищетъ, и поминками, и многими деньгами докупится того, что иному за ратную выслугу довелось; и тогда ихъ называютъ *милостивыми боярами*, и шляхтичами, и чести укрѣпленными, и грозными Милостивыми Государи. Такъ нынѣ у Германянъ ведется. Посмотри: есть-ли такое въ иныхъ *рѣшехъ*, и найдешь такихъ людей, которые и шляхтича неискуснаго въ товарство и въ повольности шляхетскія не хотятъ, не токмо что писаря, или торговаго человѣка, который деньгами, или имѣніемъ, рыцарскаго чина добился. Дошого нынѣ въ Германяхъ дошло, которые напередъ сего во вселенной лучшую славу и хвалу имѣли, и отъ которыхъ всѣ высокія, и надобныя, и мудрыя вещи зачались и вымышлены, какъ есть: пушечные заводы пушки лить, порохъ дѣлать, и иныя

Digitized by Google

славныя и надобныя мудрости, и що Германяне изыскали и вымыслили! Гдѣ больше шляхетныхъ людей бывало, ажь не въ Германяхъ, и въ какой великой чести ихъ держали. А нынѣшніе воинскіе люди одного толко ищутъ: какъ-бы деньги и имѣнія собрать и изъ войны снести, съ честію и съ безчестіемъ, хотя що и Богу сопротивно. И немного бьются и шляхетныхъ дѣлъ доступаютъ, но ищутъ того, какъ-бы имъ деньги добыть, и землю и людей истощить, а не прибавить. И когда нынѣ великій Государь войну хочетъ начать, и тогда какъ дѣется? Въ прежнія времена наймовали солдатовъ для того, чтобы они Государямъ своимъ земель, городовъ, и людей, и добра прибавливали, и подданныхъ ихъ отъ насильства недруговъ обороняли. А нынѣ заднимъ напередъ ворочаютъ. Когда великій Государь войско наймъ и собрать хочетъ, гдѣ-бы имъ въ чужую землю вступить, и Государю своему государства, земель и людей прибавливать, они его-же землю пустошатъ и истощаютъ. И вмѣсто того, что имъ на недруга идти, они первое смотровыми мѣстами, а потомъ проходомъ, а третіе распускнымъ мѣстомъ, Государя своего землю испортятъ. Напредъ сего смотровыя мѣста бывали на то устявлены, первое, чтобы новыхъ наемныхъ людей, которые еще безъ оружія, отъ недруга уберечь; второе, чтобы

Digitized by Google

ихъ въ то время оружьемъ противъ недруга владѣть научишь; третье, штобъ урядники совѣтовали, какъ-бы угожѣе на недруга идти, и другъ друга оружьемъ лучше держался, и другъ друга въ ополченіи лучше урядство держалъ, и иныя надобныя воинскія мѣры совершали.

А какъ нынѣ ратные люди смотровыя мѣста держатъ, чему они навыкаютъ? Только къ питью и къ объѣденію, и таково безбожно, что днемъ и нощію они пьяны и бѣшены, и бѣдныхъ подданныхъ мучатъ, заставливаютъ ихъ себѣ лучшую ѣству и питіе добывать. А будетъ имъ не полюбится, и они имъ въ глаза бросаютъ, и оружіе изъ ноженъ выдернутъ, и всѣхъ изъ дома выгоняютъ, чтобы лучше того промышляли; и бываетъ что добрый подданный временемъ злому вору по неволѣ, паче не Государю своему служитъ. И штъ они временемъ, пуще не какъ въ недруговой землѣ воюютъ, и всякое насильство чинятъ, цѣнятъ и окладываютъ, неволятъ и грозятъ, и истощатъ такъ, что бѣдные люди всего своего имѣнія ошбудутъ: одного заставятъ ѣствою и питіемъ, а иного деньгами промышлять. И тогда не думаютъ на ратное дѣло; но у кого лошади нѣтъ на чемъ ѣхать, и штъ думаетъ, какъ-бы ему лошадь, и сбрую, и тѣлеги, и

Digitized by Google

на сколько мѣсяцевъ запасовъ и инаго нужнаго надобья добыть. И всѣ тѣ бѣдныхъ мужиковъ иѣснятъ, и тѣ имъ тѣмъ промышляютъ. Молвятъ: «Ну, мужикъ, давай мнѣ по вся дни по стольку, а будешъ не дашь, и я у тебя столько человѣкъ солдашовъ поставлю.» А тѣ солдаты отъ урядниковъ своихъ всякому дурну шаково научены, что они злѣе Турковъ: и не хотя бѣдный мужикъ шакихъ злыхъ людей у себя имѣть, все продаешъ, да откупаешся.

А какая великая шкота чинится на походѣ, отъ солдатъ, и отъ непотребныхъ, и отъ ребятъ, которые Государей своихъ земли и государства пустошатъ! Хотя подъ смертною казнію заказано, что изъ становъ не выходить, урядники зашѣютъ, будто запаса, или инаго снадобья покупать поплютъ, и цѣнятъ деревни, и города, и имѣнія на нѣсколько миль кругомъ себя. У иныхъ Государей тѣмъ обычаемъ отъ своихъ подданныхъ больше пропадетъ шакимъ походомъ, нежели ратнымъ людямъ на нѣсколько мѣсяцевъ выйдетъ. И шаковы у инаго Государя тѣ деньги и убытки, которые шакими образами чинятся землѣ его, что ему-бы можно тѣмъ цѣлое войско съ года на годъ держать. Только кто добраго совѣта не слушаетъ, тому и пособить не льзя, и ратные люди говорятъ: «Въ войнѣ недолго

Digitized by Google

быть; въ войнѣ надобно промыслить, чѣмъ-бы зиму прожить; и только въ три, или въ четыре мѣсяца тысячи съ три, или съ четыре, золотыхъ не собрать, и войны нечѣмъ помянуть!» Не услышишь, чтобы они говорили, что сдѣлали, и что еще дѣлать; но какъ то или се добыть, и сколь много денегъ не во многіе мѣсяца нажито и что осталось.—А когда послѣ того великій Государь на своихъ подданныхъ какія подати, или запросныя деньги, для воинскаго надобья захочетъ взять, а сметана уже снята: и тогда подданные учнутъ печально жаловаться, потому, что они уже и такъ до того истощены и выпроданы, и для покоя, окупаючи себя, имѣніе свое злымъ ворамъ, продавъ, отдали. И отъ того многажды бываетъ, что пѣ, которые къ своимъ землямъ земель и людей прибавить хотятъ, тѣмъ обычаемъ и своего лишены станутъ, и многажды пуще и злѣе недруговъ, вмѣсто обороненія, въ своей землѣ имѣютъ, нежели явные недруги, потому что отъ явныхъ недруговъ можно подданнымъ себя беречь и животы свои припрятать.

Тѣмъ обычаемъ первое доброе чувство, что Господа Бога въ сердцѣ своемъ имѣть, отъ нынѣшнихъ рапныхъ людей далеко въ забвеніи, и отставлено; и въ то мѣсто деньги и богатство въ сердцѣ своемъ имѣютъ, и о томъ вымышляютъ. И можно было мнѣ сіе и лучше вы-

Digitized by Google

толковашь и написашь, какъ ошъ сего можно уберечься, только правда говоришь и шѣмъ ненависть чинишь; и для того при семъ оставлю. И сіе написалъ про шѣхъ, которые такъ дѣлаютъ, а чши любящихъ и добро сотворенныхъ воиновъ сіе не дошло, и они меня въ семъ не осудятъ, шѣмъ обычаемъ, что я пронощикъ, или симъ прислужишься хочу, но смотрѣшь имъ на мое доброе сердце, что я Германской рѣчи добра хочу.

Второе чувство, какъ недругу воззрѣніе и *очехъ* своихъ имѣшь, и що пишется особно про великихъ Государей, которые войны зачинаютъ. Тѣмъ надобно прежде смѣту учинишь: дополна-ли они мочны противъ недруга своего стоять, и сколь людно недругъ ихъ въ поле выйдши можетъ, и какую силу и крѣпость онъ имѣетъ, и съ кѣмъ онъ въ союзѣ и въ укрѣпленіи, чтобы имъ недругу своему на полѣ и въ городахъ своихъ сполна сильнымъ быть, и на него идши можно? Да имъ-же пригоже вѣдашь: сколько и какіе разные запасы у недруга ихъ въ запасѣ есшь; а особно надобно имъ и що разсудишь, прежде нежели они войну начнушъ, и имъ надобно свои запасы гораздо разсмотрѣшь, и всякое нужное надобье, малое и великое, что къ воинскому дѣлу надобно, изготовишь: оружіе, лапы, мушкепы, самопалы, нарядъ,

Digitized by Google

порохъ, ядра, шѣлеги, топоры, кирки, лопаты, заступы, шѣлежки, свинецъ, и иное всякое надобье, на столько тысячь человѣкъ, и самаго послѣдняго надобья не забышь, какъ я во иномъ писаніи, на коротшкѣ, опишу, что къ войску надобѣ. Да имъ-же надобѣ вѣдать: какія мѣры и изможеніе они имѣютъ войну вести и свести, и ошкуда казнѣ имапись, чѣмъ война сподобляшь, и вдоль и до конца вести, и о шомъ надобѣ подлинную смѣту имѣшь, чтобъ шу тягость снести можно, и самимъ-бы себя не обманушь. Можно войну скоро зачашь, только лихо ея скончашь потомъ, что не одно шо, что убышочно, а пуще, что позорно. А какъ такія войны удаются, и каковъ конецъ онѣ имѣютъ, добродѣтельный читашель, тому многіе дивные образцы, когда онъ во всей вселенной немного оглянется, и на нынѣшнія войны посмотритъ и примѣшитъ. Накоротшкѣ сказашь: первое и послѣднее, начало, середка и конецъ войнѣ, то все: деньги, серебро и золото. И по правдѣ молвишь: ино деньги у войны сила есть, и безъ денегъ тяжело война вести, какъ всякій, который рашнымъ дѣламъ искусенъ, лучше разумѣетъ, не какъ я ему сказашь могу; и однимъ словомъ сказашь: деньги тоя какъ во весь свѣтъ. А сколь много о семъ чувствѣ великимъ Государямъ належитъ, и сколь нужно и шо вѣдашь подобаетъ, и о шомъ, будешъ

Digitized by Google

Богъ похощетъ, и я пространнѣе книгу напишу, а въ сей первой части мнѣ на короткое потщаться.

А что о разныхъ людяхъ высокаго и нижнаго чина, и тѣмъ надобно то памятовать, что имъ недруговъ своихъ въ воззрѣніи и *очехъ* имѣть. Высокимъ урядникамъ надобе смѣчать: какого недруга они передъ собой имѣютъ, и сколько у него конныхъ и пѣхотныхъ людей, и сколько разныхъ запасовъ у себя имѣютъ, и какъ ихъ пѣхота и райтары вооружены и наряжены? А когда они противъ недруга въ полѣ стоятъ, и имъ днемъ и ночью вымышлять и искать, какъ и чѣмъ-бы имъ недругу убытокъ и помѣшку учинить, и какъ-бы приходъ запасовъ отрѣзать, какъ травиться и приступать, и какъ изъ наряда въ полки его стрѣлять, и иное.

А на полевыхъ бояхъ и на стравкахъ надобно имъ всегда прилежно и крѣпостію недруга во зрѣніи и очахъ своихъ держать и имѣть, и недруговъ ополченіе роззнавать; а противъ того и свое ополченіе по надобью гораздо урядить; и всякія надобья, что къ войску годно, на готовѣ держать; все вымышленно, остерегательно; и разумно уставливать и управлять; и все, что на полѣ надобѣ, то все знать и вѣдать.

Digitized by Google

А въ крѣпостяхъ, когда ихъ осадятъ, и имъ недруга своего во зрѣніи и очахъ имѣть, и вѣдать: которымъ мѣстомъ недругу къ крѣпости можно приступать, и въ которыхъ мѣстахъ крѣпость крѣпка, и въ которомъ плоха, и какъ недруга передъ крѣпостью прибыльно возбудить, и послѣ того долгое время задержать, и крѣпость дополна ратными людьми, и ратными и съѣстными запасами паспи. А на вылазкахъ такожде недруга во зрѣніи своемъ имѣть' шкоду ему чинить и долго его задерживать, и все вѣдать, что надобно къ запасанію и обороненію крѣпостному.

А когда имъ крѣпость осадить, и имъ гораздо памятовать, что имъ къ тому надобѣ, сколько людей и снаряда, и иныхъ всякихъ ратныхъ запасовъ; и какъ угожѣе имъ придти и приняться, полки и станы свои отъ недругова прихода и отъ выручки гораздо устроить, и укрѣпить, и окопаться, чтобы недругъ, пришедъ на выручку, ихъ отъ крѣпости не отбилъ; а солдатъ своихъ надобными запасами запасти, исправливо платежъ давать, и добрый судъ и расправу чинить, и походные, приступные свои рвы разумно и остерегательно починять и оберегать, и все, что къ ратному дѣлу надобѣ, памятовать и вѣдать.

А рядовымъ солдатамъ такожде недруговъ своихъ во зрѣніи и въ очахъ имѣть, шѣмъ,

Digitized by Google

что на сторожахъ и на походахъ трезвымъ, и бодрымъ, и радѣтельнымъ быть, добрый караулъ, и добрый отводный караулъ, и сторожу держать; и недруговъ своихъ на полѣ и въ крѣпостяхъ, и на сторожѣ во зрѣніи своемъ имѣть, чтобъ имъ не быть побитымъ; и на тяжелыхъ проходахъ отъ недруговъ и отъ мужиковъ гораздо беречься, чтобъ имъ шѣломъ и животомъ своимъ въ страхѣ не быть. А на походахъ, и на сторожахъ, и на приступѣ, и на бояхъ, на недруга и отъ недруга идучи, тщательнымъ и радѣтельнымъ быть въ послушаніи, днемъ и ночью; и все, что выше сего писано, разумно и спѣшно, и все по росписи, на чемъ они вѣру и клятву учинили, памятовать и исполнять, и про то я пространнѣе инымъ временемъ напишу.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

ПОѢЗДКА ВЪ ГРУЗІЮ.

I.

Дорога до Владикавказа.

Отдаленный, просвѣщенною Европой столь долгое время забытый уголокъ Азіи, страна горъ, ущелій, дикой свободы, страна развалинъ древности и витающаго невѣжества, очаровательная, надѣленная всѣми дарами природы, обильная историческими воспоминаніями — Грузія представляетъ соотечественникамъ нашимъ пространное поле дѣятельности, какъ чиновникамъ, выгодами службы, такъ и негоціянтамъ, видами прибыльной торговли съ сопредѣльными провинціями Персіи и Турціи.

Моя рѣшимость: принять предложеніе службы въ Грузіи, колебалась отъ неизвѣстности и неимѣнія положительныхъ свѣдѣній о всемъ, что касается до совершенія пути слишкомъ въ 2000 верстъ разстоянія. Конечно, при

Digitized by Google

отлично-скорой ѣздѣ нашихъ почтъ и чиновниковъ, отправляемыхъ по казенной надобности, разстояніе сіе не могло останавливать меня; но — карта показывала мнѣ Закубанскія, вѣчно-враждующія племена.... показывала хребетъ горъ.... и темныя, смѣшанныя понятія о переправѣ чрезъ снѣговыя его вершины, усиливали мою нерѣшимость. Разсказы чиновниковъ, нѣкогда посѣщавшихъ Грузію, были такъ поверхностны, недостаточны; переѣздъ разстоянія отъ *Москвы* до *Тифлиса* казался имъ, вѣроятно, столь обыкновеннымъ, что они не удостоивали и упоминать о томъ... Къ тому-жъ, разсказъ легко забывается; читанное лучше остается въ памяти; но, не смотря на 30-ти лѣтнюю давность владѣнія нашего Грузіею, ни одинъ изъ Г-дъ чиновниковъ не передалъ замѣчаній своихъ тѣмъ, кои желаютъ подвергнуться неудобствамъ, трудностямъ — скажу, опасностямъ сего переѣзда. Да и можно-ль, въ разсказѣ, упомянуть о всѣхъ подробностяхъ, которыя легко изложить на бумагѣ, при помощи путевыхъ записокъ?

Каждый изъ насъ имѣетъ свои особенныя свойства, основанныя на качествахъ души, сердца, ума. Отсюда происходитъ многоразличіе характеровъ, коихъ непримѣтные оттѣнки ускользаютъ отъ проницательности вни-

Digitized by Google

мательнѣйшихъ наблюдателей, и вотъ причина, по которой одно и тоже описаніе, или сочиненіе, имѣетъ множество толкователей и pour и contre. Не надѣюсь и не желаю подобной участи Запискамъ моимъ; но если вамъ угодно будетъ сдѣлать ихъ извѣстными желающимъ предпринять поѣздку въ Грузію, то я увѣренъ, что изображеніе впечатлѣній моихъ перетолковано будетъ по силѣ чувствъ и понятій каждаго изъ нихъ. Впрочемъ — не слава мой девизъ, но — честь и польза. Я изображалъ предметы такъ, какъ они представлялись уму моему. Соблюдена-ли строгая точность въ описаніи, сомнѣвающіеся могутъ повѣрить меня собственнымъ опытомъ.

Получивъ третное жалованье по армейскому моему чину, въ награжденіе за отъѣздъ въ Грузію, получивъ подорожную и прогоны до Тифлиса, я отправился 22-го Января до *Тамб.*, гдѣ, сверхъ ожиданія моего, домашнее устройство и дѣла продержали меня за половину Февраля мѣсяца. Необыкновенно холодная зима нынѣшняго года давала мнѣ надежду, что я успѣю домчаться до хребта Кавказа санною дорогою.

Digitized by Google

Отправляясь въ Грузію, я принялъ рѣшительное намѣреніе посвятить остальную жизнь мою службѣ отечества. Въ патріотическихъ моихъ мечтаніяхъ, мнѣ представлялась польза, какую извлечь можно изъ преобразованія Закавказа, владѣющаго прибрежіями морей, имѣющихъ прямое сообщеніе съ сердцемъ Россіи... Почва, климатъ Грузіи, готовые производить нѣжнѣйшія растенія обѣихъ Индій... быстрый ходъ просвѣщенія въ странѣ коснѣющаго Азіятизма... внезапное, Европою неожиданное явленіе *Русской Швейцаріи*, съ мирными, просвѣщенными обитателями, вмѣсто кровожадныхъ дикарей враждебныхъ ордъ Кавказа—вотъ что, исключительно, занимало дорогою мое воображеніе... Я желалъ видѣть въ обладаніи Грузіею источникъ благосостоянія Россіи... желалъ быть содѣйствователемъ, участникомъ въ славномъ подвигѣ ея благоденствія, ея могущества — вѣдь каждому позволено мечтать? Я мечталъ на мою долю!

Пространныя равнины, необозримыя степи, орошаемыя свѣтлыми водами *Дона*—земли станицъ Войска Донскаго, я пролетѣлъ вмѣстѣ съ вихремъ пустыннымъ, вслѣдъ за мною вздымавшимъ метели и вьюги. Быстротѣ ѣзды, неутомимости лошадей, несшихъ меня во весь опоръ по прекрасной зимней дорогѣ, худо

Digitized by Google

оживѣчали бѣдные лачуги Малороссіянъ-ямщиковъ, гдѣ роскошному жителю сѣверной Пальмиры нѣтъ пристанища отъ непогоды. Сказать правду, прелесть Русской почтовой ѣзды можно вполнѣ чувствовать, только сидя въ закрытой каретѣ; объ остальномъ пусть хлопочетъ вашъ камердинеръ... Путешественники-же мѣлкаго разряда должны ѣхать какъ нибудь: вѣдь надо-же имъ потерпѣть, пока, въ свою очередь, имъ придется ѣздить въ *дормёзахъ*.

Приближаясь къ Черкаску, я увидѣлъ, что предположенія мои о зимнемъ пути до Кавказа были ошибочны. Нужнѣйшая принадлежность путешествующаго по Россіи—медвѣжья шуба—становилась излишнею, хотя ночи довольно были холодны. На 4-й-же станціи за Черкаскомъ я долженъ былъ бросить мою спокойную зимнюю повозку, и переселиться въ экипажъ, составленный отечественнымъ нашимъ геніемъ—перекладную тѣлежку. Февраль былъ въ исходѣ, но Донъ не представлялъ еще опасности, не смотря на то, что, наканунѣ моего переѣзда, тройка курьерскихъ лошадей, проломившись, ушла подъ ледъ—это сдѣлалось случайно, и всѣ, сидѣвшіе въ саняхъ, спасены.

Съ тою-же быстротою, хотя не такъ уже спокойно, продолжалъ я безостановочно путь

Digitized by Google

мой до карантина, устроеннаго при *Средне-Егорлыцкой* станицѣ переселенныхъ Казаковъ. Здѣсь оканчивается Донское владѣніе, и начинается Кавказская Область, подчиненная вѣдомству Отряднаго и Областнаго Начальника, Генерала *В.*

— Прикажете-ли конвою слѣдовать за вами?— спросилъ меня полусонный Казакъ: онъ почесываясь вошелъ въ комнату карантиннаго письмоводителя, который, черпая окостенѣвшими отъ стужи пальцами невнятные гіероглифы, воображалъ ими прописывать мою подорожную.

Я подумалъ, что темнота совершенно холодной, хотя и хорошо построенной комнаты, заставляетъ Казака принять меня за знатную особу, а потому, подошедъ ближе къ едва замѣтному огарку сальной свѣчи, теплившемуся предъ письмоводителемъ —

«Я чиновникъ статской службы,» сказалъ я: «какой-же мнѣ конвой?

— Для безопасности проѣзда, особенно въ теперешнее ночное время—отвѣчалъ письмоводитель.

«А развѣ опасно здѣсь ѣхать?

— Нѣтъ, не то чтобы опасно — сказалъ Казакъ зѣвая—да все-таки....приказано такъ.

Digitized by Google

« Я-бы совѣтовалъ вамъ по ночамъ не ѣздить— сказалъ письмоводитель — а останавливаться, и даже не выѣзжать съ почты рано по утрамъ. Конвоя дастся вамъ 2 — 3 Казака на тощихъ клячахъ, которыя на первыхъ 5-ти верстахъ отъ васъ отстанутъ и Казаки вернутся на свой постъ.

— Ну что-жъ? какая здѣсь опасность? Я полагаю, что до Кубани еще далеко?

« И до Кубани не такъ далеко, а до мирныхъ ауловъ еще ближе.»

Эти слова требовали поясненія, и вотъ, впослѣдствіи, что я узналъ:

Мирные или *замиренные* Черкесы, давая присягу въ вѣрности и *честномъ житіи*, переселялись на правый берегъ *Кубани*, вѣроятно для доставленія бо́льшей удобности въ тайныхъ набѣгахъ горскимъ хищникамъ, своимъ товарищамъ въ грабежахъ. Въ предосторожность, будто-бы отъ Горцевъ, а также подъ предлогомъ священнаго у нихъ обычая кровавой мести между собою, Мирные оставили себѣ право носить всегда оружіе, и вы увидите и коннаго, и пѣшаго, и мальчика, и взрослаго, и старика, съ ружьемъ за спиною, пистолетомъ за поясомъ, шашкою и кинжаломъ на боку. Сохранивъ, такимъ образомъ,

Digitized by Google

наружность Горскихъ, Мирные Черкесы имѣютъ возможность производить грабежи подъ именемъ первыхъ, а сіи послѣдніе, въ свою очередь, не оставляютъ навѣщать своихъ соплеменниковъ и братьевъ, товарищей по ремеслу. Изъ сего неудобства, отличить своего Черкеса отъ непріятеля, выходитъ неминуемо препятствіе къ обузданію Горцевъ, смѣло разъѣзжающихъ по дорогамъ въ числѣ 2-хъ или трехъ человѣкъ. На вопросъ вашъ: «Откуда?» онъ смѣло скажетъ вамъ чистымъ Русскимъ языкомъ, что онъ изъ ближняго аула. А какъ узнать его ложь? Какъ и чѣмъ уличить его?

Воспитанные въ хищничествѣ, съ молокомъ матери всосавшіе ненависть къ Рускимъ, Мирные Черкесы не преставали быть заклятыми нашими врагами, и катехизисъ ихъ, вѣроятно, обѣщаетъ будущее блаженство въ объятіяхъ райскихъ гурій отважнѣйшему истребителю народа, враждебнаго и по религіи, и по образованію, и преградившаго имъ путь опустошительныхъ набѣговъ въ Грузію, всегдашнюю ихъ данницу, и въ другія, прилежащія къ ней малыя Царства и Ханства, слившіяся нынѣ въ составѣ великаго нашего отечества.

Поэтическіе разсказы имѣютъ свою прелесть и занимательность, въ своемъ мѣстѣ. Поэ-

Digitized by Google

зія чаруетъ, увлекаетъ; ея волшебная сѣтка, скрадывая настоящій видъ предметовъ, показываетъ въ изящномъ видѣ только части ихъ... Это живопись al'fresco—очаровательная ложь!.. Такъ поэтическое воображеніе нашего Историка обрисовало рыцарскими чертами силу полу-Азіятскую, и грубую, дикую древность... Такъ поэтически украшенныя описанія Черкесовъ и Черкесскаго быта даютъ имъ занимательность, между тѣмъ какъ наружный видъ первыхъ, и отвратительное, возмущающее изображеніе послѣдняго—обвиняютъ поэзію въ тяжкой лжи!.. Желаете-ли вы имѣть прозаическое описаніе Черкесовъ? Вотъ оно:

Необузданная алчность къ корысти; отсутствіе малѣйшаго образованія; дикая ошерсвенѣлость, замѣняющая храбрость; умѣренность въ пищѣ; высочайшее терпѣніе въ достиженіи къ преступной цѣли— кровавой добычѣ; сила, лукавство, мстительность, подлость — это нравственныя и тѣлесныя качества сего вѣроломнаго народа! Человѣческаго — онъ сохранилъ только наружность. Ростъ Черкеса средній; сложеніе его крѣпко, правильно. Извѣстно, что, въ отношеніи тѣлесной силы, каждый изъ дикихъ звѣрей преимуществуетъ предъ домашними, того-же рода животными. Черкесъ человѣкъ, но — полу-дикій — и онъ сильнѣе чело-

Digitized by Google

вѣка, взятаго въ образованномъ обществѣ: опасное преимущество, когда оно можетъ употребляться во зло!

Черкесъ имѣетъ всю жестокость кровожаднаго звѣря, превосходя его въ лукавствѣ. Неголодный тигръ не бросается на человѣка; онъ ищетъ скрыться отъ врага, котораго ненавидитъ. Черкесъ напротивъ: онъ нападаетъ внезапно; грабитъ все, что̀ найдетъ на плѣнникѣ, и, если плѣнникъ не представляетъ никакихъ видовъ его алчности, т. е. не можетъ предложить ему большой цѣны за свой выкупъ, или не можетъ работать въ аулѣ, Черкесъ убиваетъ его, не взирая на по̀лъ и возрастъ... Умерщвляетъ-ли тигръ изъ одного удовольствія умертвить? Только Черкесъ способенъ на безполезное злодѣяніе. Лицо острое, сухощавое, загорѣлое отъ солнца, очерствѣлое отъ горнаго вѣтра. Глаза.... но выраженія физіогноміи Черкеса описать невозможно. Самымъ вѣрнымъ его сколкомъ можетъ служить изображеніе ужаснаго лица отцеубійцы, видѣннаго мною въ острогѣ, во время службы моей въ арміи: вывалившіеся, бѣшеные глаза, сверкающіе дикимъ пламенемъ внутренняго страданія... синевато-желтая блѣдность тощаго лица, обросшаго черною, густою щетиною... омертвѣлыя губы... отверстый, изсохшій, сгарающій ротъ — вотъ

Digitized by Google

ужасно вѣрное сравненіе съ видомъ Горца, пойманнаго, наканунѣ моего пріѣзда, на Медв. станціи!

Это звѣрское лицо въ половину закрыто было гнусной формы шапкою, съ бурымъ овчиннымъ околышемъ, коего пряди, длинныя, грязныя, безобразно висѣли ниже ушей. Сѣрый изорванный кафтанъ Черкесскаго покроя, совсѣмъ не имѣлъ той *щеголеватости*, какую мы стараемся придать ему. Икры ногъ, обтянутыя какою-то кожею, давали ему сходство съ Сатиромъ. . . На превысокихъ каблукахъ коротенькіе сапожки, съ обшлянутыми голенищами и съ загнутыми вверхъ предлинными носками, доканчиваютъ его нарядъ... Вотъ вамъ прозою представленное изображеніе Черкеса, врага гнуснаго и страшнаго, возбуждающаго и презрѣніе и ненависть видомъ своимъ, напоминающимъ олицетворенное злодѣяніе, многократно прощенное и безпрерывно повторяемое, не смотря на клятвы, присягу, обѣщанія, залоги и наказанія.

Только инстинктомъ страха кровожадные звѣри могутъ содержимы быть въ повиновеніи. Тайна каждаго правленія — въ умѣстномъ употребленіи мѣръ строгости и благодушія. Въ скалахъ Кавказа, дикій хохотъ и смертное хрипѣніе душимой жертвы были-бы отвѣтомъ на

Digitized by Google

филантропическія восклицанія. Здѣсь, кажется, всякая мѣра кротости считается трусостію, или безсиліемъ. Смѣшно и странно слышать опредѣленіе, что посредствомъ распространенія въ Горахъ торговли, всего вѣрнѣе укротить неистовства Горцевъ. Для такой благой цѣли, Г-мъ филантропамъ не угодно-ли будетъ завести торговую компанію? Любопытно было-бы видѣть ея успѣхи тамъ, гдѣ осуждается на презрѣніе всякій, занимающійся торговлею, тогда какъ, напротивъ, пріобрѣтенія грабежемъ, убійствомъ, воровствомъ — получаютъ завидное соревнованіе, и чрезъ нихъ стяжается полное уваженіе и слава извѣстности. У дикарей обычаи замѣняютъ законы; одинъ только торгъ не былъ предосудителенъ у Черкесовъ: это продажа плѣнниковъ и красивыхъ дѣтей обоего пола!...

Все зависитъ отъ мѣстности, времени и способа исполненія. Великимъ полководцемъ нашего времени принято, что одно рѣшительное, хотя и кровопролитное сраженіе, окончивъ войну, сберегаетъ больше людей, нежели продолженіе медлительной кампаніи, гдѣ гибнутъ они въ частныхъ, маловажныхъ сшибкахъ, ничего не рѣшающихъ, отъ болѣзней, изнуренія и лишеній всякаго рода. Полководцамъ рѣшать справедливость сей теоремы.

Digitized by Google

Хотите-ли примѣра въ подтвержденіе лютости презрѣннаго непріятеля? Вотъ вамъ описаніе кроваваго происшествія, ознаменовавшаго появленіе Горцевъ за недѣлю до моего проѣзда пустынею, между Екатериноградомъ и Владикавказомъ.

Одинъ Штабсъ-Капитанъ и съ нимъ 3 субалтернъ-офицера, возвращаясь послѣ освидѣтельствованія сгорѣвшаго въ крѣпостцѣ магазина, встрѣчены были 40 хищниками, подъ предводительствомъ Князька, не только мирнымъ бывшаго, но и находившагося прежде въ службѣ нашей. Имѣя въ конвоѣ только 17 человѣкъ Донскихъ Казаковъ, Штабсъ-Капитанъ увидѣлъ всю безполезность сопротивленія, но не хотѣлъ и сдаться безъ боя. Какъ яростно было нападеніе, такъ и защищеніе отчаянно. Изъ всего конвоя уцѣлѣли два Казака: они обязаны спасеніемъ быстротѣ лошадей своихъ; остальные изрублены въ куски. . . . Одинъ офицеръ, жестоко израненый, оспался замертво на мѣстѣ; другой, Геркулесъ по росту и силѣ, съ геройскимъ мужествомъ защищавшійся отъ нападенія нѣсколькихъ злодѣевъ, убитъ, и разрѣзанъ на части!.. Изъ звѣрскаго остервенѣнія мстишь храброму, они

Digitized by Google

разможжили ему голову, и, отрѣзавъ руки и ноги, склали все на животъ, давъ тѣлу неизчислимое множество ранъ. . . Вотъ непріятель, котораго торговлею совѣтуютъ обезоружить! . .

Пространныя равнины за линіею Казаковъ, и смерть тому изъ переселенныхъ, кто появится вооруженный и на лошади: вотъ что необходимо. Сіе запрещеніе употребленія лошадей тѣмъ удобнѣе исполнить, что онѣ служатъ Черкесамъ единственно для поисковъ грабежа, добычи; для пашни-же, и всѣхъ домашнихъ работъ, употребляются волы.

Это длинное отступленіе вамъ покажется довольно скучнымъ; но вы согласитесь, что предметъ его, право, довольно занимателенъ для предпринявшаго поѣздку въ край, безпокоимый сими чудовищами.

Извѣстія о происшествіи, мною описанномъ, разлились вскорѣ на всей Линіи, и, какъ вездѣ водится, съ большими прибавленіями. Не смотря на глубокое презрѣніе къ столь гнусному непріятелю, я поспигалъ всю опасность встрѣчи съ нимъ, весь ужасъ положенія плѣнника у варваровъ. Я осмотрѣлъ свои пистолеты, ружье,

Digitized by Google

и пустился далѣе, держась благоразумнаго совѣта: не ѣздить по ночамъ. Съ наступленіемъ дня я мчался во весь опоръ, на отличныхъ лошадяхъ, по сухой (*) уже дорогѣ, и передъ вечеромъ, на зло своему нетерпѣнію, останавливался на ночлегъ.

Необозримыя степныя равнины Кавказской Области, за *Ставрополемъ*, не измѣняя своего пустыннаго вида, пересѣкаются лѣсистыми оврагами и частыми возвышеніями, какъ-бы въ предупрежденіе о близости исполинскаго хребта. Сіи-то лѣсистые овраги, Балками называемые, способствуютъ укрывательству хищниковъ, и доставляютъ имъ удобность къ достиженію мирныхъ ауловъ, гдѣ ихъ всегда ожидаетъ радушный пріемъ, готовность сотоварищества и участія въ добычѣ, и проводники въ предполагаемыя мѣста, съ свѣжими извѣстіями о положеніи постовъ и отправленіи обозовъ.

Я не бралъ нигдѣ конвоя. Встрѣчавшіеся со мною проѣзжающіе, единогласно подтверждали предувѣдомленіе карантиннаго письмоводите-

(*) На Линіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, совсѣмъ не выпадалъ снѣгъ въ продолженіе всей суровой зимы 1832—33 года.

Digitized by Google

ля, и, сверхъ того, свидѣтельствовали о безопасности проѣзда безъ конвоя, если остерегаются пускаться въ путь ночью. Исправность почтъ-содержателей, не оставляетъ ничего желать болѣе въ семъ отношеніи. Лошади мчатъ во весь опоръ до самаго *Екатеринограда*; но здѣсь, эта быстрая ѣзда в другъ прекращается, ибо въ *Екатеринодарѣ* должно уже нанимать долгихъ до *Владикавказа* (105 верстъ) и идти съ оказіею, подъ прикрытіемъ пушки и конвоя пѣхоты и Казаковъ. Такъ называемая оказія, т.е. отправленіе отсюда Россійской почты, бываетъ два раза въ недѣлю. Пріѣхавъ въ Екатеринодаръ, я долженъ былъ дожидаться 2 дни сего отправленія, и тѣмъ временемъ нанялъ тройку лошадей у линейнаго Казака, до *Владикавказа* за 6 *монетъ*, т. е. рублей серебромъ.

Сборное мѣсто всѣмъ проѣзжающимъ съ *оказіею*, коихъ подорожныя прописываются у Коменданта, назначается за карантиномъ, въ 2-хъ верстахъ отъ города, на правомъ берегу *Малки*. Прибывъ туда, я нашелъ уже многихъ спутниковъ, и мы довольно времени дожидались конвоя и почты. Наконецъ, съ ея прибытіемъ, все двинулось впередъ военнымъ порядкомъ: впереди авангардъ Казаковъ, потомъ авангардъ пѣхотный, и, наконецъ, пушка, а за нею почта и проѣзжающіе. Разно-

Digitized by Google

образіе лицъ въ семъ *караванѣ* могло-бы занимать пріятно, если-бъ погода, до того времени прекрасная, не сдѣлалась вдругъ ненастною и холодною; каждый спѣшилъ укрыться въ своей повозкѣ отъ порывистаго дождя, съ жестокостію гонимаго горнымъ вѣтромъ. Армяне и Грузины, торгующіе въ *Кизлярѣ* и *Моздокѣ*, совершаютъ поѣздки свои туда верхомъ; черезъ это, въ караванѣ нашемъ составился значительный отрядъ отличныхъ кавалеристовъ, и, лишь только погода прояснивалась, отрядъ Азіятцевъ давалъ лошадямъ повода—и составлялась превосходная скачка, гдѣ видно было искуство ѣздоковъ, легкость лошадей, проворство и ловкость движеній — это принадлежность, неоспоримая у жителей Азіи.

Прелестная, цвѣтистая долина между *Екатериноградомъ* и *Владикавказомъ*, долина, щедро надѣленная природою, представляется путешественнику унылою, безлюдною пустынею. Это долина вѣчнаго безмолвія, тишины могильной, нарушаемой только журчаніемъ быстрыхъ рѣчекъ, съ горъ текущихъ по камнямъ. Нигдѣ признака селенія вправо; влѣво тоже уединеніе, безмолвіе. Изрѣдка выкажется дикая коза, всполошенная шумомъ крылъ царя пернатыхъ... и между тѣмъ, дремучіе лѣса, осѣняющіе берега Терека и Кубани, представляютъ

Digitized by Google

всѣ выгоды; воды, чистыя, прозрачныя, омывающъ берега дѣвственныхъ луговъ; почва земли сильная, благодарная, ожидаетъ руки воздѣлателя для принесенія богатой награды трудамъ его. Вы спросите о причинѣ пустыннаго безмолвія, мертвой недвижимости въ странѣ столь прелестной? Вы пожелаете знать, какое волшебство превратило долину, представляющую всѣ угожденія потребностямъ, и даже прихотямъ мирныхъ жителей, въ пустыню необитаемую?... Сосѣдство Горцевъ!

«И стала та страна съ тѣхъ поръ
«Добычей запустѣнья....»
. . . . . .
«И человѣчій гласъ умолкъ.»

Но скоро, скоро придетъ время, когда стѣсненные въ мрачныхъ своихъ вертепахъ, убійцы принуждены будутъ положить оружіе, и очаровательныя долины, свидѣтельницы безчеловѣчныхъ убійствъ и варварства дикой, необузданной воли, не будутъ оглашаться изступленными воплями губителей при видѣ легкой и вѣрной добычи... Вотъ *о семъ* взываетъ *филантропія!*.....

Медленно тянулся караванъ нашъ. Къ вечеру сдѣлали мы переходъ въ 15 верстъ, до поста

Digitized by Google

Пришибенскаго. Это крѣпостца, обнесенная валикомъ сажени въ двѣ вышины, и ровикомъ, который гораздо приличнѣе назвать канавкою. Внутри сего укрѣпленія нѣсколько домиковъ занятыхъ Комендантомъ и офицерами гарнизона, и гостиный домъ — пустая комната для спокойствія проѣзжающихъ. Но какъ съ почтою обыкновенно сбирается много проѣзжающихъ, то гостиный домъ, по назначенію Коменданта, отводится самому чиновному изъ нихъ, что усматривается изъ подорожныхъ, отбираемыхъ базарнымъ унтеръ-офицеромъ при заставѣ; сей-же унтеръ-офицеръ отводитъ проѣзжающимъ квартиры у солдатъ, имѣющихъ здѣсь свои жилища (домами ихъ не льзя назвать). Проѣзжающіе нижняго разряда располагаются биваками за крѣпостью.

Темная ночь, огни бивакирующихъ и гулъ ихъ шумнаго стана, оклики часовыхъ, барабанъ, пушки—все это составляло военную картину, переносившую воображеніе во времена походовъ, утвердившихъ вѣчную славу Россіи, но, признаюсь, не имѣло ничего привлекательнаго для тѣхъ, кои тутъ были дѣйствующими лицами.

«. . . . Двоимъ за-нужду влѣзть,
«И то — ни спать, ни сѣсть.»

Вотъ размѣръ хатъ, гдѣ отводятся квартиры чиновникамъ. Стѣны, отъ сырости со-

Digitized by Google

всѣмъ мокрыя, земляной полъ, нечистота въ высшей степени: таковы принадлежности этихъ жилищъ. Прибавьте къ тому, что, если въ Екатериноградѣ не сдѣлано запаса, нужнаго для стола, то желудокъ рискуетъ держать насильственный постъ, потому что здѣсь ничего купить не достанешь, кромѣ балыка, вѣроятно, нѣсколько уже лѣтъ висящаго въ духанѣ (*).

Съ разсвѣтомъ дня, барабанный бой вызвалъ всѣхъ на сборное мѣсто за крѣпостью, и мы отправились тою-же процессіею, по той-же прелестной, пустой равнинѣ. Вдали, подобно грядамъ клубящихся облаковъ, бѣлѣлись снѣжныя вершины Кавказа. Раздвоенный Эльбрусъ предстоялъ грознымъ гигантомъ въ близкомъ разстояніи, и между нимъ находился въ 300-хъ верстахъ отъ насъ. Весь снѣжный хребетъ, одѣтый вѣчнымъ перламутровымъ покровомъ, то терялся въ облакахъ, съ нимъ одноцвѣтныхъ, то, ярко отсвѣчивая лучи солнца, отражалъ ихъ въ тысячѣ радужныхъ сіяній... Прелестная, очаровательная картина!

Теплый весенній воздухъ (это было уже въ Маршѣ), послѣ суровой нынѣшней зимы въ Рос-

(*) Лавочка, гдѣ за деньги можно только *выпить* и *закусить*.

Digitized by Google

сіи, мнѣ казался такъ пріятнымъ. Я глоталъ его съ жадностію, и мои мысли, мои пламенные обѣты неслись къ Россіи, къ моему отечеству: ему желалъ я наслажденія подобнымъ воздухомъ! Пусть смѣшно мое мечтаніе, но, милому не желаемъ-ли мы всего, что намъ пріятно?

Мѣстахъ въ двухъ или трехъ видны были развалины, или признаки существовавшихъ ауловъ. Мѣсто одного изъ нихъ занято теперь крѣпостцею *Минаретъ*, названною по уцѣлѣвшему Мусульманскому минарету, нынѣ служащему обсерваціонною башнею для пикетныхъ Казаковъ. Онъ искусно выстроенъ: жаль, что виншообразная лѣстница внутри разрушается, и чрезъ то всходъ на верхъ опасенъ.

Такъ однообразно продолжалось 4-хъ-дневное шествіе наше до Владикавказа. Тѣ-же прелестныя равнины, тѣ-же крѣпостцы, то-же уединеніе, тотъ-же порядокъ въ пути и на ночлегахъ въ крѣпостцахъ. Изрѣдка попадались намъ Черкесы, верхомъ, въ полномъ вооруженіи. Тѣ-же физіогноміи, гдѣ убійство положило пылающее клеймо! Въ простотѣ душй иной удивится, какъ можетъ рѣшиться Черкесъ, одинъ ѣхать шамъ, гдѣ намъ, Рускимъ, нужна пушка, конвой пѣхоты и Казаки? Но какая-же *ему* быть можетъ опасность? *Онъ*-то и есть тотъ самый

Digitized by Google

хищникъ, разбойникъ, отъ котораго намъ нуженъ конвой. Одинъ Черкесъ не опасается ѣхать тамъ, гдѣ всякій другой подвергнется неминуемой смерти, или тяжкому плѣну: не ясное-ли это доказательство, что онъ или самъ хищникъ, изъ горъ, или сообщникъ ихъ, изъ мирныхъ? Для чего ему оружіе?

Владикавказъ (*), крѣпость, строенная также въ надеждѣ, что не будетъ подвержена правильнымъ осадамъ, лежитъ на правомъ берегу *Терека*, у самой подошвы сѣверныхъ предгорій Кавказа.

«Черкесы лѣнятся грабить насъ,» сказалъ одинъ Аршилл. офиц., видя оплошность нашей команды... Но, въ самомъ дѣлѣ, они (Черкесы) весьма не любятъ нашего штыка. Въ недавнемъ времени отправлены были изъ *Екатеринограда* въ *Владикавказъ* боевые патроны и провіантъ въ значительномъ количествѣ—два предмета первостепенной важности

(*) Жители и солдаты называютъ его просто: *Капкай*.

Digitized by Google

для разбойниковъ. Они ашаковали *оказію*. Хозяйка моя въ крѣпостцѣ *У.*, удивила меня подробностію разсказа о семъ дѣлѣ.

— Но ты, какъ знаешь все это? — спросилъ я.

« Какъ? Э, батюшки мои! Да я сама была тамъ. Я вѣдь получаю пирсіонъ. Я жена филиверкина.

— Кто-жъ онъ, твой Г-нъ Филиверкинъ?

« Ну, Филиверкинъ—что по Аншиллеринской части.

— Ахъ, да, да, знаю! Ну?

« Ну; мы, бабы, нанимаемся для перевозки всякой рухляди, вотъ хоть-бы и вашей милости, изъ *Капкая* въ *Екатеринодаръ* и обратно. Въ этотъ разъ я везла патроны, другія муку. Оказія сильная была. И! вдругъ со всѣхъ сторонъ налетѣли!... Вѣдь они-бы не такъ еще страшны были, да ужь визжатъ больно! Господи! какой визгъ подняли!.. Шашки на-голо—и летятъ!.. Мы *скарелись*, да изъ-за *арбъ* (*) и

(*) Здѣшняя повозка на двухъ колесахъ.

Digitized by Google

давай ихъ душишь. Отобьемся, отобьемся, смотримъ: опять лепятъ !.. Дадутъ залпъ изъ ружей, да на шашки!.. А прорваться въ *карею*шо имъ не удалось: за арбами и фурами *нашимъ* ловко было! Наши конвойные кричатъ: «Патроны всѣ!» Мы, бабье дѣло, да не будь плохи, разбили шюки, да и давай разносить патроны-то! И, вотъ какъ я подавала уже скушенный патронъ солдату, пуля и ошшибла мнѣ палецъ: вотъ видите? За то, теперь, я получаю пирсіонъ и полный паекъ — Государь шакъ приказалъ.

Русская Амазонка разсказывала это съ видомъ равнодушія, какъ о дѣлѣ очень обыкновенномъ. Оружіе, порохъ, грабежъ, пожаръ — вотъ слова, на коихъ основаны вседневные разсказы на Линіи. «Цыдулла прошла.» Вы будете пріискивать значеніе этихъ словъ; а тамъ каждый мальчикъ вамъ тотчасъ пояснитъ, что «открыли появленіе хищниковъ, и съ постовъ *побѣжали* Казаки съ симъ извѣстіемъ по всей Линіи.»

Послѣ Русской почты, переходъ 105 верстъ въ 4 дни—несносенъ. Къ тому, продолжительность пути, неудобство кварширъ, всевозможныя лишенія (отъ *Воронежа* до *Тифлиса* нѣтъ ничего похожаго на гостинницу, гдѣ-бы можно было что нибудь поѣсть). Да! *есть отъ че-*

Digitized by Google

го въ отчалье придти! И чѣмъ сильнѣе было желаніе мое скорѣе домчаться до *Тифлиса*, тѣмъ несноснѣе казалось это пушешествіе съ пѣхотою, не смотря на сильное убѣжденіе въ необходимости сей мѣры.

Оглушающій шумъ Терека далъ намъ знать о близости Владикавказа. Горы, къ которымъ подошли мы близъ сего города, возвышались у насъ въ правой рукѣ, и имѣли видъ привлекательный, хотя Кавказъ, съ сѣверной своей стороны, довольно отрывисто оканчиваетъ уступы, служащіе ему основаніемъ. Множество *Осетинцевъ* встрѣтило насъ за версту отъ крѣпости, съ предложеніемъ найма лошадей до завàла, до Тифлиса, и проч. Можно-бы порадоваться возбужденной промышленности въ полу-дикомъ народѣ, но взглядъ на неопрятную ихъ бѣдность возбуждаетъ мысль, что причиною ихъ торопливости выискивать легчайшій трудъ, въ надеждѣ получить большую плату, есть отвращеніе отъ трудолюбія, лѣнь— остатокъ прежней буйной ихъ жизни.

Поколѣнія, царства, цѣлые народы измѣняются. Сильнѣйшіе поглощаютъ слабыхъ. Съ перемѣною мѣстности измѣняется языкъ. Есть-ли возможность, по нѣсколькимъ словамъ опредѣлить происхожденіе разноплеменныхъ поколѣній Кавказа?

Digitized by Google

Будемъ надѣяться, что въ наше счастливое время совершится великій подвигъ ихъ обезоруженія; нынѣ-же надо довольствоваться увѣренностію, что всякое покушеніе составить сравнительный словарь разныхъ нарѣчій Кавказа, окончится такимъ-же вздоромъ, какой видимъ въ пустой брошюркѣ Г-на *Клапрота* (*), совсѣмъ не соотвѣтствующей громкому его имени въ ученомъ свѣтѣ.

(*) Не знаю въ какія очки смотрѣлъ Г-нъ *Клапротъ* на *Грузію*, и вообще *за Кавказъ*. Природа Закавказа, произведенія его климата, пріобрѣтенія въ семъ краю Рускихъ, ихъ управленіе онымъ — ни что не имѣло счастія понравиться Г-ну *Клапроту*. Къ счастію, всѣ его предсказанія ко вреду намъ обращаются ему въ посмѣяніе!... *Индиго*, напримѣръ, растетъ здѣсь прекрасно; шелководство усиливается ежегодно; винодѣліе улучшается; краемъ владѣемъ спокойно; предѣлы его распространены, и войско наше не *отрѣзано*, не *побито* Персіянами и Турками — что́ конечно могло-бы случиться, если-бъ оно ввѣрено было Г-ну *Клапроту*, а не Графу Эриванскому.... Странно найдти *столько* безсмыслицы въ книгѣ *столько извѣстнаго* ученаго! Ротъ Г-на *Клапрота* отверзается только для хулы... Если-бъ можно было посовѣтовать ему зажать себѣ ротъ, и довольствоваться барометрическими наблюденіями, оставивъ Правительство въ покоѣ... Трудно быть вмѣстѣ и знаменитымъ ученымъ, и Министромъ, и законодателемъ, и полководцемъ.

Digitized by Google

2.

Переѣздъ черезъ Кавказъ.

Все, что воображеніе могло представить мнѣ относительно переѣзда чрезъ Кавказскія вершины, все это оказалось ничтожнымъ, *безконечно малымъ* всравненіи съ дѣйствительностію. Только *Мильтоны*, *Данте*, отчаянные пѣвцы ада, въ состояніи представить сіи безобразныя каменистыя массы, въ безпорядкѣ взгроможденныя одна на другую, и паденіемъ своимъ угрожающія раздробить шаръ земной. Только *Сальваторъ* изобразитъ сіи каменные утесы, скалы, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ растенія, нѣтъ птицы, нѣтъ одушевленнаго существа, гдѣ камень и камень, и въ 1000 различныхъ видахъ, положеніяхъ и размѣрахъ— камень! Царство разрушенія, пустоты, ужаса; тамъ нѣтъ и не можетъ быть жизни: тамъ все изсохло, исчахло, окаменѣло.

Выѣхавъ изъ *Капкая*, мы обратно перешли на лѣвый берегъ Терека. Тотъ-же конвой (но уже безъ пушки) сопровождалъ насъ до *Балты*, 15 верстъ. Здѣсь уже минуетъ опасность отъ нападенія Горцевъ, вѣроятно, по невозможности спуститься съ горъ. Непримѣтно по днимаясь вверхъ по теченію *Терека*, мы вступили въ ущелiе,

Digitized by Google

которымъ протекалъ онъ съ страшнымъ шумомъ. Сначала, ущеліе имѣло привлекательный видъ: широкая долина, по сторонамъ прелестные холмы, коихъ вершины одѣты лѣсомъ, гуляющія стада, разсѣянныя по холмамъ хижины, это сельскія картины, достойныя высокой кисти! Тутъ все дышало нѣгою: весенній воздухъ оживлялъ всѣ предметы. Вынутый мною дорожный термометръ (Реомюровъ) показывалъ 11° тепла. Мнѣ набросали въ повозку множество фіалокъ, коихъ запахъ разливался въ воздухѣ. «Райское жилище, эти Кавказскія горы,» подумалъ я.

Но, по мѣрѣ возвышенія нашего берегомъ свирѣпаго водопада, долина, прорытая вѣковымъ его теченіемъ, становилась уже. Плѣнительные холмы, мало по малу, превращались въ огромныя горы и теряли свою миловидность, облекаясь мрачностію, суровою дикостію. Наконецъ, долина съузилась до того, что заключалась единственно въ каменистомъ руслѣ *Терека* и выдѣланной въ горѣ, на лѣвомъ его берегу, дорогѣ для проѣзда экипажей. Дорога, смотря потому какъ *Терекъ* отходилъ къ противуположной сторонѣ ущелія, то извивалась вдоль берега, то поднималась, вырубленная въ краѣ горы, то нисходила снова къ *Тереку*.

Digitized by Google

Солнце было во всемъ блескѣ полудня, но воздухъ дѣлался холоднѣе. Рѣзкій, какъ-бы сквозной вѣтеръ дулъ со всѣхъ сторонъ, и, чѣмъ далѣе, выше, по *Тереку*, тѣмъ ущеліе уже, горы возвышеннѣе, дорога опаснѣе, воздухъ холоднѣе. Наконецъ, *Терекъ* занимаетъ все ущеліе, и дорога, изсѣченная въ горѣ и обрабошанная сколько можно, уже не даетъ отдыха изумленной душѣ. Ужасный край! Жилище Асмодеевъ, Мефистофелей и всѣхъ адскихъ силъ!

Горы превратились въ обнаженные каменные утесы, на которыхъ висятъ камни неизмѣримой величины, и угрожаютъ ежеминутнымъ паденіемъ... Кругомъ каменныя скалы, безъ жизни, безъ цвѣта... Отторженныя каменныя громады, мѣстами, лежатъ подлѣ дороги, и свидѣтельствуютъ объ опасности отъ грозящихъ скалъ.

Взглядъ на лѣво леденитъ сердце: дорога, въ иныхъ мѣстахъ, вырублена столь высоко въ скалѣ, что оглушающій ревъ *Терека* едва становится внятенъ внимательному слуху... Колесо рѣжетъ край ужасной бездны съ отвѣсною стремниною — а Терекъ ревётъ, плещетъ — весь въ пѣнѣ — брызги вверхъ — и по дну катитъ мѣлкіе камни съ шумомъ, а огромные дробитъ въ куски свирѣпостію потока.

Digitized by Google

«Кругомъ ни цвѣта, ни травы...»

Каменныя громады заслонили міръ... Духъ замираетъ въ груди... Душа цѣпенѣетъ, страдаетъ, тоскуетъ, желая вырваться изъ сего каменнаго гроба, жилища смерти, гдѣ только гулъ и ревъ Терека напоминаютъ о *движеніи*... и, при всемъ томъ—невозможно отвести взоровъ отъ сей великолѣпно-ужасной картины!!

Частые повороты по теченію рѣки открывали безпрестанно новые виды, коихъ дикость часъ отъ часу увеличивалась. Обманъ оптическій столь силенъ, что громада, какъ-бы преграждавшая путь нашъ, по мѣрѣ приближенія къ ней казалась находящеюся въ томъ-же разстояніи. «Тутъ куда-же поѣдемъ?» спрашивалъ я нѣсколько разъ, видя кругомъ ущесы, и дорогу, ведущую прямо къ скалѣ, коей голая вершина исчезала въ облакахъ.—Крутой поворотъ около ея остраго угла позволялъ видѣть дорогу на нѣсколько саженъ, и потомъ — снова надо было повторять тотъ-же вопросъ.

Дорога чрезъ Кавказъ — это ходъ по дну пещеры неизмѣримой глубины, но, пещеры съ опверстымъ верхомъ. Это дно пропасти, прорытой Терекомъ подъ землею. Впослѣдствіи, сводъ сей пещеры обрушился, и Терекъ, свирѣпостію своего теченія раздвинулъ, разорвалъ

Digitized by Google

массы, преграждавшія буйный его бѣгъ: такое ущеліе иначе составиться не могло. Бока сей пещеры представляютъ Геологамъ сердцевину земли на разсмотрѣніе и изслѣдованіе.

Геологическіе труды ученыхъ, каковы Соссюръ, Доломьё, Вернеръ и послѣдователь его Генрихъ Стеффенсъ, Кювье, и проч., достойны благодарности признательнаго потомства, хотя еще недостаточны для основательныхъ опредѣленій эпохъ переворотовъ, претерпѣнныхъ шаромъ земнымъ при его развитіи. Насмѣшка ничего не доказываетъ. Нептунисты, Вулканисты могутъ ошибаться; но цѣль ихъ теоріи столь возвышенна, ихъ выводы и предположенія столь правдоподобны, что умамъ посредственнымъ должно остерегаться произнесенія сужденій о людяхъ, обитавшихъ въ высшей сферѣ... Судя по быстрому ходу просвѣщенія въ наше время, можно надѣяться, что приближенность понятій о періодахъ измѣненій планеты нашей, укажетъ путь новымъ испытателямъ къ открытіямъ совершеннѣйшимъ. Изслѣдованія Норвежскихъ горъ (Раумеромъ) свидѣтельствуютъ о насильственныхъ переворотахъ, претерпѣнныхъ той страною отъ повторенныхъ вторженій моря. *Кавказу* конечно не скоро дождаться подобнаго изслѣдованія, а предметъ достоинъ внимательнѣйшихъ наблюденій—что ни говори Г-нъ Клапротъ!

Digitized by Google

Впрочемъ, признаюсь, что усилія соображать возможность, совокуплять предположенія и дѣлать изъ того выводы это можетъ здѣсь, привести въ отчаяніе! Отъ одного взгляда на эти гигантскіе размѣры всего окружающаго, надобно благоговѣть и трепетать предъ невидимымъ могуществомъ, и зиждущимъ и разрушающимъ... Здѣсь, стоя на краю неизмѣримой бездны, видя надъ собою висящія, угрожающія паденіемъ скалы, находясь какъ-бы среди развалинъ цѣлаго міра, оглушаясь бурнымъ ревомъ пѣнистаго Терека, здѣсь невольно ощущаешь чувство горькое... Обращеніе на самого на себя, на свою ничтожность при видѣ сего ужаснаго боренія природы, дѣлаетъ шагъ недовольнымъ своимъ жребіемъ... Духъ упадаетъ и лишается силы чувствовать свое достоинство... Уныніе, близкое къ отчаянію, овладѣваетъ душею; самая жизнь становится тягостна!.. Не постигаю равнодушія многихъ, проѣзжавшихъ симъ ущеліемъ! Чему можно приписать его? Можно-ль не замѣтить здѣсь всѣхъ прелестей, всѣхъ ужасовъ, всего величія въ ихъ крайней степени возможности? Можно-ль до того быть занятну постороннею какою мыслію, чтобы не обратить удивленнаго вниманія на сію игру природы, насмѣшку надъ бѣднымъ человѣчествомъ? А однажды обративъ вниманіе, можно-ль не восхищаться и не трепетать,

Digitized by Google

не быть въ восторгѣ и въ оцѣпенѣніи отъ различныхъ чувствъ, подавляющихъ душу!.. Поэты! Живописцы! спѣшите сюда!.. здѣсь ожидаетъ васъ вдохновеніе! Здѣсь низойдетъ на васъ могущество творческой силы, и произведенія ваши примутъ отпечатокъ ея внушеній и величія!

Въ *Ларсѣ*, гдѣ станція, я могъ и не останавливаться, потому что ямщикъ мой нанялся везти меня до *Завала*, въ полуверстѣ отъ *Дарьяльскаго* поста. Намъ нужно было переѣхать *Завалъ* пока не обогрѣло его солнцемъ, ибо тогда уже не такъ удобна переправа чрезъ него: онъ дѣлается скользкимъ.

Положенія *Дарьяла* лучше представить себѣ не *льзя*, какъ опустивъ въ сухой и глубокій колодезь дѣтскій карточный домикъ: точно въ такой пропорціи будетъ *Дарьялъ* къ скаламъ коими онъ кругомъ обставленъ. Ни травки, ни деревца: голыя, отвѣсныя скалы, коихъ вершины не видны за облаками... На другой день, съ разсвѣтомъ, пустились мы къ *Завалу*. При первомъ поворотѣ за утесъ увидѣли мы безобразную ледяную массу, въ 30 саж. вышины, толщиною своею загромоздившую все ущеліе, на пространствѣ почти полу-версты длины: это Завалъ. Прорывъ подъ сею лавиною пещеру, Терекъ съ яростнымъ шумомъ мчалъ мутныя

Digitized by Google

свои волны. . . Великанъ *Казбекъ* казался очень близкимъ, и мѣстно низверженной имъ въ ущеліе ледяной массы означалось темнымъ пятнышкомъ на его вершинѣ. Ужасно! ужасно!..

Провожатые, которыхъ далъ намъ Комменданшъ Дарьяльскій, за плату гривны серебромъ на человѣка, разобрали тотчасъ повозку, и, по вырубленнымъ во льду ступенямъ, начали веревками взвозить все на верхъ. Я оставался внизу, безмолвнымъ свидѣтелемъ ихъ усилій... Пораженный, въ изумленіи сжавъ плечи, при видѣ сихъ исполинскихъ размѣровъ, въ мучительномъ волненіи я не могъ свести глазъ съ ужасной массы...Вѣтеръ былъ пронзителенъ. Я прятался за скалу то съ той, то съ другой стороны; но напрасно: онъ дулъ со *всѣхъ* сторонъ, и, холодный, сухой, проницалъ до костей, не смотря на теплый плащъ и шубку. Наконецъ и я, купивъ у Осетина палку съ острымъ наконечникомъ, перешелъ чрезъ лавину, лежащую уже здѣсь 10 мѣсяцевъ. Какіе виды!.. Какое воображеніе можетъ себѣ представить эти дико-прелестныя громады!...

За *Завалом*ъ ожидали насъ уже почтовыя тройки; но дорога здѣсь до *Казбека* (*) та-

(*) Станція.

Digitized by Google

кова, что въ экипажѣ усидѣть невозможно: она выдѣлана въ горѣ, подъ Терекомъ, и безъ помышленія о безопасности и спокойствіи путешественниковъ. Безпрестанно спуски съ обрывовъ и подъемы на отвѣсныя крутизны, а направо—пропасть, и все тотъ-же враждебный, яростный Терекъ!

Все подымаясь выше и выше, къ вечеру прибыли мы въ *Коби*: 16 верстъ. Холодъ сталъ очень чувствителенъ: и окрестныя горы, и равнина у Коби, все покрыто было глубокимъ снѣгомъ. Здѣсь царствовала зима, тогда какъ наканунѣ мы дышали живительнымъ воздухомъ весны и наслаждались запахомъ уже разцвѣтшихъ фіалокъ.

Отъ *Коби* предстояла послѣдняя, но самая трудная переправа чрезъ *Крестовую* (*) гору, и, самая опасная, чрезъ гору *Гутъ* или *Гудъ*.

(*) Жалуются на Французовъ, что они искажаютъ иностранныя имена, не вслушиваясь въ ихъ произношеніе. Вотъ примѣръ противному: *Гамба*, въ своемъ Voyage dans la Russie Méridionale, пожаловалъ *Крестовую* гору въ Mont *St. Cristophe* — доказательство, что *Гамба* имѣетъ уши, не только ухо.

Digitized by Google

Взявъ провожатыхъ, съ платою по 60 коп. на человѣка, на другой день отправились мы, (съ сильной головной болью отъ угара (*), запрягши по 5-ши лошадей въ повозку.

Глубокій снѣгъ. Яркое, ослѣпительное солнце восходило передъ нами, и, разсыпая лучи свои по бѣлымъ вершинамъ горъ, поражало зрѣніе, хотя товарищи мои, въ предосторожность, натерли себѣ порохомъ большіе круги около глазъ. Меня предохраняли очки мои и зеленый зонтикъ. Холодъ былъ несноснимый. Солдаты, ѣхавшіе форрейтерами на припряженныхъ впереди лошадяхъ, безпрестанно перемѣнялись. Термометръ мой показывалъ 7° холода; но вѣтръ дулъ жестокими порывами, и вихремъ вздымалъ мятель такъ, что мы принуждены бывали останавливаться, не видя ни-

(*) Комната для пріѣзжихъ была не топлена. Я пошелъ къ Коммендантy, и, за неимѣніемъ дровъ, получилъ отказъ. За серебряный рубль сторожъ принесъ намъ вязанку, а съ прибавленіемъ полтинника, напопилъ жарко. Въ полночь — едва выползли мы на свѣжій воздухъ... Я полагаю, что въ Лондонѣ отопленіе достается и не такъ дорого, и не съ такими послѣдствіями.

Digitized by Google

чего передъ собою. Чрезъ минушу—все пропадало, и солнце ярко блестѣло на ново-упавшемъ снѣгѣ.

На самой высокой точкѣ переправы чрезъ Кавказское ущеліе — на вершинѣ Крестовой горы — Императоромъ Петромъ Великимъ поставленъ крестъ, въ ознаменованіе перехода его сими мѣстами съ войскомъ своимъ. Отсюда начало названія горы *Крестовой*. Я желалъ прочесть надпись; но глубина рыхлаго снѣга, по сторонамъ отъ дороги, препятствовала дойдти до креста, ибо для сего надлежало еще подняться саженъ 50, или болѣе.

Здѣсь не льзя не плѣниться очаровательнымъ, необыкновеннымъ явленіемъ въ правой сторонѣ: снѣговыя вершины хребта горъ, какъ замерзшія волны разстилаются на необъятное пространство, и исчезаютъ въ радужныхъ цвѣтахъ, сливаясь съ горизонтомъ... Это картина волшебная!.. Это массы кристалла, сапфира, аметиста, висящія въ воздухѣ, и едва отъ него отдѣленныя. Преломленіе солнечныхъ лучей отражается, повторяясь во всевозможныхъ оттѣнкахъ: это *гармонія цвѣтовъ*, которая обворожаетъ зрителя, и никакое сравненіе приближено къ ней быть не можетъ!

Воображая, что опасности миновались, и что мнѣ остается только спускаться по отлогимъ скатамъ южныхъ предгорій Кавказа въ Грузію,

Digitized by Google

я хотѣлъ отпустишь провожатыхъ, но они съ улыбкою указали мнѣ ужасной величины гору, которую дорога опоясывала почти у самой ея вершины. «Какъ? Ужели тамъ поѣдемъ мы?» спросилъ я въ изумленіи. «Тамъ, гдѣ виднѣются теперь люди, какъ мухи?

— Да; это гора *Гутъ*. Мы, у подошвы ея, дождемся пока спустятся они, ибо разъѣздъ на горѣ невозможенъ.

Покоряясь ужасной необходимости, я пожималъ плечами, въ досадѣ стараясь постигнуть причины, которыя не допустили провести дорогу гораздо ниже, и не находилъ другой, какъ избѣжаніе траты пороха.

Снова полѣзли мы вверхъ... и чѣмъ выше на гору, тѣмъ становится глубже снѣгъ, дорога уже, обрывъ вправо ужаснѣе. Лошади, пропащивъ повозку саженъ 20, остановились; провожатые упирались сзади для помощи, и такая печальная, мучительная процессія продолжалась ровно 2 часа! И люди и лошади устали до невозможности. Слѣва угрожали снѣжныя лавины, огромными глыбами скопившіяся на крутомъ скатѣ вверху горы; вправо—зіяла неизмѣримая бездна, пропасть, непроницаемая взоромъ. Нѣсколько разъ повозка была въ опасности свалиться въ нее, ибо дорога, худо разработанная въ началѣ и не расчищенная отъ снѣга, имѣла скатъ

Digitized by Google

и сдѣлалась узкою. Наконецъ, послѣ страданій невѣроятныхъ, мы перевалились за ужасную *Гутъ*, и—все измѣнилось! Дорога пошла постоянно внизъ. Мѣстами, спуски довольно круты, но опасности уже нѣтъ. Здѣсь сталъ другой воздухъ: солнце пригрѣвало; тихій, свѣжій вѣтерокъ навѣвалъ весною; на безоблачномъ небѣ видѣлась только лазурь. Это былъ другой міръ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ царства снѣговъ, мятелей. Я снова встрѣтилъ весну, оставленную, за день предъ тѣмъ, въ сѣверномъ предгоріи ужаснаго Кавказа.

Отъ *Кайшаура*, дорога пошла внизъ, по правому берегу рѣки *Арагви*, быстро несущейся на югъ, и оканчивающей теченіе свое, подъ *Мзгетомъ*, въ *Курѣ*. По мѣрѣ того, какъ мы спускались ея берегомъ, воздухъ становился часъ отъ часу теплѣе. На вершинахъ окружныхъ горъ часто встрѣчаются развалины жилищъ, устройствомъ похожихъ на крѣпости, или рыцарскіе замки; горы и холмы покрываются постепенно зеленью и лѣсами, и, наконецъ—я увидѣлъ въ цвѣту миндальное дерево: это было 16-го Марта.

Очаровательна долина *Арагви*! Эти восхитительные, прелестные холмы, этотъ райскій, цѣлебный воздухъ, который съ жадностію поглощаешь въ себя; эти группы деревьевъ,

Digitized by Google

живописно разбросанныхъ по всему пространству, объемлемому взоромъ, и эти нѣжныя растенія удостовѣряютъ меня, что я въ Грузіи! Душа отдыхаетъ послѣ ужасовъ дико-угрюмыхъ скалъ Кавказскаго ущелія. Въ долинѣ *Арагви* родится чувство, подобное чувству *Фариса* въ пустынномъ раздольѣ степей Аравіи!... Съ какою неизъяснимою пріятностію вглядывался я въ предметы, совсѣмъ для меня новые, въ природу мнѣ незнакомую, но столь прелестную, но столь разнообразную, столь богатую, что я гошовъ былъ взывать къ моимъ соотечественникамъ о переселеніи сюда, для того, чтобы сдѣлать край сей истинно Русскимъ, для того, чтобы жить, наслаждаться жизнію подъ синимъ, безоблачнымъ небомъ Юга, и пользоваться благодѣяніями сей восхитительной природы!

Плѣнительный край, достойный величайшаго вниманія! И какое неправильное понятіе составили себѣ мы, сыны Сѣвера, о Грузіи!

Грузія достойна вниманія, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и въ торговомъ. Мы видѣли быстрое перерожденіе *Крыма*—слѣдствіе предпріятія нѣсколькихъ просвѣщенныхъ капиталистовъ; но если соотечественники наши обратятъ, наконецъ, вниманіе на роскошную Гру-

Digitized by Google

зинскую природу, то нѣтъ сомнѣнія, что малѣйшій умственный трудъ вознаградится скорымъ усиленіемъ капиталовъ, ибо климатъ *Грузіи*, ея почва, ожидаютъ только появленія просвѣщенныхъ обитателей, чтобы производить всѣ *прихотливыя потребности* баловня-человѣка. Но, при описаніи *Тифлиса* и его окрестностей, въ слѣдующей статьѣ, я буду имѣть случай о семъ распространиться (*).

(*) Просимъ о доставленіи обѣщаннаго продолженія сей любопытной статьи. *Изд. Телеграфа.*

Digitized by Google

РАПСОДІИ.

I.

КУМЪ.

Пробило девять часовъ вечера, когда Доримедонтъ Петровичъ, возвращаясь домой, ѣхалъ на маленькихъ дрожкахъ въ одну лошадь. Ночь была не совсѣмъ свѣтлая, но и не совсѣмъ темная. Въ большомъ между собою разстояніи мелькали на небѣ, тамъ и тамъ легкими тучами подернутомъ, нѣколько сотенъ звѣздъ. Лошадь везла шажкомъ; Доримедонтъ погруженъ былъ въ мысли. Вдругъ лошадь, захрапѣвъ, остановилась; человѣкъ, одѣтый въ лисью шубу, покрытую сѣрымъ сукномъ, стоялъ у дрожекъ, и не снимая картуза сказалъ: — Кумъ! я ожидаю тебя завтра, объ эту пору, у заставы подъ горою! Смотри, приходи непремѣнно! — Доримедонтъ Петровичъ содрогнулся, и морозъ пробѣжалъ по его жиламъ, ибо онъ узналъ шубу и голосъ живописца В...., недавно умершаго; но когда онъ быстро повернулся, чтобы посмотрѣть ему въ лицо, то никого не видалъ.

Digitized by Google

Изумленный и испуганный Доримедонтъ Петровичъ неподвижно смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, потомъ оглядѣлся на всѣ стороны, и, не видя никого, считалъ явленіе сіе за игру воображенія. Но къ удивленію его, дрожки стояли на мѣстѣ.— Что ты стоишь?— крикнулъ онъ кучеру. Степашка снялъ шапку и началъ креститься, приговаривая: Свящъ! свящъ! разсыпься!— Что ты? что съ тобою?— спросилъ онъ его отрывистымъ сердитымъ голосомъ. Кучеръ, пронувъ лошадь, отвѣчалъ: Развѣ вы не видали, баринъ, кто къ дрожкамъ подходилъ?— А кто? спросилъ Доримедонтъ, притворившись какъ будто никого не видалъ. « Вѣдь это былъ покойный Владиміръ Андреевичъ.» — Что ты врешь? закричалъ Доримедонтъ, озираясь на всѣ стороны и крестясь и ледения отъ ужаса. «Да ей Богу, сударь, онъ; я его видѣлъ въ лицо!»— Да зачѣмъ ты остановился?— «Онъ махнулъ, баринъ, рукою, и лошадь сама остановилась, а я обмеръ, испугался. Развѣ вы его не видали?»— Не видѣлъ.— «Онъ не возлѣ васъ стоялъ?»— Что-же онъ дѣлалъ?— «Не знаю, сударь; онъ только постоялъ, да и пропалъ какъ тѣнь.»— Степанъ, ты бредишь. Не въ бѣлой-ли ты горячкѣ?— «Воля ваша, сударь, я видѣлъ, и что видѣлъ, то видѣлъ.»— Ну, ну, пошелъ и полно врать.— Степанъ замолчалъ и погналъ лошадь, а Доримедонтъ призывалъ весь свой разсудокъ,

Digitized by Google

чтобы удостовѣриться или въ дѣйствительности или въ невозможности видѣннаго имъ и слышаннаго. Такъ онъ пріѣхалъ домой. Приглашеніе, явиться къ заставѣ: раздавалосьб безпрестанно въ его ушахъ, и лишало его сна. Всю ночь провелъ онъ въ размышленіяхъ о возможности или невозможности явленія послѣ смерти, призывалъ на помощь всѣхъ вольнодумцевъ и остряковъ, оспоривалъ все, что читалъ когда-то у Штиллинга и ему подобныхъ, и было началъ уже успокоиваться, какъ одна мысль встревожила всю его душу, а именно, что сильныя или преступныя желанія рано или поздно получаютъ исполненіе. Онъ-же, однажды, читая мистическія книги, въ досадѣ-ли или съ насмѣшкою воскликнулъ: Тогда только повѣрю этимъ бреднямъ, когда мнѣ самому кто либо съ того міра явится! и пожелалъ, чтобы кто либо явился!— Ночь онъ провелъ въ ужасномъ волненіи; только къ утру заснулъ; а когда проснулся, то солнце уже приближалось къ меридіану. Свѣтлый день проясняетъ и душу. Доримедонтъ продолжалъ свои размышленія, но на сердцѣ было у него легче, и онъ рѣшительно отвергъ возможность явленій. Не могши однакожъ принять видѣнное и слышанное за игру воображенія— вѣроятно потому, что припоминая всѣ обстоятельства истекшаго дня, душевное свое состояніе, мысли и занятія, онъ ничего не находилъ, что походи-

Digitized by Google

ло-бы на встревоженное воображеніе, за исключеніемъ развѣ только образа усопшаго, сильно и глубоко врѣзавшагося въ душу его, когда онъ въ церкви, въ день погребенія, подошелъ ко гробу, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на мертвое лицо того, коего жизнь разстилалась въ видѣ разноцвѣтнаго ковра— не могши принять видѣнное и слышанное за игру воображенія, онъ полагалъ, что кто нибудь изъ пріятелей хотѣлъ надъ нимъ пошутить и испытать его неустрашимость. Вслѣдствіе сего, онъ рѣшился послѣдовать приглашенію, столько-же подстрекаемый любопытствомъ, сколько удерживаемый нѣкоторымъ ощущеніемъ малодушія, разсчитывая, что ему во всякомъ случаѣ надобно явишься у заставы: если никого тамъ не найдетъ, то все явленіе вздоръ, бредни, или недоконченная шутка пріятеля; если-же найдетъ кого нибудь, то безъ сомнѣнія живаго. Я отклоню отъ себя, говорилъ онъ, подозрѣніе въ малодушіи; а развязка заставитъ насъ посмѣяться.

День какъ и ночь, ночь какъ и день, удерживаютъ свои права. Доримедонтъ Петровичъ едва-ли когда либо былъ такъ веселъ, какъ въ теченіе этого дня. Съ наступленіемъ сумерекъ однакожъ, его веселость начала исчезать; онъ становился тише, задумчивѣе; предстоящее

Digitized by Google

свиданіе у заставы занимало всю душу его. Онъ сидѣлъ въ залѣ, слабо освѣщенной лампадою, теплившеюся предъ иконою, и свѣчомъ свѣчь, горѣвшихъ въ гостиной; старался предугадать всѣ возможные случаи, и опредѣлялъ, какъ ему въ каждомъ поступишь; посматривалъ не рѣдко на часы, хотя и зналъ, что до назначеннаго времени еще далеко. Съ веселостью исчезла и бодрость; съ мрачностью явилось и малодушіе. Онъ разбиралъ, кто-бы изъ друзей или знакомыхъ могъ съ нимъ такъ поступишь, и не нашедши изъ нихъ ни одного, отъ кого онъ, или по коротскому съ нимъ знакомству, или по характеру его могъ-бы подобнаго ожидать, онъ до того встревожился, что хотѣлъ было позвать слугу, дабы имѣть кого нибудь подлѣ себя, какъ вдругъ вошелъ человѣкъ, высокаго роста, весь одѣтый въ черное платье; на блѣдномъ лицѣ его выражалась глубокая печаль; поступь и движенія были благородныя. Онъ подошелъ къ Доримедонту, и началъ извиняться въ томъ, что своимъ посѣщеніемъ его безпокоишь, и отрываешь отъ занятій, или, можешь быть, нарушаешь уединеніе, котораго въ жизни не рѣдко ищешь для бесѣды съ самимъ собою.

—Позвольше спросишь, съ кѣмъ я имѣю честь говорить, и какое дѣло доставляешь мнѣ удовольствіе вашего знакомства?— спросилъ Доримедонтъ.

Digitized by Google

«Не дѣло, милостивый государь, а желаніе личнаго вашего знакомства. Я Графъ Крейцбургъ.

Доримедонтъ смотрѣлъ на него взоромъ, въ которомъ сливались удивленіе, любопытство и охота смѣяться, не отвѣчалъ ничего, и забылъ даже обыкновенную вѣжливость, пригласить сѣсть.

«Мое имя сдѣлало на васъ, кажется, нѣкоторое странное впечатлѣніе...» продолжалъ Графъ.

—Помнится мнѣ, что я гдѣ-то читалъ о Графѣ Крейцбургѣ— сказалъ Доримедонтъ— только безъ сомнѣнія не о васъ.

«Вы читали о немъ, отвѣчалъ Графъ, въ сочиненіи: Гробная служительница.

—Почти такъ, сказалъ Доримедонтъ.

«Для меня странно только то, продолжалъ Графъ, что эта исторія на заглавномъ листкѣ названа *повѣстью*.

—Вы меня удивляете, Графъ!— сказалъ Доримедонтъ.— Какъ вы эту повѣсть называете— исторіей?

«Позвольте васъ спросить,» возразилъ Графъ, съ нѣкоторымъ жаромъ:« если этого происшествія не было, то откуда взялъ его сочинитель? И неужели онъ то, что написалъ, самъ признаетъ за ложь?

Digitized by Google

—Странное возраженіе! — отвѣчалъ Доримедонтъ.— Повѣсти, милостивый государь, имѣютъ другіе источники, нежели дѣйствительныя событія, и между ложью и вымысломъ воображенія есть большая разница.

«Но,» возразилъ Графъ, подергивая густыми своими бровями,« въ упомянутой, такъ называемой повѣсти, все такъ естественно, что разсказаннаго происшествія не льзя почитать вымысломъ воображенія; и если-бы не были пропущены нѣкоторыя обстоятельства, то повѣсть имѣла-бы всѣ признаки истины, и самая строгая критика не могла-бы назвать ея повѣстью.

—Какъ!— воскликнулъ Доримедонтъ въ удивленіи.— Такъ вы считаете явленія Гробной служительницы возможными, и не только возможными, но и дѣйствительно бывшими!

«Позвольте дать вашему вопросу общее выраженіе. Вы удивляетесь, что я вообще явленія послѣ смерти считаю возможными, и стало быть отвергаете то, чему вы удивляетесь.— Рѣшительно отвергаю!— сказалъ Доримедонтъ.

«Точно?» возразилъ Графъ и устремилъ на него свои желтые глаза. Помолчавъ нѣсколько, онъ продолжалъ: «Вы ничѣмъ не можете доказать, что смерть есть послѣдняя межа; что со смертью прекращается все; что нѣтъ никакого сообще-

Digitized by Google

нія между шѣмъ, что по сю и что по шу сторону гроба. Люди обыкновенно не вѣряшъ ничему чрезвычайному, и историческая критика руководствуется правилами низости и обыкновенности: по первому, все великое, доброе, прекрасное, невѣроятно; ибо оно чрезвычайно, и по крайней мѣрѣ сомнительно и подозрительно; по другому: что и какъ у насъ и около насъ водится, такъ точно было и будетъ всегда и вездѣ; ибо это такъ натурально. Согласно съ такими мудрыми аксіомами, коими руководствуются эти натуралисты, они называютъ все, что превышаетъ умъ человѣческій, что для него непостижимо, мистицизмомъ; одни думаютъ, что надобно истреблять сей мистицизмъ мечемъ и огнемъ, или по крайней мѣрѣ отсылать въ домы сумасшедшихъ; другіе считаютъ его предметомъ достойнымъ осмѣянія; третьи разсказываютъ мистическія происшествія, и разсказываютъ такъ, что, кажется, принимаютъ все за истину, но не хотятъ казаться мистиками, и для того называютъ свои сочиненія повѣстями и романами: напр. Сочинитель Гробной служительницы; такъ и читатели смѣются надъ мистицизмомъ, называютъ его сумасбродствомъ, а съ жадностію читаютъ такія сочиненія, какъ Гробная служительница. Съ какимъ правомъ посягаютъ они на все, что имъ пахнетъ мистицизмомъ, или съ какимъ правомъ

Digitized by Google

истинныя происшествія называютъ повѣстями и романами? не знаю. Знаю только то, что мы всѣ, и мистики и антимистики, живемъ среди мистерій; что не только то, что за предѣлами сей жизни находится, но и видимая вами природа, и мы сами для себя— мистеріи. Таинственность, среди которой мы живемъ, насъ раздражаетъ; а чего мы не можемъ подвести подъ общую формулу обыкновенной жизни, то мы отвергаемъ. Отъ движеній и явленій въ глубинѣ собственной души нашей, мы съ робостью отворачиваемся, какъ дѣти отъ собственной тѣни. Языкъ нашъ слишкомъ бѣденъ, и ему-ли вполнѣ и со всею силою убѣжденія или ясности выразить то, что духъ человѣческій, погруженный въ природу и себя самого, иногда провидитъ! Тѣ-же, кои думаютъ, что они призваны щипать травку и обмахиваться хвостомъ отъ безпокоящихъ ихъ мухъ, смотрятъ конечно на инаго человѣка, какъ на чудака, и считаютъ его рѣчи бреднями, ибо они не вѣдаютъ, что они говорятъ, и что имъ говорятъ. А на повѣствованіе о чудесахъ, поражающихъ насъ своею таинственностію, они смотрятъ какъ на бредни разгорѣвшаго воображенія, служащія для забавы другихъ, потому только, что въ ихъ жизни подобнаго не случалось. Имъ надобно вложить руку въ раны: иначе не вѣрятъ.

Digitized by Google

Я могу вамъ доказать, что явленія Гробной служительницы не вымыселъ празднаго и мрачнаго воображенія, а дѣйствительное событіе. Въ этой, такъ называемой повѣсти, пропущены нѣкоторыя обстоятельства, чрезвычайно любопытныя, и видно по всему, что сочинитель написалъ исторію по свѣдѣніямъ отрывистымъ, не полнымъ.

—Помилуйте!— сказалъ Доримедонтъ. Чѣмъ же вы можете доказать, что это исторія, а не вымыселъ? И можетъ-ли сверхъестественное имѣть мѣсто въ исторіи!

«Сверхъестественное?» сказалъ Графъ улыбаясь.« Мы видимъ малѣйшую частицу вселенной, и не знаемъ, что̀ за предѣлами *нашей, нами* обитаемой природы находится, не знаемъ даже, есть-ли за предѣлами оной пространство и время. Заключены будучи въ шѣла, мы о безшѣлесномъ мірѣ и понятія не имѣемъ; не можемъ никакъ выйдти изъ границъ нашего ума, и мечтаемъ, что и за предѣлами нашей природы tout comme chez nous. Ваше мудрствованіе васъ ослѣпляетъ и вы не вѣрите. Можетъ быть, вы въ скоромъ времени столько-же будете убѣждены въ возможности явленій послѣ смерти, сколько и я; можетъ быть, вамъ данъ будетъ

Digitized by Google

случай вложить руку въ раны, и тогда вы повѣрите.

При сихъ словахъ Доримедонтъ вздрогнулъ.

«Чтобы васъ увѣрить,» продолжалъ гость,» что я могу доказать дѣйствительность того событія, то я вамъ теперь скажу только то, что это происшествіе случилось не болѣе какъ за десять лѣтъ, и что я тотъ самый Графъ Крейцбургъ, съ которымъ оно случилось.

—Какъ?! вы — — —

«Да, да!» подхватилъ онъ. «Что вы удивляетесь! Я тотъ самый Графъ Крейцбургъ, и не умеръ, какъ сочинитель повѣсти написалъ, а еще живъ, и вамъ разскажу всю исторію; только, кажется, вамъ нѣкогда слушать; вы собираетесь ѣхать со двора.

—Это, я думаю, вамъ неизвѣстно — сказалъ Доримедонтъ.

«Извѣстно только потому, что закладываютъ вашъ экипажъ, и что кучеръ вашъ мнѣ сказалъ, что вы изволите ѣхать со двора.

Это изумило Доримедонта, не дававшаго никакого приказанія. Онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему человѣку позвать немедленно кучера.

Digitized by Google

—Ты закладываешь дрожки?

«Закладываю, сударь.

—Кто приказалъ?

«Петрушка пришелъ и сказалъ мнѣ, что вы приказали закладывать дрожки парой.

—Позвать Петрушку.

Петрушка пришелъ.— Ты велѣлъ закладывать дрожки?— спросилъ Доримедонтъ.

«Никакъ нѣтъ-съ.

—Какъ нѣтъ? сказалъ кучеръ; ты приходилъ въ конюшню и сказалъ: Проворнѣй; дрожки парою! шевелись!

«Что ты? Богъ съ тобою! аль бредишь?

—Нѣтъ не брежу: и Мишка, и Ѳедька и Андрюшка были при томъ.

—Позвать ихъ!

Пришли. — Говорите, кто велѣлъ закладывать? сказалъ Доримедонтъ Петровичъ.

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: Петрушка. Доримедонтъ Петровичъ устремилъ глаза на Петрушку, ожидая отвѣта.

—Ей Богу не я, баринъ!— сказалъ Петрушка.— Не знаю, что съ ними сдѣлалось.— Доримедонтъ

Digitized by Google

взглянулъ на часы: было четверть девятаго. —Ступайте, сказалъ онъ; а ты, Петрушка, останься здѣсь.— Извините меня, милостивый государь— сказалъ онъ, обращясь къ незнакомцу— что я васъ на минуту оставлю. Прошу васъ пожаловать въ гостиную. Велѣвъ Петрушкѣ идти за собою, онъ пошелъ въ кабинетъ, и снявъ икону со стѣны и положивъ открытое Евангеліе на столъ, сказалъ ему:— Послушай, Петрушка! я знаю, что ты малой добрый; если ты велѣлъ закладывать безъ моего приказанія, такъ признайся; ты хотѣлъ подурачить Степана, тутъ бѣды никакой нѣтъ. Говори откровенно; мнѣ только хочется знать, ты-ли велѣлъ закладывать.

«Нѣтъ, баринъ, ей Богу, не я.

—Ну, такъ послушай-же; дѣло само по себѣ пустое, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ для меня чрезвычайно важное, и если ты правду говорилъ и точно не приказывалъ, то поклянись и поцѣлуй икону и Евангеліе.

«Клянусь Господомъ Богомъ и всѣми Святыми!» сказалъ онъ, перекрестился трижды и поцѣловалъ Евангеліе и икону.

—Ну, ступай теперь! и доложи какъ дрожки

Digitized by Google

будутъ готовы, а Андрюшкѣ скажи, чтобы онъ готовился ѣхать со мною.

Петрушка пошелъ, а Доримедонтъ, смущенный, изумленный, не зная что думать, спѣшилъ возвратишься къ незнакомцу въ гостиную, и къ большому удивленію своему не нашелъ его ни въ гостиной, ни въ залѣ. Лакей, сидѣвшій въ передней, увѣрялъ, что онъ изъ передней не отлучался, и что гость, по приглашенію вошелъ въ гостиную, а отшуда не выходилъ. Доримедонтъ остолбенѣлъ. Состояніе его походило на состояніе спящаго, мучимаго ужасными сновидѣніями; онъ готовъ былъ закричать, когда стѣнные часы начали бить девять часовъ; удары раздавались въ ушахъ его какъ громовые раскаты. «Дрожки!» закричалъ онъ въ судорожномъ движеніи, бросился въ кабинетъ, сунулъ, самъ не зная съ какимъ намѣреніемъ, кинжалъ за пазуху, и опромешью, какъ будто гонимый невидимою силою, выбѣжалъ на крыльцо, вскочилъ на дрожки, и закричалъ: Пошелъ! но ѣхать надобно было медленно, ибо за отшепелью послѣдовалъ морозъ, и грязь немощеныхъ улицъ, запивердѣвшая кочками, затрудняла ѣзду. Нетерпѣніе мучило его; онъ погонялъ кучера, кучеръ лошадей. Доѣхавши до церкви Св. Димитрія, отъ тряской дороги ось крякнула и кучеръ свалился съ козелъ. Надобно было идти

Digitized by Google

пѣшкомъ. Оставалось до заставы еще съ полверсты. Онъ шелъ молча; Андрюшка за нимъ. Скоро прошли они площадь, на которой бѣлѣется шюремный замокъ, и только обычный кликъ караульныхъ: Слушай! раздавался около нихъ. Подходя къ заставѣ, Доримедонтъ чувствовалъ, что сердце у него сильно билось; невольно положилъ онъ руку на кинжалъ за пазухою, и приказалъ Андрюшкѣ ни подъ какимъ видомъ не отставать. Вышедши за заставу, онъ никого не нашелъ; смотрѣлъ во всѣ стороны— никого не видалъ, хотя ночь и была довольно свѣтлая. Ободрившись немного, но не зная на что рѣшиться, дожидаться или возвратиться, онъ велѣлъ Андрюшкѣ смотрѣть во всѣ стороны, и тотчасъ сказать, если кого увидитъ. По нерѣшимости, онъ съ мѣста не трогался. Все вокругъ было погружено въ мертвую тишину; вдали только слышенъ былъ лай и вой собакъ, и только собственныя его со слугой тѣни ложились по дорогѣ чрезъ колеи, и поворачивались вмѣстѣ съ ними. Онъ уже до того ободрился, что рѣшился полюбоваться видомъ города, дабы ночная поѣздка не совсѣмъ была напрасна, и для того поднялся нѣсколько на гору. Луна изливала свой свѣтъ на покоящійся внизу городъ, опоясанный двумя рѣками. Передовая часть его, улицею, ведущею отъ за-

Digitized by Google

ставы прямо къ мосту версты на двѣ, раздѣлялась на двѣ огромныя половины; за мостомъ, вдоль по берегу рѣки, вправо и влѣво, тянулись ряды домовъ, наполняющихъ все пространство между обѣими рѣками; чуть чуть видна была вдали третья часть города, по ту сторону рѣки. Колокольни возвышались какъ великаны, и покрывали исполинскими своими тѣнями хижины смертныхъ.— Блаженъ живущій въ сѣни Того, безъ Коего воли и власъ не спадетъ съ головы нашей!— сказалъ Доримедонтъ. Взоръ его невольно останавливался на большомъ зданіи, обнесенномъ каменною высокою оградою, по угламъ которой сверкали штыки часовыхъ, стрегущихъ несчастныхъ жителей сего замка.— Боже мой!— сказалъ Доримедонтъ вздыхая.—Тысячи и тысячи, отдохновеніемъ отъ трудовъ, забвеніемъ заботъ, надеждою на радостное утро, вкушая сладкій сонъ возстановляютъ истощенныя силы, и пробужденные въ свободѣ, бодро воспрянутъ съ ложа! Кто-же утѣшитъ несчастныхъ жителей этого замка? Кто сомкнетъ ихъ отягченныя слезами и безсонницей вѣжди? Кто успокоитъ ихъ растерзанныя сердца? Кто притупитъ жало совѣсти? Кто вдохнетъ въ ихъ души бодрость и отвратитъ отчаяніе? Ужасный день прошелъ, ужаснѣйшая ночь настала, ужаснѣйшій послѣдуетъ день! Господи! при-

Digitized by Google

крой ихъ своимъ щипомъ! — Вдали, на противоположной сторонѣ, уже внѣ города, виднѣлось, какъ черная полоса, огромное зданіе, пріютъ несчастныхъ, незнаемыхъ отцами и отверженныхъ матерьми, и пріютъ страждущаго человѣчества, пріютъ низверженныхъ лишеніемъ ума въ рядъ созданій, нисшихъ нежели безсмысленныя твари, руководимыя инстинктомъ. Тутъ вина и ея страданія за желѣзными рѣшетками правосудія, тамъ невинность и несчастье, призрѣнныя велѣніемъ промысла Божія! Среди сихъ двухъ точекъ, по ту сторону первой рѣки, возвышался съ колокольнею своею монастырь, съ жилищемъ Архипастыря Христіанскаго стада. . . Почти въ центрѣ города занимала возвышенное мѣсто, обтекаемое рѣкою, обитель Музъ, открытая Царемъ, другомъ человѣчества! Ближе и далѣе, влѣво и вправо, между тысячами скромныхъ домовъ, мелькали сады и зданія богатыхъ! Влѣво взоръ терялся въ равнинѣ, индѣ усѣянной селеніями; вправо черною полосою тянулись рощи. — Насытившись симъ зрѣлищемъ, и полагая, что онъ удовлетворилъ и странному требованію призрака и своему мужеству, Доримедонтъ рѣшился возвратиться, и сходя съ горы насвистывалъ какую-то пѣсенку. Дошедши до прежняго мѣста, онъ остановился, осмотрѣлся еще разъ на всѣ стороны, и обра-

Digitized by Google

шилъ шаги свои къ заставѣ, какъ вдругъ почувствовалъ легкій ударъ по плечу. Онъ быстро оглянулся: предъ нимъ стоялъ тотъ-же самый человѣкъ въ сѣрой шубѣ! Куда дѣвалась его бодрость... И городъ, и звѣздное небо, и земля исчезли; въ глазахъ у него потемнѣло. —Спасибо, кумъ—сказалъ тотъ—что ты слово сдержалъ. — Доримедонтъ не смѣлъ и глазъ поднять на него. — Пойдемъ! прибавилъ тотъ, и повернулъ на дорогу къ П.....ву саду. Доримедонтъ шелъ за нимъ какъ преступникъ, котораго ведутъ на висѣлицу. Не доходя до сада, они повернули на тропинку влѣво, и начали подниматься чрезъ кустарники на гору. Человѣкъ въ сѣрой шубѣ шелъ впереди; Доримедонтъ оглянулся; Андрюшка за нимъ не слѣдовалъ. Не заботясь о немъ, а виня себя самого за то, что, знавши его трусость, не взялъ другаго человѣка, и видя себя одного во власти сѣрой шубы, онъ какъ-то сдѣлался смѣлѣе, и рѣшился остановить своего вожатая и посмотрѣть ему въ лицо. — Стой! сказалъ онъ ему твердымъ голосомъ. Тотъ обернулся, и спросилъ хриплымъ голосомъ: Что угодно? — Мнѣ угодно знать, отвѣчалъ Доримедонтъ, кто ты? я далѣе нейду. — «Я твой кумъ,» отвѣчалъ онъ, «котораго недавно отпѣли и въ землю зарыли.

Digitized by Google

— Покажи свое лицо!

« Тамъ, выше, » сказалъ онъ.

— Нѣтъ—отвѣчалъ Доримедонтъ — тутъ; я далѣе нейду. Эта глупая шутка не стоитъ труда взбираться на гору. Я тебя не знаю. Говори, или этотъ кинжалъ отправитъ тебя вторично въ сырую землю!

Вмѣсто отвѣта раздался вокругъ Доримедонта сильный хохотъ. Сѣрая шуба шла молча далѣе; онъ шелъ невольно за ней. Вдругъ тотъ остановился, и сказалъ : Пойдемъ скорѣе! это мѣсто не хорошо! Тѣло сошлёвается, но душа живетъ, и, нечестивая, несказанно страдаетъ! Скоро раздадутся здѣсь ужасные вопли!— Доримедонтъ творилъ молитвы. Далѣе тотъ опять остановился на полянѣ ; мѣсяцъ изливалъ свой свѣтъ. — Ну, кумъ!—сказалъ человѣкъ въ сѣрой шубѣ—ты спрашивалъ, кто я? Неужели ты меня не узнаешь? Смотри мнѣ въ лицо, и не бойся. — Доримедонтъ взглянулъ на него и узналъ его.—Такъ, ты кумъ мой! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ! — Но зачѣмъ ты вышелъ изъ могилы, и куда ты меня ведешь? — «Молчи, кумъ!» отвѣчалъ тотъ: «путъ не мѣсто объясняться; узнаешь все, когда кончимъ путь.»— А далеко-ли? — спросилъ Доримедонтъ. «Для меня близко, для тебя далеко.» Замолчавъ, онъ продолжалъ идти, и они достигли рощи, на

Digitized by Google

опушкѣ которой у дерева привязаны были черные, какъ смола, два коня. Вожатай въ сѣрой шубѣ вспрыгнулъ на одного, и велѣлъ Доримедонту сѣсть на другаго; они выѣхали на большую дорогу, и какъ вихрь помчали ихъ кони. Объѣхавъ монастырь, на колокольнѣ коего било 11-ть часовъ, они повернули вправо. Кони мчались съ быстротою молніи. Доримедонтъ не зналъ, гдѣ они находились; все ему казалось странно, чуждо, дико. Они въѣхали въ лѣсъ. Вдругъ раздались ужасные вопли и стенанія женскаго голоса. «Стой, кумъ!» сказалъ вожатай Доримедонту, и остановилъ свою лошадь. «Дай промчаться охотнику, и не шевелись, а смотри.» Вскорѣ, съ ужасными воплями и слезными моленіями о помилованіи, выбѣжала, съ быстротою лани, изъ чащи лѣса, прекрасная нагая женщина, съ распущенными волосами и израненнымъ отъ кустарниковъ тѣломъ, преслѣдуемая двумя огромными псами, которые, настигая ее, впивались въ ея тѣло острыми своими зубами; ѣздокъ на черномъ конѣ, въ черной одеждѣ, съ страшнымъ лицемъ и съ мечемъ въ рукѣ, угрожалъ ей смертью. Состраданіе взволновало всю кровь живаго зрителя на конѣ. Доримедонтъ хотѣлъ было броситься на ѣздока и защитить несчастную, но спутникъ его остановилъ, сказавъ грознымъ голосомъ: Не шевелись! не твое

Digitized by Google

дѣло!—Они промчались мимо ихъ; ѣздокъ настигъ несчастную, вонзилъ ей мечъ въ животъ, вырвалъ изъ груди ея сердце и бросилъ его на съѣденіе псамъ. Но вскорѣ потомъ она опять ожила, вскочила на ноги, и ужасная охота или лучше сказать травля возобновилась, и вопли раздались въ лѣсу. Волосы у Доримедонта стали дыбомъ; сердце билось, какъ будто хотѣло вырваться изъ тѣла.—Помилуй! что это значитъ?—спросилъ онъ спутника своего; но вмѣсто отвѣта, кони помчали ихъ опять съ прежнею быстротою.

II.

Людская.

Къ полуночи Андрюшка пришелъ домой, блѣдный, трепещущій; разбудилъ всѣхъ людей, и кричалъ: «Нашъ баринъ погибъ!» Его обступили; посыпались вопросы: Какъ? гдѣ? отъ чего? разсказывай!

—Охъ! дайте собраться съ силами и мыслями! сказалъ Андрюшка.

«Садись, Андрей Миронычъ!» сказала старуха Маланья. «Христосъ съ тобой! на! выпей водицы! тебѣ будетъ лучше! Какъ онъ сердечный въ лицѣ измѣнился! на себя не похожъ!

Digitized by Google

Христосъ съ тобой! перекрестись, Андрей Миронычъ, перекрестись, и сотвори молитву!

— Да ну полно, старая вѣдьма! — закричалъ Ѳедька. — Онъ только уморился! Такого сахара чортъ не возьмешъ.

Андрюшка вздрогнулъ. «Не упоминай о чортѣ!» сказалъ онъ. «Чортъ берешъ и не такихъ, какъ мы: и господа не уходятъ отъ его когтей, а намъ и подавно ихъ не миновать.

— Да ну, разсказывай что-ли! — перервалъ дворникъ Ѳедотъ.

«Говори, что случилось?» сказала горничная Машка.

— Вотъ теперь онъ начнетъ — подхватилъ Ѳедька. — Ужь онъ Марьѣ Васильевнѣ ни въ чемъ отказать не можетъ; да, правда, и она ему ни въ чемъ не отказываетъ.

«Молчи, дуракъ!» сказала Машка. «Не твое дѣло. Разсказывай, Андрей.

— Конечно не мое, а ваше дѣло — сказалъ Ѳедька, и захохоталъ.— Впрочемъ не за что сердиться, Марья Васильевна! вѣдь я вамъ не мѣшаю; намедни я васъ видѣлъ.

«Что ты врешь, бездѣльникъ! Тетушка Маланья, зажми негодяю ротъ!» сказала Машка.

Digitized by Google

— Полноте ссориться—закричала старуха — теперь не время; али вы забыли, что нашъ баринъ погибъ?

«Ну такъ что-жь?» возразилъ Ѳедька.» Упокой Господи душу его! При немъ житье не веселое было! Строгъ и вспыльчивъ, и золъ какъ собака; я ужь хотѣлъ отъ него бѣжать; теперь, слава Богу, не нужно!

— Не ври, Ѳедька, и не грѣши! — сказала старуха.

«Не грѣши!» подхватилъ Ѳедька. «А что тутъ за грѣхъ? Если-бъ тебя выпороли въ Полиціи такъ, какъ намедни меня, такъ и ты-бъ другую пѣсенку запѣла.

— А кто виноватъ былъ, Ѳедька?—спросила старуха.

«Виноватъ!» отвѣчалъ Ѳедька. «Экъ! такъ за всяку вину и драть? Прахъ его возьми! погибъ, туда и дорога!

— Ѳедька!—сказала Машка.» Поди-ка сюда, я тебѣ что-то скажу.

«Ну что! говори.

— Нѣтъ, выйдемъ на минуту во дворъ.

Digitized by Google

«Пожалуй!» сказалъ Ѳедька. «Пойдемъ; аль меня поцѣловать хочешь?

—Увидишь, отвѣчала Машка.

Вышедши изъ кухни, Машка сказала:—Послушай, Ѳедька! ты меня при всѣхъ обидѣлъ; наговорилъ на меня чортъ знаетъ что. Оправдай меня, скажи что ты только пошутилъ, что ты меня никогда съ Андрюшкой не видалъ, и ничего за мною не замѣтилъ, а не то, я барину перескажу, какъ ты его бранилъ, и тогда тебѣ будетъ баня пуще первой. Рѣшайся!— Ѳедька почесалъ въ головѣ, и видя, что дѣло-то плохо, согласился. Вошедши въ кухню, онъ сказалъ: Ну, разсказывай, Андрюшка, я мѣшать не буду, и шутить не буду. Шутка любитъ время и мѣсто; теперь не время. И надобно шутить, а не лгать. Ложь прескверное дѣло: можетъ хорошаго человѣка опорочить; и не всему, что въ шуткахъ говорится, надобно вѣрить; напримѣръ, вы пожалуй примете за наличныя денежки, что я о Марьѣ Васильевнѣ сказалъ. Нѣтъ, господа, Марья Васильевна пречестная дѣвушка; я только пошутилъ; и вы, Марья Васильевна, ужъ меня простите; лукавый меня дернулъ сказать, чего не бывало. Я виноватъ, впередъ буду держать языкъ за зубами. Ну, Андрюшка, разсказывай.

Digitized by Google

Андрюшка началъ: «Какъ у церкви Св. Димитрія ось-то крякнула, такъ мы и пошли пѣшкомъ.

— Эко диво! — сказалъ Ѳедька и захохошалъ.

«Прошедши площадь тюремнаго замка, продолжалъ Андрюшка, баринъ оборотился ко мнѣ, и сказалъ: Послушай, Андрюшка, ты отъ меня не отставай, ни подъ какимъ видомъ. Слышишь?—Слушаю-съ, отвѣчалъ я; и мы продолжали идти. Мнѣ что-то страшно стало!

— Не мудрено!—сказалъ Ѳедька.—Извѣстное дѣло, что портные большіе трусы.

«Что за радость, думалъ я, таскаться по ночамъ? Приходимъ къ заставѣ; вышли за заставу. Баринъ остановился, и началъ смотрѣть во всѣ стороны; велѣлъ и мнѣ не зѣвать и тотчасъ сказать, если кого увижу. Постояли тутъ довольно долго; наконецъ баринъ поднялся на гору, я за нимъ; смотрѣлъ на городъ, я тоже; потомъ пошли опять назадъ, и баринъ остановился на прежнемъ мѣстѣ, началъ опять осматриваться; я также. Вдругъ, откуда ни взялся человѣкъ въ сѣрой шубѣ.

— Какъ въ сѣрой шубѣ? — сказалъ кучеръ.— Господи помилуй! Господи помилуй!

Digitized by Google

«Что такое ? что такое ?» спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Продолжай! продолжай!—сказалъ кучеръ.— Послѣ скажу.

«Откуда ни взялся человѣкъ въ сѣрой шубѣ, продолжалъ Андрюшка, и хлопъ барина рукою по плечу; а возлѣ меня стояли... Господи помилуй!... двое чертей !

Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, и начали креститься, приговаривая: Съ нами крестная сила!

Андрюшка продолжалъ: «Я свалился съ ногъ отъ испуга, и видѣлъ только, что человѣкъ въ сѣрой шубѣ увелъ барина съ собою, а куда, не знаю. Какъ я пришелъ опять въ себя, и поднялся на ноги, то никого болѣе не видалъ, ни чертей, ни барина, и бросился бѣжать домой.

— Съ нами крестная сила! — сказала крестясь старуха.—Такъ ты, голубчикъ, видѣлъ чертей?

«Видѣлъ, бабушка !» отвѣчалъ онъ: « двухъ ! Оба были черные, какъ смола; у обоихъ были красные глаза, сзади предлинный хвостъ, ноги лошадиныя, на головѣ словно рога, руки какъ когти; оба были мохнатые.

— Что-же они съ тобою дѣлали ?— спросилъ Ѳедька.

Digitized by Google

«Ничего,» ошвѣчалъ онъ: «по крайней мѣрѣ, не знаю; вѣдь я упалъ безъ памяти.

— А баринъ? — спросила Машка.

«Барина нѣтъ!» ошвѣчалъ Андрюшка. «Его увелъ человѣкъ въ сѣрой шубѣ, огромный, какъ верстовый столбъ!

—Ахъ! Боже мой!—завыла Машка.–Онъ пропалъ!

«Погибъ!» сказалъ Андрюшка.

— Погибъ! — сказалъ кучеръ.

«Погибъ!» сказалъ Ѳедька.

— Богъ милостивъ! — сказала старуха.

Всѣ сидѣли молча, въ раздумьи. «Что-жь намъ дѣлать?» спросилъ наконецъ дворникъ Ѳедотъ.

— Помолимся Богу о спасеніи души!– сказала старуха, и вставши пошла къ иконѣ, зажгла лампаду, и начала творить молитвы, кладя поклоны въ землю. Къ ней присоединилась Машка, и обѣ усердно молились.

«Что-жь намъ дѣлать?» повторилъ Ѳедотъ. «Приложите ума, ребята.

—Я думаю, сказалъ Андрюшка, идти сей часъ въ Полицію, и объявить.

«Ты уменъ, какъ попъ Семенъ!» сказалъ Петрушка. «Сунься-ка туда, такъ ошпуда и не

Digitized by Google

выберешься. Тебѣ не повѣрятъ, а подумаютъ, что ты барина запропастилъ, и посадятъ тебя въ яму, да будутъ допытываться, чтобъ ты признался. Дурачина! туда не ходи.

—Такъ что-же дѣлать?—спросилъ Андрюшка.

«А вотъ что,» сказалъ Петрушка: «заложить карету и ѣхать къ заставѣ, дожидаться барина; если онъ къ утру не ворошится, ну, такъ тогда конечно объявить! Ступай-ка ты, обезьянина рожа, закладывай!

— Заложить заложу — сказалъ кучеръ — а не поѣду.

«Какъ? не поѣдешь?» закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Такъ не поѣду!— отвѣчалъ онъ.—Вы ничего не знаете. Баринъ попался къ мертвецамъ въ руки, такъ и намъ не сдобровать.

«А ты по чемъ знаешь?» спросилъ Петрушка.

— Знаю-стя, да и только — отвѣчалъ онъ.

«Ну, ну, пошелъ, закладывай!» крикнулъ Петрушка.

Всѣ приступили къ кучеру, и онъ принужденъ былъ заложить карету и ѣхать; съ нимъ вмѣстѣ поѣхали Петрушка и Андрюшка.

Digitized by Google

У заставы они никого не нашли. Дождавшись разсвѣта, они еще разъ вышли за заставу посмотрѣть, нейдетъ-ли ихъ баринъ, и къ удивленію своему нашли его на томъ-же мѣстѣ, съ котораго увелъ его человѣкъ въ сѣрой шубѣ: онъ лежалъ безъ памяти, съ лицомъ, покрытымъ смертною блѣдностью. Молча, они его подняли, положили въ карету;Петрушка сѣлъ возлѣ него, шепнувъ Андрюшкѣ, чтобы онъ бѣжалъ за Докторомъ. Привезли его домой. Люди сбѣжались. Машка плакала; старуха Маланья крестилась, читала молитвы, и требовала, чтобы послали за священникомъ. Петрушка, какъ умнѣйшій изъ нихъ, велѣлъ старухѣ молчать, распоряжался одинъ; а Ѳедька шепнулъ горничной: Смотри-жъ, Марья Васильевна, не пересказывай барину о томъ, что я въ кухнѣ говорилъ. Вишь! прибавилъ онъ про себя, чортъ его не взялъ! — Доримедонтъ Петровичъ лежалъ на постелѣ, похожій болѣе на мертваго, нежели на живаго. Пришелъ Докторъ: щупалъ пульсъ, качалъ головою, распрашивалъ людей, отъ чего ихъ баринъ въ такомъ положеніи. Всѣ молчали. «Что вы не говорите?» спросилъ онъ. Петрушка, не зная, не выболталъ-ли уже Андрюшка всей исторіи, спросилъ осторожно: Да развѣ Андрюшка вамъ ничего не сказывалъ?—Ничего, отвѣчалъ Докторъ.—Вотъ

Digitized by Google

изволите видѣть, сударь— отвѣчалъ Петрушка— баринъ вчера вечеромъ въ 9-ть часовъ изволилъ поѣхать со двора въ дрожкахъ, взявши съ собою Андрюшку. Дорогой изломалась ось; баринъ велѣлъ кучеру какъ нибудь связать ось и ѣхать домой, а самъ изволилъ пойдти къ заставѣ. Вышедши за заставу, онъ приказалъ Андрюшкѣ идти домой, и пріѣзжать за нимъ въ каретѣ. Приказаніе барина мы немедленно исполнили; за каретою поѣхали Андрюшка и я. Пріѣхавши шуда, мы остановились, но барина нигдѣ не было. Дождавшись разсвѣта, мы опять пошли за заставу и нашли его на землѣ, лежащаго безъ памяти, подняли, посадили въ карету, и привезли домой. — Докторъ покачалъ головою; прописалъ нужное лекарство, и уѣхалъ.—Марья Васильевна! сказалъ Петрушка.—Изволь-ка ты посидѣть у больнаго, а я пойду немножко прилягу. — Взявши Андрюшку въ сторону, онъ сказалъ ему:—Смотри, не болтай; а коли спросятъ, то разсказывай точно такъ, какъ я; а другимъ скажи, чтобы говорили, что ничего не знаютъ.

Дальнѣйшихъ распросовъ не было. Докторъ тщательно пользовалъ больнаго, котораго сильная горячка довела было до гроба; однако искусству Доктора удалось возвратить его къ

Digitized by Google

жизни. Медленно онъ поправлялся и не прежде какъ чрезъ три мѣсяца здоровье его совершенно возстановилось. Но характеръ его измѣнился. Доримедонтъ Петровичъ сдѣлался задумчивымъ, таинственнымъ; въ глазахъ его горѣлъ огонь, рѣчи его часто были глубокомысленны, сильны, рѣзки, но и отрывисты, несвязны; во всѣхъ его движеніяхъ отражались какая-то раздражительность и какое-то душевное безпокойство, чего-то ищущее.

(Обѣщано продолженіе).

Digitized by Google

КРИТИКА.

—*Клятва при гробѣ Господнемъ.* Русская быль XV вѣка. 4 части. Сочиненіе Н. Полеваго. Москва. 1832 года.

« La critique, dans les époques de transition, tient lieu fort bien de tout ce qui n'est plus, ce qui n'est pas encore. La critique alors c'est tout le poème, c'est tout le drame, c'est toute la comédie, c'est tout le théâtre, c'est tout ce qui occupe les esprits; c'est la critique qui passionne et qui amuse; c'est elle qui éclaire et qui brûle, c'est elle qui fait vivre et qui tue....»

JULES JANIN.

(Статья первая).

Знать въ добрый часъ благословилъ насъ Ѳ. В. Булгаринъ своими романами. По дорожкѣ, проторенной его *Самозванцемъ*, кинулись дюжины писателей на перегонку, будто соревнуя конскимъ ристаніямъ, появившимся на Руси въ одно время съ Романизмомъ. Москва и Петербургъ пошли стѣна на стѣну. Перекрестный огонь загорѣлся изъ всѣхъ книжныхъ лавокъ, и вотъ, романъ за романомъ полетѣли въ голову добраго

Digitized by Google

Русскаго народа, которому, Богъ вѣдаетъ съ чего, припала смертная охота къ гражданской печати, къ своему родному, доморощеному. И то сказать: Французскій супъ пріѣлся ему съ 1812-го г.; Нѣмецкій бутеръ-бротъ подъ туманомъ пришелъ вовсе не по желудку; въ Англійскомъ ростбифѣ, говоритъ онъ, черезъ чуръ много крови да перцу; даже ячменный хлѣбъ Вальтера-Скоттана билъ оскомину; однимъ словомъ, переводы со всѣхъ возможныхъ языковъ надоѣли землякамъ пуще ненастнаго лѣта. Стихотворцы, правда, не переставали стрекотать во всѣхъ углахъ, но стиховъ никто не сталъ слушать, когда всѣ стали ихъ писать. Наконецъ, разсѣянный ропотъ слился въ общій крикъ: «Прозы, прозы! — Воды, простой воды.»

На святой Руси по сочинителей не кличь кликать: стоитъ крякнуть, да денежкой брякнуть, такъ набѣжитъ, наползетъ ихъ полторы тмы съ потёмками. Такъ и сталось. Чернильныя тучи взошли отъ поля и отъ моря: закричали гуси, ощипанные безъ милосердія, и запищали гусиныя перья со всеусердіемъ. Прежніе наши Романисты, забытой памяти, Ѳедоръ Эминъ, Нарѣжный, Марья Извѣкова, Александръ Измайловъ, скромненько начинали съ какого нибудь Никанора, Несчастнаго Дворянина; съ Евгенія, или Пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія; съ Русскаго Жилблаза, который не чуждался ни чарки, ни палки. Тогда вороны не летали въ хоромы!... добрыя, простыя времена! Но мы нашли, что простота хуже воровства. Острые локти наши, которые тоже любятъ просторъ, проглянули изъ тѣсныхъ рукавовъ Мишрофанушкина кафта-

Digitized by Google

на: иной-бы сказалъ, что у насъ выросли крылья, такъ бойко начали мы метаться въ даль и въ воздухъ. Исторія сдѣлалась страстью Европы, и мы сунули носъ въ Исторію; а Рускій ни съ мечемъ, ни съ калачемъ шутишь не любишь. Подавай ему героя охваша въ три, ростомъ съ Ивана Великаго, и съ такимъ славнымъ именемъ, что на тощакъ и не выговоришь. Искромсали Карамзина въ лоскушки; доскреблись и до архивной пыли; обобрали кругомъ изустное преданіе; не завалялась даже за печкой никакая сказка, ни присказка. Мало намъ Исторіи: принялись мы и за мораль. «Нраво-описательныхъ-ли, нравственно-ли-сатирическихъ, сатирико-историческихъ-ли романовъ? Милости просимъ! кто купитъ?»—О, навѣрно ужь не я! Въ осьмую долю листа, въ восмнадцатую долю смысла, хоть торчковую мостовую мости. И надобно сказать, что всѣ они съ отличнымъ поведеньемъ: порокамъ у нихъ нѣтъ повадки; колютъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, не то что у иностранцевъ: на щипокъ нравоученія не возьмешь.... У насъ, батюшка, его не продаютъ будто краденое изъ подъ огонь; у насъ оно облуплено словно луковка: кушай, да локтемъ слезы вытирай. А ужь про складъ и говорить нечего! Въ полдюжины лѣтъ нажили мы не одну дюжину романовъ, подснѣжныхъ, подовыхъ романовъ, романовъ, въ которыхъ есть и Русскій квасъ и Русскій хмѣль; есть прибаутки и пословицы, отъ которыхъ не отказался-бы ни одинъ десятскій; есть и лубочныя картинки нашего быта, раскрашенныя мастушкой

Digitized by Google

грязью; есть въ нихъ все, кромѣ Русскаго духа, все кромѣ Русскаго народа! Со всѣмъ тѣмъ, почтеннѣйшая толпа земляковъ моихъ вѣритъ, что она покупаетъ мумію Русской старины во Французской обверткѣ, съ готическими виньетками, съ картинками, рѣзанными въ Вѣнѣ; вѣритъ, что эти романы ея предки или современники; вѣритъ съ шупоуміемъ старика или съ простоуміемъ ребенка, и цѣлуется съ этими куклами-самодѣлками; покупаетъ не накупится; читаетъ не нахвалится. Книгопродавцы, изъ бель-этажа собственнаго дома, поглядываютъ на бульваръ и напѣваютъ: «Великъ Богъ Израилевъ!» Добрѣйшіе люди! А Гг. сочинители, возвратясь съ какого-нибудь жирнаго *новоселья*, и гордо развязывая гордіевы узлы густо накрахмаленнаго галстуха, и съ улыбкою трепая свою шавку, говорятъ ей: «Гафизъ, другъ мой, знаешь-ли ты, что я Русскій Валтеръ Скоттъ!» Замѣтьте, я сказалъ: *накрахмаленный галстухъ*; это не даромъ, Мм. Гг! Это предполагаетъ чистый галстухъ; а чистый галстухъ предполагаетъ, что владѣлецъ его посѣщаетъ хорошее общество, а хорошее общество требуетъ прежде блестящихъ сапоговъ, чѣмъ блестящаго дарованія, слѣдственно сочинитель нашъ долженъ ѣздить, по крайней мѣрѣ въ гости, въ экипажѣ. Надѣюсь, вы теперь меня понимаете! На моей еще памяти, иные истинные шаланты носили черные галстухи и въ праздникъ; ходили, увы! даже не въ резинныхъ калошахъ по слякоти, и—что таить грѣха? кланялись въ поясъ пустымъ каретамъ. Слава Богу, слава нашему времени, скажу и я вмѣ-

Digitized by Google

стѣ съ вами, которое за чернила платитъ Шампанскимъ и обращаетъ въ ассигнаціи листки тетрадей. Я не буду неблагодаренъ ни къ Правительству, которое ободряетъ и ограждаетъ умственные труды, ни къ публикѣ, начинающей цѣнить нераздѣльно съ сочиненіемъ и сочинителя; но я не буду и льстить нашимъ Романописцамъ. Подумавъ безпристрастно, я скажу свое мнѣніе откровенно; по крайней мѣрѣ ручаюсь за послѣднее. Я думаю, что не смотря на многочисленность нашихъ романовъ, не смотря на запросъ на романы, едва-ль не превышающій готовность составлять ихъ, не смотря на ободреніе властей, мы бѣдны, едва-ль не нищи оригинальными произведеніями сего рода.

Отъ чего это?

Признашься, на такой вопросъ такъ-же трудно отвѣчать, какъ на тотъ, почему у Кассьяна черные глаза, когда у матери и отца они голубые? или почему огурецъ зеленъ, а смородина красна, хотъ они растутъ на одномъ и томъ-же солнцѣ? На *нѣтъ* и суда нѣтъ; та бѣда, что и на *есть* не подберемъ мы причины: зачѣмъ оно такъ, а не иначе?

Но пересѣмъ повнимательнѣе то, о чемъ говорилъ я тутя, и, быть можетъ, мы найдемъ разгадку если не посредственности нашихъ романовъ Историческихъ, то успѣху Историческихъ романовъ. Въ этотъ разъ я не трону даже мягкимъ концемъ пера нравственно-сатирическихъ романовъ: пускай себѣ шляются по сельскимъ ярмаркамъ или почіютъ въ мирѣ и въ пыли. Въ утѣшеніе

Digitized by Google

Гдъ сочинителей ихъ, признаюсь, что прочесть иныхъ не имѣлъ я случая, другихъ не стало терпѣнія дочесть, а многихъ, очень многихъ я вовсе читать не стану, хотя бы за этотъ подвигъ избрали меня въ почетные члены Сенъ-Домингской Академіи. Это дѣло рѣшеное.

Мы живемъ въ вѣкѣ Романтизма.

Есть люди, есть куча людей, которые воображаютъ, что Романтизмъ въ отношеніи къ читателямъ мода, въ отношеніи къ сочинителямъ причуда, а вовсе не потребность вѣка, не жажда ума народнаго, не зовъ души человѣческой. По ихъ мнѣнію, онъ износится и забудется, какъ перстеньки съ хлориновой известью отъ холеры; будетъ брошенъ какъ леншы à la Giraffe, какъ перчатки à la Rossini иль d'una altra bestia; что наконецъ онъ минуетъ, пройдетъ. Другіе простираютъ старовѣрство до невѣрія, до безусловнаго отрицанія бытія Романтизма. «Все, что есть, то было; все, что было, то будетъ; ничто не ново подъ луною!» Согласенъ!... Луна есть свѣтило ночное, а ночью всѣ кошки сѣры; но, ради Бога, господа, осмотритесь хорошенько: нѣтъ-ли чего новаго подъ солнцемъ? Знаете-ли вы, Мм. Гг., что утверждать подобныя вещи въ наше время, есть только героизмъ глупости — ничего болѣе. Можетъ-ли сомнѣніе въ истинѣ уничтожить самую истину, и неужели Романтизмъ, заключенный въ природѣ человѣка, и столь рѣзко проявленный на самомъ дѣлѣ, перестанетъ *быть*, отъ того что его читаютъ не понимая, или пишутъ о немъ не думая?

Digitized by Google

Мы живемъ въ вѣкѣ Романтизма, сказалъ я: это во-первыхъ. Мы живемъ въ вѣкѣ Историческомъ; потомъ въ вѣкѣ Историческомъ по превосходству. Исторія была всегда, свершалась всегда Но она ходила сперва не слышно, будто кошка, подкрадывалась невзначай, какъ тать. Она буянила и прежде, разбивала царства, ничтожила народы, бросала героевъ въ прахъ, выводила въ Князи изъ грязи; но народы, послѣ тяжкаго похмѣлья, забывали вчерашнія кровавыя попойки, и скоро Исторія оборачивалась сказкою. Теперь иное. Теперь Исторія не въ одномъ дѣлѣ, но и въ памяти, въ умѣ, на сердцѣ у народовъ. Мы ее видимъ, слышимъ, осязаемъ ежеминутно; она проницаетъ въ насъ всѣми чувствами. Она толкаетъ васъ локтями на прогулкѣ, втирается между вами и дамой вашей въ котильонъ. «Баринъ, баринъ!» кричитъ вамъ гостинодворской сидѣлецъ: «купите шапку *Эриванку*.»—Не прикажете-ли скроить вамъ сюртукъ по-*Варшавски?*—спрашиваетъ портной. Скачетъ лошадь—это Веллингтонъ. Взглядываете на вывѣску—Кутузовъ манитъ васъ въ гостинницу, возбуждая вмѣстѣ народную гордость и аппетитъ. Берете щепотку табаку—онъ купленъ съ молотка послѣ Карла X. Запечатываете письмо—сургучъ Императора Франца. Вонзаете вилку въ сладкій пирогъ и—его имя Наполеонъ!... Дайте гривну, и вамъ покажутъ за гривну злосчастіе вѣковъ, Клитемнестру и Шенье, убійство Генриха IV и Ватерлоо, Березину и Св. Елену, потопъ Петербургскій и землетрясенія Лиссабона—и что я знаю!... Размѣняйте бѣлую бумажку, и вы будете кушать славу, слушать славу,

Digitized by Google

куришь славу, ушираться славой, топтать ее подошвами. Да-съ, Исторія теперь превращается во все, что вамъ угодно, хотя-бы вамъ было это вовсе не угодно. Она вѣрна какъ Обріева собака; она воровка какъ сорока-воровка; она смѣла какъ Русскій солдатъ; она безстыдна какъ блинница; она точна какъ Брегетовы часы; она причудлива какъ знатная барыня. Она то герой, то скоморохъ; она Нибуръ и Видокъ черезъ строчку, она весь народъ, она Исторія, наша Исторія, созданная нами, для насъ живущая. Мы обвѣнчались съ ней волей и неволею — и нѣтъ развода. Исторія *половина* наша, во всей тяжести этого слова.

Вотъ ключъ двойственнаго направленія современной Словесности: Романтическо-Историческаго. Надобно сказать однажды навсегда, что подъ именемъ Романтизма, разумѣю я стремленіе безконечнаго духа человѣческаго выразиться въ конечныхъ формахъ. А потому я считаю его ровесникомъ душѣ человѣческой.... А потому я думаю, что по духу и сущности, есть только двѣ Литературы: это Литература до Христіанства, и Литература со временъ Христіанства. Я назвалъ-бы первую Литературой *судьбы*, вторую Литературой *воли*. Въ первой преобладаютъ чувства и вещественные образы; во второй царствуетъ душа, побѣждаютъ мысли. Первая лобное мѣсто, гдѣ рокъ палачъ, а человѣкъ жертва; вторая поле битвы, на коемъ сражаются страсти съ волею, надъ коимъ, порой, мелькаетъ тѣнь руки Провидѣнія. Ничтожныя случайности дали древней Литературѣ

Digitized by Google

имя Классической, а новой имя Романшической, столь-же справедливо, какъ Новый Свѣтъ окрестили Америкой, хотя ошкрылъ его Коломбъ. Мы ошбросимъ въ сторону имена, мы, которые видѣли столько полновѣсныхъ именъ, придавившихъ шщедушныхъ своихъ владѣльцевъ, какъ гробовая плиша; мы, которые слышали столько просшонародныхъ именъ, сшавшихъ шоржесшвенною пѣснію народовъ! Какое намъ дѣло, чшо слѣпца Омира и щеголя Виргилія засадили въ классахъ подъ розгу Аристошеля; какое намъ дѣло, чшо Романскіе шрубадуры, шаскаясь по свѣшу, разнесли повсюду свои сказки и припѣвы; какое намъ дѣло: классы-ли, Романія-ли, дали имя двумъ Словесносшямъ!... Намъ нуженъ конь, а не попона.

Возьмемся-же за первобышную Словесносшь, начнемъ съ яицъ Леды—и почему въ самомъ дѣлѣ не шакъ? Развѣ эшу фигуру не счишаюшъ началомъ міра и человѣка? Я надѣюсь, чшо вы чишали Лукреція и Окена! Я надѣюсь, чшо вы уже держали экзаменъ въ Асессоры!

Не помню кшо первый сказалъ, чшо первобышная Поэзія всѣхъ народовъ была Гимнъ. По крайней мѣрѣ эшо мнѣніе приняло чеканъ Викшора Гюго. Мнѣніе, правда, блесшящее, но ни на чемъ не основанное. «Человѣкъ, изумленный, пораженный чудесами природы, великолѣпіемъ міра, необходимо долженъ былъ славишь Творца или швореніе. Удивленіе его излилось гармоническою пѣснею: шо былъ Гимнъ!» И шакъ человѣкъ пѣлъ по ношамъ прежде чѣмъ говорилъ; и шакъ первая пѣсня его

Digitized by Google

была благодарность или торжество! Хорошо сказано! Жаль только, что этотъ первенецъ-пѣвчій вовсе не сходенъ ни съ вѣроятностію, ни съ сущностію. Первенцы міра слишкомъ озабочены были сначала тѣмъ, чтобы себѣ завѣрить бѣдное существованіе, ночь за день, день за ночь! Лишенные всякой защиты и оружія отъ природы, они должны были сражаться съ непогодами, съ землею, со звѣрями, и когда развернулось въ нихъ немножко ума, привычка навѣрно убила уже удивленіе къ чудесамъ природы. Торжествовать ему было еще менѣе причины—ему бѣднягѣ, пущенному въ лѣсъ безъ шерсти отъ слѣпней, отъ холода, безъ клыковъ слона, безъ когтей тигра, безъ глазъ рыси, чтобы увидѣть издали добычу, безъ крыльевъ орла, чтобы достичь ее. Очень сомнѣваюсь я, чтобы ему приходило на умъ пѣть соловьемъ, умирая съ голода. Что-же касается до Гимна благодарности, то мнѣ хочется и плакать и смѣяться: плакать за праотцевъ, смѣяться съ Гг. системашиками, которые порой мистифируютъ насъ себѣ на потѣху. Вы забыли, конечно, что тогда не было еще ни Мг. Бушу, ни Брешигама, чтобы одѣть и обуть странника; не было трехъ-этажныхъ гостинницъ для ночлега, не было зонтиковъ и отводовъ, не было двухъ-стволъныхъ ружьевъ съ пистонами, не было каретъ на ресорахъ. Греки, правда, проскакавши въ колесницахъ Олимпійскихъ, распѣвали гимны, но слава замѣняла имъ ресоры. Зачѣмъ-же, скажите мнѣ, не поете ихъ вы, баловни XIX-го вѣка, вы, у которыхъ есть и слава и ресоры? Скажите-же или пропойте мнѣ это? Чудный

Digitized by Google

народъ! Хотятъ заставить пѣть Гимны дикаря, который учился говорить у шакаловъ, и молчать сами, слышавъ столько разъ мамзель Зонтагъ! — При томъ, я не знаю еще, признаете-ли вы Индію люлькою человѣческаго рода (это мнѣніе убаюкало многихъ), или съ Ласепедомъ полагаете четыре первобытныя племени; или, наконецъ, помиривъ, схвативъ за волосы обѣ эти системы (мирошворство шочка сумасшествія нашего времени), вы думаете что Аѳласъ, Гиммалаія, Кавказъ и Кордильеры, какъ добрые кони на хребтахъ своихъ, развезли изъ Индіи племя человѣковъ; что полу-шигръ Гошенштотъ, полу-орелъ Черкесъ и полу-семга Лопарь, родные братья? Но пусть наша первая, наша общая отчизна Индія; съѣздимте-жь въ Индію волей и неволей; видно, не миновать намъ Индіи. Г-да Физіологи наши могутъ тамъ изучить холеру въ оригиналѣ, Г-да Археологи увѣрится, что (по зодчеству своему) церковь Василія Блаженнаго родная внучка шакому-то или шакому-то пагоду въ Балбекѣ, а Г-да Поэты доучиться Санскритскому языку, который похожъ на Русскій словно двѣ капли чернилъ, языку, на которомъ они сдѣлали такія блестящія попытки. Правда, что мы не понимаемъ ихъ, но вольно-жь намъ не знать по-Санскритски. Прогуляемся-же въ Индію, Г-да, хоть для того, чтобъ узнать, стоитъ-ли тамъ пѣть Гимны! Пароходъ Джонъ-Булль ужь давно куришся у набережной... слышите-ль звонятъ въ 3-й разъ!... Ѣдемъ.

И вотъ мы плывемъ не только вверхъ по теченію Гангеса, но и вверхъ по теченію вѣковъ. Покуда не бросили еще сходня на берегъ, я скажу вамъ, что

Digitized by Google

по моему, первобытная Поэзія народовъ непремѣнно зависитъ отъ климата. Такъ у Кафра, палимаго зноемъ, и у Чукчи, дрожащаго отъ мороза, у обоихъ, которымъ голодная смерть грозитъ ежедневно, первая Поэзія, какъ первая религія, есть заклинаніе. Онъ черезъ колдуна, черезъ шамана, старается умилостивить злыхъ духовъ, или сковать ихъ клятвами. Напротивъ, у Скандинава, у Кавказскаго горца, у Араба, людей столько-же гордыхъ какъ бѣдныхъ, столько-же свободныхъ какъ безстрашныхъ, у коихъ все зависитъ отъ самого себя, которые ничего въ мірѣ не знаютъ выше собственныхъ силъ и отваги, Поэзія есть пѣсня самохваленія. Прочтите вы Саги, Оссіана, Моаллаки; послушайте пѣсенъ Аварца или Черкеса: это вѣчная варіяція мѣстоименій *я* или *мы;* а мы значило у нихъ мой родъ, моя деревня, моя дружина. Грекъ уже гордъ народною славою: у него отечество не одно свое селеніе; силы его въ равновѣсіи съ силами природы; небо у него самое благорастворенное, и онъ, вдохновенный имъ, поетъ Гимнъ: пѣсню благодарности богамъ, пѣсню торжества собственнаго. Но Египетъ, сожженный, закопченный солнцемъ Египетъ, который произведенъ и живетъ только милостыней Нила, или эта Индія: оба края столь богатые драгоцѣнностями и заразами всѣхъ родовъ, гдѣ жизнь качается на остріи гибели.... скажите, могъ-ли шамъ человѣкъ, запуганный природою, начать Поэзію пѣснею благодарности или торжества? Конечно нѣтъ. Скорѣй всего она была *молитва*, ибо Индіецъ боготворитъ все, и всего хочетъ, ибо все манитъ его, и хочетъ съ жадностію, ибо зап-

Digitized by Google

шра для него не существуетъ. Въ Индіи природа мать и мачиха вмѣстѣ, для младенца человѣка. Молоко великанскихъ ея сосцевъ смѣшано съ отравою; ея медъ опьяняетъ, какъ вино Romodendron; благоуханіе цвѣтовъ ея убиваетъ мгновенно, какъ Mancenilla; она душитъ человѣка то избышкомъ силъ, то избышкомъ даровъ своихъ. Онъ чувствуетъ предъ ней свое безсиліе, свою ничтожность, и ползаетъ передъ судьбою, видя суетность разсчетовъ и залоговъ на будущее; онъ приноситъ жертвы Ариману, злому началу, наравнѣ съ жизнедавцемъ Сивою; онъ молится вещественнымъ силамъ природы, не рѣдко изуродованнымъ черезъ нелѣпый символизмъ отвлеченныхъ качествъ ея. Вотъ почему въ многобожной Индіи все носитъ на себѣ отпечатокъ религіозный, все, отъ пѣсенъ до политическаго быта, ибо поэзія и вѣра, вѣра и власть тамъ одно. Свидѣтели: Магабхараша и Рамайяна, двѣ огромныя поэмы Индійцевъ. Что такое онѣ, какъ не послѣдняя битва падшей вѣры и Государства Магаде, съ побѣдительною вѣрою и властію Будды? Это страшныя грезы страшной дѣйствительности; это смѣшеніе самыхъ чистыхъ, первозданныхъ чувствъ съ самыми неестественными вымыслами; это благоуханная вязь цвѣтовъ, перевитая жемчугомъ и алмазами, плавающая въ потокѣ крови. Тамъ убѣдитесь, вы, что Индіецъ можетъ только роскошно мечтать, а не мыслить. Его герои, звѣри или волшебники; его боги, чудовища, его вѣра угроза. Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни грубы его вѣрованія, какъ ни бездвижны его касты, какъ ни причудливы его воображенія, вы легко замѣтите въ

Digitized by Google

нихъ попытку души вырваться изъ тѣсныхъ цѣпей тѣла, изъ-подъ гнета существенности, изъ плѣна природы, и нагуляться въ новомъ, самозданномъ мірѣ, отвѣдать иной жизни, пожить съ фантастическими существами. Это Романтизмъ по инстинкту, не по выбору.

Но для чего намъ распространяться о Восточной Словесности? Она неизвѣстна была Древнимъ; она чуть чуть извѣстна для насъ, и потому не имѣла никакого вліянія ни на Классическую, ни на Романтическую Словесность. Замѣтимъ только, что фатализмъ, злобный, неумолимый фатализмъ Индіи, смягчается у Персовъ, поклонниковъ огня, до мысли о благомъ промыслѣ. Онъ молится уже не идолу, но недосягаемому солнцу, живителю міра; онъ бездѣйствуетъ, но ужь болѣе изъ лѣни чѣмъ изъ безнадежности. Увидимъ, какъ яростенъ и силенъ этотъ фатализмъ, ринутый изъ своего покоя огнемъ Мугаммеда, когда онъ далъ обѣтъ Арабамъ своимъ: мечемъ и Кураномъ завоевать свѣтъ и рай. Между тѣмъ какъ поэтическая религія Ислама, подобно лавѣ растекается по Востоку и зажигаетъ его, сладкозвучный Фердуси плавитъ въ радугу преданія Персіи, и связываетъ ею истину съ вымыслами. Говорю о Шахъ-Наме (Повѣсть Царей), для которой ханжа Персіянинъ до сихъ поръ забываетъ свои четки, низкій корыстолюбецъ Персіянинъ останавливаетъ на воздухѣ руку, не досчитавъ своихъ туменовъ; для которой сластолюбивый лѣнтяй Персіянинъ открываетъ отяжелѣвшія отъ опіума вѣки, покидаетъ не запертымъ гаремъ и спѣшитъ

Digitized by Google

послушать Шахъ-Наме отъ площаднаго пѣвца. Онъ слушаетъ и улыбается, и гордо гладитъ бороду. Милъ гуляка Гафизъ; прогателенъ мудрецъ Саади—но Фердуси—о, это Водопадъ Державина! Сколько разъ уносился я одной музыкой стиховъ его, въ то время, когда какой нибудь Мулла морозилъ смыслъ безсмысленнымъ переводомъ!

И вотъ мы въ Греціи, въ Греціи, сторонѣ боговъ подобныхъ людямъ, въ странѣ богоподобныхъ мужей! Я увѣренъ, что этотъ salto mortali не удивитъ васъ: развѣ не учились вы прыгать въ манежѣ? Что касается до меня, вы сами видите, что я волтижирую на конькѣ своемъ не хуже Франкони сына.

Вторая, несомнѣнная степень Поэзіи есть Эпопея, т. е. народныя преданія о старинѣ, одѣтыя въ шумиху басни. Да, Исторія всѣхъ племенъ, всегда начинается баснею, точно такъ-же какъ Исторія всѣхъ народовъ должна заключиться нагою лѣтописью, если вѣрить, что родъ человѣковъ совершенствуется. При истокѣ вы вездѣ находите Поэму въ Исторіи, равно какъ Исторію въ Сагахъ. Новѣчки народы, точь въ точь дворяне изъ разночинцевъ, всегда хотятъ облагородить своихъ предковъ, закрыть пестрыми гербами прежнюю вывѣску, заставить расти свой родословный пень—гнилушку изъ облаковъ. Родоначальники ихъ вѣчно или герои или боги. Аѳинецъ ведетъ родъ свой отъ Феба; Камчадалъ считаетъ своимъ праотцемъ Кита—это живительное солнце бытія его. Кромѣ того, первобытные народы младенчески вѣрятъ всему, что льститъ

Digitized by Google

ихъ самолюбію. Любо имъ, чшобы ихъ боги ссорились межъ собой за ихъ запечныя ссоры; чшобы они якшались съ ними за панибраша; безъ чуда не льзя было поколошишь ихъ ни въ одной схвашкѣ; не льзя было сшупишь шагу безъ содѣйсшвія чародѣевъ, ибо вѣра въ чудесное превращала для нихъ сверхъесшесшвенное въ есшесшвенное, шворила невозможное обыкновеннымъ.

Туманы и вдали увеличиваюшъ предмешы, даюшъ имъ зашѣйливые образы. То-же самое и съ исшорическими исшинами сквозь пыльный шуманъ Древносши, между шѣмъ какъ нравы и климашы даюшъ обликамъ сихъ преданій разные харакшеры.

Грецію избрало кажешся Провидѣніе проявишь мысль, до какой высоты изящесшва досшупенъ былъ древній міръ, средою коего она была. Какъ ранній морской цвѣшокъ, она возникла изъ океана невѣжесшва, быспро созрѣла сѣменами всего прекраснаго, въ Наукахъ, въ Художесшвахъ, въ нравсшвенносши, въ полишикѣ, въ поэзіи всего эшого... бросила свое благоуханіе и сѣмена вѣшрамъ— и увяла, увяла прежде чѣмъ кровавыя волны поглошили ее. Свѣшлое небо Эллады ошражалось не шолько въ водахъ Эгейскаго моря, но и въ душахъ, въ нравахъ, въ гармоническомъ языкѣ Грековъ. Восшочная Поэзія— чувсшвенносшь и греза; Греческая— вся чувсшво, вѣрное, пылкое чувсшво, кошорое плѣнялось родною, величесшвенною природою, кошорое рвалось изъ груди на просшоръ, шочно шакъ-же какъ самъ Грекъ всю жизнь проводилъ на воздухѣ, на раздольѣ. Выходецъ изъ Азіи, онъ принесъ въ своей кошомкѣ лишь самыя легкія повѣрья и

Digitized by Google

сказки дѣтства; онъ бросилъ на мѣстѣ прежнихъ сторукихъ, крокодилоглавыхъ, пшицеглавыхъ, трегла-выхъ идоловъ; онъ забылъ дорогою Аримана, онъ научился въ скитаньяхъ своихъ своевольничать; онъ окрѣпъ, онъ сталъ дѣятеленъ, онъ сталъ забіяка, онъ сталъ крикунъ, онъ сталъ настоящимъ Грекомъ. И право, если-бъ между разгульными богами Олимпа не замѣшалась грозная *АНАГКИ* — Судьба, отъ которой сами боги шрепетали, какъ осиновый листъ, вы-бы не узнали, въ Гинецеѣ— гарема, въ Пиреѣ— базара, въ Алкивіадѣ— потомка какого нибудь изъ героевъ Магабхараты. Главное въ томъ, что душа Грека изливалась вся наружу: онъ жаждалъ битвъ и пѣсенъ; онъ пѣлъ природу и битвы, и выраженіе ихъ у Грека было въ совершенномъ соотвѣтствіи съ предметомъ; выраженіе его отличалось особенною гармоническою точностію, и такъ сказать отражаемостію, зеркальностію. Вотъ отъ чего вся поэзія Греческая, въ стихахъ-ли, въ мраморѣ-ли, въ мѣди-ли она проявлялась, ознаменована недоступною для насъ и плѣнительною для всѣхъ красотою. Никто лучше не выражалъ чувственной природы, ибо нигдѣ нѣтъ природы лучше Греческой. Но не одинъ голый переводъ съ природы, не слѣпое, безжизненное подражаніе жизни находимъ мы въ поэзіи Грековъ. Въ произведеніяхъ Искусствъ мы находимъ идеалъ вещественно-прекраснаго, т. е. тысячи разсѣянныхъ красотъ, геніально слитыхъ воедино, красотъ, можетъ никогда невиданныхъ, но угаданныхъ душею. Въ Драмахъ, въ Одахъ — сверкаютъ уже мысли, замѣтно уже стремленіе къ высокой, но не ясной цѣли. Впо-

Digitized by Google

слѣдствіи философы высказали то, о чемъ намекали поэты. Романтизмъ оперялся по немногу; однако, сколько вѣковъ прошекло между Омиромъ и Платономъ.

Омиръ!?...

Когда вы произносите это священное, освященное вѣками имя, кажется, вся Эллада возстаетъ изъ праха огромнымъ призракомъ!.. Кажется, видишь гиганта Атласа, который выноситъ на плечахъ своихъ весь древній міръ изъ ночи забвенія. Скажите, чего нѣтъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ? Ѳеогонія, родословіе всей Греціи, землеописаніе полу-міра, Исторія, Анатомія, все что зналъ въ тѣ поры гуртомъ родъ человѣческій, все тамъ, и это все— самая ничтожная, незамѣтная частица всравненіи съ величіемъ поэзіи, съ роскошью образовъ! Никто не зналъ, гдѣ качалась колыбель этого генія; никто не знаетъ, гдѣ его могила. Онъ явился въ міръ, исчезъ изъ міра, и до того изумилъ всѣхъ, что начали не безъ причины сомнѣваться въ его существованіи; по крайней мѣрѣ въ цѣлости поэмъ, ему приписанныхъ, трудовъ, едва-ль доступныхъ одному человѣку.

Пускай, впрочемъ, будетъ Омиръ загадкою, заданною намъ Древностію; пускай имя его есть собирательное имя всѣхъ поэтовъ, до него жившихъ; пускай Иліада есть перечень тысячи рапсодій, сшитыхъ искусною рукою. Дѣло въ томъ, что подъ его именемъ извѣстныя эпопеи стали типомъ,

Digitized by Google

образцемъ тысячи другихъ эпопей, начиная съ Энеиды, до какой-то Русской *иды*, или *ады*, или *оиды*, въ которой затеряны слѣдующіе стихи:

» Межь тѣмъ какъ Ѳеодоръ звонилъ въ колокола,
(Его любимая охота въ томъ была)».

Я думаю, каждый народъ имѣлъ свои эпопеи, въ какомъ-бы лицѣ они ни проявлялись; но имѣлъ въ возрастъ юношества, не иначе. Юность все чувствуетъ и всему вѣритъ; юность простодушна какъ ребенокъ и смѣла какъ мужъ. Вотъ почему такъ неудачны были всѣ попытки, во времена разума создать или повторить народную эпопею. Большаго промаха далъ Торквато, замѣшавъ языческихъ боговъ въ свою великолѣпную поэму, поэму Христіанскую въ полной мѣрѣ; но еще забавнѣе Вольтеръ, заставившій дѣйствовать отвлеченныя понятія въ лицахъ, въ своей надутой Ганріадѣ, этой выношенной до нишки аллегоріи, которой рукоплескалъ XVIII-й вѣкъ до мозолей, зѣвая подъ шляпою, и надъ которою мы даже не зѣваемъ, отъ того что спимъ.

Видя, что народъ не вѣритъ уже сказкамъ, Эпопея перекидывается въ Драму. Она отрубаетъ отъ Исторіи какое нибудь частное происшествіе и переливаетъ его въ свою огромную форму; выхватываетъ изъ толпы царей нѣсколько именъ, отмѣченныхъ природою или молвою, и путаетъ ихъ въ невидимыя цѣпи судьбы, бросаетъ имъ молнію роковыхъ страстей въ грудь, раститъ эти страсти до великанскихъ размѣровъ, заставляетъ совершать

Digitized by Google

страшныя злодѣйства, и потомъ, неумолимый судія, она бичуетъ преступника змѣями фурій, разсѣкаетъ его огненнымъ мечемъ своимъ поноламъ, и показываетъ его сердце на-голо зрителямъ, безмолвнымъ отъ ужаса, сердце, на которомъ вы видите еще зубы совѣсти, которое плачетъ кровью, которое трепещется отъ мученій. Такова была Трагедія Древнихъ, Трагедія Эсхила, Софокла и Эврипида. Отъ того-ли, что она для большей свободы избирала героевъ, уже удаленныхъ во мракъ старины, или покорна была вліянію наружности, только, всегда она выводитъ на сцену царствованія злосчастія, какъ будто человѣкъ не имѣлъ въ себѣ довольно величія. Не такъ понимали природу Шекспиръ, Шиллеръ, Викторъ Гюго, и менѣе-ль занимателенъ ихъ падшій ангелъ-человѣкъ, ихъ человѣкъ-мѣщанинъ, родня боговъ-Аѳридовъ?

Напротивъ Комедія принадлежала собственно народу, ибо она изображала народъ въ домашнемъ быту, на распашку, народъ вольный однакожъ, народъ царя наизнанку, народъ, который зашивая дыры на туникѣ, толковалъ какъ разбить Ксеркса или Югуршу. Отъ того Комедія у Грековъ и Римлянъ имѣла всегда политическую цѣль: она колола смѣша; она была прихожею Пирея или Форума, битвой заспорѣльщиковъ, въ которой партіи пыхали или добивали другъ друга. Мы видѣли и увидимъ, что новая Трагедія, или лучше сказать новая Драма, которая какъ жизнь наша смѣется и плачетъ на одномъ часу— вырываетъ своимъ деревяннымъ кинжаломъ изъ могилъ еще неосыпые трупы героевъ, не дожидаясь,

Digitized by Google

чтобы давность увлекла ихъ на исторической выстрѣлъ: она судишь ихъ у гроба, подобно Египтянамъ. или, что и того злѣе, терзаешь ихъ заживо, будто-бы она, какъ орелъ, не можетъ ѣсть ничего кромѣ животрепящаго мяса. Да, рано застаешь насъ потомство, жестокое, неумолимое потомство! застаешь врасплохъ, подслушиваешь или угадываешь нашу исповѣдь, и не даешь разрѣшенія; бросаешь горсть земли въ очи покойника— и не молвишь обычнаго *миръ съ тобою!* Нѣтъ.... оно шевелишь, оно вышаскиваешь какъ шакалъ на свѣтъ кости, бросаешь на вѣтеръ пепелъ, клеймишь самую гробницу насмѣшкой или презрѣніемъ, или съ проклятіемъ ломаешь ее въ дребезги!

Наконецъ, за Драмою возникаешь Романъ, и потомъ идешь объ руку съ Драмою, Романъ, который есть не что иное какъ Поэма и Драма, Лиризмъ и Философія и вся Поэзія въ тысячѣ граней своихъ, весь свой вѣкъ на обѣ корки. Древніе не знали романа, ибо романъ есть разложеніе души, исторія сердца, а имъ нѣкогда было занимашься подобнымъ анализомъ; они шакъ были заняты физическою и политическою дѣятельностію, что нравственныя отвлеченности мало имѣли у нихъ мѣста; кромѣ того, гдѣ, скажите, онѣ являлись развитыя не диссертаціями, а приключеніями? Жизнь была *сама по себѣ*, а ученость *сама по себѣ*..... Я, по крайней мѣрѣ, не знаю ни одного романа, завѣщаннаго намъ Древностію, ни одного, кромѣ ея Исторій. Романъ, каковы Гарганшуа и Донъ-Кихотъ, дѣти новаго порядка вещей, наслѣдники Среднихъ Вѣковъ. О насъ, мильонщикахъ въ этомъ отношеніи, рѣчь впереди.

Digitized by Google

Между шѣмъ, важный переломъ міра вещественнаго ошъ міра духовнаго шихо гошовился въ Элладѣ и въ Римѣ, уже испоченныхъ пороками... Мраморные боги шашались, но спояли еще; за шо ихъ шреножники были холодны безъ жершвъ, сердца язычниковъ холодны безъ вѣры. Давно уже Сократъ шолковалъ объ единствѣ Бога — и выпилъ цикушу, осужденный за безбожіе. Но эша чаша смерши спала заздравной чашей новаго ученія, которое проникло даже въ сердца Пришановъ — убійцъ Сократа. Школа Неоплашониковъ разрасталась, разливалась далѣе и далѣе — она была для земли, раздавленной деспошизмомъ, прелюдіей небесною! Души, шомимыя пусшошою, чего-шо ждали, чего-шо жаждали — и свершилось.....

Древній міръ палъ.

(*До слѣд. книжки.*)

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Введеніе въ Науку Философіи.* Сочиненіе Ѳ. Сидонскаго. СПБ. 1833. Въ т. К. Вингебера. VI и 397 стр. in-8.

Явленіе утѣшительное! Оно восходитъ на блѣдномъ горизонтѣ нашей Литтературы въ то время, когда въ нѣкоторыхъ Журналахъ и книгахъ возстаютъ противъ всего, что ознаменовано свѣтомъ Философіи, противъ всего, что совершено у насъ до сихъ поръ для озаренія свѣдѣній и знаній *Наукою Наукъ!*— Тамъ есть люди, которые почитаютъ *любовь къ мудрости* пустою игрою ума, или даже чѣмъ-то угрожающимъ гибелью (имъ, невѣждамъ! это правда). Въ такое-то время почтенный служитель алтаря, Г. Сидонскій, издаетъ *Введеніе въ Науку Философіи.* Этотъ подвигъ есть въ глазахъ нашихъ уже столь великое дѣло, при настоящемъ состояніи Литтературы, что мы готовы были-бы

Digitized by Google

изъявить все уваженіе наше почтенному Автору *Введенія*, если-бы трудъ его и не удовлетворялъ требованіямъ критики строгой. Но, къ счастію, и внутреннее достоинство онаго соотвѣтствуетъ благовременности его появленія.

Самое заглавіе книги показываетъ, что въ ней не льзя искать *системы Философіи*: это лишь *введеніе*, пріуготовленіе къ Наукѣ Философіи. Судя по многимъ мѣстамъ сего сочиненія, можно полагать, что Авторъ держится системы эклектической; а при настоящемъ состояніи нашего просвѣщенія, это конечно система самая лучшая, обѣщающая много богатыхъ послѣдствій.

Невозможно, въ краткомъ извѣстіи разсмотрѣть столь важную книгу со всѣхъ сторонъ, и дать о ней понятіе полное. Если-бы мы сказали, что положенія Автора вѣрны, то читатели были-бы въ правѣ спросить у насъ: Какъ развиты сіи положенія? Въ какомъ порядкѣ и изъ чего выведены? И мы должны-бъ были только пожалѣть, что отвѣтамъ на всѣ подобные вопросы не можемъ дать мѣста въ Журналѣ нашемъ... Посему, ограничимся нѣкоторыми выписками изъ книги Г-на Сидонскаго, въ коихъ читатели сами увидятъ духъ, направленіе и изложеніе оной. Авторъ говоритъ:

»... Если-бы потребовалось отъ насъ опредѣленіе Философіи, мы могли-бы, не опасаясь быть непоняты̀ми, сказать, что она есть учебное рѣшеніе вопроса о жизни вселенной, выведенное изъ спро-

Digitized by Google

гаго разсмотрѣнія природы нашего ума, и проведенное до опредѣленія законовъ, по какимъ должна направляться наша человѣческая дѣятельность. Прежде нежели приступимъ къ указанію *пріема*, посредствомъ коего приготовляется рѣшеніе подобнаго вопроса, раскроемъ естественное происхожденіе вопросовъ философскихъ и защитимъ достоинство самой Философіи.» (стр. 23–24-я).

»... Безпристрастное размышленіе о постепенномъ развитіи познаній человѣческихъ легко увѣряетъ насъ, что усилія надлежащимъ образомъ рѣшить указанныя нами задачи, уму человѣческому совершенно естественны; къ нимъ *заходимъ* мы непримѣтно. Не долго духъ человѣческій остается безъ употребленія разумныхъ силъ своихъ; скоро начинаетъ онъ переводить внѣшніе предметы, его окружающіе, на представленія внутреннія; скоро примѣчаетъ онъ, что при посредствѣ сихъ представленій онъ обратно можетъ дѣйствовать на самую природу. Послѣ сего сама собою раждается для него задача познавать различные предметы, или явленія природы, то есть такъ *обдѣлывать свои представленія*, чтобы они были вѣрнымъ изображеніемъ самыхъ сихъ предметовъ или явленій.» (стр. 26-я).

Доказывая важность изслѣдованій философскихъ, Авторъ продолжаетъ:» Души возвышенныя не могутъ дѣйствовать на обумъ. Теперь, при той любви къ независимости и самостоятельности въ мысляхъ, которая есть неотъемлемое достояніе душъ

Digitized by Google

мужественныхъ, ошкуда онѣ почерпнушъ для себя швердыя начала, если вѣрное раскрышіе *предписаній нашего разума* не укажешъ имъ, къ чему мы призываемся собственнымъ *настроеніемъ* нашей природы; какіе законы виною всего *положены* въ нашемъ сердцѣ?» (стр. 39-я). Показывая естественность порывовъ къ рѣшенію задачъ философскихъ, и достоинство Философіи, не унижаемое несовершенствомъ ея изслѣдованій, Авшоръ высказываешъ слѣдующую, прекрасную мысль: »Самъ родъ человѣческій, при всей опредѣленности силъ, поставленъ подъ законъ возрастанія. Послѣ сего, желашь и сшарашься, чшобы *высшій степень* возможнаго совершенсшва *разумныхъ* опредѣленій посшигнушъ былъ какъ можно скорѣе— совершенно естественно и справедливо; но шребовашь ошъ людей мыслящихъ опредѣленій непреложныхъ, и до появленія оныхъ презирашь или подавлящь всякія мнѣнія несовершенныя— довольно опрометчиво; какъ погрѣшишельно съ другой сшороны, ушвердивши или имѣя въ гошовносши одно и совершенное, думашь, чшо оно на вѣки должно осшашься безъ дополненій, измѣненій и поясненій.» (стр. 53—54-я) «Такимъ образомъ, дѣло разумѣнія природы, начашое одними, продолжаешся другими, и *обилгіе* возможныхъ взглядовъ на вселенную, *въ рукахъ* различныхъ мужей, высшихъ другъ друга образованіемъ, проводишся дальше и дальше.» (стр. 61-я). Авшоръ заключаешъ первое ошдѣленіе своей книги сшашьею: *Возможность успѣховъ Философіи*, гдѣ замѣчашельны слѣдующія слова, ибо въ нихъ видна основная мысль всего сочиненія: »Основашельный разборъ раз-

Digitized by Google

нородныхъ взглядовъ, доселѣ образованныхъ различными мыслителями, и сличеніе сихъ взглядовъ съ дѣйствительнымъ бытомъ природы, какъ мы знаемъ сей бытъ по достовѣрнымъ наблюденіямъ и опытамъ, и какъ думать о немъ заставляютъ насъ непреложные законы ума, должно вести къ важному открытію въ области Философіи, къ открытію: которая изъ составленныхъ Философами системъ больше согласуется съ законами природы и ума, и слѣдовательно надъ развитіемъ которой остается еще упражнять силы умственныя.» (стр. 67-я).

Далѣе слѣдуютъ въ сей книгѣ еще три отдѣленія, которыя самъ Авторъ обозначаетъ такимъ образомъ: » II (отдѣленіе). Развитіе пріема, которымъ философскія задачи рѣшены могутъ быть успѣшнѣе, и соглашеніе философской изыскательности съ непоколебимостію истины, съ убѣжденіемъ въ вѣрѣ. III. Раскрытіе характеристическихъ чертъ, подъ которыми должны открываться философскія изысканія; отношеніе Философіи къ положительнымъ проявленіямъ Религіи и значеніе оной въ быту житейскомъ. IV. *Проясненіе* хода, какой должна принять Философія въ своемъ развитіи, и взглядъ на ходъ, какой по указаніямъ Исторіи принимали Философы въ своихъ системахъ; образованіе философскихъ изысканій въ Науку. »

Довольно для привыкшихъ къ чтенію философскихъ книгъ. Безъ нашихъ предувѣдомленій поймутъ они, что книга Г-на Сидонскаго не можетъ удовлетворить всѣхъ требованій современной Филосо-

Digitized by Google

фіи, однако, въ настоящихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ полную благодарность всѣхъ, любящихъ подвиги значительные, выполненные съ умомъ и благородствомъ. Она должна принесши много добра, ибо не смотря на форму свою, не строго философскую, заключаетъ въ себѣ основанія и начало Философіи истинной.

Замѣтимъ, что слогъ сей книги не вполнѣ удовлетворителенъ: мѣстами темнъ и наполненъ выраженіями и словами странными. Читатели могутъ видѣть это въ вышеприведенныхъ выпискахъ, гдѣ слова, означенныя курсивомъ, невольно останавливали насъ. А такихъ словъ, и даже цѣлыхъ выраженій, можно было-бы выписать не одну сотню изъ прекрасной книги Г-на Сидонскаго. Жалѣемъ объ этомъ.

— *Изложеніе мнѣній Г-дъ Членовъ Московскаго Общества Скаковой Охоты*, послѣдовавшихъ по случаю назначенія для призовъ ежегодно придцати тысячь рублей. М. 1833. Въ Университетской т. 63 стр. in-8.

Много было говорено, и даже писано, о конскихъ скачкахъ, занимавшихъ лѣтомъ нынѣшняго года Московскую публику. Но чѣмъ оканчивались разсказы и сужденія объ этомъ, давно не бываломъ въ Москвѣ событіи? Одинъ извѣщалъ Россію, что на скачку собиралась *вся Москва*, что улицы Московскія въ день скачки оставались пусты (поэзія!); другой дивился, какъ ловкій респорашёръ Яръ ус-

Digitized by Google

пѣлъ разбить свою палашку на полѣ, подлѣ скачки! Самыя глубокомысленныя замѣчанія оканчивались шѣмъ, что скакуны завода Г-на Мосолова будутъ всегда брать призы, потому что берутъ ихъ теперь; а къ этому прибавлялся обыкновенный Русскій *адажъ*: » Да куда ужь намъ! Да гдѣ намъ! Да у насъ вѣдь не Англія! »

Дивиться-ли этому, когда видимъ, что почти всѣ общественныя дѣла остаются у насъ при такихъ сужденіяхъ публики? Нѣтъ, скажемъ лучше, что Московское Общество Скаковой Охоты выполняетъ достойнымъ образомъ обязанности свои, и стремится къ своей цѣли путемъ вѣрнымъ и прямымъ. Разсмотрѣніе изданной имъ книжки всего лучше покажетъ это.

Для улучшенія конноэаводства въ Россіи, предполагалось назначить ежегодно *по тридцати тысячъ рублей*, на призы, независимо отъ назначенныхъ на тотъ-же предметъ Императорскихъ призовъ, десяти тысячъ рублей. Общество, желая распорядиться сею суммою выгоднѣйшимъ образомъ, пригласило господъ Членовъ своихъ, такъ-же какъ Членовъ Лебедянскаго Общества и всѣхъ извѣстныхъ коннозаводчиковъ и охотниковъ, сообщить ему свои мнѣнія и замѣчанія о томъ, какимъ образомъ распредѣлить призы изъ упомянутыхъ 30 т. рублей. Мнѣній прислано не много, но всѣ они достойны замѣчанія; мнѣніе-же Дѣйств. Члена М. Ѳ. Орлова, есть, въ своемъ родѣ, образецъ обдуманнаго и дѣльнаго изложенія мысли, чрезвычайно счастливой. Исчислимъ ихъ всѣ.

Digitized by Google

1-е, Мнѣніе Г-на Мяснова, Секретаря Общества, извѣстнаго знатока во всѣхъ частяхъ скаковой охоты. Онъ полагалъ: не раздроблять призовъ, а назначить хотя одинъ въ 25 т. рублей; допускать къ скачкѣ не однѣхъ рожденныхъ въ Россіи лошадей, но и выписныхъ изъ Англіи *кобылъ* (потому что приводъ въ Россію жеребцовъ былъ-бы излишенъ, и слѣдовательно безполезенъ). Къ этому прибавилъ Г. Мясновъ нѣкоторыя ограниченія для иностранцевъ, дабы призы не переходили въ ихъ руки даромъ.

2-е, Мнѣніе Полковника Г-на Муханова, который полагалъ, что не должно опредѣлять всю сумму (30 т. рублей) на призы для скаковыхъ лошадей, которыя въ Россіи не могутъ принести великой пользы. Въ примѣръ сему приводитъ онъ то, что лѣтъ десять назадъ, въ Гвардіи у насъ было величайшее щегольство на дорогихъ лошадей, и большая часть офицеровъ платили огромныя суммы за выписныхъ Англійскихъ, но изъ нихъ едва десятая лошадь была способна къ верховой ѣздѣ, и ни одна не равнялась ни силой, ни доброшой ѣзды съ лошадьми заводовъ Гг. Соймонова, Растопчина, Разумовскаго, Чорбы, и другихъ. Принимая въ соображеніе сіе обстоятельство, и еще то, что въ Россіи ѣздятъ въ экипажахъ, а не верхомъ, какъ въ Англіи, Г. Мухановъ предлагалъ половину означенной суммы (15 т. р.) отдѣлить на призы *для рысистыхъ лошадей*, распредѣливъ оные слѣдующимъ образомъ: 10 т. р. призъ лѣтній, и 5 т. р. зимній.

3-е, Письмо къ Князю Д. В. Голицыну (Москов-

Digitized by Google

скому Военному Генералъ-Губернатору и Непремѣнному Президенту Общества Скаковой Охоты), отъ Ѳ. С. Мосолова, одного изъ первыхъ коннозаводчиковъ въ Россіи, выигравшаго *всѣ* призы на бывшихъ въ Москвѣ прошедшимъ лѣтомъ скачкахъ. Это письмо содержитъ въ себѣ только извѣщеніе, что за скорымъ отъѣздомъ въ деревню, Г. Мосоловъ не успѣваетъ представить своего мнѣнія. Онъ замѣчаетъ однакожъ, что если допустишь Англійскихъ лошадей скакать вмѣстѣ съ Русскими, то, безъ всякаго сомнѣнія, Англичане составятъ компанію и *выиграютъ всѣ наши* (т. е. Общества) *деньги и кубки*; что само Правительство ихъ приметъ въ томъ участіе, дабы возвысить цѣны на собственныхъ лошадей своихъ и уничтожить всѣ лучшіе заводы наши. Можно пожалѣть, что Ѳ. С. Мосоловъ, сей отличный знатокъ и почти единственный въ Россіи истинный заводчикъ скаковыхъ лошадей, не сказалъ своего мнѣнія о распредѣленіи на призы новыхъ 30 т. рублей. Къ письму его прибавлено: *Положеніе объ учрежденіи скаковой конюшни въ Москвѣ, и наймѣ грума въ Англіи.*

4-е, Мнѣніе М. Ѳ. Орлова. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: Изъ 30 т. рублей отдѣлять на ежегодные призы половину; другую-же половину, 15 т. рублей ежегодно, отдавать въ Банкъ, для того, чтобы въ четыре года изъ сей суммы съ процентами, и изъ 30 тысячъ рублей пятаго года, образовался огромный капиталъ, около 100,000 рублей, который и будетъ призомъ для лошадей, рожденныхъ въ Россіи, и имѣющихъ отъ 3-хъ до 7-ми лѣтъ. Г. Ор-

Digitized by Google

ловъ соглашается, что можно сію огромную премію раздѣлить на три приза: въ 50,000, въ 20,000 и 10,000 рублей, но къ сему прибавляетъ: »Впрочемъ, я долженъ сознаться передъ Обществомъ, что сіе раздробленіе призовъ предлагается мною въ угодность общаго желанія Гг. Членовъ; но что собственно до меня касается, то я остаюсь при первомъ моемъ мнѣніи, и полагаю, что лучше было-бы назначить одинъ огромный призъ въ 100,000 рублей для сей скачки, какъ нѣкое чрезвычайное возмездіе за подъемлемые труды и неусыпныя старанія Гг. заводчиковъ. Сей сто-тысячный призъ, огромностью своею поражаетъ воображеніе и дѣлаетъ всѣ пожертвованія возможными, ибо, вѣроятно, тотъ, кто хотя однажды въ своей жизни выиграетъ сей призъ, будетъ вознагражденъ за всѣ его усилія.» Г. Орловъ доказываетъ, что столь необычайная награда побудитъ заняться усовершенствованіемъ скакуновъ многихъ, не только имѣющихъ уже нынѣ конные заводы, но и тѣхъ, кто никогда не вздумалъ-бы заняться симъ предметомъ. Онъ разсчитываетъ, что въ продолженіе 5-ти лѣтняго срока, можно выписать изъ Англіи кобылъ, и полученныхъ отъ нихъ жеребятъ возрастить и приготовить къ пятилѣтней скачкѣ. Вотъ разсчетъ его: »1833 года въ Сентябрѣ или Октябрѣ Г-да охотники могутъ получить изъ Англіи выписныхъ лошадей. Въ 1834 году въ Мартѣ случка. Въ 1835, въ Февралѣ родятся жеребята. Въ 1838 году въ Февралѣ исполнится трехлѣтіе. Въ томъ-же году, отъ Февраля до Іюня выдержка и приготовленіе къ скачкѣ. Сей разсчетъ относится къ тѣмъ изъ

Digitized by Google

Гг. охотниковъ, кои не замедлятъ выпискою лошадей изъ Англіи, или понадѣются на свой собственный заводъ. Тѣ-же, кои опоздаютъ, могутъ покупать въ Англіи жеребыхъ кобылъ, или воспитывать лошадей для втораго пятилѣтія. Тогда, судя по году выписки, они будутъ пускать на скачку 6-ти лѣтнихъ, 5-ти лѣтнихъ, или 4-хъ лѣтнихъ скакуновъ. Явно, что полный кругъ соображеній открытъ здѣсь всѣмъ Гг. охотникамъ, и что ни въ какомъ случаѣ дѣйствіе ихъ не стѣсняется.»

Далѣе Г. Орловъ съ большимъ искусствомъ оспориваетъ мнѣніе нѣхъ изъ Гг. сочленовъ своихъ, которые, по разнымъ причинамъ, находятъ, что скачки не поведутъ въ Россіи къ улучшенію коннозаводства. «Сдѣлавшись Членами *Скаковаго* Общества, вы сами рѣшили вопросъ прошивъ себя!» говоритъ онъ имъ. Другимъ, которые утверждаютъ, что выписка грумовъ, образованіе жокеевъ, постройка общей конюшни, и даже искусство сѣдлать, взнуздывать и ковать лошадей, должны быть главнымъ попеченіемъ Общества, Г. Орловъ говоритъ, что все это относится къ воспитанію лошадей; но не скачки должны возникнуть отъ воспитанія, а воспитаніе отъ скачекъ, ибо отъ скачекъ зависятъ поощренія, а отъ поощреній родятся посильные труды. Тѣмъ, которые совѣтуютъ обратить болѣе вниманія на улучшеніе породы рысаковъ, онъ замѣчаетъ, что это дѣло весьма хорошее и полезное, но совершенно посторонее для скаковыхъ охотниковъ. » Я предложилъ особенную сшатью, « говоритъ онъ, » могущую служить основаніемъ приза для рысаковъ. Но теперь

Digitized by Google

не время заниматься симъ дѣломъ. Мы, скаковые охотники, можемъ оказать наше содѣйствіе тогда, когда бѣговые охотники соединятъ съ нами свои усилія и пожертвованіе....» Но самая любопытная часть мнѣнія Г-на Орлова та, гдѣ онъ доказываетъ, что Англійскихъ лошадей *должно* допускать къ скачкѣ на всѣ призы, и что не допускать ихъ, значитъ оставлять наше коннозаводство въ гибельной посредственности. Гг. заводчики хотятъ выводить изъ Англіи лошадей сами, и возбраняютъ это спекуляторамъ, а цѣль Общества состоитъ въ томъ, чтобы для улучшенія породъ выводили изъ Англіи лошадей какъ можно болѣе. »Но Англійскія лошади возьмутъ призъ навѣрно. Вы сего опасаетесь, а я сего желаю (говоритъ Г. Орловъ). Я такъ увѣренъ въ справедливости вашего опасенія, что основалъ на семъ событіи часть моей системы. Пускай лучшая приводная лошадь возметъ ежегодно 10,000 рублей призъ: симъ пожертвованіемъ ни Общество, ни Правительство не раззорятся. Положимъ, что лошадь A, въ соотязаніи съ B, C, D, взяла призъ въ 1834 году. На 1835-й охотники пожертвуютъ лишнимъ, чтобъ обогнать лошадь A. Ежели обгонятъ, то въ 1836-мъ постараются обогнать обогнавшую..... Такимъ образомъ, если на первой скачкѣ кобыла въ 300 гиней выиграла призъ, то черезъ четыре года будутъ пускать на таковой-же призъ лошадей въ 500 и болѣе гиней. И всѣ сіи лошади, или большая часть оныхъ, останутся въ Россіи, и всѣ онѣ принесутъ приплодъ, и слѣдственно очевидную пользу. Не допускайте сихъ скачекъ, и вы неминуемо переходите къ посредственности. Скачки

Digitized by Google

ваши сдѣлаются увеселеніемъ для публики, какъ иллюминація, фейерверкъ, простое гулянье. Состязаніе между шремя или чешырьмя охотниками не возбудишъ ни какого соучастія, не принесешъ ни какой пользы. Эшо будушъ скачки, немного превосходнѣе скачекъ Казацкихъ на Дону и Башкирскихъ въ спепяхъ Оренбургскихъ. Сами охотники привыкнушъ къ своимъ лошадямъ, и будушъ брашь за превосходство посредственную быстрошу, точно шакъ, какъ родишельское ухо пріучаешся къ безладицѣ семейственнаго концерша.»

Лучшимъ доказашельствомъ справедливосши сего мнѣнія служашъ слѣдующія слова Г-на Мяснова, напечашанныя въ концѣ книжки: «Я съ неизъяснимымъ удовольсшвіемъ оштупаю ошъ моихъ предположеній, изложенныхъ въ моемъ мнѣніи; ошаюсь при ономъ шолько въ шомъ, чшо полезнѣе будешъ для коннозаводсшва, къ скачкѣ допускашь выписныхъ изъ Англіи однѣхъ кобылъ. Мысль М. Ѳ. Орлова о пяшилѣшнемъ призѣ, есшь выше всякой похвалы въ глазахъ моихъ. Приведеніе оной въ надлежащее исполненіе не шокмо заспавишъ пріобрѣшашь хорошихъ лошадей для выигрышей, но и занимашься произведеніемъ оныхъ въ своихъ заводахъ, щашельнымъ и приличнымъ воспишаніемъ, чшо есшь главное условіе въ коннозаводсшвѣ высшаго разряда.»

Не знаемъ, какія слѣдсшвія имѣло предложенное Г-мъ Орловымъ мнѣніе; но, во всякомъ случаѣ, читашели наши могушъ видѣшь изъ всего вышеписаннаго, чшо Общесшво смошришъ на свою цѣль и на предсшоящій ему подвигъ не шакъ, какъ мно-

Digitized by Google

гіе поверхностные судьи и безотчетные зрители скачекъ. Цѣль его—предметъ государственной важности, и къ достиженію оной идетъ оно твердымъ, благоразумнымъ шагомъ, предвѣстіемъ блистательныхъ, истинно полезныхъ риспаній, которыя надѣемся мы видѣть со временемъ на нашей Московской скачкѣ.

— *Разсказы Сибиряка В. Соколовскаго.* М. 1833. Въ т. Лазаревыхъ Институша Вост. языковъ. 132 стр. in-12.

Форма сего сочиненія не нова. Еще во льдахъ Классической Поэзіи, Демушье и Эме-Маршенъ воспѣвали шутливымъ, *милымъ* складомъ предметы важные, серьёзные: первый Миѳологію, второй Физику. Но какое разстояніе отдѣлило насъ отъ этихъ блаженныхъ временъ, когда всякій стишокъ почитался поэзіею, и каждый пріятный стихотворецъ поэтомъ! Какъ измѣнились и писатели и публика! Г. Соколовскій также шутя описываетъ предметъ чрезвычайно важный, вѣру Шиге-Муни; онъ, также обращается къ дамѣ, какъ Демушье и Эме-Маршенъ, и сыплетъ мадригалы въ стихахъ и въ прозѣ. Но вникните въ характеръ его сочиненія: вы тотчасъ увидите и разницу и успѣхи вѣка. Что прежде считалось дѣйствительнымъ *ученіемъ* и вмѣстѣ поэзіею, то самъ Авторъ называетъ теперь *шалостью.*

Digitized by Google

Слова высокой притчи правы!
Всему есть время: для труда,
Для слезъ, для смѣха, для забавы —
И вотъ вамъ *шалость*, господа!

Да, все сочиненіе Г-на Соколовскаго дѣйствительно есть шалость, но, прибавимъ, шалость человѣка съ дарованіемъ. Отличительная черта этого сочиненія — насмѣшка надъ многимъ, что почитаютъ многіе важнымъ и серьёзнымъ. Юморъ господствуетъ во всѣхъ описаніяхъ, разсказахъ и намекахъ Автора. Что такое люди въ глазахъ его?

Всегда подъ палкою судьбы,
Они, невѣжества рабы,
То съ полудурья вдругъ заскачутъ,
То отъ бездѣлья закричатъ,
То отъ насилія заплачутъ,
То отъ безсилія смолчатъ!... (стр. 32-я).

А что такое женщины?

Кто важно въ свѣтъ вступилъ при шагѣ,
Кто много нѣжностей читалъ,
Тотъ хочетъ вдругъ, при первомъ шагѣ,
Сыскать для сердца *идеалъ*....
«*Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня!*
Съ кѣмъ подѣлюся я душой?»
Твердитъ мечтатель пылкій мой.
И вотъ, является богиня.
Ужъ, разумѣется, она,
По милости воображенья,

Digitized by Google

Тотчасъ-же фениксомъ творенья
Въ посланьи къ другу названа,
Тутъ на людей пойдутъ нападки,
И, въ духѣ рыцарскихъ временъ,
Онъ броситъ всѣмъ готовъ перчатки,
Зачѣмъ не бредятъ всѣ какъ онъ!...

Такъ Авторъ говоритъ о женщинахъ-идеалахъ, посреди своихъ страстныхъ признаній милой Катинькѣ, для которой (Авторъ увѣряетъ, и мы вѣримъ ему) онъ написалъ всю свою книгу! Вѣкъ пробивается и проглядываетъ всюду! Карлъ X-й не даромъ изумлялся глядя на танцы нынѣшніе. «Эти господа какъ будто изъ милости подаютъ своимъ дамамъ руки, и не танцуютъ, а ходятъ!» говорилъ онъ о современныхъ намъ кавалерахъ. Но кавалеры эти, *рыцари* нашего времени, одинаковы и во Французской кадрили, и въ общественной жизни, и въ книгахъ. Думая писать мадригалы, они пишутъ горькія насмѣшки.

Указавъ на общій характеръ сочиненія Г-на Соколовскаго, мы не имѣемъ надобности досказывать, что и вѣра Шиге-Муни представлена имъ такъже какъ современная любовь. Изъ книги его никто не станетъ учиться Восточной Миѳологіи и любви, но всякій прочтетъ ее съ удовольствіемъ, и скажетъ, что это веселая, хорошо написанная шутка, показывающая въ Авторѣ замѣчательное дарованіе. Вспомнивъ при томъ, что Г. Соколовскій есть Авторъ глубокомысленной поэмы: *Міро-*

Digitized by Google

зданіе, не льзя не прибавить, что дарованіе его разнообразно и обѣщаетъ много прекраснаго.

— *Достопамятныя черты изъ жизни Генералъ-Фельдмаршала, Князя Варшавскаго, Графа Ивана Ѳедоровича Паскевича-Эриванскаго, и храбрыхъ его сподвижниковъ, заключающія въ себѣ всѣ военныя событія трехъ достопамятныхъ кампаній: Персидской, Турецкой и Польской*, прославившихъ оружіе Русское, съ присовокупленіемъ Историческаго обозрѣнія Польской революціи, и проч. 6 частей. М. 1833. Въ т. Степанова. 158, 101, 123, 174, 233 и 203 стр. in-12.

Сборники не всегда бываютъ ничтожными, безполезными книгами. Мы полагаемъ даже, что въ тѣхъ Литтературахъ, гдѣ еще не настало время писать догматическія и ученыя книги по всѣмъ отраслямъ, сборники почти необходимы. У насъ напримѣръ, гдѣ многіе предметы недоступны для писателей, сколько полезнаго и хорошаго можно было-бы вмѣщать въ книги такого рода! Да и у всѣхъ народовъ, современная Исторія почти всегда принуждена ограничиваться сборомъ матеріяловъ для будущихъ дѣописателей. Такимъ образомъ и въ книгѣ, о коей извѣщаемъ теперь, мы должны смотрѣть совсѣмъ не на форму, не на родъ ея, а на относительное достоинство ея въ своемъ родѣ. Собиратель хотѣлъ представить намъ черты изъ жизни современнаго Героя побѣдоносныхъ Рус-

Digitized by Google

ских войскъ. Намѣреніе прекрасное, и если-бы оно было хорошо выполнено, то послужилобы къ составленію книги чрезвычайно любопытной. Посудите сами: Фельдмаршалъ Паскевичъ былъ рѣшителемъ и великимъ участникомъ трехъ огромныхъ, блестящихъ войнъ послѣдняго времени. Извѣстія объ этихъ событіяхъ, разсѣянныя въ Газетахъ и Журналахъ нѣсколькихъ годовъ, не могутъ быть подъ рукою у всякаго. Надобно имѣть всѣ сіи Журналы, надобно знать, гдѣ какое извѣстіе находится, надобно самому привести свѣдѣнія сіи въ нѣкоторую систему. Но у всякаго-ли есть на это досугъ, и даже средства? Между тѣмъ, всякому любопытно, всякій хочетъ повторять въ памяти своей событія, коихъ былъ онъ современникомъ. Слѣдственно, дѣло собирателя состояло въ томъ, чтобы извлечь сколько возможно полныя свѣдѣнія о предназначенномъ имъ себѣ предметѣ, соблюсти величайшую точность въ списываніи и печатаніи оффиціяльныхъ извѣстій, и не выходить изъ предназначенныхъ себѣ границъ, ибо несоблюденіе сего заставитъ безполезно увеличить книгу. Составитель *Достопамятныхъ чертъ* не выполнилъ ни одного изъ сихъ условій. Онъ собралъ только оффиціяльныя извѣстія и реляціи о трехъ послѣднихъ войнахъ нашихъ, прибавивъ отъ себя не описанія мѣстностей или поясненія касательно событій, а ненужныя разсужденія; онъ напечаталъ многія собственныя имена неправильно, увеличилъ книгу не нужными прибавленіями, какъ-то анекдотами, письмами частныхъ лицъ, стихотвореніями и многимъ другимъ, не относящимся къ подвигамъ

Digitized by Google

Фельдмаршала Паскевича. Описывая Турецкую войну, онъ прибавилъ чуждыя предмету его извѣстія о подвигахъ Русской арміи въ Европейской Турціи, такъ-же какъ описывая Польскую войну, помѣстилъ почти всѣ оффиціяльныя извѣстія, предшествовавшія прибытію Фельдмаршала Паскевича въ Польшу. Наконецъ, хотя заглавіе сей книги не имѣетъ въ себѣ смысла (*Черты — заключающія въ себѣ всѣ военныя событія кампаній*), однакожь оно обманчиво: не *всѣ*, а только *нѣкоторыя* событія *войнъ* (а не кампаній) помѣщены въ сей книгѣ.

— *Полные анекдоты Наполеона Бонапарте*, его письма, отличительныя черты характера, привычки, мысли, и проч. Собранные переводомъ изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ, какъ-то: Бурьена, Сташъ-Секретаря его, Сегюра, Тушаръ-Лафосса, Коло, Вальтеръ-Скотта, Галуа и другихъ, и служащіе продолженіемъ Исторіи Наполеона Вальтеръ-Скотта и другихъ, на *Россійскомъ языкѣ* изданныхъ. 2 ч. М. 1833. Въ т. Лазаревыхъ Института Вост. яз. 80 и 123 стр. in-12.

Книга эта могла-бъ быть любопытна, если-бъ была составлена попщательнѣе. Но въ ней видны: большая неразборчивость въ извлеченіи анекдотовъ, и, вопреки заглавію книги, *неполнота*. Языкъ Собирателя-Переводчика также весьма не щоченъ. Замѣчательно, что Наполеонъ представленъ въ этой книгѣ съ хорошей стороны.

Digitized by Google

— *Не любо не слушай, лгать не мѣшай, или чудная и любопытная исторія жизни Пустомелева,* помѣщика Хвастуновской округи села Вралихи, лежащаго при рѣкѣ Лживкѣ. Съ 36-ю грав. *(лубочными)* каршинками. Вновь переведена и дополнена съ Нѣмецкаго Иваномъ Гурьяновымъ. М. 1833. Въ т. Лазаревыхъ Инст. Вост. яз. 380 стр. in-12.

Эта книженка была давно извѣстна въ Русскомъ переводѣ. Теперь вновь перевели и *дополнили* ее, вѣроятно *новымъ враньемъ*, ибо вся она есть собраніе величайшихъ нелѣпостей и несообразностей, не отличающихся ни малѣйшимъ остроуміемъ. Любопытно было-бы знать, кто читаетъ такія книги? Если простой народъ, то эта книга болѣе нежели безполезна для него. Мы почти никогда не извѣщаемъ о подобныхъ явленіяхъ книжнаго Русскаго міра, ибо они къ Литтературѣ не принадлежатъ; но читатели наши могутъ быть увѣрены, что не скоро просвѣщеніе искоренитъ плевелы, густо разстилающіеся по заброшенной почвѣ нашего бѣднаго книжнаго міра! Безмолвіе наше при подобныхъ явленіяхъ не признакъ того, что ихъ нѣтъ; увы! *есть* — и много!

Digitized by Google

СМѢСЬ.

—*Храмъ, воздвигнутый въ Москвѣ купцомъ Малюковымъ въ память* 1812 *года.* — *Письмо къ Издателю.*— Вмѣсто маленькихъ, и часто вздорныхъ, извѣстій, какія заимствуютъ Русскіе Журналисты изъ Иностранныхъ Газетъ и Журналовъ для своей *Смѣси*—необходимой въ Журналахъ, какъ и въ жизни человѣческой—съ нѣкотораго времени, М. Г., замѣтилъ я, что вы относите къ *отдѣленію Смѣси* разныя любопытныя мѣлкія замѣтки и извѣстія отечественныя. Меня особенно радуетъ, что преимущественно передъ другими даете вы мѣсто Историческимъ, Географическимъ, и вообще статьямъ, касающимся до подробнаго познанія любезнаго нашего Отечества въ разныхъ отношеніяхъ. У всякаго свой вкусъ; но я готовъ отдать сотню чужеземныхъ Газетныхъ извѣстій за одно, подобное извѣстію объ *Авраамѣ Палицынѣ* (Тел. N° XII); о *паникадилѣ Столобенской обители* и *Аполлосѣ Байбаковѣ* (N° XIII), о *благодѣяніяхъ Демидова Курганамъ* (N° XI), о *Бургасской книгѣ* (N° X), о *письмѣ Самозванца* (N° IX), объ экземплярѣ *Апокризиса* (N° VI), о слѣдахъ, оставшихся послѣ Козьмы Минина (N° XIV), и проч.

Digitized by Google

Но если вы обращаете вниманіе на подобные предметы, милые Русскому сердцу, какъ-же, М. Г., до сихъ поръ вы не сказали ничего о храмѣ, воздвигнутомъ въ память 1812 года и избавленія Россійскія Державы и Церкви отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ, храмѣ, достопямятномъ тѣмъ болѣе, что его воздвигнули воля и усердіе одного, простаго гражданина Московскаго?

Да, М. Г., подобныя доказательства ревностнаго послѣдованія примѣру благочестивыхъ предковъ, должны быть доводимы Журналистами до свѣдѣнія современниковъ. Смиренное благочестіе храмоздателя, не требовавшаго при жизни похвалъ, а нынѣ уже предстоящаго престолу Божію, не имѣло и не имѣетъ надобности ни въ одобреніи, ни въ подкрѣпленіи людскомъ; но мы, для чести Отечества, должны говорить о подобныхъ подвигахъ гражданской добродѣтели. Предки наши не думали о томъ, чтобы память достопримѣчательныхъ событій ознаменовывали для нихъ огромные памятники: свидѣтельствомъ сего могутъ послужить небольшіе храмы, воздвигнутые въ воспоминаніе Куликовской битвы, прогнанія Седи-Ахмата отъ Москвы, рожденія Іоанна Грознаго, покоренія Пскова, освобожденія Москвы отъ Поляковъ въ 1612 году, прогнанія ихъ отъ Москвы въ 1613 году, возвращенія Филарета изъ Польскаго плѣна въ 1619 году. Тотъ, Кто изрекъ, что среди двухъ, или трехъ собравшихся во имя Его, будетъ Онъ Самъ, и Кто благословляетъ чашу воды студеной, поднесенной во имя Его, не требуетъ пышности и великолѣпія

Digitized by Google

во храмѣ, воздвигаемомъ Ему благодарностію человѣковъ. Но если усердіе создателя не щадитъ пришомъ иждивенія, шѣмъ почтительнѣе должно смотрѣть на подвиги его, особливо въ нашъ вѣкъ холоднаго вѣрованія и условныхъ приличій, замѣняющихъ въ сердцахъ многихъ людей шеплую вѣру и безпредѣльную ревность къ Богу.

До нашествія Французовъ существовала въ Москвѣ, близъ Новодѣвичьяго монастыря, каменная церковь *Св. Іоанна Предтечи*. Неизвѣстно почему, она была разрушена непріятелемъ; ее подорвали Французы порохомъ, можетъ быть, предполагая очистить мѣсто на случай нападенія Рускихъ съ Воробьевыхъ горъ, ибо церковь сія находилась при спускѣ въ Малые Лужники къ Москвѣ рѣкѣ. Въ разрушеніи своемъ оставалась она потомъ до 1815 года. Тогда, движимый благочестивымъ усердіемъ, Московскій купецъ и фабрикантъ *Семенъ Аѳанасьевичъ Малюковъ*, коего домъ и обширныя фабричныя заведенія находились противъ сей церкви, на другой сторонѣ Дѣвичьяго поля, рѣшился снова воздвигнуть ее изъ развалинъ, и ознаменовать ею *память бѣдствій и избавленія Москвы въ 1812-мъ году*. Онъ объявилъ свое желаніе Преосвященному Августину, бывшему тогда Архіепископу Дмитровскому, Викарію Митрополіи Московской, и Мая 5-го 1816 года получилъ храмозданную грамату Архипастыря на сооруженіе вновь упомянутой церкви, съ дозволеніемъ перенести ее немного въ сторону отъ прежняго мѣста, и употребить оставшійся отъ разрушенной церкви матеріялъ. Ревностно

Digitized by Google

приступилъ Малюковъ къ дѣлу своему. Августа 10-го того-же года заложенъ былъ новый храмъ, по плану, на которомъ сдѣлана была самимъ Преосвященнымъ Августиномъ слѣдующая надпись: «*Господь силъ да благословитъ посему сзидать храмъ, въ вѣчную память изгнанія нечестиваго врага изъ первопрестольной Столицы Россійской, и въ возблагодареніе Богу Спасителю нашему.*» Предположено было соорудить настоящій храмъ во имя *Седьмаго Вселенскаго Собора*, празднуемаго 11-го числа Октября — день изгнанія непріятелей изъ Москвы — а два придѣла при немъ во имя *Іоанна Крестителя* и во имя *Николая Чудотворца*. Храмоздатель имѣлъ наслажденіе быть свидѣтелемъ освященія перваго изъ сихъ храмовыхъ придѣловъ, 28-го Августа 1820 года. Онъ прешелъ послѣ сего къ отцамъ; но завѣщалъ докончить начатое имъ, и почтенная супруга ревностно исполняла завѣщаніе храмоздашеля, не щадя никакихъ издержекъ. Іюля 12-го 1825-го года освященъ былъ другой придѣлъ. Въ нынѣшнемъ 1833 году, Августа 27-го, по снабженіи церкви полною утварью, и по окончаніи всѣхъ внутреннихъ работъ, торжественно освященъ Его Высокопреосвященствомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, главный престолъ храма. Полагаютъ, что съ отдѣлкою вполнѣ, вся церковь стоила *болѣе двухъ сотъ тысячъ рублей.*

Не обременимъ похвалами благочестивыхъ, не требующихъ людской похвалы, и въ единомъ совершеніи подвига видящихъ свою награду!

Признаюсь въ томъ, что смотря на сей памят-

Digitized by Google

никъ любви къ Отечеству и Христіанскаго благочестія, я сожалѣлъ, что вмѣсто новаго, такъ называемаго *Итальянскаго манера* постройки, не дано сему храму древней формы Русскихъ церквей, какъ извнѣ такъ и внутри; но сія мысль скоро изгладилась въ душѣ моей, когда сообразилъ я усердіе почтеннаго храмоздателя, и погрузился въ думу о прошедшемъ, о томъ, что напоминало мнѣ все меня окружавшее. Черезъ обширное пространеніе Дѣвичьяго поля, вдали видны были блестящія главы Кремлевскихъ храмовъ; въ сторонѣ заграждала зрѣніе древняя обитель, гдѣ умерла и погребена честолюбивая Софія. За сею обителью разстилался Лужницкій лугъ, по которому полукругомъ текла Москва рѣка; за нею, какъ великаны, воздвигались Воробьевскія горы. Я вспомнилъ тотъ день, когда съ Воробьевыхъ горъ устремились къ стѣнамъ Кремля толпы Поляковъ, и здѣсь, на Дѣвичьемъ полѣ, въ жестокой битвѣ, переломили мечъ свой о щитъ Минина и Пожарскаго въ 1612 году..... Тысячи мыслей тѣснились въ душѣ моей о гражданскихъ доблестяхъ, коими славится Россія, о великихъ Мининыхъ и благочестивыхъ Малюковыхъ....

Житель Москвы.

Digitized by Google

—Нѣчто оМарѳѣ Посадницѣ и Вѣчевомъ Новогородскомъ колоколѣ. — Письмо къ Издателю. — Я поблагодарилъ отъ души почтеннаго Г-на Воронова, поспѣшившаго сообщить вамъ извѣстіе о томъ, что наконецъ, благочестивому Начальнику Соловецкой обители, удалось отыскать драгоцѣнные Историческіе слѣды кончины и мѣста погребенія безсмертнаго Аврамія Палицына. Позвольте и мнѣ, М. Г., сообщить вамъ извѣстіе о другомъ важномъ открытіи, которымъ одолжены мы будемъ тому-же почтенному Начальнику Соловецкой обители, О. Архимандриту и Кавалеру Досиѳею.

До сихъ поръ намъ неизвѣстна была участь знаменитой женщины, столь достопамятной въ Исторіи Новгорода — *Марѳы Посадницы.* Мы знали по Лѣтописямъ, что при первомъ взятіи Новгорода Іоанномъ III, въ 1471 году, онъ казнилъ сына ея, Димитрія, послѣ Шелонской битвы, и оставилъ Марѳу въ Новгородѣ. Въ 1476 г., когда Іоаннъ судилъ Новгородцевъ, другой сынъ Марѳы, Ѳедоръ, былъ взятъ и увезенъ въ Муромъ, гдѣ онъ добровольно постригся и умеръ въ томъ-же году. Горестная Марѳа пережила всѣхъ своихъ дѣтей, и была забыта и смертію и Іоанномъ. Но въ 1477 г., при второмъ походѣ и совершенномъ уничтоженіи самобытности Новгородской, Іоаннъ рѣшилъ участь *Вѣча* и *Марѳы.* Когда онъ возвращался въ Москву, за нимъ везли Вѣчевой Новогородской колоколъ. Знаменитая плѣнница Марѳа была отправлена въ Москву нѣсколько прежде: Февраля 7-го, 1478 года, « велѣлъ Князь Великій отвезти къ Москвѣ Марѳу

Digitized by Google

Исакову со внукомъ, а живошы ея велѣлъ на себя описаши.» Здѣсь исчезаетъ имя ея въ Лѣтописяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому, Тверской Губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда въ селѣ Млевѣ, найденъ былъ близъ церкви надгробный памятникъ, съ надписью: « *Лѣта* 3... (другія числительныя буквы сперлись)... *положенася*, *преставися раба Божія Марѳа на пам...*»— Археографы обрадовались было сей находкѣ, думая, что это надгробный камень Марѳы Посадницы, и уже выводили, что она умерла дорогою и погребена въ Млевѣ. Все опровергнуто было тѣмъ, что хотя другія числительныя буквы на камнѣ сперлись, но буква З доказывала, что камень положенъ былъ по совершеніи *семи-тысячнаго года*; а Марѳу Посадницу увезли въ Москву въ 6986 году.

Напрасно искали прежде и послѣ того слѣдовъ Марѳы Посадницы въ лѣтописяхъ и архивахъ. Можно было полагать, что всего вѣрнѣе можно найдти память ея въ какихъ нибудь *синодикахъ* сѣверныхъ монастырей, которымъ столь щедро благодѣтельствовала Марѳа, во время славы и счастія своего. И въ самомъ дѣлѣ, сія надежда не обманула: О. Архимандритъ Досиѳей нашелъ наконецъ въ письменныхъ памятникахъ Соловецкаго монастыря, что Марѳа Посадница *была увезена въ Нижній Новгородъ, тамъ пострижена, наименована при постриженіи Маріею, и скончалась горестною, бездѣтною вдовою въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей.*

Всѣ сіи обстоятельства будутъ объяснены О.

Digitized by Google

Архимандритомъ Досиѳеемъ въ большомъ сочиненіи его: *Топографическое и Историческое описаніе Соловецкаго монастыря*, которое уже поступило въ печать, и издается въ Москвѣ книгопродавцемъ А. С. Ширяевымъ. Оно должно обратить на себя особенное вниманіе любителей Отечественныхъ Древностей, ибо въ немъ заключается множество новыхъ и весьма любопытныхъ свѣдѣній и актовъ.

Недавно обращались вы къ обитателямъ Нижняго Новгорода, съ просьбою объ ошысканіи слѣдовъ Козьмы Минина. Желательно, чтобы они обратили вниманіе также и на ошысканіе въ своемъ городѣ слѣдовъ *инокини Маріи*, преимущественно въ шамошнемъ женскомъ монастырѣ. Если не ошибаюсь, въ Нижнемъ Новгородѣ только и есть одинъ женскій монастырь, прежде именовавшійся во имя *Происхожденія честныхъ древъ*, а послѣ пожара, бывшаго въ 1715 г. и обновленія въ то время, названный *Крестовоздвиженскимъ*.

Не странная-ли случайность, что *Маѳѣ Посадницѣ* должно было умереть одинокою старицею въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ потомъ родился и возвеличился *Козьма Мининъ?*

Кстати, говоря о Маѳѣ Посадницѣ, упомяну о Вѣчевомъ колоколѣ, умолкнувшемъ въ Новгородѣ съ ея погибелью. *Гдѣ онъ*, этотъ колоколъ? Вопросъ любопытный для любителя Древностей. Въ Лѣтописяхъ находимъ, что Іоаннъ «велѣлъ колоколъ Вѣчевой привезши въ Моску, *и привезенъ бысть*,

Digitized by Google

и вознесли его на колокольницу на площади, съ прочими колоколы звонити. Но на Ивановской колокольнѣ нѣтъ, и никогда не было никакого колокола, который надпоминалъ-бы Новогородскій Вѣчевой. Былъ тамъ колоколъ *Медвѣдь*, Новогородскій, но, по надписи, вылитъ онъ былъ въ 1501 году; другой, *Новогородскій* (перелитой при Аннѣ Іоанновнѣ) былъ снятъ Іоанномъ съ Софійской соборной колокольни. Вѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что Вѣчевой колоколъ повѣсили не на Ивановской колокольнѣ, но на маленькой башенкѣ подлѣ Спасскихъ воротъ, или на самыхъ Спасскихъ корошахъ, гдѣ и былъ онъ названъ Набатнымъ. Онъ разбился пополамъ, и теперь во дворѣ Кремлевскаго арсенала лежитъ колоколъ, перелитой изъ *стараго набатнаго*, Спасскаго колокола. Многіе думали видѣть въ немъ метаморфозъ Вѣчеваго. Но вотъ едва-ли не вѣроятнѣйшее извѣстіе: въ *Николаевской Корельской* обители, находящейся въ 34-хъ верстахъ отъ Архангельска, по Онежской дорогѣ, близъ морскаго берега, погребены двое дѣтей Марѳы Посадницы, Аѳонъ и Феликсъ. Они утонули вблизи сего мѣста, и горестная мать, въ память ихъ построила сію обитель. Въ ней находится колоколъ, съ надписью: » Лѣта 7182, Іюля въ 25 день, вылитъ сей *набатный* колоколъ, Кремля города Спаскихъ воротъ; вѣсу 150 пудовъ.» Ниже сей надписи *вырѣзана* другая: «7189 года, Марта въ 1-й день, по имянному В. Г. Ц. и В. К. Ѳеодора Алексіевича, всея В. и М. и Б. Р. Самодержца указу, данъ сей колоколъ, къ морю, въ Николаевскій Корельскій монастырь, за Государское многолѣтное здравіе, и по его Государскихъ родите-

Digitized by Google

лахъ въ вѣчное поминовеніе неотъемлемо, при Игуменѣ Арсеніи.» — Преданіе народное говоритъ, что именно этотъ колоколъ вылитъ былъ изъ разбившагося Вѣчеваго, названнаго въ Москвѣ *набатнымъ*; что мысль о колоколѣ Вѣчевомъ, уже не какъ о памятникѣ Новогородской независимости, но какъ о чемъ-то святомъ, оставалась въ душахъ Новогородцевъ; что они всегда старались достать свой драгоцѣнный колоколъ; что это стараніе переходило отъ отца къ сыну, и что наконецъ, при Ѳеодорѣ II-мъ, они успѣли въ своемъ желаніи, и перевезли перелитой колоколъ свой въ Корельскій монастырь, гдѣ погребены дѣти Марѳы Посадницы, и гдѣ по близости, въ Архангельскѣ, жили богатые потомки торговцевъ Новгородскихъ, главные виновники перевезенія колокола. Подобные примѣры перехода Историческихъ предметовъ въ предметы благоговѣнія, на Руси нерѣдки: вериги Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ; мечи Гавріила и Довмонта во Псковѣ; кольчуга Василія Темнаго въ Іоанновскомъ Желѣзноборовскомъ монастырѣ; броня Олега Рязанскаго въ Солотчинской обители; тростъ Іоанна Грознаго въ Хутынскомъ монастырѣ; посохи и одежды многихъ достопамятныхъ особъ, хранимые въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ, суть нынѣ предметы благоговѣнія потомковъ; ихъ лобызаютъ, какъ святыню. Такой переходъ Историческихъ воспоминаній въ религіозное чувство, есть одна изъ чертъ, принадлежащихъ отличительно Русскому характеру, и она прекрасна! Вспомните стараго солдата, который молился портрету Петра Великаго. Я самъ видалъ людей, которые со

Digitized by Google

слезами цѣловали въ С. Пешербургской Кунстъ-Камерѣ Полтавскую шляпу Петра Великаго. О сохраненіи въ памяти потомковъ отдаленныхъ преданій праотеческихъ, приведу одинъ примѣръ: въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ находятся два образа: *Благовѣщенія Богоматери*, взятый Іоанномъ по покоренiи Устюга, и *Псковопетровскія Богоматери*, взятый Василіемъ по покоренiи Пскова. Донынѣ Псковитяне, пріѣзжая въ Москву, особенное почтеніе воздаютъ послѣднему образу, а Устюжане, когда во время нашествія Французовъ образъ Благовѣщенія лишился своихъ украшеній, сдѣлали значительный сборъ и соорудили на него новую, богатую ризу, какъ на святыню, драгоцѣнную для ихъ города.

Представляя мои извѣстія повѣркѣ нашихъ Г-дъ Археографовъ, съ почтеніемъ пребуду, и проч.

Илья Лазаревъ.

— *Изъясненіе картинки.* — Семейство Карраччи знаменито въ Исторіи Живописи. Лодовико, Агостино и Аннибалъ были славнѣе другихъ однофамильцевъ своихъ. Судьба этихъ людей, предназначавшихся быть мастерами золотыхъ дѣлъ и поршнями, ихъ разнообразное ученіе и дарованія, наконецъ ихъ школа, изъ коей вышли Гвидо Рени, Доменикино, Барбіери, Альбани, достойны подробнаго описанія и разбори. Ограничимся на сей разъ немногими словами объ Аннибалѣ Карраччи, славнѣйшемъ изъ всѣхъ другихъ. Онъ родился въ Болоньи, въ 1560 году. Отецъ его былъ поршной и хотѣлъ сдѣлать сына также поршнымъ; но при помощи брашьевъ,

Digitized by Google

и, еще болѣе, собственнаго генія, Аннибалъ сдѣлался живописцемъ, и постепенно пріобрѣлъ такую славу, что въ 1600 году пригласили его расписывать Фарнезскій дворецъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ Римѣ, начатой Папою Павломъ III-мъ (который употребилъ для него часть мраморовъ и даже камней Колизея и Марцеллова театра), а оконченный внукомъ его, Кардиналомъ Александромъ, умершимъ въ 1589 году. Оставалось еще украсить внутренность этого великолѣпнаго зданія, и Аннибалъ Карраччи посвятилъ восемь лѣтъ жизни своей на расписываніе залъ и комнатъ Фарнезскаго дворца. Повѣрятъ-ли, что за эту работу получалъ онъ въ мѣсяцъ по десяти Римскихъ монетъ, цѣною рублей въ пять нашихъ? Но художникъ не думалъ о деньгахъ, и надѣялся, что по окончаніи работы обезпечатъ его существованіе. Что-же? Ему выдали пять сотъ еще такихъ монетъ, и позволили идти куда угодно. Это оскорбило Аннибала до такой степени, что онъ сталъ съ презрѣніемъ глядѣть на жизнь и на свои работы, отъ которыхъ не получалъ ничего, кромѣ неудовольствій. Онъ не берегъ себя, и неумѣренность сократила его жизнь. Умирая, онъ просилъ положить прахъ свой подлѣ Рафаэля, не потому чтобы почиталъ себя равнымъ неподражаемому Санкціо, но потому что онъ, можно сказать, обожалъ сего живописца. Просьба его была исполнена, и Аннибалъ Карраччи, умершій въ 1609 году, былъ положенъ подлѣ Рафаэля, въ ротондѣ церкви Пантеона. Похороны его были великолѣпны: знатнѣйшіе Римскіе вельможи и богачи присутствовали на нихъ.

Digitized by Google

Въ очеркѣ, приложенномъ къ сей книжкѣ Телеграфа, читатели наши видятъ одну изъ картинъ Фарнезскаго дворца. Тамъ Карраччи изобразилъ, между прочимъ, Геркулеса въ трехъ картинахъ: это одна изъ нихъ. Сынъ Алкмены покоится; множество разныхъ аттрибутовъ напоминаютъ его подвиги. Тутъ видите его палицу, яблоки садовъ Гесперидскихъ, шкуру Немейскаго льва, кабана Эриманескаго, который устрашилъ Эврисѳея, Цербера, усмиреннаго Геркулесомъ, когда онъ нисходилъ въ адъ, освобождать друга Тезея, и проч. Сфинксъ, эмблемма Наукъ: онъ напоминаетъ, что Геркулесъ вожатай Музъ, *Музагетъ*. На пьедесталѣ, подъ сфинксомъ, находятся Греческія слова, заключающія въ себѣ слѣдующій смыслъ: *трудъ доставляетъ спокойствіе знаменитое.*

Фигуры этого превосходнаго альфреско больше естественнаго размѣра.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Рис. Мацуоли. Гр. Леонтьевъ.

Digitized by Google

N° XVI. АВГУСТЪ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ УСТАВЪ

о пѣхотной службѣ, напечатанный въ Москвѣ, при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, 1647 года.

(Окончаніе.)

Третіе чувство то, что оружіе свое въ рукахъ держать, и надобно первѣе всѣхъ Великимъ Государямъ, и Князѣмъ, и владѣтелѣмъ, въ градѣхъ и земляхъ гораздо на готовѣ быть: не только, что своею персоною всегда готовымъ быть, но оружіе дополна имѣть, и подданныхъ своихъ ратному дѣлу, и какъ оружіемъ владѣть, научать. И тому можно мнѣ несчетно много образцовъ показать; только на коротцѣ сказать: почти о томъ III-ей книги Судей Израилевыхъ, въ 3-й главѣ. Тутъ

Digitized by Google

именно написано, что Господь Богъ не всѣ языки выкоренилъ, но нѣкоторые оставилъ, для того, чтобы дѣтямъ Израилевымъ противъ нихъ всегда въ войнѣ и въ оружіи держаться; чтобы и младымъ людямъ, которые старыя войны не помнятъ, при остальныхъ языкахъ ратному строю и дѣлу извыкать. И образцы свидѣтельствуютъ, что многіе Монархи земли, и королевства, и города непрестанно ратнымъ строемъ осилены и содержаны, какъ въ III-й книгѣ писца Іосифа Іудеянина написано, что Римляне монархіи своей не счастіемъ, но славною ратною наукою и чувствами доступили. И съ Божіею помощію вся владѣнія воинскимъ чиномъ одержатся и содержаны бываютъ.

Да мы-же во Св. Писаніи читаемъ, что Іудеяне до тѣхъ мѣстъ счастливы бывали, и языки ихъ боялись, покамѣстъ они ратныя ученья имѣли и почитали, и тому извыкали. А какъ люди Израилевы оружіе сложили, и въ гулянье дались, и прохладное житье возлюбили, и обороненія и дружбы у иныхъ людей искать учали, тогда и недруги ихъ почитать не стали, и ихъ повоевавъ, въ подданство привели, и дань съ нихъ имать стали, какъ о томъ писецъ Іосифъ свидѣтельствуетъ. Въ книгѣ Судей, 20-й главѣ, написано про ихъ ученія и извычность, что въ мирное время отъ колѣна Ве-

Digitized by Google

ніаминова 700 человѣкъ научены и извычны были, и шибалками по цѣли бросали, и волосомъ не миновали. Во II-й книгѣ Паралипоменонъ, 26-й главѣ, написано, что у Царя Іосіи было 307,500 человѣкъ, и тѣ всѣ были ратному дѣлу научены и извычны. Почти про Царя и Пророка Давида, про его ратныхъ богатырей, каковы бодры и поспѣшны они своимъ оружіемъ были. Царя Седекіи ратный воевода во время мирное училъ Израилевыхъ людей, какъ имъ воевать (въ IV-й книгѣ Царствъ, 25-й главѣ). И много тѣхъ образцовъ сыщешь, что люди Израилевы всегда въ мирное время учились ратному строю, и въ томъ навыкали. А когда мы воззримъ на языческихъ владѣтелей, и на ихъ владѣнія и уставы, и особно на Римлянъ, какъ они въ смирное время сильно ратному дѣлу учились, и о томъ писецъ *Фіетіусъ* такъ пишетъ, въ I-й книгѣ, 6-й главѣ. «Мы многажды то видали, что многія воинства, неизвычности ради ратныхъ людей, которые въ мирное время не научены и къ печалованію иныхъ людей въ ратный строй поставлены, полевые бои теряли, и великая шкота надъ ними чинилась.» Славный Кесарь Ѳеодосій Валентиніанъ, да и Аркадій, приказывали головамъ по вся дни солдатъ своихъ учить. А Кесарь Левъ хотѣлъ, чтобы его солдаты, или ратные люди, по вся дни ратному извычаю, и какъ оружіемъ

Digitized by Google

владѣть, учились. Онъ про то въ 6-й книгѣ своей написалъ, что младыхъ людей въ смирное время военному дѣлу научать, и того не дожидаться, какъ война зачнется. Сенеца писецъ написалъ, въ XVIII-мъ посланіи: когда мы въ добромъ пребываніи, и тогда намъ нравы свои извыкать къ тяжелымъ мѣрамъ, и противъ Турковъ счастьемъ готовиться. И рашный человѣкъ въ мирное время не даетъ себѣ покою, учинитъ крѣпость, и приступаетъ, и отходитъ, безъ недруга имается ненужною работою, для того, когда нужда придетъ, и ему-бъ быть извычну и горазду. Царь Ѳеодосій говаривалъ, какъ Кассіодъ въ I-й книгѣ написалъ: когда рашной мудрости заранѣе не научишься, и въ нужное время тебѣ въ томъ недосташокъ будетъ. Фегустій написалъ во II-й книгѣ, 23-й главѣ, что новоначинающихъ солдатъ надобѣ ежедней по дважды, а наученныхъ по единова учить извыкать. И въ I-й книгѣ, 10-й главѣ, написалъ, что Римляне, которые подлѣ Тибра рѣки стояли, на то избрали Кампумая Маршина, чтобы ему младыхъ людей учить; а послѣ ученія и трудовъ, они въ Тибрѣ рѣкѣ отъ поту омывались и плавать учились. Да Фегестій-же написалъ, что лѣтомъ рашнымъ людямъ въ урядствѣ въ пять часовъ 20 ступеней ступить, а въ полномъ ходу въ пяти часахъ имъ 24 ступени ступить. А въ I-й книгѣ, 9-й гла-

Digitized by Google

вѣ, онъ учишъ, что молодыхъ солдатъ бѣганью извычать, чтобы имъ на недруга можно жестоко набѣгать, и дорогу отнять, и недруга нагонять, и приказанное дѣло скоро совершать. Тертулліанъ въ 3-й главѣ написалъ, чтобы въ мирное время работою и неупокойствомъ научаться, чтобы въ ратное время вѣдать, какъ на бишвѣ держаться и на походѣ идти, и какъ шанцы и сторожни дѣлать; да и тому-бы быть навычну, какъ во оружіи съ шестомъ черезъ рвы и воду скочить, и какъ черезъ воду плыть. Вегецій, въ поименованныхъ выше сего книгахъ, про що написалъ, про Плутарха Коронскаго, что онъ самъ сына своего училъ стрѣлять, на коняхъ ѣздить, и въ сбруѣ держаться, и оружіемъ шурмовать, жаръ и студь терпѣть, и черезъ воды плавать; и все що они учились и извыкали въ мирное время, знаючи що, что одолѣніе не множествомъ ратныхъ людей, но доброю наукою ратныхъ людей ведется, какъ написано про Александра Македонскаго въ Іустиновой книгѣ, въ XI-й, 80-мъ листѣ, что онъ 30,000-ми пѣхоты, да 4,000 конныхъ людей, всю вселенную одолѣлъ; и що его ратные люди таковы искусны и научены были ратному строю, что они всѣхъ мастеровъ ратнаго ученія перешибли; и такою невеликою силою Александръ на первомъ бою 600,000 Персовъ, а на другомъ бою 400,000 пѣхоты, да 100,000

Digitized by Google

человѣкъ конныхъ, а на третьемъ бою 400,000 пѣхоты, да 100-же тысячь человѣхъ конныхъ, у Дарія Царя побилъ и разгонялъ, и всю вселенную одолѣлъ. Да тотъ-же Іустинъ написалъ, въ 36-й главѣ, про Митридата, Короля Сирскаго, что онъ зимою, когда перемиріе, не токмо, что самъ себя, но и все воинство свое по вся дни училъ и извыкалъ рапному строю, и тѣмъ онъ неодолимое войско учинилъ. Да мы-же слышимъ, что не природа малосильныхъ и крѣпкихъ людей родитъ, но ученіе и извычность чинитъ ихъ. Много и тѣми поименованными образцами, не токмо что Князей и Великихъ Государей научаетъ, какъ царства и государства, и земли, и города содержать, и какъ имъ въ мирное время подданныхъ своихъ рапному строю учить, но и всѣмъ рапнымъ людямъ, и подданнымъ, потому-же указуетъ, какъ имъ рапному строю быть извычнымъ, и во всемъ жить остерегательно.

А какъ при нынѣшнемъ времени межъ рапными людьми ведется, и что они говорятъ, когда имъ кто про доброе ученіе и рапный извычай скажетъ, и къ тому доброму дѣлу воспоминаетъ? Первое они говорятъ, что намъ нынѣ еще первое рапному ученію учиться. Предки наши напередъ сего столько лѣтъ пропивъ природнаго недруга служивали, и тогда они

Digitized by Google

немного шакому рашному ученію учились, а бывали на многихъ бояхъ, и на многихъ справкахъ и на приступахъ, а шакого ученія не имѣли. И къ чему оно годно? Только лишь что рашныхъ людей напрасными шрудами мучишь! И шакія рѣчи и высокаго чина урядники смѣютъ говорить, и я у нихъ самъ изъ усиъ шакія рѣчи слыхалъ. И шакимъ язычнымъ рейшарамъ на языческихъ солдашъ я укажу, на Іустиновы лѣтописи. А буде они отъ добрыхъ солдатъ и воиновъ учишься не хотятъ, и я имъ укажу на женъ, которыхъ называютъ: Амазоны. И шѣ дочерей своихъ не на гулянье, и не на промыслъ, какъ животы и деньги добывать, но на то учатъ, какъ имъ на лошадяхъ и пѣхотою оружьемъ бишься, и на гоньбу щщашься, и правую шишку прижигаютъ, чтобы имъ изъ лука спрѣлять не мѣшало. Про Оринтію Королеву сія слава, что она вельми въ рашномъ дѣлѣ искусна была, какъ во II-й книгѣ Іустиновой написано. И про Скиѳскую Королеву Томиру, какова она искусна была рашному дѣлу, и вымысламъ, и оружіямъ, шого-же Іустина въ I-й книгѣ. Такожде и про иныя Индійскія земли, про Конгу, гдѣ шакія-же Амазонянки добрѣ поспѣшны оружіемъ, и спрѣлами спрѣлять горазды, и прошивъ иныхъ людей войну ведутъ, и рашный строй вельми почитаютъ, почти о томъ книги шого, кто про Восточную Индію писалъ, Ѳеодосія Дебрія.

Digitized by Google

Зрише здѣ, вы, хулители рашнаго ученія, не больше-ли шщанія сіи жены въ рашномъ дѣлѣ и извычаѣ чинили, нежели иной Христіянскій Государь чинитъ? .

А наши рашные люди нынѣ охотнѣе вымышляютъ, какъ-бы имъ Государей своихъ обманывать и казну истощать. У кого нынѣ рота 300 человѣкъ, у того всего 150 на лицо, а шѣхъ онъ все обманомъ и подставкою полнитъ. И кто того сдѣлать, и коммисаровъ обманутъ не умѣетъ, и тотъ нынѣ неискусный воинъ. А кто Государя своего и смотроваго коммиссара гораздо обмануть умѣетъ, и такимъ штукамъ гораздъ, и тотъ нынѣ лучшій воинъ и разумный мужъ. А о ученіи рашнаго дѣла, о томъ не хотятъ попеченія, и головы, и разума своего поломать не хотятъ! До того нынѣ рашное дѣло межъ Германяны дошло, что жалобно слышать! Такъ нынѣ рашное дѣло перемѣнилось: чего у великихъ Государей на смотровыхъ мѣстахъ, и на проходахъ, и на отпускахъ, въ шай и закрытымъ обычаемъ украсть не можно, и то въ явь чинятъ лукавыми смотры. И потому нынѣ бываетъ, что полевой воевода, или Генералъ, когда по ротамъ и по региментамъ чаетъ, что у него съ 50, или 60,000, аже у него конныхъ и пѣхотныхъ людей и половины нѣтъ! Таково нынѣ не-

Digitized by Google

подобство стало въ конныхъ и въ пѣхотныхъ людяхъ, и о томъ я пространно напишу во 2-й части конскаго ученія. И таково неустройство и неподобство нынѣ въ ратномъ дѣлѣ отъ высокихъ и мѣлкихъ урядниковъ возстало, что который Коммиссаръ посланъ региментъ, или полкъ солдатъ смотрѣть, и тотъ въ тоскѣ и въ великомъ страхѣ живота своего за смотровымъ столомъ сидитъ. А какъ ему солдатъ смотрѣть, и платежъ имъ чинить, то многіе бездѣльники озорничествомъ и невѣжливыми словами, и кляпвами, оружіе предъ его ногами бросятъ, когда имъ двойнаго платежа не учинить, хотя изъ ста, или изъ тысячи, ни одинъ платежа своего передъ тѣмъ, какъ прародцы наши чинили, не заслужитъ. И такіе бездѣльные люди, не токмо что такое предъ Коммиссарами чинятъ, озорничаютъ и хоробруютъ, но и прошивъ Государей своихъ отъ кого они наняты. И такіе озорники и хвастуны достойны паче петли на шею, нежели Государскаго добраго оружія, или заплаты.

И образецъ тому есть, что такіе хвастуны, которые лѣтъ 10, и 20, и 30, въ войнѣ служили, и тѣмъ похваляются, и тѣ временемъ не вѣдаютъ, какъ имъ копье прошивъ недруга уложить, или какъ имъ изъ мушкета гораздо выстрѣлить, и едва изъ ста одного

Digitized by Google

сыщешь. И то слыветъ: хвастаніемъ у Коммиссара заплату большую выманишь. И какъ тому можно ко кляпвѣ своей служить, и то есть злѣе кражи и мошенничества! И первое, онъ у Государя своего деньги украдетъ тѣмъ, что онъ причины, и про службу, что ему надобѣ вѣдать, ничего не вѣдаетъ, и обманываетъ Государя своего въ томъ, что Государь его чаетъ, что имѣетъ искуснаго и извычнаго копейщика, или мушкетника, а онъ едва и съ послѣдняго деревенскаго дѣпину разумѣетъ. И тотъ его прибыльнѣе, потому, что деревенскій мужикъ, когда съ молотиломъ своимъ въ ряду стоитъ, и онъ товарища своего, который передъ нимъ, не зашибетъ, а бьетъ куда ему надобно, потому, что онъ тому извыченъ. А такіе незнающіе хвастуны многажды на справкахъ и на бояхъ урядниковъ и товарищей своихъ побиваютъ, прострѣляютъ и проколютъ, для того, что они оружіемъ владѣть не умѣютъ; такожде и себя сами обманываютъ, и будетъ самъ убоецъ тѣлу своему тѣмъ, что своею неискусностью и неразумѣніемъ, онъ, не токмо что товарищей своихъ, но и самъ себя смерти предаетъ.

Радѣтельный читатель! повѣрь мнѣ, что я не очень пишу, но самъ то очима своима видѣлъ и узналъ. И многіе Государи рады вѣдать,

Digitized by Google

для чего то такъ дѣлается, и можно-ли тому пособить и отъ того уберечь? И то добрѣ добро, только про то я здѣсь ничего необъявляю, для того, что правдѣ нигдѣ мѣста нѣтъ.

И такимъ хвастаніемъ бываетъ, что регименшъ, который плашежемъ станетъ и смотрѣнъ въ 40 и 45, и 48,000 Цесарскихъ золотыхъ, никому не пригодится. А инымъ обычаемъ, такіе-же и столь-же людные регименты, и то къ доброму изволенію держать можно, что обоимъ высокаго и нижняго чина урядникамъ, рядовымъ и солдатамъ можно жить; а Полковнику, или плашежнику, можно и половиною проторей войну свесть, и лучше того плашежъ давать.

А образецъ тому: полкъ изъ 3,000 человѣкъ, имѣетъ въ себѣ 10 ротъ; а во всякой ротѣ по 300 человѣкъ: 150 мушкетниковъ, да 120 копейщиковъ, а всего рядовыхъ 270 человѣкъ. Да восемь шляхетныхъ товарищей: Капитанъ, Поручикъ, Прапорщикъ, три карпорала, три подкарпоралья, три сержанта; одинъ карпоралъ надъ шляхетными товарищами, дозорщикъ надъ оружіемъ, лекарь, три барабанщика, Капитановы два стрѣльца, да у Поручика, да у Прапорщика по мальцу, и всего будетъ 303 человѣка въ ротѣ.

На всякую такую роту плашежъ давать, на

Digitized by Google

170 солдатъ по 7 флориновъ (а въ рублѣ Рускомъ 3 флорина), а на 100 человѣкъ по 8 флор. Цесарскихъ денегъ. И того на мѣсяцъ, на 270 человѣкъ, 1,990 флориновъ. Капитану на мѣсяцъ по 180 флор., Поручику по 50, Прапорщику по 45, четыремъ слугамъ по 6 на человѣка, а всѣмъ четверымъ 24 флорина, 3-мъ сержантамъ по 18, и того 54, карпоралу надъ шлях. товарищами 13, дозорщику надъ оружіемъ 13-же, шремъ карпораламъ по 10, и того 30, шремъ подкарпоральямъ по 9, и того 27, писарю да лекарю по 13, и того 26, шремъ барабанщикамъ по 20, и того 30, дезяти шлях. товарищамъ по 10, и того 90. А всего на всякую рошу, со всѣми урядниками, 2,572, а за 10 рошъ 25,720 флориновъ.

Да Полковнику-же на начальный чинъ: на полковаго сторожесшавца 100 флориновъ, полковому сшаносшавцу 60, полковому судьѣ съ товарищами 60, секрешарю 35, Полковникову попу 30, Полковникову профосу, съ товарищами и съ подданными 100, дозорщику надъ запасами 25, дозорщику надъ шѣлегами 20, дозорщику надъ женками 15, Полковникову Поручику, за его порученіе, столько-же что Капитану, 180, а обоего ему, и съ полковымъ поруческимъ платежемъ 360; да Полковнику Капитанскаго 180, да Полковническаго платежа 655, а всего,

Digitized by Google

съ Капитанскимъ, на мѣсяцъ 835, и того на весь полкъ, или регименшъ, со всѣми урядниками, на мѣсяцъ 27,000 флориновъ.

Въ полку у Полковника есшь иные солдаты, которымъ даютъ по 9 флор., но инымъ, которые есшь плохи, шѣмъ всего по 6 флор., и что у плохихъ останется, то онъ прибавливаетъ добрымъ, которымъ больше идетъ. Да у нихъже сверьхъ 3,000 человѣкъ, 30 человѣкъ, и на шѣхъ емлетъ плашежа по 6 флориновъ; и того ему съ шѣхъ 30-ти человѣкъ на мѣсяцъ по 180; а всего Полковнику, и съ его, и съ Капитанскимъ, дойдетъ на мѣсяцъ по 1,000 флориновъ. По моей смѣшѣ шакимъ плашежемъ всему полку можно доволишься, и передъ Нидерландскимъ имъ шошъ плашежъ великъ. А когда воинскіе люди на *лежѣ*, а не на полѣ, и шогда урядниковъ не надобно, каковы есшь: кварширмеспюръ, сирѣчь спаносшавецъ, дозорщикъ надъ запасами, дозорщикъ надъ шѣлегами, дозорщикъ надъ женками. Весь шошъ плашежъ, что на нихъ идетъ, можно Полковнику себѣ имашь, и того на всякій мѣсяцъ по 150 флориновъ, и можно Полковнику чинъ свой честно содержашь. Сочши-же, во что шакой полкъ 12-шь мѣсяцевъ спанешъ: будетъ 324,000 флориновъ, и столько въ годъ на 3,000 надобно. Сочши-же, что у шакого полка прибыли передъ шѣми полками, ко-

Digitized by Google

торыми во многихъ мѣстахъ, какъ-то: въ Угорской и въ Испанской землѣ, воюютъ. Тамъ регименту на мѣсяцъ платежъ ставится по 50,000 и по 45,000. И ты возьми меньшую статью, по 45,000, въ полгода будетъ 270,000. А по прежнему обычаю 3,000 чѣловѣкъ, по моему разсказанію, въ цѣлой годъ всего 324,000 станетъ; и того цѣлаго года передъ полугодомъ лишка всего 54,000: и только-бы въ Угорской землѣ по сему образцу строили, и то-бы во все христіанство великая прибыль была; и симъ обычаемъ можно-бъ было во Угорской землѣ съ году на годъ по 40,000 пѣхоты держать, и зимою, и лѣтомъ безпереводно. А какъ такой региментъ 3,000 человѣкъ устроить, и во что станетъ великому Государю кормовыхъ денегъ, потому, что тѣмъ они по мужикамъ кормятся, только того я считать не хочу, и доведется всякому солдату на руку. Да у всякаго Государя свое смотровое мѣсто бываетъ, и бываетъ, что региментъ 4, 5, 6 и 7 недѣль на смотровомъ мѣстѣ стоитъ, покамѣстъ его пропивъ недруга пошлютъ. И ты подумай: что въ восемь недѣль на 3,000 изойдетъ, когда они у христіянъ стоятъ и кормятся? И когда у Германянъ въ региментѣ 3,000 человѣкъ мужчинъ, и тутъ у нихъ 4,000 непотребныхъ женщинъ, да ребятъ. Я-бы не хотѣлъ такой региментъ, съ урядниками, всякій день за 2,000 флорин.,

Digitized by Google

кормить и поить, и конскимъ кормомъ спо-соблять; а того-бы на мѣсяцъ 60,000, опричь ихъ насильства и злодѣйства, что отъ нихъ бываетъ. Я вѣдаю одинъ регименшъ, который въ одинъ мѣсяцъ на смотровомъ мѣстѣ, больше 120,000 флориновъ съѣлъ. А будешъ шѣмъ 3,000-мъ захошь всякому солдашу платежными деньгами давашь, тебѣ, по меньшей мѣрѣ, станешъ на день по 1,500 флориновъ, съ урядниками со всѣми; и то тебѣ регименшъ 3,000 на мѣсяцъ въ 45,000 станешъ, и то по меньшей мѣрѣ, и то, что первое на смотровомъ мѣстѣ на регименшъ изойдешъ. А во что чаешь, что проходъ 3,000-мъ человѣкамъ, когда у Государя черезъ землю впредь и взадъ идти, и на отпускѣ станешъ? И то, по меньшей мѣрѣ, на мѣсяцъ по 45,000 клади. Только и шутъ христіанамъ, или мужикамъ, безъ убытка не будешъ. То тѣ удѣлы и земли знаютъ, гдѣ такія смотровыя мѣста проходъ и отпускъ чинятъ. Считашь: и регименшъ 3,000 человѣкъ на мѣсяцъ станешъ 135,000 флориновъ; положи-же прежнее число, 270,000, что въ шесть мѣсяцевъ на регименшъ изойдешъ, и того вмѣстѣ будешъ 405,000 флориновъ: шѣмъ можно тебѣ, по моему разсказанію, регименшъ 3,000 человѣкъ цѣлый годъ въ полѣ, и въ осадѣ держашь. Сложи-же то съ прежнимъ, и въ послѣднемъ числѣ передъ прежнимъ останется 81,000 флориновъ: шѣми деньгами мож-

Digitized by Google

но на регименшъ 3,000 человѣкъ, на цѣлый годъ пороху, и свинцу, и фишилю запасши и купивъ.

Сверхъ того, я даю всѣмъ разумнымъ людямъ обмыслишь: когда въ Угорской землѣ такіе походы бывали, и когда они регименшамъ по разсчету плашежъ дадушъ, и пусшяшъ и *наѣаются* Государи, что они ошъ солдашъ просты, и плашежа имъ не даюшъ, аще всѣ шѣ солдаты объявяшся въ ихъ-же землѣ, и сшавишся имъ больше двойнаго плашежа, нежели какъ шогда, коли прошивъ недруга сшоятъ? И што пошому знашь можно: когда Угорскіе солдаты распущены, и они всю зиму по мужикамъ бѣгаютъ и кормятся, пошому, что лѣшомъ имъ, въ сшоль короткое время сшолько выслужишь и добышь не льзя, чѣмъ зимой сытымъ бышь. А какъ они зимой по мужикамъ на кормлю ходятъ, всякій солдашъ на меньшую сшашью по четверши, а иное и по полу-золошому на день добудешъ, какъ о шомъ и шысяча солдашъ по мнѣ скажушъ, что шакъ я иныхъ знаю, которые и по золошому, и по два, и по шри золошыхъ вымысломъ своимъ добывали. И во всякомъ княжесшвѣ и землѣ, въ Шлезнѣ, Маренѣ, Чехахъ, Усшріи, Сширмаркѣ, Краншенѣ, и во всѣхъ порубежныхъ княжесшвахъ повелѣно имъ по мужикамъ кормишься; и всякому крешьянину приказано на всякаго солдаша по пенязю даваш. Тѣмъ обычаемъ всякій солдашъ, въ одинъ мѣсяцъ,

Digitized by Google

гуляючи больше возметъ, некакъ ему противъ недруга стоя въ два мѣсяца плашежа доведется. А тутъ ему ни похода, ни сторожи нѣтъ: пьетъ и ѣстъ, грозы надъ собою не имѣетъ, и по вся ночи спитъ въ теплыхъ хоромахъ, а того не опасается, что его недругъ взбудитъ, или убьетъ. И большая доля солдатъ радуется, какъ имъ роспускъ живетъ, что имъ время настанетъ на мужичьихъ шеяхъ лежать и глодать. Можно по полкамъ и по ротамъ знать, когда они съ шесть, или съ семь мѣсяцевъ на полѣ стояли, и они шумятъ и просятъ роспуску, и ищутъ того, чтобъ имъ объѣдаться и напиваться, играть, биться, распутствовать и воровать, и на отпускныхъ мѣстахъ и на проходахъ быть, и зимою на кормлю бѣгать, опричь иныхъ промысловъ, которые они умѣютъ: куръ ловитъ, и всячину у мужиковъ красть, какъ во вся дни передъ очима знатно есть. И буде тѣ великіе Государи мнѣ въ томъ вѣры не поймутъ, и они-бы спросили у подданныхъ своихъ: во что у всякаго крестьянина годомъ изойдетъ на солдатъ указнаго, опричь того, что у нихъ украдутъ? И только-бы всѣ тѣ деньги сложить, и можно-бы тѣми деньгами изъ году въ годъ по 30,000 солдатъ въ Угорской землѣ въ полѣ держать и плашежъ давать, и чаю, что и еще съ 30,000 можно-бы тѣмъ сподобить. О томъ всѣ разумные мнѣ свидѣтельствовать бу-

Digitized by Google

душъ, и можно всякому разумному смыслить, что тѣми деньгами, во что Угорская замля всякимъ Государямъ такимъ неурядствомъ и безчинствомъ по всѣ годы ставится, можно-бъ было въ Угорской землѣ по всѣ годы, зимою и лѣтомъ, держать по 60,000 пѣхоты, да по 20,000 конныхъ, и тѣми только великими прибылями ихъ держать, во что они кормлею въ шесть мѣсяцевъ ежегодь станутъ. И про то тѣ Государи лучше вѣдаютъ, которые въ Угорской войнѣ помогаютъ, нежели мнѣ имъ сказать можно. И такая великая издержка имъ ставится, а никакой прибыли не получаютъ. Для которой причины, и гдѣ деньги дѣвали; и отъ чего такое безчинство въ Цесарскую войну пришло, и для чего мало дѣла сдѣлано; и по чему окрестныя около Угорскія земли мало не всѣ испорчены; и отъ чего всѣ Государи Римскаго Цесарства высланы; и для чего окрестныя и сосѣдскія земли, которыя близко Угорскія земли, лучше ходятъ за Туркомъ, нежели за Христіанскими Государями живутъ, какъ есть Седмиградская земля, и иныя мѣста; и для чего никакіе Государи къ Угорской землѣ противъ Турскаго въ помощь давать не хотятъ; и для чего желаютъ Угорскія сосѣдскія земли войны безсчастія, хотя тѣ земли, какъ есть злашныя рудокопныя горы, и туда всѣ деньги изъ Христіанскихъ земель посылаютъ, и тамъ онѣ издержаны оста-

Digitized by Google

ваются, гдѣ было всѣмъ рукодѣльнымъ и торговымъ людямъ о томъ радоваться, какъ у Сташовъ Нидерландскихъ въ удѣлахъ цвѣтутъ, сирѣчь въ добромъ пребываніи живутъ, и также денегъ довольно имѣютъ, какъ многими тысящами образцовъ оказать можно — и я-бы тебѣ про все то сказалъ, только инымъ временемъ объявлю. И можетъ быть, что всѣ Полковники и Капитаны, и великіе и малые урядники мнѣ то въ лихо поставятъ, а особно тѣ, которые регименты свои, сирѣчь полки, до высокаго платежа довели, въ 50,000 золотыхъ, и больше, что я имъ великую шкоду и убыль дѣлаю, что будто я учу, чтобы регименты, и всѣхъ рапныхъ людей, малымъ платежемъ строить. Но тѣмъ лучше того разумѣть, что то не такъ есть, но что я здѣсь пишу, и то имъ не къ убытку, но къ ихъ прибыли. Да, на коротцѣ сказать, не такъ-ли то есть: всѣ Полковники по се время великую заплату имѣли на региментъ, сирѣчь на полкъ, по 40, и по 50,000 золотыхъ, а долго-ли то ведется? Всего шесть мѣсяцевъ! Выложи и сочти всякій урядникъ самъ себѣ: во что ему сряжанье, лошади, тѣлеги, запасы и всякіе харчи на дальнихъ походахъ, и всякія снасти и снадобья станутъ, и когда въ началѣ они все то по дорогой и большой цѣнѣ купятъ, а на оппускѣ, какъ имъ то не надобно станетъ, за треть цѣны продаютъ? И Капитаны, и на-

Digitized by Google

чальные урядники, хотя они въ тѣ шесть мѣсяцевъ великій платежъ имѣли, однакожъ у нихъ едва столько останется, чѣмъ имъ зима, до новаго похода, честно и съ надобьемъ прожить можно, какъ и всякому, по правдѣ сказать. А потому, что разумный человѣкъ въ шесть мѣсяцовъ столько нажить не могъ, чѣмъ ему другіе шесть мѣсяцевъ прожить, и онъ тогда учнетъ вымышлять лести, сопротивно своей тяжко учиненной клятвѣ, днемъ и ночью печется, и иного не мыслитъ опричь того, чтобы ему въ тѣ шесть мѣсяцевъ столько добыть, чѣмъ ему зиму прожить можно; а того не разсматриваетъ: правдою, или неправдою то дѣлается, и что тѣмъ отягчитъ тѣло и душу свою, и что временемъ, такъ обманствомъ и сбойствомъ души и тѣла, и чести ко страху собрано, и того собранія десяти пенязей столько не станетъ, какъ одна пенязь правая; и что лучше можно изъ полу-платежа одному Государю во весь годъ служить, только-бы лѣтомъ и зимою безпереводно помѣсячный платежъ давать стали. И когда урядникъ постоянно платежъ безпереводно емлетъ, и онъ однимъ годомъ больше себѣ того подспоритъ, нежели онъ въ два иные похода, которые по шести мѣсяцевъ учинитъ. Можно и довелось того желать, чтобы въ Угорской землѣ такой разумный уставъ начали и содержали, чтобы погодно, зимою и

Digitized by Google

лѣтомъ, по 12, по 16, или по 20-ти регимен-товъ безпереводно держали; и я-бы чаялъ, что шакой строй, не только что разнымъ людямъ, но также и всѣмъ Христіанскимъ Государямъ прибыльнѣе и угоднѣе былъ, потому первое, что шакимъ строемъ всѣ Полковники, довольную и полную мѣру могучи прожить, не стали-бы шакъ пещись и вымышлять, какъ денегъ добыть, но стали-бы Капишановъ своихъ и всѣхъ урядниковъ къ тому держать и приводить, чшобы они съ радѣніемъ и прилежаніемъ бдяще, въ угашенномъ и попѣсненномъ рыцарскомъ, драгомъ ратномъ строю опять пробудились, и ратныхъ своихъ стройно и гораздо оружіемъ владѣть выучили. Великіе Государи сами вину имѣютъ, что солдаты неугожи, и что ратное строеніе порушилось, потому, что они не помышляли и попеченія о томъ не имѣли, чшобы ратнымъ людямъ, какъ лѣтомъ, шакъ и зимою плашежъ давашь.

И ни на какого Капишана въ томъ вины класшь не можно, для того что, какъ то быть можешъ, чшобы на шакихъ коротшихъ походахъ Капишанамъ солдашъ своихъ шакъ выучишь и поставишь можно? И Капишаны мыслятъ: что̀ имъ для двухъ, или трехъ мѣсяцевъ голову свою надъ солдашами ломашь и мучишься! Потому и право что, что немалое неупокойство и шягость,

Digitized by Google

чтобы солдатъ своихъ въ рашномъ строю и въ уйму держать. И какъ распустятъ, всякій солдатъ побѣжитъ своею дорогою, и кто вѣдаетъ: въ новый походъ увидитъ-ли его опять Капитанъ въ вѣкъ свой, или нѣтъ? И тѣмъ то дѣлается, что самый надобный, и высшій, и лучшій строй рашный подъ ноги попранъ. Ей, ей! такой обычай возсталъ, что истинный и справедливый ротный строй и извычай ногами попранъ и похуленъ сталъ!

Солдаты рады что видѣть, только къ своей великой шкотѣ, чтобы при старомъ, введенномъ худомъ обычаѣ осталось, потому, что они немного неупокойства и трудовъ съ оружіемъ имѣютъ, и также мыслятъ: что мнѣ много надъ рашнымъ строемъ и маешся, и что учиться? Кто вѣдаетъ, до коихъ мѣстъ та война будетъ?— И больше онъ охоты имѣетъ, чтобы ему у мужиковъ обжиратьсся и опиватьсся, и на одномъ мѣстѣ быть, нежели о рашной наукѣ пещись. А только-бы рашныхъ людей зимнимъ временемъ на рубежахъ и на станахъ ставили, и надобною мѣрою сподобляли, и противъ природнаго недруга держали, и можно-бы нѣсколькими мѣсяцами ранѣе Турскаго на поле выйдти, и прибыль себѣ учинить, осаждающи и емлющи крѣпости; и рашные люди были-бы наученнѣе и извычнѣе и угожѣе нынѣшняго. Почти

Digitized by Google

всѣхъ Исторійскихъ писцовъ книги, которые про рашныхъ людей писали: какъ они въ рашномъ дѣлѣ и сіе добрѣ примѣчали, что они войску и въ зимѣ не отказывали, и не распускали, и не давались на лѣнь, и на пиньe, и на празднество; но когда они хотя и недруга не имѣли, однакожъ они также ежедней извыкали, чтобы имъ всегда извычнымъ быть трудамъ и смирному житію. И самый мужественный и крѣпчайшій рашный мужъ, который ни отъ мороза, ни отъ жара, ни отъ тягости, ни отъ работы, ни отъ недруговой налоги испортиться не могъ, и силы своей и разума не отбылъ, и тотъ отъ добрыхъ дней и отъ празденства, когда на слабость подался, всего того отбылъ, про которое все можно-бы мнѣ тебѣ цѣлую книгу написать духовныхъ и мірскихъ исторій. А чтобы мнѣ добросердечнаго читателя недолго задержать, и я по семъ чувства, какъ солдату оружіемъ своимъ гораздо владѣть, немного напишу, и послѣдственнымъ писаньемъ укажу. И можно-бы мнѣ надобные вопросы объявить: для чего Цесаревы области региментамъ въ Угорской землѣ такъ великъ плацежъ даютъ, и кому отъ того прибыль, и не можно-ли того перемѣнить, и можно-ли то исправить, и можно-ли негодно по 40,000 и больше, добрыхъ браныхъ солдатъ, которыми можно больше прежняго добра учи-

Digitized by Google

нишь, и передъ прежнимъ числомъ вдвое въ зимовыхъ станахъ содержать, и которыми мѣрами, и чѣмъ; и еще, что Христіанамъ нужно и надобно противъ Турскаго опять войну зачать, и третьею долею пригорей ту войну весни можно— только про сіе, и про иныя добрыя статьи, я въ иномъ мѣстѣ объявлю.

А на довершеніе сего я нынѣ немного воспомяну, какъ наши солдаты оружіемъ владѣютъ, и не такъ-ли то есть, что оружіе имъ отъ Полковниковъ, и отъ иного начала, въ руки дается, чтобы имъ прибыль и честь Государя того, отъ кого заплату берутъ, искать, и подданныхъ его оборонять, и изъ недруговой силы выручать оружіе имъ дается, и чтобы съ стороны своего Государя противъ недруга держать, а не противъ Государя своего, который имъ заплату даетъ, и не противъ подданныхъ его, а наипаче не противъ началъ, которыя надъ ними поставлены, и въ томъ они тяжелую клятву чинятъ, когда имъ оружіе даютъ? А какъ въ нынѣшнихъ дняхъ въ рашномъ дѣлѣ дѣлается, они не много клятвы свои почитаютъ! Посмотри на бунтованія и на смятенія ихъ, и узнаешь, что они во всемъ сопротивно клятвѣ своей дѣлаютъ, и каковы ихъ союзы и укрѣпленія, которыя они во многихъ мѣстахъ по ся мѣсто дѣлали. И тогда можно добродѣтельному чита-

Digitized by Google

шелю знать: если хотя одна шишла старинна-
го рашнаго, рыцарственнаго, или шляхетнаго
справедливаго извычая у нихъ обрѣшается? И
когда Государь, который такихъ солдашъ, ко-
торые устами ся хваляшъ, имѣешъ, и шолько
имъ мѣсяца два, или шри, больше заплашы не
даешъ, и плашежъ ихъ прошянется, либо для
большаго страхованія, или для иныхъ нужныхъ
мѣръ, какъ то бываешъ, что у Государей, а
особно у тѣхъ, которые долго войну вели, не
всегда башни и палаты деньгами насыпаны бы-
ваюшъ, а солдата Государь его для шого най-
моваешъ и плашежъ даешъ, чшобы ему, Госу-
дарю своему земли и людей имашь и прибавли-
вашь, за что и чѣмъ-бы ему плашежъ дававшь—
шолько, какъ у нихъ дѣлается, я чаю, что они
мало кляшвы свои почишаюшъ! Первое, они отъ
себя отгоняюшъ всѣхъ высокихъ урядниковъ,
при которыхъ жишь и умереть они кляшву
свою дали, и избираюшъ сами межъ себя Пол-
ковниковъ, и Капишановъ, и Прапорщиковъ,
и иныхъ урядниковъ, и сопрошивно своей кляш-
вы всею силою впадушъ въ землю своего Госу-
даря, и поемлюшъ грады и крѣпосши, что они
изгономъ и лесшью взяшь могушъ, и который у
нихъ самый пущій преступленникъ кляшвы и
воръ, и шотъ у нихъ самый большой Капишанъ,
и шому во всѣхъ злыхъ сшашьяхъ послѣдствуютъ.
И шушъ цѣняшъ, и намесшы кладушъ на поддан-

Digitized by Google

ныхъ, сколько имъ возможно на сколько миль, и пока мѣста имъ достать можно. И тутъ всякъ себѣ Государь. И многіе воры есть, которымъ заплаты на Государей своихъ и деньги взять не доведется, но и сверхъ того самъ много награбился, что онъ самъ Государю своему долженъ, и тотъ самый пущій бездѣльникъ и клятвопреступникъ.

А про добрую учтивость и чувство, какъ они Господа Бога своего, и Государя своего, который имъ платежъ даетъ, чести добрыя, и славы, и прибыли ищутъ, и какъ на добро тщатся, такъ, что и паче всея твари проклятый дьяволъ злѣе того едва учинить можетъ. И о томъ я умолчу, и то у нихъ нынѣ въ обычаѣ ведется, что едва и одинъ полкъ бываетъ, чтобы солдаты на отпускѣ волнованія не чинили. И то впрямъ, по Цесарской рѣчи сказать, клятву преступить; и до того нынѣ дошло, что и богоотпадшую лихую статью нынѣ честнымъ именемъ покрываютъ, и называютъ волнованіе *соединеніемъ*.

Христіянскіе Князи и Государи, ищучи Божія славы, и чести, и слова пространенія, и подданнымъ своимъ покой чиня, христіанскіе союзы и соединенія сопротивно языковъ, Турковъ и Таларъ, и иныхъ гонителей, составляютъ, и сіе есть честное и доброе, христіянское славное имя.

Digitized by Google

А шѣ воры, и богоотступники и клятвы преступники Государю своему, вмѣсто смуты и волнованія *соединеніемъ* называютъ, потому, что слово: волнованіе, имъ кажется слово непригожее. А я хотѣлъ-бы его прямымъ именемъ, *дьяволеваніемъ* назвать: они и тому, чтобы волновальцами назвать, недостойны, потому, что они не человѣчески, но все дьявольски дѣлаютъ.

Когда ангелъ Люциферъ выше Бога вознесшись похотѣлъ, и онъ злымъ дьяволомъ за то учиненъ. А сія брашія злѣе дьявола чинятъ, потому, что онъ Бога отставить не могъ, а они начало свое, урядниковъ своихъ, отставливаютъ, и въ то мѣсто сами ставящся, и изъ рабовъ дѣлаютъ Государей. И когда они такъ плашежныхъ своихъ Государей и уставныхъ своихъ начальниковъ почитаютъ, и воспроси о томъ Коммиссаровъ, которые отъ великихъ Государей къ такимъ дьяволамъ посланы бываютъ, которыхъ имъ по прямому почитать бы доводилось—ей! такъ, ибо и шляпа на конь поставлена, или посошекъ поставленъ, честному солдату доведется и то почитать — и шѣ Коммиссары могутъ сказать: какъ они надъ ними дѣлали, какъ они ихъ мучили, пуще того, какъ палачъ надъ преступленникомъ дѣлаетъ. Да только всѣ дѣла ихъ сказать, и о

Digitized by Google

шомъ цѣлая книга будешъ. А какъ они начало свое и урядниковъ почитаютъ, которые воровству ихъ потакать не хотятъ, но памятуютъ кляшву, что они своему Государю учинили, и какъ они видятъ, что честные солдаты кляшву свою исполняютъ, и какъ они шѣхъ ненавидятъ, я не ошчаюсь, что еще и нынѣ многимъ честнымъ и справедливымъ шляхетнымъ сердцамъ то извѣстно, а надъ иными и самими то дѣлалось, а иные то видѣли и слыхали. И можно-бы про то пѣсню спѣть: какимъ бездѣльнымъ обычаемъ такіе кляшвопреступные дьяволы, надъ справедливымъ, честнымъ, вѣрнымъ и тихонравнымъ господиномъ, надъ Полковникомъ Денгофомъ, въ его полку чинили, и его оболгали, и еще и нынѣ неправдою и ложью у всѣхъ Государей его оглашаютъ, что будто онъ на нѣсколько мѣсяцовъ у Короля Польскаго больше взялъ, нежели имъ далъ, и иныя позорныя лжи, чѣмъ они весь шляхетный Денгофовъ родъ, въ которомъ многіе драгіе и хвалы достойные воины и рейтары есть, которые нынѣ и завтра своимъ великимъ разумомъ великимъ Государямъ служить могутъ, и шѣхъ они безчестятъ, и худую славу на нихъ взводятъ. Только, какъ ложь такова рѣзва ни есть, а правда ее настижетъ. И давно они головы свои вмѣстѣ сшыкали, и вымышляли, какъ-бы имъ сіе дѣло

Digitized by Google

лучше можно составишь; и въ томъ имъ нѣкоторые высокіе урядники немало помогали. Только въ томъ положишься на волю Божію. И сверхъ того, какъ у такихъ товарищей дѣлается: коль скоро прапоръ съ древка сдерутъ и регименты распустятъ, и тогда сказать можно явится самый безбожный рашный строй, и тогда имѣетъ самый худой и послѣдній солдатъ и злой воръ Капитана, или Поручика, или Прапорщика, или сержанта, или карпорала, обозника и сторожеставца, или профоса съ товарищи, на поединокъ вызываетъ, и говоритъ: «Ты-де, мужикъ, урядникъ мой былъ, и нынѣ нѣтъ, не лучше меня; и нынѣ-де фунтъ поганыхъ волосовъ стоитъ фунта хлопчатой бумаги; и буде ты лучше вора, или татя, и ты поди, да бейся со мною! Помнишь-ли ты, какъ ты меня тамъ и тамъ на сторожѣ бивалъ?»

Опричъ того, что тѣ злые бездѣльники во стѣ мѣстахъ колются и сѣкутся, и чего другъ надъ другомъ кто дѣлать не смѣлъ, покамѣстъ знамя на древкѣ было, то они тогда вспоминаютъ и другъ съ другомъ разсчитываются, и тогда самое дурное душегубство и убійства чинятся, чего николи во Христіанахъ не слыхано. И покамѣстъ они подъ знаменемъ, то и соединятся, и другъ другу ру-

Digitized by Google

ки дадутъ, что другъ другу вѣрными быть и помогательство чинить. А какъ знамя отставятъ, и они иную дружбу другъ съ другомъ воздаютъ. И я Христіанскаго добраго сердца спрашиваю: какіе то Христіяне, и лучше-ли они самыхъ дьяволовъ, и какое счастіе и одолѣніе великіе Государи съ такими дьявольскими сердцами и нравами имѣть могутъ, и какое спасеніе такимъ людямъ, которые во враждѣ, и въ ненависти, и не въ соединеніи передъ недругомъ умрутъ и дьяволу достанутся?

А тѣ солдаты, которые въ Угорской землѣ, и въ иныхъ мѣстахъ, по деревнямъ ходятъ, и по Христіянамъ кормятся, и тѣ до того довели, когда верхняго или нижняго чина урядникъ ихъ за ташьбу, или за бездѣлье, или за игру, за пьянство и за драку, или за неисправленіе сторожи накажетъ, и то у нихъ первое слово: «Сему войску не сто лѣтъ быть.» А что подъ тѣмъ мыслятъ, и того можно догадаться: «Тогда-де ему и самъ отомщу!» И такіе худые нравы, не только что сами надъ урядники потѣшаются, но и заговоромъ и сходомъ на урядниковъ приходятъ. И тѣмъ прямой ратный строй и наукъ у Цесарцевъ ногами попранъ, потому, что урядники за самовольство и за лѣнь солдатъ наказать не смѣ-

Digitized by Google

ютъ по правдѣ жесточѣе; а большимъ начальникамъ на нихъ сказать не смѣютъ-же, боясь того, что когда роспускъ будетъ, тѣ солдаты то на нихъ вымѣстятъ. Да такіе бездѣльники сконы чинятъ, что самые пущіе воры скопляются человѣкъ по двадцати, и по тридцати, и по сороку, и учинятъ надъ собою такого-же вора Капитаномъ, или инымъ урядникомъ, и грабятъ, и силою отнимаютъ. А особливо тѣхъ, которые у высокаго чина урядниковъ прислуживали, и временемъ на походѣ на тѣлеги ихъ призирали, и у тѣхъ они не только что заплатныя деньги, что они выслужили, отнимаютъ, но и платье съ нихъ снимаютъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ, какъ есть собакъ. И какъ они чинятъ, не только что надъ своею брашьею, надъ солдатами, но и надъ урядниками и надъ великими людьми, и можно-бы мнѣ про то сто образцовъ сказать, которые я иное самъ своими очами видалъ, а отнять не могъ, а иное у многихъ честныхъ урядниковъ, сержантовъ, и ротныхъ заимщиковъ, и карпораловъ, и иныхъ со слезными очами слыхалъ, которые плачучи жаловались, надъ которыми такіе честни забвенные воры и тати самовольство свое чинили и поругались. И нынѣ та пословица сбылась, что говаривали: у тѣхъ, которые въ войну даются, ни смиренства, ни вѣрности не осталось. И такъ

Digitized by Google

высокіе урядники лѣнью своею и корыстью рат-ный строй и наукъ дали подъ ноги попрать. И чему еще и паче дивиться можно: такіе воры хваляться, когда они изъ полка отпущены, и они мнятъ себѣ, что Государя надъ собой не имѣютъ, и что никто ими не повелѣваетъ. И сіе имъ пробываетъ и удается, потому, что Христіанскіе Государи въ своихъ земляхъ и въ удѣлахъ такое самохвальство попускаютъ. И сей дьявольскій, и пока свѣтъ стоитъ неслыханный и злой обычай внѣдрился потому, что Государи того терпятъ и попускаютъ. Когда бѣдные подданные ихъ другъ друга кулаками побьютъ, или избранятъ, за то ихъ въ тюрьму сажаютъ, и денежную пеню емлютъ; а когда такіе таши и воры, у бѣдныхъ своихъ товарищей, что они трудами и кровью выслужили, отнимаютъ и пропиваютъ (а про урядниковъ, надъ которыми они то дѣлаютъ, и не говорю), и то такимъ ворамъ пропускаютъ, и никто имъ досадить не хочетъ, и говорятъ: «То есть солдаты,» тѣми дѣлы, какъ бы началу такихъ воровъ не также доводится наказывать, и крѣпко призирать, какъ-бы и подданныхъ своихъ. И до того Цесарскіе люди довели, что они грабежъ и разбой наказаніемъ называютъ, за которые-бы довелось вѣшать. И такъ то такіе воры называютъ, когда они бѣднаго человѣка ограбятъ

Digitized by Google

и пропьютъ. И у Цесарскихъ солдатъ то столь далече впѣдрилось, что высокіе урядники, когда про то говорятъ, смѣются, и хотя сами увидятъ, и они молвятъ: «Кто можетъ то унять, когда они распущены, и мы власти надъ ними не имѣемъ.» — Добрѣ хорошо! Высокіе урядники того унимать не хотятъ, а мірскіе владѣтели, гдѣ такіе регименты распускаютъ, также въ тѣ дѣла вниматься не хотятъ. Ино что до того? Покамѣстъ знамена развернуты были, полки не распущены были, палачемъ наказывали и подъ воровскимъ именемъ было, и вѣшали, и во вѣки въ рашной службѣ быть тому запрещали, а какъ полки распустятъ, того не унимаютъ, и даромъ пропускаютъ и солдатскими штуками называютъ! Есть-ли то добро?

И нынѣ примѣчай, честное и разумное сердце, что Германцы и Цесарцы нынѣ тоже, во что воинское дѣло ставятъ. Просмотри книги о всей вселенной, и ты не найдешь, что у языковъ, какъ и свѣтъ сталъ, такого рашнаго строя не бывало, какъ нынѣ у Цесарцевъ, а буде не такъ, и я хочу виненъ быть.

А кто такому безбожному, и не Христіанскому, и не солдатскому, дьявольскому, нестройному житію виненъ, и то-бы я читате-

Digitized by Google

лю радъ объявить; только що я до инаго времени отложу. Либо ще, которымъ то унимать доводится и можно, очи свои откроютъ, и о прямомъ, старинномъ и высоко-славномъ, а нынѣ упаломъ и умершемъ рашномъ строѣ, который у предковъ велся, въ сердцѣ своемъ помыслятъ и разсудятъ, и такое самовольство и дурно отставятъ, и уймутъ, и великою жестокостью за то наказывать станутъ. А буде того не учинится, и я начаюся, что Богъ, иже такого безбожнаго жития ненавидитъ, и недругъ тому, и всякое безчинство наказуетъ, еще нѣкоторыхъ сердца воздвигнетъ, которые такое безчинство добрыми мѣрами и промысломъ, и добрымъ совѣтомъ оставить, обо рукою и перомъ, стануть радѣть, чтобы такому мерзкому дѣлу помѣшать.

А того я нынѣ обойдти не хочу, какое ученіе и извычай солдаты, которые по деревнямъ ходя кормятся, имѣютъ и вымышляютъ, каково божественно и Христіянски они живутъ, про которые можно-бы цѣлую книгу написать, только не много про то здѣсь помяну, какъ они въ ту ходьбу наряжаются. Первое, возмутъ они съ собою мальца по два, и по три, и по четыре, чтобы можно у христьянъ на нихъ больше прошать. И покамѣстъ

Digitized by Google

солдатъ самъ съ хрестьяниномъ стоитъ и говоритъ, и тѣ ребята въ то время, подъ повѣшью или индѣ, за курами лазятъ, и куръ, и утятъ, и гусей крадутъ, и иное, что добыть могутъ; и которая скотина съ ними идти не хочетъ, то они сами понесутъ, и тѣмъ они ребятъ съ измала къ кражѣ и такову воровскому рукодѣлью учатъ. А хорошее рукодѣлье и добрый чинъ, которые у языковъ бывали, и про которые могъ-бы я тысячи образцовъ сказать, что тогда солдаты въ смирное время, когда войны не бывало, и они рукодѣліемъ своимъ кормились и жили честно. А нынѣ солдаты тщатся на крохоборство и на кражу; и чтобы хрестьянамъ непримѣтно было, и ихъ рукодѣлью не научиться, и всякое они иными Нѣмецкими именами называютъ, и то у нихъ красная, великая рѣчь слыветъ, какъ на образецъ сказать: курицу, они быкомъ называютъ; утку Нѣмецкимъ Государемъ; гуся копченою сельдью, а поймать, говорятъ: распросить; копченую сельдь распросить, то: гуся поймать, и иныя такія слова; а петли, чѣмъ куриць ловятъ, называютъ региментами, сирѣчь владѣніемъ. Зри, какъ они славному владѣнію ругаются, и владѣніе къ такому бездѣлью и къ тапинымъ петлямъ примѣняютъ, и тако, братія, они ратный строй почитаютъ и чтутъ. Хотѣлъ-бы я здѣсь притчу разска-

Digitized by Google

зать, которую я у нихъ самихъ слыхалъ, только для невинныхъ урядниковъ, къ которымъ они себя примѣняли, я нынѣ умолчу.

И сего времени я не хочу воспоминать про иныя, многимъ того дурнѣе бездѣльныя дѣла, что они дѣлаютъ и на что они тщатся. Но то до инаго мѣста отложу, и тѣмъ я объявляю, чему Цесарскія земли ратные люди нынѣ извыкаютъ и исправляются. И они не пекутся о прямомъ ратномъ строѣ, и о доброй наукѣ, какъ оружіемъ владѣть, того не почитаютъ, и говорятъ, что есть то ученіе, когда противъ недруга придется идти, и тогда не долго того чинить. Но прямые ратные люди и любители ратнаго строя того не говорятъ, а язычные и незнающіе солдаты, и неразумные мужики, которыхъ я къ безчестному рукодѣлью, гдѣ солому рѣжутъ и потиралки вяжутъ, посылаю, для того, что отъ честныхъ и добромысленныхъ сердецъ учиться не хотятъ, и даю имъ разсуждать: буде который рукодѣльный человѣкъ, которымъ мастерствомъ называется, а тому мастерству недостаточно наученъ и не гораздо знаетъ, и тому человѣку люди посмѣются, и его возненавидятъ, до тѣхъ мѣстъ, какъ онъ тому ремеслу достаточно узнаетъ. И на то всякъ человѣкъ днемъ и ночью тщится, чтобы ему гораздо научиться

Digitized by Google

и внять. Но многимъ паче того доведется рапцымъ людямъ на оружіе, которое есть снасть науки ихъ, гораздо владѣть изучиться, потому, что имъ о томъ больше належитъ, нежели рукодѣльному человѣку о его рукодѣліи. Ремесленный человѣкъ учится ремеслу только для того, чтобы ему тѣмъ кормиться, а рапному человѣку доводится снастію своею горазду быть не только для того, чтобы ему себя самаго и тѣло свое оборонять, и что онъ, чѣмъ лучше извыченъ оружіемъ своимъ владѣть, то онъ лучше умѣетъ себя оборонить и животъ свой хранить, но чтобы ему, не только что прибыль, но честь, хвалу и славу имѣть. И какъ въ рукодѣльныхъ людяхъ не любятъ, но обманщиками и бездѣльниками называютъ, которые себя сапожными и портными масперами, и скорняками называютъ, а дѣла не знаютъ, и снастьми владѣть не умѣютъ, такожде и тѣхъ солдатъ паче того обманщиками и бездѣльниками почитать, которые оружіемъ своимъ владѣть не умѣютъ, и учиться не хотятъ, потому, что они обманываютъ Государя своего въ деньгахъ, а себя и иныхъ въ животѣ.

И нынѣ я хочу къ самому дѣлу приступить, и сію свою работу всѣмъ пришлымъ, незнающимъ и неученымъ рапнымъ людямъ на пользу воздамъ, и прошу, чтобы имъ всѣмъ радѣніемъ

Digitized by Google

изыскашь, и не отчаяваюсь того, что они скажутъ мнѣ: спасибо; будушъ прилежно учишься. А шѣ рашные люди, которые сему науку искусны, и больше знаютъ, и шѣ сіе мое дѣло шакъ почшупъ, что шцаніе свое и знашье свое всѣмъ чесши любишельнымъ рашнымъ людямъ добровольно сдѣлашь учнушъ, и сію мою рабошу пособяшъ справишь. Тако-же я всѣхъ чесши любишельныхъ рашныхъ людей, большой и малой мѣры, прошу, чшобы имъ сіе мнѣ въ зло не поставишь, что какъ-бы я въ началѣ сего дѣла имъ къ безчесшью писалъ. Но пошому, какъ во всякихъ здоровыхъ сшадахъ коросшовыя овцы живушъ, и я симъ мыслилъ про шѣхъ, которые на шо зло подвижные, и имъ воспоминаю, чшобы имъ ошъ того оспешашь и возврашишься, и прилежно, съ радѣніемъ, рашному сшрою и науку взыскашь, пошому, что еще время возврашишься и исправишься. А будешъ имъ сіе мое дѣло не любо, и я инымъ временемъ лучше учиню.

Digitized by Google

ГОРИ,

древняя столица Карталиніи.

Хотите-ли знать мѣсто, гдѣ природа, какъ Помона, сыплетъ щедро и роскошно свои дары, а общество, хотя сжатое въ кругу тѣсномъ, живитъ душу проѣзжаго теплымъ радушіемъ? Сворачивайте отъ *Гартискара* (*) влѣво, къ *Гори*.....

Гори въ 95-ти верстахъ отъ Тифлиса, нѣкогда столица Царей Карталинскихъ, независимо царствовавшихъ, а теперь небольшой городокъ, штабъ-квартира Херсонскаго стараго Гренадерскаго полка, справа окроенная лѣвымъ берегомъ Куры — царицы рѣкъ Кавказа— высится въ гору, на вершинѣ которой, какъ исполинъ мшистой природы, дряхлѣетъ съ незапамятныхъ временъ крѣпость (**); слѣва опоясы-

(*) Первый постъ отъ Тифлиса.

(**) Въ 7-мъ столѣтіи, около 30-го года, Ираклій, Греческій Императоръ, плѣнившись мѣстоположеніемъ

Digitized by Google

вается она *Ліяфой*, гдѣ плещутся Нимфы Осетіи. Отъ праваго ея берега ширится необозримая равнина, до средней цѣпи Кавказа.

Видъ съ крѣпости дивно величественъ: здѣсь безпредѣльность, безконечность, окованы въ рамкѣ очаровательной вещественности; здѣсь та-же необъятность какъ и въ ихъ идеяхъ, но заключенная въ изумрудныя рамы луговъ и нивъ *сопелъ* (деревни) Грузинской, и остановленная въ своемъ полетѣ къ недосягаемому небу снѣжными, опаловыми вѣнцами горъ Осетіи и Тагауріи. Ея торжественное присутствіе и бытіе возвѣщаются ревомъ рѣкъ-водопадовъ: Куры и Ліяфы (*).

нынѣшней Гори, заложилъ крѣпость на холмѣ, отъ чего и самый городъ получилъ названіе *Гори*: такъ говоритъ преданіе. Много разъ разрушаемая еще прежде, во время набѣговъ Турковъ и Персіянъ, и возобновляемая Грузинскими Царями, *Ростомомъ* въ 1634-мъ году, *Вахтангомъ III-мъ* въ 1658-мъ, она была срыта почти до основанія Шахъ-Надиромъ, въ 1744 году, и вновь построена Ираклiемъ, Царемъ Грузинскимъ, въ 1760 году; въ семъ видѣ осталась она и донынѣ.

(*) Я не знаю ничего ужаснѣе теченія рѣкъ Кавказскихъ. Терекъ, напримѣръ, начиная отъ Дарьяльскаго ущелья, скачетъ водопадами; на пространствѣ 45-ти

Digitized by Google

Читалъ я о Швейцаріи, Монъ-Бланѣ, С. Готардѣ; много тамъ дивнаго, но слишкомъ рѣзокъ и слѣдъ человѣка на раменахъ этихъ гиганшовъ, подпирающихъ Европейское небо!..... Тамъ жили Винкельриды; тамъ виднѣются часовни Телей; вездѣ гостинницы, вездѣ слѣды общества, общежительности. Я люблю природу Кавказа, за ея первобытную дикость, за ея еще дѣвственную непорочность, хаотическую наружность: здѣсь горы — отблески первыхъ идей Творца; рѣки — начальныя силы природы; тропы, дорожки, впадины — первые слѣды, первыя жилища первобытнаго человѣка (*); пропа-

---

верстъ это рѣка-водопадъ, задерживаемая въ своемъ стремленіи гранитами въ 6-ть и 7-мь туазовъ кубическихъ, набросанными чудовищно, и пересыпанными огромными валунами — вотъ его ложе! Шумъ и громъ Терека могутъ быть сравниваемы лишь съ разрушающимся мірозданіемъ, къ которому путешественники прислушиваются въ ураганахъ Южной Америки; но и тамъ нѣтъ той безпрерывности, вѣчности, закованной въ звукѣ.....

(*) Съ теплою вѣрою въ Кавказское происхожденіе рода человѣческаго, любуясь на снѣговыя горы Кавказа, невольно говоришь себѣ: холодна была колыбель первенца-человѣка, ослѣпительна была пелена, въ первый разъ увившая его.

Digitized by Google

сти, обрывы, завалы— первыя неудачи природы, пытавшейся изъ хаоса устроить порядокъ..... Здѣсь все такъ дико, такъ ужасно, такъ дивно, велико! Умъ человѣческій сходится съ своимъ началомъ, теряется въ нѣдрѣ своего происхожденія; душа, какъ-бы сбрасывая съ себя цѣпи тѣла, летитъ къ Творцу вселенныя, и съ лона Его безпредѣльности взираетъ на развившіе слова мощнаго: «Да будетъ.»

Какъ часто, съ отвѣсной скалы вижу внизу пропасть; передъ глазами луна, а надъ головою бирюзовое небо. Тогда я замираю для жизни чувственной! Какой восторгъ тогда живетъ въ душѣ моей! Потоки лавы, прорывы молніи, вотъ пули, которыми стремятся мои мысли, быстрыя какъ паденія звѣздъ, чистыя какъ лучъ денницы, высокія какъ окрестныя горы..... Я весь тогда въ идеѣ творенія и кажется постигаю его тайну..... Кавказъ! ты даришь меня драгоцѣнными минутами жизни; я забываю былое, забываю настоящее, и живу жизнію будущею— жизнію духа.....

Высокимъ не льзя не увлечься; о прекрасномъ не льзя не замечтаться, не заговориться.

Гори, въ военномъ отношеніи, есть одинъ изъ стратегическихъ пунктовъ Русскаго могущества въ Грузіи. Съ сѣверо и юго-запада — это

Digitized by Google

ключъ къ Тифлису и чуть-ли не смычка крѣпостей, идущихъ отъ границы Турецкой и Черноморскаго берега. Гори посрединѣ двухъ сообщеній военной колоніи нашей — Грузіи (да, это военная колонія!) съ метрополіею — Россіею. Однимъ сообщеніемъ называю еще не существующее, но возможное, по берегу Чернаго моря (*), а другимъ— Военно-Грузинскую дорогу чрезъ Тагаурское ущелье (это горло, которымъ Грузія получаетъ жизнь и достояніе отъ Русскихъ!....). Сказываютъ, что Генералъ Е.... думалъ было подорвать первостепенность и важность Тифлиса въ политическомъ и промышленномъ отношеніи, и перенести все, сосредоточить все въ Гори; онъ-же думалъ проложить новую дорогу отъ Гори чрезъ Оссетію и Имеретію, миновавъ Тагаурское ущелье (**); но же-

(*) Соотвѣтственно береговому сообщенію по Каспійскому морю, какъ говорятъ многіе умные люди которымъ доводилось бывать въ Мингреліи, Имеретіи и Абхазіи.

(**) По ущельямъ Джавскому, Кударскому, Рачинскому, Мамисонскому, Касарскому и Валагарскому, до Кабардинской долины.— Для обозрѣнія шаковаго пути отправленъ былъ, въ 1825-мъ году, Инженеръ Б., подъ прикрытіемъ роты Херсонскаго Гренадерскаго полка. Отрядъ сей, дошедъ до деревни Тибы, въ Мамисонскомъ

Digitized by Google

лая избѣгнуть одного затрудненія, періодическихъ заваловъ съ Казбека (*), вспрѣпили дру-

ущелье, былъ остановленъ вооружившимися жителями и принужденъ возвратиться, не достигнувъ цѣли предпринятой экспедиціи. Въ другой разъ посланъ былъ Инженеръ П., который отъ деревни Джавы взялъ направленіе вверхъ по большой Ліяфѣ, чрезъ Джомагисское и Захинское ущелья, и достигъ до Нары; но Зрамагскіе Осетины не пустили его дальше. Въ наше время посланы были также нѣкоторые офицеры, для обслѣдованія, но встрѣтили тѣ-же неудачи въ исполненіи; наконецъ экспедиція въ Осетію, подъ начальствомъ Генерала Р....., въ 1830-мъ году, убѣдила въ совершенной несбыточности предполагаемыхъ плановъ.

(*) Періодичность — чего-же? Неистовствъ, разрушеній природы! Европеецъ, житель плоскости, мирной долины Туреньской, степи Черкаской, какихъ явленій ждетъ съ неба, какихъ періодическихъ чудесъ въ природѣ? Дождя, снѣга, града... Здѣсь, на Кавказѣ, каждыя семь лѣтъ срывается шапка съ Казбека: лавина снѣгу, льда, гранита, опторгается собственною тяжестію, стремится съ вершины въ ущелье и загораждаетъ Терекъ. Горецъ, житель аула Казбекскаго, знакомъ съ симъ явленіемъ, и предсказываетъ вамъ его за годъ, хотя не съ спокойствіемъ и радостію крестьянина, живущаго у подошвы Этны или Везувія, и выжидающаго изверженія лавы, какъ залога обильной жатвы!!!

Digitized by Google

гое, еще ужаснѣе, совершенно непреодолимое (*): вихри снѣга заносятъ ущелье, и равняютъ долины съ вершинами горъ; море метелей замешаетъ всѣ слѣды обиталища!... Пробивай путь Симплоны, Ценисы.... Что можетъ сдѣлать человѣкъ противъ природы, торжественно объявившей себя неукротимымъ врагомъ его....

Гори, какъ и большая часть городовъ Кавказскихъ, построенныхъ на склонѣ горъ, съ одной стороны представляется въ видѣ навѣшанныхъ ложъ амфитеатра, неправильно разбросаннаго. Домы зажиточныхъ, большею час-

---

(*) Непреодолимое! Какъ будто первое преодолимо? Да! мнѣ сдается, что попадись эта игра природы Англичанамъ, они выгодно разыграли-бы ее, съ пользой отшутились-бы отъ ея шутокъ. Имѣя въ виду сбытъ товаровъ, они готовы прорыть перешеекъ Суезскій, чтобъ соединить два Океана. Они не пожалѣли-бы сотни милліоновъ для учрежденія прочнаго и лучшаго сообщенія съ своею колоніею! Они набросили-бы чрезъ Терекъ навѣсъ чугунный, который сдержалъ-бы тяжесть лавины, и подъ его защитой, чрезъ все пространство завала пробили-бы дорогу, параллельно Тереку, принявъ оный за указателя своего исполинскаго предпріятія..... Объ этомъ были даже проекты.

Digitized by Google

шію въ два этажа, съ плоскими крышами, и непремѣнно съ балконами для созерцательной жизни, столь любимой Азіятцами; бѣдняки живутъ въ сакляхъ и землянкахъ; вмѣсто крыши складываютъ сверху изъ камня и глины родъ шапокъ, съ отверстіями для свѣта и дыма, что даетъ симъ жилищамъ, называемымъ дарбазами, видъ ульевъ, а нѣкоторой части города, гдѣ ихъ болѣе (когда смотришь съ крѣпости), видъ пчельника (*). По срединѣ города базаръ, и лавки съ названіемъ караванъ-сарая, гдѣ не скажу чтобы кипѣла торговая промышленность Горійская; напротивъ, она лѣнится, коснѣетъ, какъ вообще промышленность всего здѣшняго края..... Народонаселеніе Гори, какъ и всего Горійскаго округа, самое многочисленное въ цѣлой Карталиніи; жители частію Ар-

(*) Видъ ауловъ Горскихъ и деревень Грузинскихъ, городовъ Закавказскихъ, имѣетъ что-то особенное, характеристическое: не помню кто-то, смотря на Гимри, сравнилъ ихъ удачно съ колодою картъ, разсыпанною по ломберному столику. Никогда не забуду грустнаго вида Дербента: отъ подошвы горы, гдѣ крутятся волны Каспія, онъ высится до самой крѣпости на вершину угрюмымъ кладбищемъ. Это могила, упирающаяся въ вѣчность—море.

Digitized by Google

мяне, частію Грузины, и такъ называемые Католики (*).

Промышленность— мѣрило, термометръ народнаго благоденствія (Гёрнъ говоритъ: торговля). Отыскивая градусъ благосостоянія округа Горійскаго, да и вообще Закавказскаго края, не мудрено попасть на точку замерзанія..... Номенклатура вѣтвей промышленности богата: есть и земледѣліе, и разведеніе хлопчатой бумаги, и винодѣліе, и шелководство; разводятъ марену, и Богъ знаетъ что..... Но въ какомъ это все положеніи! Одинъ взглядъ на ниву пахаря, на оппра-

---

(*) Собственно въ Гори:

	Мужеск.	Женск.
Грузиновъ	386	375
Армянъ	845	634
Католиковъ	67	50

Изъ вѣдомости, въ Горійскомъ округѣ:

	Мужеск.	Женск.
Армянъ	2,346	1,731
Грузиновъ	21,050	15,677
Католиковъ	15	11
Евреевъ	466	209

Объ Осетинахъ будетъ сказано особенно.

Digitized by Google

шительный способъ выжиманія винограднаго сока, на неумѣніе и неловкость мошальщика — располагаетъ душу благонамѣреннаго человѣка къ самой жалобной элегіи! Съ грустію говоришь себѣ: здѣсь промышленность въ застоѣ..... Я смотрѣлъ въ статистическія вѣдомости, но больше вѣрю вѣдомости глаза. Кто не видитъ, что̀ есть и что̀ могло-бы быть..... Не любятъ прожектёровъ, смѣются надъ ними, но можно-ли двинуть что нибудь впередъ, не окрыливъ его прежде здравымъ обсужденіемъ, а подъ часъ и льстивою мечтою, надеждою на будущее? Изъ десяти проектовъ пять не удадутся, но остальные пять окупятъ неудачу первыхъ. Люди съ кличкой осторожныхъ, умѣренныхъ, съ желаніемъ выиграть все, ничего не рискуя и даже совсѣмъ не играя, гораздо смѣшнѣе по моему. А какое раздольное поле здѣсь, на Кавказѣ и за Кавказомъ, для дѣятельности ума юнаго, просвѣщеннаго наукой, съ жаждой къ пользѣ и благу общества, да главное— съ современнымъ взглядомъ на вещи.....

Какъ много Азіятская природа трудится за лѣнивое свое человѣчество! Какая роскошная дѣятельность въ ея лабораторіи, и какая вялая, томительная неподвижность въ промышленности ея жителей! Видно, такъ надобно! Поляризаціею дѣятельности природы съ лѣностію лю-

Digitized by Google

дей, поддерживается гальваническая цѣпь мірозданія — отвѣчалъ мнѣ какой-то физикусъ.....

А сколько дивныхъ красавицъ въ Гори! Я былъ въ Дагестанѣ, въ Мусульманскихъ провинціяхъ, въ горахъ Кавказскихъ— разсадникѣ красивой породы человѣчества—но ничего не видѣлъ лучше Горійской дедакаци (*). Взгляните на нее въ праздникъ, во дворѣ, на крышѣ сакли, въ веселой шамашѣ (**): какъ сладострастно плывешъ она подъ звуки чангура (***), какъ мететея подъ рокотъ шумнаго бубна, какъ вольно, какъ роскошно обрисовываются ея изваянныя формы, облитыя кабою (****) изъ шуманной ткани; какъ небрежно падаютъ локоны изъ подъ шитой тавсакрави (*****), какъ искусно переплетаются они съ концами снѣжной чикилы (******)! А глаза: это звѣзды на осеннемъ небѣ..... Въ нихъ читаешь первобытную непорочность четы райской; но подъ часъ это молніи, это волканы

(*) Женщина.

(**) Національная пляска.

(***) Родъ балалайки.

(****) Женское платье.

(*****) Головной уборъ.

(******) Косынка съ опущенными концами, на которую надѣвается тавсакрави.

Digitized by Google

въ природѣ органической! они блещутъ, жгутъ, палятъ зноемъ Закавказскаго солнца..... Виноватъ, люблю глаза женщины, люблю читать въ нихъ тайну внутренней жизни, хоть и не ясно повѣданъ мнѣ ключъ къ сказаніямъ этой книги.... Гдѣ-же тянуться за Русскимъ Бальзакомъ..... Можно-ли лучше обличить этотъ гіероглифъ скрытыхъ помысловъ и желаній человѣка, сорвать съ него личину капризной таинственности, словомъ, описать такъ глазъ, какъ онъ описанъ во *Фрегатѣ Надеждѣ*! Онъ дѣтски, безъ обмана высказываетъ свою тайну этому Шамполіону въ разборѣ сердца человѣческаго, чародѣю въ околдованномъ кругу чувствъ, ума и фантазіи, гдѣ дюжинные писатели бродятъ на удачу, какъ жалкіе рыцари въ саду Морганы..... Не знаю какъ чувствуютъ другіе, а меня такъ беретъ отчаяніе, когда перечитываю его творенія, когда перенизываю эти дорогія жемчужины Русской Литтературы.....

Извините мнѣ это отступленіе, да и не первое..... Хотите-ли взглянуть на панораму Горійскихъ окрестностей?

Уплисъ-Цихе (крѣпость), 12-ть верстъ отъ Гори. Преданіе разсказываетъ, что во времена еще Царей Картлинскихъ, одинъ изъ нихъ, по имени Уплосъ, преслѣдуемый своими братьями, скрылся какъ воронъ, въ ущелье горы Уплисъ-

Digitized by Google

Цихской, построился, зарылся, окопался отъ преслѣдованій братьевъ и набѣговъ Горцевъ — жилъ и умеръ недосягаемымъ; прошли столѣтія, а слѣды его обиталища и теперь еще видны—точно крѣпость! Представьте себѣ трудность работы: въ скалѣ дикаго камня выдолбленъ караванъ-сарай въ два этажа, съ большими комнатами, конюшнями, загонами, всѣми угодьями для жизни; потолки подпираются цѣльными колоннами изъ того-же камня; дорожки къ жилью, гдѣ глухія со сводами, гдѣ сквозныя, прорѣзаны въ той-же скалѣ, въ томъ-же камнѣ. Смотришь и дивишься труду, зная что кромѣ рѣзца и молота не было другаго орудія; порохъ едва-ли участвовалъ въ сей вулканической работѣ: его и теперь такъ мало у Горцевъ, что не стаетъ на ружейные патроны..... Пока доѣдешь до Уплисъ-Циxе — это длинная перспектива красотъ природы; пріѣзжаешь — это жилище Циклоповъ, по крайней мѣрѣ людей-гигантовъ....., Трудъ обыкновеннаго человѣка съ обыкновенными средствами ничего не сдѣлаетъ подобнаго.....

Верстъ 30-ть отъ Гори въ гору, урочище *Размети*. Дорога— ужасъ! Обрывъ на обрывѣ. При спускахъ лошадь садится на хвостъ, при подъемахъ ломаетъ шипы подковъ — и обрывается.... Сквозь чащу лѣса, куда не проникалъ

Digitized by Google

никогда лучъ солнца, выбираешесь вы на площадку, гдѣ зеленѣютъ луга, пестрѣютъ сѣнокосы. Здѣсь дышите вы не воздухомъ — эѳиромъ..... Описаніе и Живопись никогда не изобразятъ того, что представляется съ этой вершины взорамъ; перо поэта— дѣлается здѣсь гусинымъ, а не поэтическимъ, краски живописца— соковыми, масляными, а не живыми, природо-подражательными.... Приведите хоть самого Сальватора Розу..... Вся Карталинія какъ на ладони! Ліяфа, вырвавшись уже изъ тѣснинъ Осетіи, вольно рыщетъ по необозримой степи, какъ по пампасу Южной Америки, ища привольнаго мѣста для впаденія въ Куру, дробится на тысячу рукавовъ и близъ Гори упирается въ нее своими волнами.....

По теченію Куры, верстъ 50-ть отъ Гори, *Боржомское ущелье*— царство мрачности и скуки; кромѣ лѣсу, воды и горъ, ни слѣда жизни. Пробывъ тамъ полгода, значитъ одичать на вѣкъ и по неволѣ сдѣлаться орангутангомъ; за то, здѣшнее ущелье кладъ въ отношеніи полезности: это лѣсные рудники, сплавка лѣсу по Курѣ въ Тифлисъ и прочія мѣста по ея теченію. Тифлисъ и большая часть штабъ-квартиръ нашихъ обстроиваются Боржомскимъ лѣсомъ; 20-ть, 30-ть, 50-ть, 100 п. бревенъ и болѣе можно вырубать въ годъ, не опасаясь

Digitized by Google

испощишь прозябенія..... Влѣво отъ Боржома гора Кодіянъ, съ которой зоркому глазу видны и Карталинія и Мингрелія и Имеретія..... Картинныя мѣста на Кавказѣ можно только высчитывать, а не описывать.....

Джавы, на Ліяфѣ, въ 60-ши верстахъ отъ Гори, нѣкогда одинъ изъ крѣпкихъ и непроходимыхъ ауловъ Осссеціи.

За два года до экспедиціи Генерала Р....., не безопасенъ былъ доступъ для Рускаго и мирнаго жителя Карталиніи въ Джавы, теперь занятыя ротою Херсонцевъ, расположенною въ прекрасной казармѣ, которая укрѣплена природою и бастіонами. — Джавы составляютъ ключъ къ горамъ Осссеніи (*). Это родъ наблю-

---

(*) Осссетія, въ естественномъ своемъ положеніи, образована изъ узкихъ ущелій между высокими горами, ближе къ главному хребту покрытыми снѣгомъ, а къ равнинамъ Кабарды и Карталиніи вѣковыми лѣсами. Она граничитъ къ сѣверу и югу съ упомянутыми равнинами, къ западу съ Имеретіею и Дигоріею, а къ востоку съ Горскими народами, принадлежащими къ Душетскому уѣзду и Владикавказу. Народонаселеніе сей страны, противъ количества воздѣлываемой земли, весьма велико; оно

Digitized by Google

дательнаго редута за движеніями Горцевъ, и сборное мѣсто въ случаѣ движенія противъ нихъ.

Въ часы фантазій, я мечтаю о сплавкѣ этихъ орлиныхъ племенъ съ плоскостными обитателями нашей Россіи! Не смѣю думать вслухъ о тысячѣ выгодъ, которыя происшекли-бы отъ этого.

простирается до 2,500 дымовъ, въ коихъ можно полагать до 20,000 душъ обоего пола, обитателей горъ Зикора и Клота, Кешельтскаго и Магландовлетскаго племени. Живущіе подъ снѣговыми вершинами отличаются свирѣпостію и разбоемъ. Жители сѣверной стороны Кавказа, ущелій Зромагскаго, Захинскаго, Гуркумскаго, и другихъ, нѣсколько мирнѣе. Прилегая къ равнинамъ Кабардинскимъ, они лишены возможности производить разбои, но за то безпрестанно ведутъ междуусобныя войны. Осетины, населяющіе горы и ущелья къ странѣ Карталиніи, по рѣчкамъ Большой Ліяфѣ, Малой Ліяфѣ и Меджудѣ, хотя не столь дики и имѣютъ сношенія съ Карталиніею, но не могутъ разстаться съ любимымъ ремесломъ своимъ—грабежемъ и хищничествомъ. Бѣдность и недостаточность въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни, какъ напримѣръ въ соли, принуждаютъ ихъ къ насилію... Впрочемъ, въ бытѣ Осетинскомъ все носитъ на себѣ отпечатокъ прежняго благоустройства; слѣды

Digitized by Google

Средства, право, не такъ трудны, какъ разсказываютъ..... Но хорошо было-бы видѣть смѣшеніе крови Кавказской съ Русскою. Славное вышло-бы племя! Люблю смотрѣть по цѣлымъ часамъ на Горца: это статуя Фидія, одушевленная огнемъ Прометея, изгнанника Кавказа! Взгляните на него, на его движенія, въ его глаза —это живая картина страстей... Храбръ до отчаянія, предпріимчивъ, съ вѣрою въ Кисметъ—онъ смѣло бросается на опасность; мщеніе для него добродѣтель; фанатизмъ, корысть—струны, которыя туже всѣхъ прочихъ натянуты въ его чувствахъ; чуть коснись ихъ, и онѣ издадутъ звучный голосъ, который заглушитъ и совѣсть, и дружбу, и клятву..... Являются люди, коимъ приходитъ охота играть на этомъ одушевленномъ инструментѣ, и въ владѣніяхъ своихъ сосѣдей даватъ концерты грабежа, кровопроли-

---

Христіанской религіи ясно видны въ самыхъ языческихъ ихъ обрядахъ. Осетія прежде всѣхъ странъ Кавказа двинулась по пути образованности, но остановлена была въ своемъ шествіи общими смутами и несчастіями, постигшими въ послѣднія столѣтія Царство Грузинское, къ которому она принадлежала, и, вѣроятно, невниманіе правителей онаго мало по малу погрузило ее снова въ прежнее дикое состояніе.

Digitized by Google

тія, опустошенія—и вотъ происхожденіе Омаръ-Хановъ, Джамбулатовъ, современнаго намъ Кази-Магомета Муллы..... Впрочемъ, какъ не много еще знаемъ мы о Горцахъ, ихъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ! Все, что читаютъ въ поэмахъ, въ описаніяхъ, только по названію статистическихъ (*), все, что говорю я самъ — это лишь общія мѣста изъ неразвернутыхъ еще хроникъ и преданій Горскаго народа. А какъ любопытенъ Кавказъ, и какъ мало средствъ познакомиться съ нимъ! И какъ мало пользуются и тѣми, которыя есть.....

Въ трехъ верстахъ отъ *Цхинвалъ* (торговое Грузинское мѣстечко), на дорогѣ къ Джавамъ, любопытны ледники среди жаркаго лѣта: у подошвы горы, на болотистомъ грунтѣ, набросаны камни, огромные и неправильной формы,

---

(*) Жаль что всѣ наши статистическія описанія дѣлаются безъ самоотверженія Гумбольдтовскаго, безъ страсти къ наукѣ и пользѣ края. Многіе видятъ въ нихъ дѣло частныхъ выгодъ и разсчетовъ, или какія нибудь предпріятія земледѣльческой или мануфактурной промышленности, да и тутъ подъ часъ предполагаютъ больше свѣдѣній, или по крайней мѣрѣ знанія своего дѣла, въ предпринимателѣ, чѣмъ въ описателѣ.

Digitized by Google

свалившіеся какъ-бы съ неба, ибо гора поросла уже густымъ лѣсомъ; между этихъ-то камней, въ щеляхъ и углубленіяхъ, нѣдрятся куски льду. Чѣмъ жаръ солнечный сильнѣе, тѣмъ находятъ ихъ болѣе; въ сырую, холодную погоду они совершенно исчезаютъ. Не первая игра природы! Въ Ахалцихѣ ѣдятъ хлѣбъ изъ манны, падающей съ неба. Все говоритъ: Кавказъ, съ его отрогами, если не земля избраннаго народа, то обѣшованная другому, лучшему Горцевъ.

Я не кончилъ-бы никогда, если-бы сталъ исчислять только (не говорю описывать) красоты Гори съ ея окрестностями. Представьте себѣ волшебную оперу, гдѣ съ каждымъ мановеніемъ мѣняются очаровательныя декораціи, гдѣ главный механикъ, костюмёръ, актеръ — природа: вотъ Гори....

Здѣсь-то расположена штабъ-квартира полка нашего. Среди роскошной природы, живописнаго города, красуется старый гренадеръ полка Херсонскаго; и не скажу чтобъ это была проза рядомъ съ поэзіею: кажется, для довершенія цвѣтистой картины мѣстности — не доставало блеска штыка Русскаго... Кстати, казармы полка Херсонскаго прекрасны, со всѣми угодьями для жизни солдата — это лучшія въ цѣлой Грузіи. Закавказскому солдату нуженъ привольный отдыхъ: онъ нынче пашетъ, полетъ огороды,

Digitized by Google

завтра надѣваетъ ранецъ, маршируетъ; а взгляните на него въ дѣлѣ, подъ свистомъ пуль, въ схваткѣ съ Горцемъ, взгляните... Не даромъ Генералъ Е..... (гроза Кавказа) пишетъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ, что здѣшній солдатъ говоритъ взоромъ: «Равнаго себѣ не знаю!»—И точно: это Марсъ, это левъ въ бою. Про каждаго есть военный анекдотъ, котораго онъ герой, и герой не миѳическій. Въ кровавой сѣчѣ онъ отбиваетъ штыкомъ удары шашекъ Горскихъ и получаетъ Георгія..... Какъ же не позабопиться въ часы мира объ этихъ Римскихъ милитахъ? И въ Гори они успокоены...

Гори, 25-го Іюля.

Херсонецъ.

Digitized by Google

ТАТАРСКАЯ ЛЕГЕНДА

ОВЪ ИСКЕНДЕРѢ.

Александръ Великій, которому равнаго между завоевателями Исторія не представляетъ, содѣлался миѳическимъ лицомъ на Востокѣ: все выходящее изъ границъ обыкновеннаго, соединяющееся съ необъяснною силою, гигантскими прудами, однимъ словомъ—все чудесное относится на Востокѣ къ Искендеру. Имя сіе такъ громко; дѣла, которыя соединяются съ онымъ, такъ чудно-изумительны; наконецъ эпохи, бывшія свидѣтельницами оныхъ, столь различны, что не льзя даже и думать, чтобы Востокъ разумѣлъ подъ именемъ Искендера одно лицо. Вѣроятнѣе принимать, что знаменитымъ именемъ Искендера украшаются нѣсколько лицъ, живших въ разныя времена; что имя сіе, содѣлавшееся послѣ Великаго Искендера или Александра столь блестящимъ, обратилось въ символъ побѣдъ, завоеваній, огромной силы, и потому преданія придавали оное разнымъ лицамъ, которыхъ дѣла сколько нибудь приближались къ подвигамъ Александра.

Digitized by Google

Европа не произвела ни одного завоевателя, который пріобрѣтеніями могъ-бы сравниться съ завоевателями Азіи древнихъ и среднихъ временъ; они-то были причинами страшныхъ переворотовъ, претерпѣнныхъ сею частію міра. Ни одинъ изъ сихъ завоевателей не пользовался столь обширною и постоянною славою, какъ Искендеръ. Времена ближайшія представляютъ намъ племя Ташарское съ знаменитымъ Чингисъ-Ханомъ, который въ началѣ XIII-го вѣка изумилъ свѣтъ побѣдами и завоеваніями: въ полтора десятилѣтія онъ занялъ часть Россіи, почти всю Персію, половину Китая, часть Индіи. Дѣла, непостижимо чудесныя! Послѣ него Тимуръ-Ленгъ обладалъ обширною частію Азіи; но ни Тимуръ-Ленгъ, ни Чингисъ-Ханъ не удержались въ памяти народной, не составляютъ предметовъ преданій. Одинъ Искендеръ, какъ миѳологическое божество, является вездѣ и во всемъ.

По преданію народному, онъ основалъ городъ Дербентъ и возвелъ чрезъ вершины и пропасти Кавказа ту чудную стѣну, которая, по мнѣнію многихъ (и едва-ли не основательному), соединяла Каспій съ Понтомъ Эвксинскимъ; онъ сдѣлалъ огромный бассейнъ для принятія воды, и симъ средствомъ образовалъ море Каспійское, затопивъ древній городъ Баку и дру-

Digitized by Google

кіе; соединилъ подземнымъ каналомъ море сіе съ моремъ Аральскимъ; однимъ словомъ, воображеніе Восточныхъ жителей, столь цвѣтистое, столь игривое, представляетъ Искендера такимъ существомъ, которое властвовало надъ землею и водою; по ихъ словамъ, онъ царствовалъ на землѣ въ теченіе 12-ти вѣковъ.

Страсть къ чудесному особенно отражается въ Восточныхъ разсказахъ объ Искендерѣ. Оставимъ Исторію и взглянемъ на преданія народныя. Не льзя не замѣтить, что Искендеръ Восточныхъ есть дѣйствительно Александръ Македонскій: въ преданіяхъ сохранились походъ его въ Индію, война съ Персами и побѣжденіе Царя ихъ Дарія. Замѣчаніе сіе клонится къ тому, что въ основаніи всѣхъ чудесъ, разсказываемыхъ объ Искендерѣ, были дѣла Александра Великаго. Разскажемъ Легенду объ Искендерѣ, въ такомъ видѣ, какъ она существуетъ у Татаръ (*), во всей ея наготѣ, со всѣми причудами воображенія Востока.

(*) Слѣдую общему наименованію большей части обитателей нашего За-Кавказа, не входя въ разборъ, въ какомъ отношеніи оно справедливо.

Digitized by Google

— На тысяча триста семидесятомъ году жизни и въ тысяча сто девяностый годъ своего царствованія, Искендеръ начиналъ уже терять тѣлесныя силы, и составъ его слабо сопротивлялся разрушенію: Искендеръ былъ могучъ, но время и его сильнѣе.

« Неужели, говорилъ Искендеръ въ кругу близкихъ ему людей, неужели славная жизнь моя должна кончиться на равнѣ съ тѣми, милліонами коихъ располагалъ я по своей волѣ; неужели и я долженъ испытать жребій общій?»— Уныло взглянулъ Искендеръ на окружавшихъ его, ожидая и страшась ихъ отвѣта. Отвѣта словеснаго не было; но взоры ихъ говорили такъ сильно и выразительно, какъ не можетъ сказать никакой языкъ: великая горесть или вообще сильныя чувства замыкаютъ уста. Искендеръ понялъ, что онъ человѣкъ, и слѣдовательно не избѣгнетъ неизбѣжнаго; онъ задумался и произнесъ съ чувствомъ:

« Что-же значитъ слава, которою наполнилъ я цѣлый свѣтъ? Для чего совершилъ я столько великихъ дѣлъ? Обширнѣе моего царства не было; невозможнаго я не зналъ. Всѣ радости жизни черпалъ я полною чашею и пилъ не воздерживаясь. Неужели рабы мои со всѣхъ сторонъ стремились ко мнѣ съ предметами наслажденій, точно такъ какъ хищныя птицы,

Digitized by Google

предчувствуя гибель живаго существа, летятъ къ нему, дабы разнести кости его? За сто лѣтъ до сего душа моя не знала мысли, что и она должна разстаться съ тѣмъ домомъ, въ которомъ живетъ нынѣ; я готовился *къ тому-то*; это *что-то* было для меня загадкою.» — Искендеръ умолкъ.

Яркое зарево на Машрикхѣ (Востокѣ) предвѣщаетъ хорошее восхожденіе солнца: такъ спокойный видъ Искендера показывалъ готовность слушать окружающихъ его. Одинъ изъ Старѣйшинъ сказалъ:

« Великій Государь! смиреннѣйшій изъ рабовъ твоихъ дерзаетъ говорить тебѣ.»— Искендеръ обратилъ къ нему привѣтливый взоръ, и онъ продолжалъ:

« Брошенная стрѣла летитъ не вѣчно; звукъ грома небеснаго прекращается; день смѣняется ночью: такъ все въ природѣ имѣетъ конецъ, потому что имѣетъ начало. Будетъ и твой конецъ, Великій Государь! Но Богъ утѣшаетъ насъ; звѣзды небесныя говорятъ, что конецъ сей далекъ. То, къ чему ты готовился, есть загадка: разгадываетъ ее каждый въ ту только минуту, когда начинается конецъ его существованія.»

« Правда, сказалъ Искендеръ; но я такъ упоенъ жизнію, что желалъ-бы не разгадывать бу-

Digitized by Google

дущаго; желалъ-бы вѣчнаго продолженія оной, желалъ-бы безсмертія... Человѣку дана жизнь, онъ можетъ ее прекратишь; но если полюбилъ ее, то неужели нѣтъ на землѣ средствъ продлить ее до безконечности? Половину земли отдалъ-бы тому, кто найдетъ такое средство....»—Искендеръ, восторженный мыслію безсмертія, боролся, кажется, съ тѣмъ, что ему угрожало—съ ничтожностію: безмолвно и задумчиво сидѣлъ онъ, склонясь на руку.

«Дозволь мнѣ, Великій Государь, сказалъ другой Старѣйшина, быть съ тобою наединѣ; твое божеское величіе требуетъ отъ меня великаго откровенія.»

Искендеръ пристально взглянулъ на него, и подумавъ нѣсколько, повелѣлъ окружавшимъ оставить его одного съ Старѣйшиною.

«Добро или зло думаешь открыть мнѣ?» сказалъ Искендеръ.

«Если-бы въ душѣ моей и таился для тебя злой совѣтъ, то языкъ не смѣлъ-бы передать того: никто изъ насъ не можетъ смотрѣть на солнце; такъ точно никто не смѣетъ давать злыхъ совѣтовъ.»

«Говори,» сказалъ Искендеръ нетерпѣливо.

Digitized by Google

«На Яминъ (югъ) отъ твоей столицы, началъ Спарѣйшина, за рѣками глубокими, въ скалахъ неприступныхъ живетъ ученый человѣкъ, превосходящій мудростію всѣхъ ученыхъ твоей земли. Есть молва въ народахъ, что онъ живетъ уже многіе вѣка и не думаетъ смерти.»

«И ты думаешь, прервалъ Искендеръ, что онъ можетъ быть мнѣ полезенъ?»

«Думаю, отвѣчалъ Спарѣйшина, но не утверждаю; повели ему предстать предъ тебя, и—можетъ быть, твое желаніе, а моя надежда, исполнятся.»

«Уважаю твое обычное благоразуміе, испытанную преданность, сказалъ Искендеръ, и исполняю совѣтъ твой.»

. . . . . .

Прошелъ цѣлый годъ, а послы, отправленные къ неизвѣстному ученому, не возвращались. Искендеръ часто призывалъ Спарѣйшину, и волнуемый надеждою на продолженіе жизни съ одной стороны, а съ другой тревожимый частыми болѣзненными припадками, спрашивалъ его всякой разъ: «Добро или зло мыслилъ ты, когда говорилъ мнѣ о мудрецѣ?» — И всякой разъ Спарѣйшина отвѣтствовалъ: «Не сомнѣвайся, Великій Государь, ни въ одномъ изъ

Digitized by Google

милліоновъ твоихъ подданныхъ; а тѣмъ болѣе не сомнѣвайся во мнѣ, который находится въ числѣ избранныхъ тобою.»

Прошло еще шесть мѣсяцевъ, и мудрецъ явился въ столицу. Искендеръ принялъ его ласково, говорилъ съ нимъ много о странѣ, въ которой онъ обитаетъ, о его жилищѣ, образѣ жизни. «Ты человѣкъ ученый, сказалъ наконецъ Искендеръ, считаешься мудрѣйшимъ на землѣ: для чего-же тебѣ ученость, мудрость въ твоемъ уединеніи? Ты не полезенъ для себя и только не вредишь другимъ.»

«Хорошо было-бы, отвѣчалъ ученый, если-бы многіе также жили на свѣтѣ. Что значитъ быть полезнымъ для себя? Что значитъ домъ, въ которомъ ты обитаешь, не смотря на всѣ украшенія, богатства, разсыпанныя въ ономъ? Ничто, если-бы онъ не заключалъ въ себѣ Великаго Искендера. Такъ и Искендеръ видимый, ничто безъ того, что заключаетъ онъ въ себѣ: твое тѣло есть домъ, а душа—Искендеръ, живущій въ ономъ. Много-ли нужно для того, чтобы удовольствовать тѣло? Но ненасытимы душа, умъ человѣческій. Я много вѣковъ живу отшельникомъ; изучалъ человѣка въ отсутствіи отъ людей; изучалъ природу, удаленный отъ оной, но до сей поры не насытилъ своего разума. Природа и человѣкъ — рѣка бы-

Digitized by Google

стропекущая: съ каждымъ мгновеніемъ являются волны новыя... Но не былъ-ли я полезенъ другимъ? Тысячи твоихъ ученыхъ заимствовали знанія отъ меня; люди сіи разсѣяны по всѣмъ частямъ твоихъ необъятныхъ владѣній: они невидимо поддерживаютъ твою державу, твою силу. Человѣкъ, который отличается отъ животнаго только способностію говорить, не умѣлъ-бы видѣть необходимости покоряться себѣ подобному.»

Искендеръ взглянулъ на него, наморщивши чело, и сказалъ: «Необходимость сія раждается сама собою, если власть поддерживается человѣкомъ, который выше другихъ.»

«Справедливо, отвѣчалъ ученый; но какъ-бы онъ ни былъ высокъ, никогда не содѣлается существомъ отличнымъ отъ человѣка; всегда останется человѣкомъ. Величественный кедръ возносится надъ малѣйшимъ кустарникомъ: но есть-ли между ними существенное различіе въ общемъ? Земля не видѣла тебѣ подобнаго; она, можетъ быть, не хотѣла-бы разстаться съ тобою; но рано или поздно ты оставишь ее: ты смертенъ также, и слѣдовательно въ семъ отношеніи подобенъ прочимъ.»

«Не могу привыкнуть, прервалъ Искендеръ, къ мысли о ничтожествѣ; но ясно вижу, что

Digitized by Google

и я рожденъ женщиною... Соединишь сколько царствъ въ одно цѣлое, быть владыкою земли, дойдши до предѣла желаній человѣческихъ—и потомъ обратишься въ прахъ... ужасная мысль!..» Искендеръ впалъ въ грустную задумчивость.

«Если-бы кто возмогъ, сказалъ ученый, остановить солнце въ-его теченіи, то вселенная испытала-бы великое превращеніе: если будетъ пресѣчена нить твоей жизни— съ землею будетъ тоже.»

«Вѣчнаго подъ солнцемъ нѣтъ ничего, сказалъ Искендеръ; но неужели нѣтъ средствъ продлить жизнь человѣка?»

«Средства такъ ничтожны, отвѣчалъ ученый, что не заслуживаютъ твоего вниманія: твое божеское величіе требуетъ болѣе.»

«Научи меня, прервалъ живо Искендеръ, пріобрѣсти безсмертіе — и половина царства моего — твоя! Вотъ что желаю я знать отъ тебя.»

«Человѣческая мудрость такъ далеко не простирается, отвѣчалъ ученый; скажу тебѣ все, что могло открыть мнѣ многовѣковое ученіе. Одна изъ древнѣйшихъ книгъ, сочиненная, какъ утверждаютъ, не жителями земли, говоритъ, что на Маврикахъ отъ тѣхъ земель,

Digitized by Google

которыя доставило тебѣ твое могущество, есть страна по имени Зюлмашгъ. Тамъ вѣчная ночь, хотя тамъ-же царствуетъ вѣчная жизнь или причина жизни: въ странѣ той текутъ источники воды, которая дѣлаетъ человѣка безсмертнымъ....»

Ученый не успѣлъ окончить, какъ Искендеръ прервалъ его: «Укажи мнѣ путь въ сію страну, и мое могущество сдѣлаетъ все, дабы пріобрѣсти воду; но правда-ли говоришъ твоими устами?»

«Не я говорю, а говоритъ книга; а я отдалъ-бы свою жизнь, если-бы чрезъ то могла продлиться твоя.»

«Но гдѣ искать страну сію и потомъ какъ найдти божественную воду? Чѣмъ подтвердишь ты сіе сказаніе? Увѣрь меня, что въ твоихъ словахъ есть хотя тѣнь дѣйствительности.» Искендеръ терялся въ сладостныхъ мечтаніяхъ о будущемъ.

«Если-бы, отвѣчалъ ученый, устами моими говорила лесть, которая всегда является предъ великими, то я не оставилъ-бы тебя въ сомнѣніи; но я далекъ отъ лести столько-жъ, сколько ты отъ ложнаго величія. Ни одинъ изъ смертныхъ не проникалъ въ Зюлмашгъ; не многіе о сей странѣ слышали. Но если земля

Digitized by Google

вмѣщаетъ сію воду, то не льзя думать, чтобы она не имѣла своего предназначенія, чтобы какой-либо изъ обитателей земли не вкусилъ оной: въ природѣ нѣтъ ничего безполезнаго; все существуетъ съ цѣлію, все имѣетъ свое назначеніе. Если такъ, то кому-же приличнѣе, кто имѣетъ болѣе права на сію воду, какъ не ты, величайшій изъ людей? Еще повторю тебѣ: я не утверждаю справедливости того, что говоритъ книга.»

Искендеръ погрузился въ мысль о безсмертіи и упопалъ въ наслажденіяхъ; долго безмолвствовалъ, наконецъ сказалъ: «Объясняетъ-ли книга сія средства проникнуть въ Зюлматтъ и пріобрѣсти воду?»

«Вотъ все, отвѣчалъ ученый, что сказано о семъ: на пути къ Зюлматту живутъ народы грозные; они какъ-бы стрегутъ входъ въ Зюлматтъ. Тамъ вѣчный мракъ, множество источниковъ воды, но изъ нихъ только одинъ такой, какого ты жаждешь.»

«Мы достигнемъ до Зюлматта! воскликнулъ Искендеръ. — Тому, кто не видалъ на землѣ препятствій, не встрѣтится и тамъ никакого; остальное бери на себя.... Я иду въ Зюлматтъ:— или возвращусь и буду жить вѣчно — или оставлю тамъ свои кости!»

Digitized by Google

Искендеръ повелѣлъ дѣлать приготовленія къ походу, и скоро собрано многочисленное войско. Конные воины должны были имѣть кобылицъ съ молодыми жеребенками.

Наконецъ насталъ часъ похода, и Искендеръ, сгарая отъ нетерпѣнія, двинулся съ войскомъ въ путь; ученый слѣдовалъ съ ними.

Искендеръ съ воинствомъ шелъ медленно: это былъ для него путь испытаній. Въ пустыняхъ знойныхъ, гдѣ отсутствовала, казалось, всякая жизнь, терпѣли во всемъ недостатокъ; но воины, привыкшіе къ трудамъ неимовѣрнымъ, переносили съ твердостію всѣ бѣды: одного слова Искендера, одной мысли, что великій былъ съ ними, что они для него несутъ труды, довольно было для того, чтобы оживить ихъ бодрость. Препятствія, казалось, усиливали ихъ дѣятельность: такъ точно лукъ, чѣмъ крѣпче напянутъ, тѣмъ сильнѣе производитъ дѣйствіе.

Съ каждымъ днемъ росло нетерпѣніе Искендера, отъ природы пылкаго; никто не зналъ цѣли похода; одинъ онъ великій день бесѣдовалъ съ ученымъ о сей великой цѣли.

Триста семьдесятъ дней и столько-же ночей протекло со времени отшествія, а еще не видѣли ничего, что-бы могло возвеселить духъ

Digitized by Google

Искендера скорымъ достиженіемъ къ Зюлмашу. Еще нѣсколько дней, и онъ былъ среди народа, дотолѣ ими невидѣннаго. Мужчины и женщины, старцы и дѣти, всѣ имѣли видъ воинственный; ущесистыя скалы, песчаныя равнины не представляли возможности поддерживать существованіе человѣка; но видъ народа показывалъ довольство, дѣвы цвѣли красотою.

«Не достигли-ли мы наконецъ того народа, за которымъ лежитъ Зюлмашъ?» спросилъ съ восторгомъ Искендеръ.

«Не знаю, отвѣчалъ ученый, но можно думать, что это преддверіе къ Зюлмашу. Мирно или съ мечемъ въ рукѣ должны мы пройдти земли сихъ народовъ, ты долженъ рѣшить. Какъ всемірный завоеватель, какъ человѣкъ, который руками другихъ исполнялъ предначертанія ума своего, ты слѣдуй и въ семъ случаѣ своему обычному благоразумію.»

Искендеръ собралъ нѣсколько старѣйшинъ изъ среды народа, у котораго находился, и сказалъ имъ: «Я пришелъ въ вашу землю съ миромъ — я Искендеръ Великій. Ни одна былинка не будетъ уничтожена безъ согласія вашего: я пройду вашу землю и возвращусь съ миромъ.»

«Имя твое такъ громко, сказалъ одинъ изъ старѣйшинъ, что мы благословляли часъ, въ ко-

Digitized by Google

торый тебя увидѣли; было много на свѣтѣ великихъ завоевателей; нѣкоторые доходили до насъ, но мы оставались неприкосновенными: сила наша обращала ихъ снова въ тѣ страны, откуда они вышли. Если-бы ты пришелъ къ намъ одинъ, то и тогда нашелъ-бы у насъ гостепріимство: располагай землею нашею по своей волѣ.»

Искендеръ инаго отвѣта не ожидалъ. Въ тотъ-же день двинулся онъ далѣе; двадцать пять дней шелъ онъ по землѣ сего народа. Наконецъ перешелъ великій хребетъ горъ, и на четырехсотый день со дня отшествія изъ своей столицы, увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи густой мракъ; свѣтъ солнца усиливалъ еще болѣе мрачность: казалось, черная стѣна высилась предъ Искендеромъ.

Никогда Искендеръ не былъ упоенъ такою радостію, какъ въ ту минуту, когда удостовѣрился, что сказаніе ученаго не есть мечта; онъ лобызалъ его. «Ты доставилъ мнѣ, говорилъ Искендеръ, то, чего не могло дать мнѣ мое могущество; требуй отъ меня, чего желаешь!» Но ученый отвергалъ все и думалъ только о средствахъ окончить предпріятіе съ такимъ-же успѣхомъ, съ какимъ оно начато.

Въ виду Зюлмата три дня были днями по-

Digitized by Google

кол, послѣ трудовъ величайшихъ; на четвертый Искендеръ повелѣлъ быть всѣмъ въ готовности.— «Воины, сказалъ онъ: съ вами покорилъ я вселенную; вы всегда были мнѣ вѣрными товарищами; еще нѣсколько дней, и вы довершите подвиги. Намъ не останется болѣе ничего, что потребовало-бы новыхъ трудовъ.»— Но цѣль похода и теперь осталась тайною.

Искендеръ съ войскомъ остановился предъ входомъ въ царство мрака. Ученый совѣтовалъ оставить всѣхъ жеребятъ привязанными предъ Зюлмашшомъ; зажгли нефтяные свѣтильники — и отправились въ Зюлмашшъ. Искендеръ ѣхалъ впереди вмѣстѣ съ ученымъ. Чѣмъ далѣе проникали, тѣмъ мракъ становился сильнѣе: при сіяніи огней они видѣли только, что земля усѣяна цвѣтами красы необыкновенной; но взоры ихъ не встрѣчали ни одной капли воды.

Въ теченіе цѣлаго дня шествіе ихъ было безостановочно; предметы не перемѣнялись, одни цвѣты представлялись глазамъ ихъ. Наконецъ Искендеръ первый увидѣлъ источникъ воды; онъ бросился къ нему съ жадностію, за нимъ послѣдовали воины.

«Удержись, воскликнулъ ученый; вода безсмертія не можетъ быть принимаема въ Зюлмашшѣ.»— Искендеръ остановился.

Digitized by Google

Съ каждымъ шагомъ число ручейковъ увеличивалось: они во всѣхъ направленіяхъ разрѣзывали землю, игриво сходились и расходились.

Ученый задумчиво ѣхалъ близъ Искендера; онъ думалъ о средствѣ отличить тотъ источникъ, который заключаетъ воду безсмертія. «Если можетъ человѣкъ получить новую жизнь, думалъ онъ, то и всякое существо, которое пользовалось жизнію, можетъ оную получить снова. Онъ потребовалъ нѣсколько сухихъ рыбъ, составлявшихъ запасъ воиновъ, и приближаясь къ каждому источнику, клалъ въ оный рыбу. Тысячи испытаній были безполезны. Наконецъ Искендеръ, доѣхавъ до одного источника, бросилъ въ оный рыбу, и она въ мгновеніе исчезла. Искендеръ удивился; призвалъ ученаго и въ присутствіи его повторилъ опытъ: съ другою рыбою было то-же. Искендеръ съ восторгомъ дивился сему чуду: оно увѣрило его, что вода безсмертія найдена. Мысль, что онъ достигъ того блаженства, о которомъ до сей минуты только мечталъ, приводила его въ восхищеніе; онъ впалъ въ безумную радость....

Когда первый жаръ восторга прошелъ, ученый началъ говорить Искендеру: «Мы должны взять воду съ собою; земнородный не можетъ

Digitized by Google

вкусить оной въ Зюлмашшѣ. Ты желаешь вѣчной жизни на землѣ, и ушолишь жажду водою безсмертія въ твоей столицѣ.»

«При одной мысли, сказалъ Искендеръ, о томъ, что желаніе мое совершилось, я падаю въ безчувственное самозабвеніе!...»

Мудрецъ приказалъ принести бурдюкъ; Искендеръ самъ наполнилъ оный водою. Какъ величайшій трофей, повелѣлъ Искендеръ привязать бурдюкъ съ драгоцѣннымъ даромъ къ копью и такимъ образомъ внести въ столицу.

Исполнивъ такъ успѣшно цѣль похода, Искендеръ двинулся назадъ. Казалось, что уже близокъ былъ край Зюлмашша, какъ вдругъ всѣ свѣтильники угасли. Внезапный переходъ къ совершенному мраку привелъ всѣхъ въ оцѣпенѣніе; никто не смѣлъ оставить мѣста, на которомъ застигло превращеніе; присутствіе жизни проявлялось только въ голосѣ. Малодушіе въ нѣкоторыхъ родило дерзость — обвиненія падали на Искендера; наконецъ отчаяніе связало языки: въ невидимомъ станѣ водворилась мертвая тишина. Лишь изрѣдка раздавалось ржаніе кобылицъ, которыя потеряли своихъ дѣтищъ.... Казалось нѣкоторымъ, что былъ слышенъ голосъ жеребятъ: усиленное вниманіе изгнало малѣйшій шумъ, и крикъ сей вдали различали явственно. Голосъ сей дошелъ до кобылицъ, и

Digitized by Google

онѣ нетерпѣливо бросались въ ту сторону, откуда несся оный. Ученый приказалъ воинамъ сѣсть на нихъ и дать имъ свободу; густой мракъ не могъ удержать влеченія внутренняго: онѣ бросались впередъ. Съ каждою минутою голосъ жеребятъ становился явственнѣе, и каждая минута придавала бодрость кобылицамъ и надежду всадникамъ. Искендеръ съ первыми рядами воиновъ былъ уже въ свѣтлой атмосферѣ— съ болью въ глазахъ и съ восторгомъ въ сердцѣ.

«Твое благоразуміе, твоя предусмотрительность, сказалъ Искендеръ ученому, спасли насъ отъ вѣрной гибели: съ даромъ безсмертія въ рукахъ мы могли потерять жизнь.»

«И ты говорилъ, прервалъ ученый, что ученость безполезна. Всѣ дѣянія твои, можетъ быть, по прошествіи вѣка погрузятся въ мракъ забвенія; но послѣдній подвигъ переживетъ время. Ты достигъ теперь предѣла своихъ желаній; ты будешь обладать тѣмъ, чего жаждала душа твоя: но помни, что на землѣ ты не найдешь уже средствъ прекратить жизнь свою. Какъ всякому яду природа противополагаетъ лекарство, такъ жизни противополагается смерть; причину безсмертія нашелъ ты не на землѣ, а въ Зюлмашѣ; также и причины смерти не найдешь ты на землѣ.»

Digitized by Google

«Къ чему клонятся слова твои, спросилъ изумленный Искендеръ; пожелаетъ-ли птица, летающая на свободѣ, заключенія въ клѣтку? Захочетъ-ли неукротимый левъ быть прикованнымъ? Совмѣстно-ли Божеству сойдти на землю — такъ и мнѣ, Богу земли — придетъ-ли желаніе оставить землю?»

«Во всякомъ случаѣ, отвѣчалъ хладнокровно мудрецъ, входъ въ Зюлмашъ дозволяется смертному одинъ только разъ.»

Прошло два дня, и Искендеръ съ войскомъ въ виду Зюлмаша пользовался отдохновѣніемъ.— Онъ бесѣдовалъ съ мудрецомъ и упопалъ въ сладостной мысли о безсмертіи, которымъ владѣлъ. Наконецъ, горя нетерпѣніемъ увидѣть столицу свою, чтобы скорѣе вкусить тамъ воду Зюлмаша, двинулся онъ съ войскомъ въ обратный путь. Всадникъ, державшій копье съ бурдюкомъ воды, ѣхалъ рядомъ съ своимъ повелителемъ.

На другомъ переходѣ, агачахъ (*) въ пяти отъ Зюлмаша, застигла шествующихъ страшная буря: вѣковыя деревья съ корнями исторгались изъ земли; ревъ вѣтра, громы и молнія, проливной дождь — все соединилось вмѣстѣ.

(*) Агачъ равенъ часу ѣзды.

Digitized by Google

Казалось, природа испытываетъ превращеніе; казалось, враждебныя стихіи возстали одна на другую.

«Возмущеніе сіе не есть-ли предвѣщаніе чего-либо?» спросилъ спокойно Искендеръ.

«Природа предчувствуетъ, отвѣчалъ ученый, что въ ней совершается чудо необычайное.»

Два часа свирѣпствовала гроза, но неустрашимый Искендеръ продолжалъ шествіе. Наконецъ мгновенно воцарилась тишина: солнце радостно привѣтствовало природу, веселіе родилось на лицахъ воиновъ. Внезапный крикъ многихъ: «Орелъ, орелъ!» поразилъ слухъ Искендера. Глаза его, глаза мудреца и всѣхъ воиновъ поднялись вверхъ: орелъ парилъ уже высоко — и въ когтяхъ своихъ держалъ.... бурдюкъ съ даромъ неоцѣненнымъ!...

Искендеръ не могъ удержаться на лошади: воины сняли его и положили на землю. Смертная блѣдность покрыла лицо его: подобно младому, цвѣтущему юношѣ, который жилъ только одною надеждою, и который внезапно почувствовалъ желѣзный напискъ смерти, онъ былъ въ полномъ безчувствіи. Стараніе Гакима долго не могли возвратить ему памяти; послѣ двухъ часовъ Искендеръ пришелъ въ себя.

Digitized by Google

«Оставьте меня,» сказалъ онъ тихо окружавшимъ его.

«Что со мною было?» продолжалъ онъ. «Я какъ-бы вступаю теперь на дорогу жизни.... Гдѣ я? Меня окружаютъ воины.... Я въ станѣ; но въ какой землѣ и для чего?...»

«Успокойся, говорилъ ему мудрецъ; ты теперь въ такомъ-же волненіи, въ какомъ была за два часа природа, насъ окружающая: пусть проглянетъ на тебя солнце разума.»

Искендеръ началъ припоминать случившееся: все казалось ему, какъ неясное сновидѣніе. Воспоминаніе о Зюлматѣ, о водѣ безсмертія, утраченной такимъ чуднымъ образомъ, повергло его снова въ безчувствіе. Въ такомъ состояніи прошелъ цѣлый день.

Грустное, тягостное, отчаянное положеніе Искендера требовало уединенія; онъ желалъ развлечь взволнованныя думы прогулкою.— Мудрецъ ему сопутствовалъ.

Вдали видна была роща. Искендеръ отправился туда. Всю дорогу бесѣдовалъ онъ съ мудрецомъ о потерѣ невозвратимой.

«Я предугадывалъ судьбу свою, говорилъ Искендеръ; я предугадывалъ чудесное свое предназначеніе, и потому именовалъ себя сыномъ

Digitized by Google

Юпишеровымъ. . . . Вижу, что богамъ сіе неугодно....»

Въ молчаніи шелъ близъ него мудрецъ. Задумчиво прошелъ Искендеръ въ глубину рощи— и удивленнымъ взорамъ его представился домъ, со всѣми признаками обитаемости.

«Какой отшельникъ, думалъ онъ, скрывается здѣсь отъ свѣта? Въ странѣ ненаселенной, въ глухой рощѣ, кто рѣшился основать себѣ жилище?»

Искендеръ вошелъ въ домъ; за нимъ слѣдовалъ мудрецъ. Богатство и дивныя украшенія говорили ясно, что въ домѣ семъ обитаетъ человѣкъ не простой. Они прошли чрезъ нѣсколько комнатъ, и никого не видѣли. Съ изумленіемъ шелъ Искендеръ далѣе, какъ вдругъ голосъ коснулся его слуха: при усиленномъ вниманіи Искендеръ различилъ свое имя, привѣтствія.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ Искендеръ на всѣ стороны, но не было ни одного живаго существа. На стѣнѣ замѣтилъ онъ небольшую корзину; онъ приблизился къ ней.... Какими словами выразить его изумленіе! Въ ней лежало *изображеніе* человѣка!.. Искендеръ не могъ замѣтить въ немъ признаковъ жизни; но голосъ, который слышалъ Искендеръ, исходилъ отъ не-

Digitized by Google

го. При послѣднихъ минутахъ боренія жизни со смертію человѣкъ имѣетъ болѣе признаковъ существа живущаго. Искендеръ и мудрецъ съ удивленіемъ взирали на сей полуживой образъ, который представлялъ подобіе человѣка.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ совершеннаго безмолвія, они услышали голосъ: « Тебя завело сюда не любопытство; ты такъ великъ, что на землѣ не находишь уже достойныхъ тебя дѣлъ. Ты не видѣлъ людей, подобныхъ тебѣ славою, блистательными завоеваніями: ты не имѣешь соперника. Безпрепятственно обладаешь ты вселенною....» Нѣсколько минутъ молчанія.... «Но былъ на землѣ человѣкъ, который превосходилъ тебя далеко: онъ получилъ то, чего ты жаждалъ, и чѣмъ боги воспретили пользоваться.... Я также Искендеръ.... Мои завоеванія были обширнѣе твоихъ; мои побѣды удивляли свѣтъ нѣсколько столѣтій; мое царство было необъятно!... Изобрѣтательность людей не находила наконецъ новыхъ для меня удовольствій; драгоцѣнности земли были у меня въ рукахъ: я плавалъ въ океанѣ наслажденій. Лучшій цвѣтъ красоты, прелестнѣйшія дѣвы земли стекались ко мнѣ со всѣхъ концевъ царства моего, и каждая изъ нихъ желала найдти въ повелителѣ своемъ друга.... Я былъ очарованъ жизнію. Безсмертіе было также вѣнцомъ моихъ желаній:

Digitized by Google

его жаждала душа моя, какъ пушникъ въ степяхъ знойныхъ жаждетъ воды, какъ хищный вранъ жаждетъ крови.... Прошли многіе годы, и я мучился однимъ желаніемъ; на яву и во снѣ одна мысль превожила меня: эта мысль была о жизни вѣчной....»

Снова воцарилось молчаніе. Искендеръ съ любопытствомъ ловилъ каждое слово: въ разсказѣ семъ онъ видѣлъ картину собственной жизни.

«Исполнилось-ли желаніе твое?» — спросилъ наконецъ Искендеръ.

«Слушай съ терпѣніемъ, продолжало подобіе человѣка. Ученые всей земли были призваны мною. По совѣту одного изъ нихъ я ходилъ въ Зюлмашъ; я взялъ тамъ воды безсмертія и съ горячностію утолилъ жажду души моей. Одному мнѣ дозволили боги воспользоваться сею водою; надо мною хотѣли они показать всему человѣчеству, сколь безразсуденъ человѣкъ, если желаетъ того, что не совмѣстно съ его природою! Умомъ своимъ онъ облетаетъ міры небесные, проникаетъ въ нѣдра земли, быстрѣе вѣтра носятся умъ его и желанія!... Но онъ не можетъ разсудить, что земля, созданная землею, должна тѣмъ-же оспаться; что солнце не сойдетъ на землю; что человѣкъ, рожденный отъ смертнаго, не можетъ быть

Digitized by Google

безсмертнымъ, не долженъ искать того.... Съ душевною болію повторяю тебѣ, что я вкусилъ воды безсмертія.... Такъ младенецъ простираетъ руки свои къ свѣтильнику, не зная, что достигнувъ онаго, будетъ мучиться болію!..»

«Не постигаю жалобъ твоихъ, сказалъ Искендеръ, и не престаю оплакивать моей потери.»

«Если-бы, продолжало изображеніе человѣка, вода безсмертія, которую человѣкъ вкусилъ, давала ему всѣ тѣ свойства, какими владѣютъ безсмертные, то это былъ-бы даръ драгоцѣнный; но человѣкъ, испивъ сію воду, остается человѣкомъ: всѣ потребности жизни остаются для него также необходимыми; онъ не дѣлается существомъ высшимъ — напротивъ, онъ теряетъ важное, ибо лишается средствъ прекратить жизнь, если-бы она сдѣлалась для него бременемъ. Наслажденія жизни мнѣ прискучили: всѣ богатства земли казались мнѣ ничтожностію; обладаніе милліонами людей потеряло въ глазахъ моихъ всю цѣну, тѣмъ болѣе, что я начиналъ уже управлять слабо и видѣлъ необходимость, для пользы сихъ милліоновъ, отказаться отъ власти. Я сложилъ съ себя правленіе. Прошло нѣсколько лѣтъ, и я былъ оставленъ всѣми... Протекло столѣтіе, и я не находилъ уже въ

Digitized by Google

жизни ничего утѣшительнаго; ни одинъ предметъ міра сего не занималъ меня: жизнь, какъ каменная гора, тяготила меня.... Я звалъ къ себѣ смерть; но ни одно изъ средствъ, прекращающихъ нить жизни человѣка обыкновеннаго, не сильно было прекратить моей жизни. Съ вѣчною жизнію я пріобрѣлъ вѣчное мученіе!... Повторяю тебѣ, Искендеръ: боги надо мною хотѣли показать, что человѣкъ долженъ желать только того, что прилично его природѣ.... Да послужитъ тебѣ разсказъ сей урокомъ; ты не будешь сожалѣть, что боги, допустившіе тебя къ водѣ безсмертія, исторгли у тебя оную: ясный знакъ, что ты угоденъ богамъ.... Окончи мирно путь твоей жизни— ты, подобный солнцу, и при закатѣ жизни не желай, подобно ему, возродишься снова. Иди и радуйся своему счастію!...»

Голосъ умолкъ; казалось, изображеніе человѣка погрузилось въ сонъ. Искендеръ и мудрецъ долго смотрѣли на него, и наконецъ оставили уединенное жилище.

Искендеръ и мудрецъ приближались уже къ стану, и ни одно слово не вылетѣло изъ устъ ихъ; оба они погружены были въ задумчивость, терялись въ разсужденіяхъ; удивленіе и чистая истина оковали языки ихъ.

Digitized by Google

«Устами его, сказалъ наконецъ Искендеръ, говорилъ чистый разумъ, свѣтъ котораго озарилъ и разсѣялъ тму моихъ заблужденій. Я вполнѣ постигаю теперь слова его: вижу, что боги, исторгшіе изъ рукъ моихъ даръ безсмертія, милостивы ко мнѣ.... Отъ сего получеловѣка пріобрѣлъ я величайшій урокъ въ моей жизни!...»

Данъ знакъ къ сбору — и Искендеръ съ радостію удалился отъ Зюлмашта.

Протекло еще тридцать лѣтъ жизни Искендера. Наступилъ часъ смерти, и Искендеръ, страшившійся прежде одной мысли о семъ, не престававъ благословлять боговъ, что они прекращаютъ земное бытіе его.

Сентябрь 1832.
Тифлисъ.

Digitized by Google

КРИТИКА.

Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. 4 части. Сочиненіе Н. Полеваго. М. 1832 года.

(*Статья вторая*).

Древній міръ палъ.

Но онъ палъ сражаясь; палъ послѣ долгой битвы, и стрѣлы его глубоко остались въ щитѣ новаго рашоборца. Долго, долго пошомъ, въ Поэзіи, въ Художествахъ, въ обычаяхъ, отзывались повѣрья язычества, равно Гошическаго и Эллинскаго. У безсмертнаго Данша, Виргилій *come persona accorta* провожаетъ поэта по всѣмъ закоулкамъ Христіанскаго ада. Въ Католическихъ соборахъ, каріатиды-сатиры кряхтя поддерживаютъ хоры, или корчатся отъ святой воды въ украшеніяхъ кропильницы. Языческіе обряды остались доселѣ не только въ играхъ народныхъ, но слились иные и съ обрядами вѣры. Зачѣмъ ходишь далеко: вспомнимъ посшриги и поминки; вспомнимъ игрища Ярилы и колядованія о Свяшкахъ, Семикъ и пр. и пр. и пр. — Я ужь не говорю, или я еще не говорю, о нашествіи на Русь Грецкаго вкуса, который заставилъ нашего Ивана Горюна заиграшь

Digitized by Google

на свирѣлкѣ Дафниса и Меналка, наслалъ въ наши пѣсенники Купидоновъ и Нимфъ, и расплодилъ по всѣмъ городамъ пародіи Римскихъ и Греческихъ зданій. Приморный вкусъ, несообразный ни съ характеромъ, ни съ климатомъ нашимъ!

. . . . . .

Для насъ однакожъ необходимъ фонарь Исторіи, чтобы во мракѣ Среднихъ Вѣковъ разглядѣть между развалинъ тропинки, по коимъ Романтизмъ вторгался въ Европу съ разныхъ сторонъ и наконецъ укоренился въ ней, овладѣлъ ею. Странное дѣло: Востоку суждено было искони высылать въ другіе концы міра, съ индиго, съ кошенилью и пряностями, свои повѣрья и вѣрованія, свои символы и сказки; но Сѣверу предлежало очистить ихъ отъ грубой коры, переплавить, одухотворить, идеализировать. Востокъ провѣщалъ ихъ въ какомъ-то магнетическомъ снѣ, безсвязно, безотчетно; Сѣверъ возрастилъ ихъ въ теплицѣ анализа, ибо Востокъ есть воображеніе, а Сѣверъ разумъ. Я не приглашаю съ собой ни старичковъ нашихъ въ плисовыхъ сапогахъ отъ подагры, ни молодежи съ одышкою отъ танцевъ. Пойдутъ со мной одни охотники побродить—но, ради Бога, ни костылей, ни помочей!

Предпослѣдній Римлянинъ умеръ съ Кашономъ, послѣдній съ Тацитомъ. Преторіанскія когорты продавали уже скипетръ Августа съ молотка, и бездарные тираны, одинъ за другимъ, а иногда вмѣстѣ по двое, всходили на престолъ, чтобы удавить съ высоты этой Тарпейской скалы цѣ-

Digitized by Google

лый свѣшъ своимъ развратомъ и насиліемъ. Но Римъ стоилъ такихъ Цезарей, когда могъ ползать предъ ними, лизать ихъ стопы. . . Со всѣмъ тѣмъ, имя: *Римъ*, все еще пугало, упрекало ихъ прежнею славою, прежними доблестями, настоящимъ позоромъ обѣихъ, и Константинъ перенесъ столицу въ Византію. Римъ переѣхалъ въ Грецію, но переѣхалъ только въ шишулѣ Императора; онъ не привезъ на берега Босфора ни пепла, ни духа предковъ. Римскому орлу приклеили еще голову, позабывъ, что варвары подрѣзали ему крылья. Коварство замѣнило силу, семейныя сплетни и расколы заняли изнѣженный Дворъ Византіи, между тѣмъ какъ Европейскіе и Азіятскіе и Африканскіе дикари напирали на границу Имперіи, вторгались въ ея сердце, пускали на жатву мечъ, раскатывали головней города. Какой Словесности можно было ожидать при такомъ Дворѣ, въ такомъ выродившемся народѣ? Надутая лесть для знатнаго класса, щепетильная схоластика и богословскія сплетни въ школахъ — вотъ что, подобно репейнику, цвѣло тамъ, гдѣ красовались прежде Тиртей, Сафо, Демосѳенъ. Правда, Іоаннъ Златоустъ, Святой Августинъ, Григорій Назіанзинъ, Синезій, въ Римѣ, въ Киринеѣ, въ Аѳинахъ, въ Птолемаидѣ, развивали во всемъ блескѣ и чистотѣ ученіе духовной жизни, воплощали Христіанство въ нравы—но сила ихъ плѣнительнаго, убѣдительнаго краснорѣчія прешла съ ними вмѣстѣ; вѣка и волны варваровъ прошекли между ихъ кликомъ и отголоскомъ. Римъ палъ жертвой мести за насиліе; Греція пала жертвой зависти отъ безсилія. Вся дѣятельность жизни со-

Digitized by Google

средоточилась на Западѣ: шамъ лишь, за развалины власти Римской, бились кочевые народы, потоками крови смывали другъ друга съ лица земли, или отбрасывали, загоняли куда глаза глядятъ; но въ хаотическомъ мракѣ и бурѣ Среднихъ Вѣковъ готовился новый порядокъ гражданственности и нравственности. Народы-завоеватели стали станомъ посреди побѣжденныхъ, раздѣлили ихъ вмѣстѣ съ землей промежь себя какъ добычу, сохранивъ и въ мирѣ на случай похода военное чиноначаліе. Вся Европа обросла тогда замками феодальныхъ Бароновъ, между которыми раскрошилась власть прежнихъ Царей. Многіе изъ Готическихъ и Славянскихъ народовъ управлялись сходками (Meeting, Wehrmaney, Сеймъ), большая часть Князьями (König, Prince, Suzerain, Herzog, Earle, Comte,), избранными въ вожди, въ начальники, то на время похода, то на время мира, иногда для того и другаго вмѣстѣ. До поры осѣдлости, можно сказать, одна война была религіей западныхъ варваровъ, и потому Христіанская вѣра быстро разлилась между ними, равнодушными къ старому, жадными къ блестящимъ новостямъ. Лонгобардъ, нарядившись въ Римскую тогу, захотѣлъ и молиться въ Римской базиликѣ. Для побѣдителей вѣра сія была роскошь, отличіе; для побѣжденныхъ услада. Первымъ она давала частые предлоги къ завоеваніямъ, вторымъ надежду на свободу, на облегченіе, по духу Евангельскаго братства. Посереди этого броженія, волнованія, сокрушенія народовъ, возникало невѣдомое варварамъ сословіе Духовенства, сословіе независимое отъ дворянъ десятиною съ народа, за-

Digitized by Google

щищенное ошъ народа свящостію своего сана. Непрестанно и безпредѣльно возрастающая власть его, власть, которой предстнавителемъ былъ Папа, доказала свѣшу силу слова надъ совѣстію, побѣду духа надъ грубою силою. Пользуясь суевѣріями невѣжества, Католическое Духовенство (уже давно отдѣленное ошъ Восточной Церкви) не безъ бишвъ, но безъ славы захвашило царство сего міра, проповѣдуя «царство не ошъ міра сего». Крестъ сшалъ рукояшью меча; шіара задавила короны, и монасшыри — эши надземные гробы — усшремили къ небу колокольни свои, сложенныя изъ разрушенныхъ замковъ. Со всѣмъ шѣмъ, эпоха была самая драмашическая, самая поэшическая: жизнь не шекла, а кипѣла въ эшошъ вѣкъ набожносши и любви, вѣкъ рыцарства и разбоевъ. Охошничьи рога гремѣли въ лѣсу безъ усшали. Вдали роншало Аббашство вечерню звономъ колоколовъ. Турниры сманивали во-едино красошу и ошвагу. Сшранствующіе рыцари ломали копья на всѣхъ перекресшкахъ. Баронъ на Барона ходилъ войной вопреки своему Сюзерену. За шо сшранникъ смѣло сшучался въ калишку феодальнаго владѣльца, садился за нижній конецъ его сшола, и плашилъ за госшепріимсшво разсказомъ. Бродячій пѣвецъ былъ необходимое лицо и на пиру и на похоронахъ. Онъ выпивалъ чару (эша прелюдія сохранилась очень набожно между пѣвцами) и пѣлъ, бренча на арфѣ; пѣлъ романсы про бишвы и подвиги предковъ, про дивныя приключенія паладиновъ; про чародѣевъ-зависшниковъ, про похищенныхъ красавицъ; про искушенія Свяшыхъ угодниковъ, которые выручали несчасшныхъ

Digitized by Google

изъ когтей бѣса или-изъ подъ колеса судьбы. Но больше всего они пѣли про славу и любовь, ибо всѣ тогда любили славу и славили любовь. Христіанство вывело женщинъ изъ-за рѣшетокъ и покрывалъ, и поставило ихъ наравнѣ съ мужчинами. Рыцарство возвысило ихъ надъ собою и природою; сдѣлало изъ нихъ идоловъ, обожало ихъ, чуть не обожествило ихъ. Обѣты испытанія и постоянства, едва вѣроятные намъ, были тогда обыкновеннѣе хлѣба насущнаго. Этотъ духовный союзъ душъ, это неизмѣнное стремленіе къ предмету своей страсти, это чудное свойство: во всей природѣ чувствовать одно, видѣть одно — не есть-ли практическій Романтизмъ, Романтизмъ на дѣлѣ? — Прибавьте ко всему этому установленіе военно-духовныхъ Орденовъ, пролившихъ мрачный мистицизмъ на поэзію, и ужасъ, наведенный Тайнымъ Судилищемъ на всѣхъ. Fehmgericht былъ какая-то сѣнь, тяготѣвшая надъ Средними Вѣками, какое-то подземельное привидѣніе, поражавшее какъ разбойникъ изъ-за угла. А проклятія Церкви? а Инквизиція? . . . Вотъ отъ чего пѣсни Трувэровъ, Миннезингеровъ, Менестрелей, такъ часто переходятъ отъ звона мечей ко вздохамъ, отъ клятвы къ молитвѣ, отъ грусти разлуки къ бѣшенству гулянки — и пѣсня ихъ не рѣдко замираетъ недоконченная, будто они оглядываются со страхомъ, не подслушиваетъ-ли ихъ какой домовой или разсыльщикъ.

Но всего болѣе на Готическую Литтературу произвело впечатлѣнія вторженіе Нордманновъ (на-

Digitized by Google

шихъ Варяговъ) во Францію, Мавровъ въ Испанію, и Крестовые походы.

Шайки голодныхъ, полунагихъ, но безстрашныхъ, бѣшеныхъ славою Скандинавовъ, кидались въ лодки, выбирали себѣ Морскаго Царя (See Konung) и подъ его началомъ переплывали моря незнаемыя, входили въ первую встрѣчную рѣку, волокли на себѣ ладьи по землѣ, если нужно было спустить ихъ въ другую рѣку, и по ней вторгались внутрь сильныхъ, обильныхъ Государствъ; гибли или покоряли области, сражались не спрашивая числа, грабили, истребляли не щадя ни пола, на святыни; но взявъ осѣдлость, укрощались вѣрою, хотя страсть къ завоеваніямъ и водному кочевью долго бросала ихъ потомковъ на другіе народы.

Вспомнимъ завоеваніе нашей родины и Нормандіи, сперва; завоеваніе Англіи, потомъ, и частные набѣги ихъ въ Испанію, въ Сицилію, въ Ирландію, всюду, гдѣ была добыча на приманку и вода для сплава. Скоро забыли Скандинавы своего Одина, своихъ Валкирій, свою Валгаллу (рай), обѣщанную храбрымъ — но духъ сагъ ихъ, но мысленность Сѣвера, соединясь съ остроуміемъ и живостію Французовъ, внѣдрились въ характеръ Нордманнскій, и переплывъ за Ламанку съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, перегорѣвъ въ пламени битвъ и мятежей, возникли, величественны и самобытны, въ Литературѣ Англійской, которая по праву и по достоинству стала образцовою. Изъ этой-то амальгамы, безпечнаго, вѣтренаго, легкомысленнаго, всегда поющаго Француза, съ жителемъ угрюмаго Сѣвера,

Digitized by Google

который будучи осажденъ зимою въ своей хижинѣ, по неволѣ былъ загнанъ въ самого себя и углублялся въ душу, произошелъ неподражаемый юморъ, отличающій вѣкъ нашъ. Стоики величались тѣмъ, что презирали страданье и смерть — юморъ дѣлаетъ лучше безъ всякой хвастливости: онъ смѣется въ промежуткахъ страданій и шутитъ надъ смертію, играетъ съ пеплей; не рѣдко рискуетъ самою душой для остраго словца. Мы ворошимся къ нему, когда станемъ говорить о стихіяхъ Романтической Словесности.

Нужда выживала Скандинавовъ изъ отчизны, а безуміе отваги, жадность къ славѣ влекли ихъ къ опасностямъ и завоеваніямъ. Мавры были двинуты вдохновеніемъ Магомеда. Съ кликомъ: Бисмалла! Бисмалла! (во имя Божіе) ворвались они въ Испанію и принесли съ собою Востокъ, во всей изящности Поэзіи, Архитектуры и наѣздничества; но по несчастію, просвѣщеніе Халифовъ было не звѣзда, а ракета: оно изумило, плѣнило всѣхъ — и погасло въ неразгонимой тучѣ Испанскаго невѣжества. Но если съ паденіемъ Боабдила, Университеты Пиренейскаго полуострова вѣкъ отъ вѣка погрязали глубже въ болото вздорной Схоластики, за то роскошь выраженій, за то новость стиля чудно привились къ Европейскому Романтизму, и утонченное рыцарство, вмѣстѣ съ Сегедиллами и Романсерами, вмѣстѣ съ витыми столбами, съ кружевно-прорѣзными башенками, со стрѣльчатыми окнами, разлилось по всему лицу Европы.

Трудно постичь, какъ могли Мавры Мусульмане возвыситься до такой степени чистоты въ поня-

Digitized by Google

шіяхъ уваженія къ женщинамъ и рыцарской чести, въ чемъ они стали указкою для Европейцевъ! Впрочемъ, они, запирая женъ своихъ подъ замокъ, тѣмъ не менѣе охочи были поволочиться за Христіанками, хотя-бы то была чужая жена или невѣста, и такъ-же охотно давали серенады подъ окномъ своей Дильферибъ (обольстительницы сердецъ), какъ ломали копья на груди соперниковъ по славѣ или по любви. Бросая символическій букетъ на грудь своей любезной, Мавръ изъяснялся и въ рѣчи цвѣтами, подобіями, гиперболами. Онъ ввелъ въ моду узорочья, блестки, благовонія, насѣчку — и скоро ихъ калейдоскопическая пестрота отразилась на всей Поэзіи Юга и Запада, а Крестовые походы сдѣлали ее еще болѣе общею. То была радуга Индустана, блеснувшая въ облакахъ Европы.

Крестовые походы было умилительное, величественное событіе. На зовъ бѣднаго пустынника Короли покинули свои короны; дворяне за оружіе заложили или продали помѣстья; богачи роздали имѣніе бѣднымъ или монастырямъ, и цѣлыя поколѣнія, не зная дороги, не заготовивъ хлѣба, ринулись куда-то, восторженные духомъ набожности и негодованія, отбивать у невѣрныхъ Гробъ Господень. Старъ и малъ тѣснился въ первый рядъ на битву, восклицая: «Такъ хощетъ Богъ!» И прижды обрушивалась такъ Европа на Азію, подобно ледяной лавинѣ, для того чтобъ растаять подъ жгучимъ солнцемъ Палестины. Храбрые крестоносцы погибли всѣ, потеряли все, и то что завоевали, и

Digitized by Google

то что оставили дома. Но дѣло судебъ Божіихъ минуло не даромъ. Огроменъ былъ подвигъ, слѣдствія неисчислимы. Крестовые походы дали средства усилиться Королямъ, во время отсутствія непослушныхъ Бароновъ, сплавить во едино мелкіе народцы, округлить, устроить по-немножку свои Королевства. Единовластіе и соединеніе (послѣдствіе его) бывали всегда благодѣтельны во времена междоусобій. Крестовые походы пресытили Духовенство окладами, возгордили его властію, происшекшею изъ религіознаго направленія умовъ — и все это на пагубу себѣ. Развратъ, лукавство, киченіе, злоупотребленіе исповѣди и разрѣшеній, самое богатство Духовенства пробудили въ сердцахъ многихъ народовъ глухое чувство нетерпѣнія къ деспотизму совѣсти, чувство зависти къ церковнымъ помѣстьямъ, выроженнымъ потомъ ихъ... То было предтечею Лютеранства, которое впослѣдствіи раскололо на полы всю Европу, послѣ тяжкихъ войнъ и кровавыхъ явленій. Кромѣ того, не одни мощи и раковинки принесъ инвалидъ-крестоносецъ на родину, съ береговъ Іордана — о нѣтъ: изъ тяжкихъ походовъ своихъ онъ принесъ сѣмена вѣротерпимости. Науки раздвинулись опытнымъ познаніемъ свѣта. Словесность разбогатѣла Восточными Сказками, столь причудливыми, столь замысловатыми! Въ нихъ-то впервые простолюдины стали играть роли наравнѣ съ Визирями и Ханами, и дворяне въ первый разъ сознались вниманіемъ своимъ, что и народъ можетъ быть очень занимателенъ, народъ, который у себя водили они

Digitized by Google

въ ошейникахъ, будто гончихъ, и цѣнили часто ниже гончихъ. Но и Европейскіе простолюдины (имъ далеко еще было до имени народа), не имѣвшіе никакихъ правъ, имѣли свои обычаи, свои забавы, свою поэзію. Составляя часть глыбы земли по закону, по природѣ они составляли часть человѣчества, и хоть ползкомъ, но подвигались впередъ; жили какъ вещь, но какъ живая вещь, любили, ненавидѣли. Мало дошло до насъ старинныхъ пѣсенъ черни Европейской въ первобытномъ видѣ (за исключеніемъ Бриганіи и нашей Руси, гдѣ народъ составлялъ массу), но мы можемъ угадать простонародное происхожденіе многихъ балладъ въ вычурныхъ стихахъ пѣвцовъ, которые занимали основу, не рѣдко и самыя выраженія, у изустныхъ преданій черни. Сказки за то, эта картина, это fac-simile ума старины, была старины, живыя еще доселѣ въ устахъ простонародья, лежатъ бездоннымъ рудникомъ для родной поэзіи. Божественная поэзія! Ангелъ утѣшитель старины! Ты являлась вездѣ, гдѣ только нужно было отереть слезу, или дать сладость улыбкѣ. Ты одушевляла на добро и славу Князей, гуслями пѣвцовъ; ты заставляла прыгать бѣднягъ подъ липою, гудкомъ бродячаго слѣпца; ты убаюкивала чудесною сказкою раба на теплѣ хижины, сожженной въ двадцатый разъ междоусобіемъ. Ты смѣшила голодныхъ солдатъ своими прибаутками; ты бросала символы свои во всѣ обряды важныхъ случаевъ жизни; засыпала радужнымъ пескомъ крючковатое маранье (grimoire) приговоровъ. Ты населяла даже запечье и подполье рѣзвыми жильцами; давала голосъ бутылкѣ шинка-

Digitized by Google

ря, пѣсню оковамъ узника, блескъ пюпору казни. Ты была вездѣ, украшала все; шы вила струны свои шо изъ цѣпочки паникадила, шо изъ шепивы, шо изъ удавки. Простюй народъ почши всегда сохранялъ эшу поэзію, но мы къ ней шолько чшо возвращаемся; и слава Бегу! Лучше пошолкаться у горъ на масляницѣ, чѣмъ зѣвашь въ общесшвѣ Греческихъ боговъ или съ поршрепами своихъ напудренныхъ предковъ.

Между шѣмъ какъ дробные и бельшіе владѣльцы шормошили другъ друга, между шѣмъ какъ Свяшыя войны укликали ихъ за придевяшь земель, возникала и крѣпла въ Европѣ, совершенно незнаемая въ древносши сшихія гражданспвенносши, сшихія, кошорая впослѣдсшвіи поглошила всѣ прочія — я говорю о мѣщанспвѣ, Bourgeoisie. Купцы и ремесленники, обыкновенные жильцы городковъ, желая собспвеннаго суда и расправы, покупали право на оные у своего владѣльца, деньгами или услугами, а иногда, чувспвуя себя въ силѣ, возмущались просшо, прибѣгали подъ защиту какого нибудь сосѣдняго владѣльца или Епископа, и дрались на смершь съ шѣми, кошорые хошѣли по праву или по прихоши покорипь ихъ вновь; лукавили, ползали въ безсиліи и мяшежничали опяшь до шѣхъ поръ, пока сила какого нибудь Короля не уничшожала ихъ до шла, или сила обсшоящельспвъ не оспшаивала до позднихъ временъ. Случалось, чшо одна шолько часшь города получала или брала право общины, ошдѣлялась спѣной и не рѣдко вела войну съ сосѣдями. Случалось, чшо сами Короли производили деревни въ слободы,

Digitized by Google

и города въ общины, для населенія ихъ послѣ язвы или раззоренія отъ враговъ. Какъ-бы то ни было, но эти коммюни (Communes) не походили ни на Римъ, ни на Спарту, гдѣ городъ былъ Государство; ни на Лондонъ и Парижъ, гдѣ городъ столица Государства; ни даже на Тиръ, на Карѳагенъ, на нашъ Новгородъ, которые владѣли областями, имѣли отдѣльный политическій бытъ; это были просто города, иногда съ неограниченнымъ самоуправствомъ внутри, и часто безъ выгона за стѣною. Но въ стѣнахъ всѣхъ городовъ вообще, и вольныхъ въ особенности, кипѣло бодрое, смышленое народонаселеніе, которое породило такъ называемое среднее сословіе. Не имѣя пяди земли, оно завладѣло силами и произведеніями природы, наняло труды человѣка, отдало въ наемъ свои способности. Оно дало купцовъ, ремесленниковъ, художниковъ, ученыхъ; надѣло рясу священника, парикъ адвоката или Судьи, нахлобучило шапку Профессора, переодѣлось въ пеструю куртку странствующаго комедіянта; но всего важнѣе: оно дало жизнь писателямъ всѣхъ родовъ, поэтамъ всѣхъ величинъ, авторамъ по нуждѣ и по наряду, по ошибкѣ и по вдохновенію. Въ нихъ замѣчательно для насъ то, что родясь въ эпоху мятежей и распрей, въ сословіи мѣщанъ, въ сословіи понимающемъ себѣ цѣну и между тѣмъ униженномъ, презираемомъ аристократіею, которая въ тѣ блаженныя времена считала все позволеннымъ себѣ въ отношеніи къ нижнимъ слоямъ общества — авторы воспитали въ своей кастѣ, и сохранили въ своихъ сочиненіяхъ ка-

Digitized by Google

кую-то насмѣшливую досаду на вельможъ и на дворянъ. Они сторицею отплатили имъ равно за насмѣшки, и подачки гораздо обиднѣйшія насмѣшекъ. Не могши ступить за Кишайскую стѣну благородства, которую сторожили могилы по крайней мѣрѣ двѣнадцать поколѣній (quartieri) — авторы бросали чрезъ нее стрѣлы Сатиры, Комедіи или Эпиграммы, толковали сельской и городской черни объ обязанностяхъ господъ, а между тѣмъ духъ времени работалъ событіями лучше нежели всѣ они вмѣстѣ. Изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія добило старинное дворянство. Первое ядро, прожужжавшее въ рядахъ Рыцарей, сказало имъ: «Опасность равна для васъ и для вассаловъ вашихъ.» Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ разночинцевъ надъ невѣждами дворянчиками. Латы распались въ прахъ. Ковы и семейныя тайны знатныхъ стали достояніемъ каждаго. Духъ зашевелился вездѣ: онъ рвался на просторъ, отъ того что тѣлу пришло черезъ чуръ тѣсно. Открыли Новый Свѣтъ; новый волканъ потрясъ Европу, утомленную Папизмомъ. Войны Протестантовъ на полѣ и на каѳедрѣ проявили духовность Христіанской религіи во всей ея чистотѣ, а переводами на народные языки книгъ Священнаго Писанія она впервые стала знакома народу. Съ этихъ поръ, пророческій мистицизмъ, Восточная роскошь описаній, иносказанія и торжественность языка завладѣли всею поэзіею: міръ Библіи ожилъ подъ кистью Рафаэля, подъ перомъ Мильтона, отразился во всемъ и вездѣ. Можно

Digitized by Google

сказашь: съ шой поры не прешавала явная борьба двухъ началъ полишическихъ, принявшихъ на себя сперва краску религіознаго фанашизма, а пошомъ лишшерашурной исключишельносши. Реформашы ошвергли Кашоличесшво, ошъ шого, чшо оно впало въ вещесшвенносшь и вмѣшалось не въ свои дѣла, захвашивъ чужое добро. Мы сбрасываемъ съ себя Классицизмъ, какъ исшлѣвшую одежду мершвеца, въ коюрую хошѣли нарядишь насъ. И ничего нѣшъ справедливѣе: дубъ прекрасное дерево — слова нѣшъ; но дубовый пень плохая защиша ошъ солнца. Зачѣмъ-же вы привязываеше дѣшей къ гнилушкѣ, когда они могушъ найдши прохладу подъ кудрявою березкою? Для живыхъ надо живое.

(До слѣдующей книжки).

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Лѣтописецъ Соловецкій* на четыре сполѣтія, ошъ основанія Соловецкаго монастыря до настоящаго времени, ш. е. съ 1429-го по 1833-й годъ. *Изданіе третіе*, вновь исправленное, и пополненное изъ Архивныхъ монастырскихъ дѣлъ и старинныхъ документовъ, трудами *Настоятеля сего монастыря, Архимандрита и Кавалера Досиѳея*, для удовольствія благоговѣйныхъ почитателей обители сея. М. 1833 г. въ Ун. типп. in-8, 175 стр.

Не только *удовольствіе почитателямъ священной обители*, но и драгоцѣнный подарокъ всѣмъ любителямъ Отечественной Исторіи доставляетъ почтенный Начальникъ обители Св. Зосимы и Саввашія *новымъ изданіемъ* сей книжки. *Первое* изданіе краткаго Лѣтописца Соловецкаго напечатано было въ 1815, второе въ 1821 году. Нынѣшнее умножено драгоцѣнными прибавленіями О. Арх. Досиѳея.

Частныя бытописанія Россійскихъ обителей соединены съ общею Исторіею Россіи. Въ ихъ лѣ-

Digitized by Google

шописяхъ, запискахъ, грамашахъ, архивахъ, хранятся драгоцѣнные машеріялы для бытописаній Ошечества. Ихъ стѣны не только свящынею возбуждаютъ наше благоговѣніе: они священны и по *воспоминаніямъ прошедшаго*. Основаніе, украшеніе многихъ обителей ознаменовывало. событія достопамяшныя; вклады въ нихъ бывали намяшниками дѣяній; въ нихъ, наконецъ, покоятся осшанки мужей великихъ и приснопамяшныхъ. А со сколькими дѣлами сливаются имена многихъ обителей? Не только знаменишые монасшыри Русскіе, но и малоизвѣсшныя бѣдныя обишели, могутъ быть для насъ замѣчашельны во всѣхъ сихъ оношеніяхъ. Такъ: въ *Веневскомъ Николаевскомъ* монасшырѣ покоятся сшрадалецъ Пименъ, владыка Новгородскій, рядомъ съ жершвою неукрошимыхъ сшрасшей своихъ, *послѣднимъ Смоленскимъ Княземъ*, Юріемъ; въ *Новинскомъ* Московскомъ монасшырѣ почиваешъ сшрадалецъ Ворошынскій; въ *Желѣзногородскомъ* монасшырѣ, близъ Галича, молился Темный, когда рѣшалась будущая судьба Россіи: быть или не быть Удѣламъ, возсшать или пасть Единодержавію? — Въ *Николаевскомъ Корельскомъ* укажутъ вамъ на гробы дѣшей Мароы Посадницы и, *можетъ быть*, на *Вѣчевой колоколъ Новгородскій* (*). Въ *Отроче монастырѣ* вы преклоните колѣна въ шой келліи, гдѣ былъ умерщвленъ злодѣемъ Скурашовымъ Свяшишель Филиппъ Мишрополишъ! Но сколько подоб-

(*) См. догадку о семъ въ 15-й кн. Телеграфа, на сей годъ, стр. 446-я.

Digitized by Google

ныхъ *знаменій* историческихъ найдется въ обителяхъ знаменитыхъ: Спасо-Евфиміевской Суздальской, Кіево-Печерской, Пафнутьевской Боровской, Юрьевской Новгородской, Кириловской Бѣлозерской, Воскресенской Ново-Іерусалимской, Троицко-Сергіевской?

Къ числу сихъ знаменитыхъ обителей причислить должно и *Зосимо-Савватіевскую Соловецкую*. Поставленная на крайнихъ предѣлахъ Россіи, *среди пучины Бѣлаго моря*, она ежегодно привлекаетъ на поклоненіе святымъ предмешамъ, въ ней хранящимся, тысячи людей изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи, а историкъ читаетъ на стѣнахъ ея цѣлые ряды событій. Начиная съ первой четверти XV-го вѣка, когда святой пустынножитель Зосима зрѣлъ въ видѣніи на воздухѣ чудную церковь, какая будетъ нѣкогда воздвигнута на его дикомъ, отдаленномъ островѣ, и когда онъ ходилъ въ Новгородъ испрашивать милости у Марѳы Посадницы, въ теченіе трехъ столѣтій до Петра Великаго Исторія Соловецкой обители исполнена сказаній памятныхъ. Здѣсь постригается въ монашество *Филиппъ*; отсюда исходитъ онъ на первосвятительство Россійское, и святые мученическіе останки его, черезъ много лѣтъ потомъ, принимаетъ Соловецкая обитель; сюда посылаетъ покаяніе свое Царь Іоаннъ Грозный; Шведы нападаютъ на обитель, и простой инокъ обноситъ ее дивными стѣнами; здѣсь живетъ въ ссылкѣ несчастный слѣпецъ, Царь Казанскій *Симеонъ*; доски съ гробницъ Св. Зосимы и Савватія несутъ въ Москву (1616 г.),

Digitized by Google

какъ хоругви побѣды; Келарь *Аврамій* Палицынъ умираетъ здѣсь въ изгнаніи, далеко отъ мѣстъ славныхъ его подвигами. Мощи Филиппа торжественно везутъ въ Москву, и ихъ сопровождаетъ знаменитый Никонъ. Но вскорѣ другое зрѣлище: иноки Соловецкіе (1656 г.) не принимаютъ церковныхъ исправленій Никона, бунтуютъ; укрощить ихъ посылаютъ войско (1667 г.), и девять лѣтъ продолжается осада обители. Воцаряется Петръ, и по волнамъ Бѣлаго моря испытываетъ дивную судьбу свою плаваніемъ въ Соловецкій монастырь; онъ ѣдетъ пѣшомъ отсюда непроходимыми лѣсами Олонецкими, велитъ тащить за собою корабли по землѣ, является подъ Пешербургомъ, береть его, и — закладываетъ новую столицу Россіи.

Все это исчислено и отчасти описано, кратко, но вполнѣ, почтеннымъ О. Архим. Досиѳеемъ, и дѣлаетъ *Лѣтописецъ Соловецкій* драгоцѣннымъ матеріяломъ для Исторіи. Читателямъ Телеграфа уже извѣстно (N XII, стр. 632), что изъ Лѣтописца Соловецкаго узнали мы наконецъ мѣсто, гдѣ кончилъ дни свои безсмертный Аврамій Палицынъ. Но и кромѣ того, О. Досиѳей помѣстилъ въ Лѣтописцѣ много другихъ любопытныхъ подробностей. Таково, на примѣръ, исчисленіе благодѣяній и улучшеній, какія оказаны были Соловецкой обители Св. Филиппомъ, въ бытность его тамъ еще Игуменомъ. Старинная записка о томъ отличается какимъ-то особеннымъ добродушіемъ. Говоря, что Филиппъ учредилъ соловарни, прорылъ каналы, проложилъ дороги, завелъ мѣльницы, постро-

Digitized by Google

илъ домы, описатель прибавляетъ: «До Филиппа на сушило рожь носили многіе братія, а онъ нарядилъ тѣлегу: сама насыпается, да и привезется, да сама высыплетъ рожь на сушило. До Филиппа подсѣвали рожь братіе многіе, а онъ доспѣлъ сѣвальню: десятью рѣшеты одинъ старецъ сѣетъ; да доспѣли рѣшето: само сѣетъ и насыпаетъ, и отруби и муку разводитъ розно, да крупу само сѣетъ и насыпаетъ, и разводитъ розно крупу и высѣвки. До Филиппа квасъ парили, ино сливали вся братія и слуги многіе и изъ шваленъ, а при Филиппѣ парятъ квасъ старецъ, да пять человѣкъ, и сливаютъ тѣже, а братія уже не сливаютъ, ни слуги, ни изъ шваленъ, а самъ квасъ сольется со всѣхъ чановъ, да вверхъ подымутъ, ино трубою пойдетъ въ монастырь, да и въ погребъ самъ льется, да и по бочкамъ разойдется самъ по всѣмъ. Да при Филиппѣ прибыло: серебряныхъ сосудовъ въ пятеро, стопочки, чарочки и ковшички; да котелъ сдѣлалъ, сталъ въ полчетвертатцать рублевъ, да иные котлы дѣлалъ многіе; да коверъ купилъ, сталъ въ полтора рубля съ гривной. Да при Филиппѣ прибыли (къ трапезѣ монастырей): шти съ масломъ, да и разные масляные приспѣхи, блины, и пироги, и оладьи, и кружки рыбные, да и кисель, да и яичница; да стали въ монастырь возить огурцы и рыжики,» и проч.— Весьма любопытно описаніе пріѣздовъ Петра Великаго въ Соловецкій монастырь: въ первый разъ онъ прибылъ въ Іюнѣ 1694 г. и прожилъ въ обители три дня; въ другой разъ въ 1702 году, съ эскадрою, состоявшею изъ 13-ти разныхъ судовъ, и пробылъ

Digitized by Google

почти недѣлю. Съ нимъ были Царевичъ Алексѣй, многіе Бояре, Менщиковъ, Шафировъ, и около 4,000 человѣкъ солдатъ и матрозовъ. За всенощною на Успеньевъ день, и за обѣднею въ сей праздникъ, Петръ самъ пѣлъ на клиросѣ; потомъ обѣдалъ запросто съ иноками.

Исчисленіе вкладовъ въ Соловецкую обитель и пожертвованій отъ обители въ пользу отечества, имѣетъ достоинство историческое. Въ обители храняться донынѣ подлинныя записи на земли, подаренныя Маѳою Посадницею. Цари и вельможи Русскіе щедро обогащали потомъ обитель Соловецкую землями, угодьями, домами, драгоцѣнностями и деньгами. Іоаннъ Грозный прислалъ на поминъ души Царицы Анастасіи 100 рублей, на поминъ браша своего Юрія 100 р., Царицы Маріи 100 р. и кубокъ позолоченный, Царицы Маѳы 70 р., на поминовеніе Царевича Іоанна 500 р., на поминъ погибшихъ отъ гнѣва его иноковъ Соловецкихъ 100 рублей, кубокъ позолоченный въ 20 гривенокъ, соболью шубу, камчатный кафтанъ, мѣдные часы, золотой крестъ, 20 стакановъ, флягу, чару и кубокъ, серебряные; по Князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, матери и дѣтяхъ его, прислано было 200 р., по Князѣ Щеняшевѣ 200, и снова по сынѣ Грознаго Іоаннѣ 200 рублей, мѣхъ соболій, ожерелье бобровое и кусокъ золотнаго бархата. Наконецъ, на поминъ избіенныхъ Новгородцевъ 753-хъ человѣкъ, прислано было отъ Царя 1,100 рублей. Царь Ѳеодоръ взнесъ въ обитель на поминъ отца 333 р. 33 к., да на поминъ дочери своей Ѳеодосіи 500 рублей.

Digitized by Google

Царь Борисъ прислалъ на поминъ души Царя Ѳеодора 1,000 рублей, и въ раздачу инокамъ 665 рублей. Бояринъ Морозовъ, при Царѣ Алексіи, принесъ въ даръ на гробницы Зосимы и Саввашія двѣ доски серебряныя, чеканныя, вѣсомъ въ 4 п. 35 ф. 12 зол. Но когда настали бѣдствія ошчизны, Соловецкая обитель отправила въ Новгородъ къ герою Скопину 2,000 рублей; потомъ къ самому Царю Василію 3,150 рублей; въ 1632 г., когда отвсюду были требованы пособія въ Царскую казну, послано къ Царю Михаилу 13,852 рубля. Вотъ черта времени замѣчательная: отвергая новоисправленныя Никономъ книги, обитель Соловецкая въ то-же время отправила къ Царю Алексію, въ пособіе отечеству, 13,000 рублей, и потомъ еще 20,000 рублей и 200 червонцевъ; за сей послѣдній даръ Царь прислалъ въ обитель для раздачи на братію 386 коврижекъ пряничныхъ; въ 1764 г. при отобраніи отъ монастырей крестьянъ (Соловецкій владѣлъ болѣе нежели 5,000 душъ), поступила въ казну и экономическая сборная сумма монастырская, всего 35,030 р. 60 к.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія въ свѣтъ полнаго *Историческаго и Топографическаго описанія Соловецкой обители*, приготовленнаго О. Досиѳеемъ (о чемъ извѣстно уже читателямъ изъ Телеграфа, № XV, стр. 448), а между тѣмъ и за изданіе краткаго Соловецкаго Лѣтописца повторяемъ благодарность ему отъ лица всѣхъ просвѣщенныхъ любителей Отечественной Исторіи.

Digitized by Google

—*Историко-Юридическое изслѣдованіе Уложенія*, изданнаго Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, въ 1649 году. Соч. Владиміра Строева. СПб. 1833 г. Въ т. Акад. Наукъ, in-8, VI и 157 стр.

Появленіе этой небольшой книжки порадовало насъ по многимъ отношеніямъ: это *первый* трудъ молодаго изслѣдователя Исторіи и Древностей Русскихъ. Сердечно желаемъ, чтобы за симъ трудомъ слѣдовало еще много другихъ, и надѣемся сего, ибо Сочинитель имѣетъ драгоцѣнное преимущество передъ многими занимающимися Отечественною Исторіею: онъ родной братъ и сотрудникъ почтеннаго Археографа Русскаго П. М. Строева, и, слѣдственно, можетъ пользоваться богатыми источниками и пособіями, какіе находятся въ рукахъ его, а извѣстно, что ему открыты всѣ архивы, по званію Археографа Академіи Наукъ. При такихъ средствахъ, и при знаніи въ древностяхъ Отечественныхъ старшаго брата, Сочинителю *Изслѣдованія объ Уложеніи* остается только имѣть охоту къ занятію и умѣнье заниматься. Что касается до предметовъ, требующихъ занятія ученаго и критическаго въ Русской Исторіи — они безчисленны! Если-бы теперь вдругъ сто человѣкъ ревностныхъ дѣлателей вступило на поприще занятій Отечественною Исторіею и вспомогательными ея знаніями, то и такое число не скоро могло-бы истощить все, что остается еще обрабатывать. Говоримъ по опыту, и можемъ подтвердить слова наши вѣрными доказательствами.

Сочиненіе В. М. Строева замѣчательно еще и

Digitized by Google

потому, что оно получило поощрительную премію Демидовскую отъ Академіи Наукъ, бывъ представлено Сочинителемъ къ сочтенію. Изъ словъ нашихъ Сочинитель можетъ видѣть искреннее желаніе наше дальнѣйшихъ ему успѣховъ. Послѣ сего онъ повѣритъ, что одно желаніе добра руководствуетъ насъ въ несоглашеніи со многимъ, что нашли мы въ его любопытной и замѣчательной книжкѣ. Все *Изслѣдованіе* Г-на Строева раздѣлено на *девять* главъ, изъ коихъ въ пяти первыхъ заключаются Историческіе выводы, касательно Уложенія (причины изданія онаго; образъ сочтавленія и утвержденія; источники; значеніе; идея его). За тѣмъ слѣдуютъ изслѣдованія, или лучше сказать *обозрѣнія*, юридическія: Сочинитель говоритъ о расположеніи статей Уложенія и систематически изъясняетъ его содержаніе. Въ послѣднемъ споритъ не о чемъ, а относительно перваго *отдѣленія*, намъ кажется, что Сочинитель смотрѣлъ на Уложеніе Царя Алексія не съ надлежащей точки зрѣнія. Мы предложимъ подробный разборъ труда В. М. Строева, въ одной изъ книжекъ Телеграфа 1834 года, ибо важность и новость предмета стоятъ подробнаго оными занятія.

— *Торквато Тассо.* Большая драматическая фантазія, въ стихахъ. Сочиненіе Н. К. (Писано въ 1830 и 1831 гг). СПб. 1833 г. Въ т. Н. Греча, in-8, VIII и 174 стр. (*).

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 8 р. асс. за экземпляръ.

Digitized by Google

Имя Автора, кажется, не было знакомо читателямъ *печатно* (по крайней мѣрѣ, мы не припоминаемъ теперь, чтобы когда нибудь встрѣчали его имя среди другихъ, весьма многихъ). И вдругъ является онъ, въ толпѣ истершыхъ литтературныхъ извѣстностей, среди столькихъ поблекшихъ надеждъ Русской Словесности, и *немногихъ* поэтовъ нашихъ, уцѣлѣвшихъ въ дыму хваленій и въ чаду осужденій — является съ твореніемъ поэтическимъ, прекраснымъ по идеѣ, прекраснымъ по стихамъ, и обѣщающимъ многое въ будущемъ (если и на этотъ разъ Фебъ не обманетъ насъ обѣщаніемъ поэта, какъ обманывалъ столь часто и столь безсовѣстно). Да, *Торквато Тассо* Г-на Кукольника прекрасенъ, какъ заря весенняго дня, какъ *первый* смѣлый шагъ поэта, съ душею сильною, стихами звучными, сердцемъ пламеннымъ.

По странной случайности, Тассъ въ одно и тоже время былъ предметомъ вдохновенія для другаго Русскаго поэта, Г-на Кирѣева. Драма его напечатана въ СПбургѣ, играна на тамошнемъ Театрѣ, и дана была на Московскомъ Театрѣ. Мы не знаемъ еще драмы Г-на Кирѣева, ибо тщетно искали ее въ Московскихъ книжныхъ лавкахъ. Но читавшіе ее увѣряютъ, что и это созданіе прекрасно. Намъ знакомо уже поэтическое дарованіе Г-на Кирѣева по его Думѣ объ Іоаннѣ Грозномъ, и мы порадовались, что другія занятія даютъ ему возможность удѣлять досуги и на занятія Словесностью.

Надѣясь вскорѣ имѣть въ рукахъ экземпляръ дра-

Digitized by Google

мы Г-на Кирѣева, мы хотимъ заняшь разборомъ, какъ его, такъ и Г-на Кукольника сочиненія, три, четыре листа въ Телеграфѣ. Можетъ быть, и самимъ Сочинителямъ будутъ не безполезны наши безпристрастныя замѣчанія; но мы имѣемъ въ виду не указку Аристарха, а, просто, собственное наслажденіе: поговоришь объ истинно-изящныхъ созданіяхъ, пріятныхъ нечаянностяхъ среди прозы Русской Поэзіи. Совѣтуемъ между тѣмъ нашимъ читателямъ удѣлить нѣсколько часовъ для ознакомленія съ драмою Г-на Кукольника: ихъ ожидаетъ наслажденіе истинно-прекраснымъ, истинно-изящнымъ созданіемъ. Несогласные весьма во многомъ съ поэтомъ, мы думаемъ, не смотря на то, что каждый читатель съ чувствомъ повторишь, по прочтеніи драмы Г-на Кукольника, сказанное имъ въ предисловіи, гдѣ отвѣчаетъ онъ на вопросъ: *кому* посвятишь ты трудъ свой?

Кому? Тому, кто жизнь мою украситъ
Простымъ вѣнкомъ отъ сердца и души;
Кто въ тысячахъ стиховъ моихъ угрюмыхъ
Найдетъ одинъ достойный похвалы,
И этотъ стихъ въ своемъ запрячетъ сердцѣ,
И каждый разъ, когда я встрѣчусь съ нимъ,
Изъ сердца онъ тотъ стихъ тихонько вынетъ,
Покажетъ мнѣ, и съ радостью примолвитъ:
« Ты написалъ, а я храню на сердцѣ! » —
Ему, иль *ей*, я посвящу мой трудъ,

Digitized by Google

Да, съ пѣмъ стихомъ, какъ съ факеломъ ночнымъ,
Съ начала до конца мой трудъ проходитъ;
И, если смыслъ фантазіи проникнетъ,
Не правда-ли: онъ будетъ другомъ мнѣ,
А добрый стихъ евятымъ кольцомъ союза?

Мы увѣрены, что души многихъ читателей *проникнутъ смыслъ фантазіи*, и сольютъ *кольцы дружбы* изъ многихъ стиховъ поэта.

— *Роесія и Баторій*. Историческая драма, въ 5-ши дѣйствіяхъ. Соч. Барона Розена СПб. 1833 г. Въ т. Инсп. Департ. Военн. Мин. in-8, 204 стр. (*).

Поставивъ это заглавіе новаго сочиненія Барона Розена послѣ *Торквато Тассо* Г-на Кукольника, невольно подумаешь: изъ какихъ противоположностей сплетена жизнь человѣческая, и какая въ ней смѣсь прозы и поэзіи! Но *прозы больше*; да такъ и должно быть. Жуковскій давно сказалъ:

Друзья! вселенная красна;
Но ежели разсудимъ строго,
Найдемъ, что *мало въ ней вина*,
А что *воды слишкомъ много!*

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 8 р. асс. за экз.

Digitized by Google

Словесность должна быть и есть отраженіе жизни; слѣдственно, и въ ней *прозы* должно быть болѣе; въ этомъ скрываться не для чего; смѣло надобно глядѣть на этотъ законъ необходимости, и, вслѣдствіе сего закона, послѣ *Тасса* надобно было сказать читателямъ нашимъ именно о *Россіи* и *Баторіи* — огромномъ кубкѣ воды прозаической, который подноситъ Баронъ Розенъ всѣмъ любителямъ чтенія стиховъ и драмъ.

Не хочетъ-ли сей извѣстный Русскій писатель образовать изъ жизни Іоанна Грознаго цѣлаго ряда картинъ стихотворныхъ? По крайней мѣрѣ, онъ издалъ уже поэму: *Рожденіе Іоанна Грознаго.* Теперь напечаталъ онъ драму, гдѣ изображаетъ послѣднее время жизни Іоанна, упадокъ духа сего великаго Царя, столь рѣзко обозначающій дѣйствія его въ войнѣ съ Баторіемъ, и въ другихъ обстоятельствахъ сего времени. Дотолѣ свирѣпый, гордый, Іоаннъ видѣлъ наказаніе Божіе въ побѣдахъ Польскаго Короля. Трепеща въ своихъ Александровскихъ чертогахъ, онъ унижался передъ Поссевиномъ, терпѣлъ безъ отвѣта укоризны Курбскаго, приказывалъ Посламъ своимъ унижаться передъ Польскимъ Королемъ, и при переговорахъ о мирѣ сноситъ отъ Поляковъ ругательства, *даже побои.* Такъ и должно было кончить Іоанну — чудному Историческому явленію, быстро доведшему до перелома періодъ Русской Исторіи, начатой дѣдомъ его Іоанномъ III-мъ. Но въ то-же время, *Грозный* еще не погасъ въ Іоаннѣ. Онъ женится на *седьмой* женѣ, жжетъ измѣнника Бомелія, называетъ Папу

Digitized by Google

волкомъ, въ присутствіи Поссевина, хочетъ свататься на Англійской Принцессѣ, страшится аристократіи, которая грозитъ ему даже изъ могилъ, гдѣ лежатъ тысячи жертвъ Іоанна, и вспыхнувъ мгновенною яростію, Іоаннъ убиваетъ сына, едва только мысль: *онъ возстанетъ на тебя!* пролетѣла въ душѣ его. Но кровь уже не льется рѣками, и только *три года* осталось жить Іоанну. Въ сіи годы, онъ удивительный предметъ для изученія Историка и Философа, изумительное изображеніе темныхъ сторонъ Русскаго характера и своего вѣка!

Но *предметъ*-ли онъ *для Драмы?* Намъ кажется, *нѣтъ!* такъ-же, какъ не можетъ быть Драмы въ рѣшительномъ намѣреніи Донскаго сразиться съ Татарами, и послѣдовавшей за тѣмъ Куликовской битвѣ; ни въ паденіи Новгорода при Іоаннѣ III-мъ и погибели Марѳы; ни въ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ въ 1612 году и избраніи на престолъ Михаила: все это *эпилоги*, которые будутъ блѣдны безъ длиннаго ряда событій, приведшихъ къ симъ эпилогамъ. Это должны понимать драматическіе поэты, и помнить примѣръ великаго Расина, основавшаго цѣлую неудачную трагедію свою на отвѣтѣ Пора Александру. Если вы примешесь за созданія драмъ изъ сихъ *окончаній Историческихъ*, вы представите, можетъ быть, нѣсколько яркихъ сценъ, но за то необходимо впадете въ общія мѣста, должны будете заставить лица свои *говорить*, а не *дѣйствовать*, и мы будемъ холодны къ нимъ. Еще можно-бы изъ предме-

Digitized by Google

на, взятаго Барономъ Розеномъ, вывести рядъ *Историческихъ сцен*, или Драматическихъ картинъ, подобныхъ твореніямъ Вице, обведя кругъ дѣйствія обширнѣйшій, и думая не объ *единствѣ сценической Драмы*, но объ *изображеніи вѣка и людей въ драматическихъ явленіяхъ*. Баронъ Розенъ, напротивъ, нарочно все стѣснилъ, сжалъ, хотѣлъ создать сценическую Драму, и не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, чему и слѣдовало быть. Напрасно думалъ онъ воспользоваться романтическою свободою, переносилъ мѣсто дѣйствія, вставлялъ народныя сцены. Герои Драмы его только *резонируютъ*; народъ является у него по заказу, и вся драма влечется отъ начала къ концу безъ жизни, безъ связи.

Вотъ планъ драмы.

Дѣйствіе I. Москва. На сценѣ *жгутъ Бомелія*. — Дьякъ утѣшаетъ рѣчью народъ. Разные разговоры народа.—*Дворецъ въ Александровской слободѣ*. Сцена Годунова съ сестрою Ириною, женою Ѳеодора. Годуновъ хочетъ быть Адашевымъ для Царевича, старшаго брата Ѳеодорова, Іоанна. Монологъ Бориса (см. *Ист. Гос. Росс.* т. IX, стр. 317, 2-го изд). Выходитъ Царь. Ему доносятъ о разныхъ дѣлахъ. Онъ изъявляетъ гнѣвъ, робость, недовѣріе; наконецъ идетъ играть въ шахматы съ Бѣльскимъ. Борисъ начинаетъ уговаривать Царевича на добро; приводитъ старика, оправдывающаго передъ нимъ Адашева; Царевичъ рѣшается быть добрымъ.

Дѣйствіе II. Псковъ. Театральная сцена: клятвы

Digitized by Google

жителей и воевода въ вѣрности, и проч. Старецъ Дороѳей разсказываетъ видѣніе о пушкѣ Трескотухѣ. Приносятъ вѣсть о приходѣ Баторія. Народъ тащитъ пушку Трескотуху. Баторій приходитъ подъ Псковъ. Начинается пальба; драка и приступъ на сценѣ (шутъ нѣсколько затруднителныхъ положеній, если драму будутъ давать на Театрѣ. Какъ представишь слѣдующее: «Непріятель смущенъ; Рускіе преслѣдуютъ и *сѣкутъ* Литовцевъ?»). Наконецъ всѣ уходятъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, которые уйдти не могутъ и валяются по сценѣ. Толпа женщинъ: онѣ шутятъ, говорятъ про настоящее и про былое, тащатъ пушки, и проч. и проч. Все это помѣщено на 12-ти страницахъ, и оканчивается слѣдующими стихами:

Мы что-то заболтались!
Извѣстно: бабье дѣло *болтовня*.

Шуйскій (начальникъ Пскова) и прочіе Псковичи идутъ съ торжествомъ; читаютъ Баторіево письмо о сдачѣ города, отвергаютъ предложеніе; посылаютъ къ Царю извѣстіе объ отбитіи непріятелей.

Дѣйствіе III. Станъ Баторія. Король Стефанъ, Князь Курбскій и Поляки. Сцены раскаянія и великодушія Курбскаго, хвастовства и малодушія Поляковъ, твердости Русскихъ плѣнниковъ. Курбскій съ горя уѣзжаетъ изъ Польскаго стана (и зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ драму?) *Палаты Царя Іоанна.* Разговоръ Пословъ, назначенныхъ къ Баторію. Ца-

Digitized by Google

ревичъ, мимоходомъ, не велитъ имъ мириться съ Польшею. Торжественная сцена отпуска Пословъ. Смущеніе Царевича. Іоаннъ подозрѣваетъ его.

Дѣйствіе IV. Опять *станъ Баторія.* Король уѣхалъ въ Варшаву. Новыя сцены хвастовства и буйства Поляковъ. Русскіе нападаютъ, бьютъ, берутъ и гонятъ со сцены этихъ скучныхъ хвастуновъ. Но едва уходятъ Русскіе, являются Поляки, и начальникъ укоряетъ ихъ въ трусости и безчинствѣ. — *Жилище Поссевина.* Споры между имъ, Русскими и Польскими Послами о мирѣ. — *Дворецъ Іоанна.* Борисъ боится слѣдствія своихъ замысловъ обратитъ Царевича на добро. Онъ уговариваетъ его погодить исправленіемъ; Ирина дѣлаетъ тоже. Царевичъ ничего не слушаетъ. Сцена между имъ и Іоанномъ, въ родѣ сцены между Филиппомъ и Донъ Карлосомъ (однакожь на 9-ти страницахъ). Убіеніе Царевича, котораго тщетно хочетъ защитить Годуновъ, выбѣжавшій въ это время изъ за-кулисъ. Отчаяніе Іоанна: онъ въ горести ложится на сценѣ, на полу, пока уносятъ тѣло Царевича.

Дѣйствіе V. Домъ Годунова. Монологи его, разсказы Ирины объ Іоаннѣ, пріѣздъ Бѣльскаго, который хотѣлъ видѣться съ Годуновымъ и узнать объ его здоровьи (всего этого однакожь 13-ть страницъ). *Дворецъ Іоанна.* Разговоръ Бѣльскаго и Василія Шуйскаго. Вводная сцена негодяя Грязнаго. Пріѣздъ И. П. Шуйскаго, защитника Пскова, и Пословъ, заключившихъ миръ съ Польшею. Торжественная сцена: Царь благодаритъ всѣхъ, и от-

Digitized by Google

казывается отъ престола; его уговариваютъ, но тщетно; вдругъ является Атаманъ Кольцо, съ извѣстіемъ о покоренiи Сибири. Царь видитъ въ этомъ дѣлѣ милость Божію, и остается царствовать.

Будемъ судить, какъ можно хладнокровнѣе и безпристрастнѣе: *Драма*-ли все это передвиганье сценъ въ Москву, въ Псковъ, въ Александровскую слободу, въ станъ Баторія, въ домъ Годунова; все это мельканье лицъ, которыя приходятъ, говорятъ долго, иногда даже очень долго, и ничего не сказываютъ; наконецъ, вся эта замазка трещинъ между явленіями, *народныя* сцены? Нѣтъ! все это *не Драма:* видимъ бѣготню лицъ, сраженія, слышимъ разговоры, пальбу, крикъ и шумъ, но жизни нѣтъ, и ни что не клеится тутъ одно къ другому. Можете выкинуть половину явленій, и драма ничего не потеряетъ. *Баторій*, напримѣръ, вставленъ въ самое названіе драмы; слѣдственно, онъ долженъ быть однимъ изъ основаній оной? Но попробуйте пропустить всѣ сцены въ таборѣ Баторія, выкинуть его, выкинуть Курбскаго, Замойскаго, Поляковъ—и драма еще много выиграетъ, ибо сдѣлается гораздо короче. Она растянута пуще Божьяго милосердія (по старинной пословицѣ). Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, на 12-ти страницахъ описывать вздорную бесѣду Псковитянокъ, или на 13-ти страницахъ бесѣды Годунова съ Ириною, съ Бѣльскимъ, и разсказы Ирины!

Угодно-ли вамъ самимъ сочинить дюжину драмъ, въ родѣ *Россіи и Баторія?* Если вы умѣете *писать*

Digitized by Google

стихи, то есть: *приводить въ мѣру пять стопъ ямба, безъ рифмъ*, вотъ вамъ дюжина сюжетовъ въ хронологическомъ порядкѣ: *Рюрикъ и Славяне; Олегъ и Кіевъ; Олегъ и Греки; Игорь и Греки; Игорь и Древляне; Ольга и Древляне; Святославъ и Булгары; Святославъ и Хазары; Святославъ и Печенѣги; Ярополкъ и Древляне; Родня и Владиміръ* — или, когда угодно поновѣе: *Россія и Батый, Тамерланъ и Китай*, и ш. д. — Подумайте о каждомъ изъ этихъ сюжетовъ: вамъ легко будетъ обратить ихъ *въ дѣйствія*, и *въ явленія*; и вы создадите 12-ть *Историческихъ Драмъ*; и послѣ этого можете не быть ни поэтомъ, ни даже стихотворцемъ!

Мы сказали: «если вы умѣете *писать стихи*.» Именно: *писать*, а не *создавать* стихи свои Баронъ Розенъ (говоримъ о Драмѣ его: *Россія и Баторій*). Все можно пригнать въ мѣру. Напримѣръ, положимъ: вы отвѣчаете знакомому, что вы не поѣдете въ Театръ, хотя онъ васъ и приглашалъ:

Имѣлъ я честь записку получить,
И симъ спѣшу увѣдомить скорѣе,
Что нынѣ быть въ театрѣ не могу.
Охотно-бы дѣлилъ я наслажденье,
Но важныя мнѣ предстоятъ дѣла, и проч.

Скажите: не такіе ли это *стихи*, какъ и слѣдующіе (развертываемъ драму Барона Розена на удачу):

Digitized by Google

Людей наемныхъ тысячь 60,
А собственнаго войска 40,000,
И такъ всего 100,000! Ничего!
Хотя у насъ едва есть третья доля,
Когда считать и добрыхъ гражданъ всѣхъ,
Но—*дома* мы, есть крѣпкая стѣна,
И нашъ нарядъ исправенъ, слава Богу!

Или слѣдующіе:

Охъ, шельма, плутъ Замойскій! какъ умѣлъ
Обворожить Стефана простяка!
И не смѣшно-ль, что книжникъ, баккалавръ,
Отъ юныхъ лѣтъ глотавъ лишь пыль архивовъ,
Сталъ Гетманомъ? Намъ на войнѣ чего
Ждать добраго отъ мужа библіотекъ?

Тщетно искали мы *хоть одного стиха* душею поэтическою созданнаго, чтобы съ нимъ, какъ съ *факеломъ ночнымъ*, пройдти сквозь холодный мракъ *Россіи и Баторія*. Мы не нашли *ни одного* такого стиха! Въ нѣкоторыхъ видѣли мы прудъ ума — не болѣе! Не говоримъ уже о томъ, что *Русскаго* выраженія, *Русской* души, въ стихахъ Барона Розена мы и *искать не хотѣли*. Языкъ, какимъ говорятъ герои въ его драмѣ, можете приписать Тевтонскимъ Рыцарямъ, Японцамъ, Кишайцамъ, Индійцамъ, поставленнымъ на подмостки ямба, и

Digitized by Google

вы не почувствуете никакого противорѣчія въ этомъ безцвѣтномъ, прозаическомъ, мертвомъ языкѣ! Одно только утѣшаетъ при чтеніи, когда Сочинитель пускается въ *юморъ*. Тогда — невольно смѣетесь! Приведемъ два-три примѣра:

Іоанну доносятъ, что жены мужей, убитыхъ на войнѣ, взбунтовались, и требуютъ себѣ новыхъ мужей. Имъ *показали розги*, говоря: *вотъ вамъ мужья*, и неутѣшныя вдовы успокоились. Іоаннъ гнѣвается и хочетъ казнить ихъ; Царевичъ отговариваетъ:

Пускай живутъ молоденькія вдовы.
Онѣ мужей лишились на войнѣ,
Поплакали, соскучились однѣ
Въ супружеской постели, просятъ громко
Другихъ мужей, быть можетъ, для того (?),
Чтобы до насъ дошло ихъ челобитье.
Такъ стоитъ-ли пытать, постричь, казнить
За женскую, забавную затѣю?
Въ душѣ моей ихъ осудить не смѣю,
Когда я самъ женатъ уже на третьей!

Царь *(въ сторону)*.

Я на седьмой!

Поссевинъ ссорится съ Русскими Послами:

Digitized by Google

Поссевинъ.

посолъ, а воръ!

Олферьевъ.

Сей часъ пусти,

Иль *вышибу три зуба!*

Поссевинъ.

Грубіянъ!

Олферьевъ.

Эй, братъ, смотри, не сдобровать тебѣ,
Когда рукамъ даешь такую волю!

Елецкій.

Какъ смѣешь трогать Русскаго Посла?
А дѣло Царское ты на полъ мечешь!

Поссевинъ.

Ну вотъ оно! — Прошу васъ, господа,
Меня отъ этихъ Рускихъ защищать!

Олферьевъ.

А! струсилъ, братъ!

Полякъ.

Нехорошо, Антоній!

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ: *не хорошо!* примолвимъ мы съ нашей стороны, и закроемъ драму Барона Розена, желая ей *спокойной ночи* въ книжныхъ лавкахъ, вѣроятно, опредѣленныхъ быть вѣчнымъ ея жилищемъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими поэмами того-же Сочинителя.

— *Сновидѣніе.* Фантасмагорія. Сочиненіе Княжны Екатерины Шаховской. М. 1833 г. Въ т. Лазаревыхъ Инст. Вост. языковъ, in-12, 64 стр.

Пылкая, пламенная душа видна въ немногихъ страничкахъ этого стихотворенія! Не знаю: гдѣ возьмутъ смѣлости многіе Русскіе поэты печатать свои стихотворенія, пробѣжавъ эту *фантасмагорію?* Они должны будутъ признаться: какъ выше ихъ, искусственныхъ, натянутыхъ пѣсенъ, эти неподдѣльные звуки сердца, то мечтательнаго, то веселаго, то грустнаго, то увлеченнаго въ область фантазіи! Не пересказываемъ содержанія фантасмагоріи; но, выслушайте нѣсколько звуковъ арфы невидимой вами пѣвицы. Она поетъ о странѣ *неведомой міру*....

Что-жь за свѣтъ очарованія?
Какъ въ туманѣ, взоръ любви,
Свѣтомъ робкаго сіянія
Льетъ луна лучи свои;

Digitized by Google

Ходишь въ небѣ, блѣдно-ясная,
Освѣщая дальній край,
И, задумавшись, прекрасная,
Серебришь свой тихій рай.
Какъ восторга вдохновеніе,
Какъ поэзіи мечты —
Полны счастья, упоенія
И небесной красоты —
Пролетаютъ дѣвы милыя
Тамъ воздушною толпой —
Дѣти Генія счастливыя
И небесъ любви святой.
Имъ свѣтлѣетъ упованіе,
Ихъ презрѣнье не страшитъ,
И любви очарованіе
Ихъ восторгами даритъ!
Грустной ревности мученія
Не смущаютъ ихъ собой;
Ни измѣнъ, ни разлученія
Нѣтъ для нихъ въ любви святой:
Дѣвы дышатъ ей, какъ счастіемъ,
Какъ восторгъ горитъ она —
Не клеймитъ ихъ самовластіемъ
Міра грозная страна....

Прелестно — и *почти такова* вся эта Фантасмагорія. Дарованіе Сочинительницы еще болѣе видно

Digitized by Google

въ переходахъ изъ одной мѣры стиховъ въ другую. Фантасмагорія писана различными размѣрами, и въ томъ числѣ выбраны чрезвычайно трудные, какъ будто нарочно для показанія, сколь легко побѣждаетъ ихъ Сочинительница.

— *Стихотворенія Ивана Петрова.* М. 1833 г. Въ т. Селивановскаго, in-8, 46 стр.

Двадцать небольшихъ пьесъ. Въ нѣкоторыхъ видно чувство; другія, кажется, писаны мимоходомъ, на случай. Жаль, что во многихъ видна излишняя начитанность извѣстныхъ Русскихъ поэтовъ, напримѣръ: въ 6-й, въ 11-й, въ 13-й.

— *Отрывки изъ завѣщанія Трубадура.* Соч. И. М. З.—СПб, 1833 г. Въ т. Глав. Упр. путей сообщ. и публичн. зданій, in-8, 54 стр. (*).

Если не ошибаемся, Авторъ иностранецъ, пишущій стихи на Русскомъ языкѣ. Онъ посвящаетъ свои отрывки: *Онѣгину и Грамматикѣ Н. И. Греча!* Объ этомъ странномъ посвященіи, о сочетаніи въ немъ двухъ столь различныхъ именъ, о

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 2 р. 70 коп. за экземпляръ.

Digitized by Google

самомъ названіи книги, о томъ, къ какому роду ее причислишь, и главное: *для чего* она выдана въ свѣтъ? — мы хотѣли было предложишь вопросы неизвѣстному Сочинителю. Къ счастію, послѣ заглавія и посвященія, слѣдуетъ у него листокъ, съ надписью: *Предостереженія*, и на этомъ листкѣ Авторъ предугадалъ и рѣшилъ всѣ наши вопросы.

Вопросъ. «Что значишъ *заглавіе:*» Отрывки изъ завѣщанія Трубадура?»

Отвѣтъ Автора. «Мнѣ весьма будетъ пріятно, если *хотя заглавіе* возбудишъ чье-либо любопытство, которому впрочемъ *удовлетворить не могу:* это объяснится, когда *цѣлое* завѣщаніе Трубадура выйдетъ постепенно.»

Вопросъ. Что значишъ ваше *посвященіе*?

Отвѣтъ Автора. «Я учился Русскому языку по всѣмъ извѣстной поэмѣ: *Онѣгинъ*, и по Граммашикѣ Г-на Греча. Я *паче чаянія* сдѣлался писашелемъ, *и того хуже* — стихошворцемъ. Очевидно, кто мои литтературные родишели, и я горжусь своимъ происхожденіемъ.»

Вопросъ. Что шакое находишся въ *Отрывкахъ завѣщанія Трубадура*, и какъ надобно судишь объ нихъ?

Отвѣтъ Автора. «Если чишашель найдетъ въ моихъ произведеніяхъ *какое-либо содержаніе*, или нравоученіе, то я напередъ поздравляю его съ находкою. Покорнѣйше прошу сочиненій моихъ (ко-

Digitized by Google

порыя полагаю вообще *лирическими*) не судишь по правилам Поэзіи *Драматической*, ни *Эпической*, ни *Дидактической*, ни *Романтической*, и проч.»

Вопросъ. Для чего изданы Отрывки изъ завѣщанія Трубадура?

Отвѣтъ Автора. «Я прошу не дѣлать мнѣ *враждебнаго* сего вопроса, потому, что мнѣ *нечего будетъ отвѣчать*. Мнѣ развѣ *останется только увѣрить* взаимно *неблагонамѣреннаго вопрошителя*, что съ моей стороны я не вижу также *малѣйшей надобности въ существованіи его самого на свѣтѣ*.»

Послѣ отвѣта, столь грознаго, мы умолкаемъ, и только попросимъ *Трубадура* пропѣть нашимъ читателямъ, для образчика, хотя одинъ куплетъ изъ его завѣщанія. Слушайте! Онъ поетъ:

Не волею—игрой *судьбы случайной*,
Открылась мнѣ она *съ своей сердечной тайной*.
Но зная гордый духъ *ея*, *я* вдругъ отмстилъ—
Самоубійство я ужасное свершилъ....
Ха, ха, ха, ха! я торжествую:
Она повѣрила, что я люблю другую!

Кажется довольно? Самъ Авторъ весьма добродушно говоритъ (на стр. 52):

Зачѣмъ учился я писать?
Позвольте мнѣ въ томъ сокрушиться!

Digitized by Google

— *Стихотворенія Надежды Тепловой.* М. 1833 г. in-16, 64 стр. (*).

Нѣтъ! не искуство научило пѣть эту грустную, печальную душу! — невольно думаете, прочитавъ *Стихотворенія* Г-жи Тепловой, уже давно извѣстныя читателямъ изъ Журналовъ и Альманаховъ, а теперь въ первый разъ издаваемыя отдѣльною книжкою. Тутъ видишь, кажется, какъ душа рвется изъ земныхъ оковъ: это слезы ея катятся гармоническими стихами, это вздохъ ея, перешедшій въ поэтическіе звуки! Ваше сердце бьется отъ какого-то знакомаго созвучія, знакомаго, *роднаго*, если вы сами знаете, сами испытали грусть и печаль человѣческой жизни! Иногда важны, торжественны звуки лиры юной пѣвицы:

Люблю я быть на высотѣ,
Когда надъ ней нависнутъ тучи,
Когда завоетъ боръ дремучій,
Погаснутъ звѣзды въ темнотѣ.
Мнѣ молніи прекрасенъ видъ:
Она, надъ мрачною вселенной,
Какъ мысль великая блеститъ
Души поэта вдохновенной!
Раскаты грома, вѣтровъ шумъ
И моря бурнаго біенье —

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 2 р. за экземпляръ.

Digitized by Google

Все полно чувствъ, все полно думъ,
Все жизни и движенья!

Иногда они глубоко западаютъ въ память вашу яркою *мыслью*. Знаете-ли вы *языкъ очей?*

Какъ много думъ невыразимыхъ выражаетъ
Одинъ уныло-долгій взоръ —
И сей беззвучный разговоръ
Одно лишь сердце понимаетъ....
Языкъ очей — языкъ краснорѣчивый!
Внимай ему въ часъ вдохновенный тотъ,
Когда поэтъ, мечтой своей счастливый,
Не говоритъ — *и не поетъ*....

Но всего чаще на струнахъ лиры юной пѣвицы раждаются звуки грусти, печали, скорби тяжкой, неутѣшной — это ея истинная Поэзія! И какъ сердцу вашему не проникнуться участіемъ, когда ему говорятъ:

Молю: словами не играй,
Не огорчай меня сомнѣньемъ;
Моей души не охлаждай
Своимъ холоднымъ разсужденьемъ,
И не встрѣчай моихъ очей
Своими ясными очами —

Digitized by Google

Не проникай души моей,
Не упрекай меня слезами!
Возьми: я отдаю тебѣ
Благоухающія розы;
И собираю въ дань судьбѣ
Давно посѣянныя слезы....

Какъ это хорошо! И такъ хороши всѣ стихотворенія Г-жи Тепловой. Ихъ не должно подвергать суду разсудка холоднаго: ихъ надобно *судить сердцемъ*. Тогда критика покажется вамъ несообразною привязчивостью; тогда можете вы вполнѣ оцѣнять прекрасное дарованіе Г-жи Тепловой, поняшь и силу словъ ея:

Нѣтъ счастья въ мірѣ этомъ, нѣтъ!

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Великолѣпная рака для мощей Св. Митрофана, перваго Епископа Воронежскаго и чудотворца.* — Провидѣнію, ознаменовавшему царствованіе Александра явленіемъ мощей Преосвященнаго Иннокентія, *перваго* Епископа Иркутскаго, угодно было ознаменовать царствованіе Николая явленіемъ мощей Преосвященнаго Митрофана, *перваго* Епископа Воронежскаго. Оба Святителя были *современники* Великаго Петра; оба удостоены были при жизни своей благоволеніемъ его, и, какъ будто въ знакъ благословенія потомству Петра, нетлѣнныя тѣлеса обоихъ прославлены открытіемъ въ царствованія Александра и Николая. Уже благоговѣніе Россійской земли почтило новаго чудотворца Воронежскаго. Самъ Монархъ Россіи съ вѣрою притекъ къ святымъ мощамъ его, и граждане Воронежскіе, купеческаго сословія, спѣшили, въ изъявленіе чувствъ своихъ при столь радостныхъ для города ихъ событіяхъ, соорудить раку на мощи новоявленнаго чудотворца. На дняхъ мы осматривали сію раку въ Москвѣ, вполнѣ отдѣланную. Множество жителей Москвы желали видѣть памятникъ благочестія Воронежскаго Купечества, до отпра-

Digitized by Google

вленія онаго въ Воронежъ, и потому художникъ, Московскій купецъ Николай Даниловичъ Полшавцевъ, объявилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что всякій можетъ свободно приходить къ нему, и видѣть раку Св. Мишрофана, въ Уланскомъ переулкѣ, въ приходѣ Николая Дербеншскаго, въ домѣ Боченина. Многочисленная толпа народа являлась послѣ сего въ кварширу Г-на Полшавцева, и шѣснилась въ ней съ ушра до вечера. Знашнѣйшіе Духовные сановники, Купечество, Дворяне, Московскій Военный Генералъ-Губернашоръ Князь Д. В. Голицынъ, чиновники, люди всѣхъ званій и возрастовъ, въ каретахъ и пѣшкомъ, хошѣли удовлешворишь чувсшву благоговѣнія и любопышсшва. Лесшныя похвалы, коихъ ошъ всѣхъ удосшоилось произведеніе Г-на Полшавцева, были наградою сего скромнаго, почшеннаго художника. Мы долгомъ почишаемъ извѣсшишь чишашелей нашихъ о шрудѣ его, радуясь, что произведенія Русскихъ художниковъ начинаюшъ нынѣ обращашь на себя полное вниманіе публики; что въ самихъ художникахъ являешся похвальное чесшолюбіе, заспавляющее ихъ думашь не объ однихъ шолько барышахъ при работѣ, но и о чесши художнической, которая дорожишъ всего паче похвалою знашока и одобреніемъ публики; наконецъ, что произведенія нашихъ художниковъ начинаюшъ принимашь формы исшинно изящныя, и вкусъ кладешъ посшепенно болѣе и болѣе печашь свою на все, что прежде ошличалось шолько шяжелымъ великолѣпіемъ.

Произведеніе Г-на Полшавцева соединяешъ въ себѣ оба свойсшва: вкусъ и великолѣпіе. Опредѣлен-

Digitized by Google

ная форма, какую долженъ былъ онъ придать ракѣ, шѣмъ не менѣе дала ему средства показать искусство свое въ отдѣлкѣ частей.

Рака Св. Митрофана представляетъ собою гробницу, слишкомъ въ 3 аршина длины, около $1\frac{1}{4}$ арш. ширины, и болѣе $1\frac{1}{4}$ арш. въ вышину. Она вся *серебряная* (серебра въ ней болѣе *семи пудовъ*). На крышкѣ ея находится изображеніе Святителя, во весь ростъ, чрезвычайно сходное съ св. мощами его; онъ изображенъ лежащимъ, съ благословляющею рукою, и съ посохомъ въ другой рукѣ. По краямъ видны, внизу и вверху, арабески, Херувимы въ звѣздахъ; на углахъ четыре Ангела поддерживаютъ крышу, въ видѣ каріатидъ, какъ будто напоминая зрителю слова Св. Писанія: «На рукахъ возьмутъ тя, да нѣкогда прешкнеши о камень ногу твою!» По бокамъ: въ головахъ видѣнъ *барельефъ*, символъ Архіерейства: митра, дикирій и трикирій; въ ногахъ также принадлежность Архіерейскаго служенія: блюдо и сосудъ, употребляемыя для умовенія рукъ, обвитыя лавровымъ вѣнкомъ; на третьей сторонѣ надпись, или *лѣтопись* (которую прилагаемъ въ концѣ нашей статьи). Общее любопытство привлекалъ особенно барельефъ на четвертой сторонѣ: тутъ изображенъ Петръ Великій, несущій, со многими своими сановниками, гробъ Св. Митрофана, въ предшествіи Духовенства, послѣдуемый народомъ. Изображенія Петра, и другихъ лицъ, изящны. Не льзя не поблагодарить художника, какъ за самую мысль барельефа, такъ и за исполненіе онаго, за вѣрность костюма, пра-

Digitized by Google

вильность рисунка. Извѣстно, что Петръ, отлично любившій добродѣтельнаго Епископа Воронежскаго, былъ при его погребеніи, и поднявъ на рамена свои гробъ его, со всѣми сановниками своими, несъ до самой могилы, сказавъ: «Стыдно намъ будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей благодарности отданіемъ послѣдняго долга». Сіи слова вырѣзаны вокругъ барельефа. Всѣ украшенія, барельефъ, надпись, и изображеніе Святителя на крышкѣ, вызолочены ртутью, съ отшлифованіемъ нѣкоторыхъ частей; это дѣлаетъ прелестный видъ на яркомъ, ослѣпительномъ серебряномъ полѣ всей раки. Вмѣсто ножекъ, поддерживаютъ раку шесть бронзовыхъ позолоченныхъ орловъ, являющихъ собою символъ Архіерейства.

Да не оскорбится скромность почтеннаго художника, если мы скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о немъ самомъ. Г-нъ Полтавцевъ принадлежитъ къ людямъ, которые сами себѣ составили все, что дѣлаетъ имъ честь въ глазахъ сограждан. Бѣдный мальчикъ, сидѣлецъ въ Колокольномъ ряду, Г-нъ Полтавцевъ чувствовалъ непреодолимое стремленіе къ образованію себя, весьма порядочно выучился рисованію, и, лѣтъ десять тому, занялся производствомъ мѣдныхъ церковныхъ и другихъ вещей, а потомъ, весьма недавно, присовокупилъ къ нимъ и серебряное производство. Рака Св. Митрофана была почти первымъ его опытомъ выдѣлки огромныхъ серебряныхъ издѣлій. Она произведена вся по рисунку его собственнаго изобрѣ щенія, и отдѣлана его руками. Бесѣдуя съ симъ-

почтеннымъ художникомъ, мы не могли не отдать полной справедливости его дарованіямъ, знанію дѣла, и притомъ его скромности; не могли также не замѣтить на стѣнахъ его укромнаго жилища картинокъ его рисовки, и среди ихъ копіи съ Корреджіевой Ночи. Мы не хотѣли искать изящества, ни въ этихъ рисункахъ, ни въ этой копіи; но взглядъ на все это заставлялъ насъ радоваться, что самобытность дарованій всегда была и будетъ принадлежностью Русской земли: *по своему* возвеличатъ со временемъ ея ученую и художественную славу будущіе наши Волосковы, Власовы, Кулибины, Семеновы. Благослови, Боже! Русскую землю во всемъ такою самобытностью, и внуши во всѣ Русскія души, что мы, Рускіе, столько-же можемъ быть славны своимъ самобытнымъ умомъ, сколько сильны своею Русскою крѣпостью!

Надпись на ракѣ Св. Митрофана.

Въ благополучное царствованіе Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго Николая Павловича, во время управленія Воронежскою епархіею Преосвященнаго Архіепископа Аншонія II-го, 1832 года Августа 6 дня, торжественно открыты мощи, иже во Святыхъ Отца нашего, новоявленнаго чудотворца Святителя Митрофана, въ схимонасѣхъ Макарія, перваго Епископа Воронежскаго, который родился 1623 года, Ноября 6 дня; посвященъ въ Епископы Воронежскіе 1682 г. Апрѣ-

Digitized by Google

ля 2 дня; скончался 1703 г. Ноября 23 дня. Погребеніе его было 4-го Декабря того-же года, къ которому прибылъ Государь Императоръ Петръ Великій, и несъ на Царскихъ раменахъ своихъ гробъ съ шѣломъ Святишеля. Какъ державнымъ присутствіемъ Петра I-го украшено было погребеніе его, такъ державнымъ присутствіемъ Николая I-го почтено было нетлѣніе мощей его, въ 16 и 17-й дни Сентября 1832 года. Благочестивый Государь двукратно посѣтилъ Воронежскій соборъ, для поклоненія мощамъ Святишеля и чудотворца Митрофана.»

— *Нѣсти о Козьмѣ Мининѣ.* — На нѣкоторые *вопросы* о семъ великомъ человѣкѣ, предложенные въ 14 N° Московскаго Телеграфа, стран. 279-я (*) и я могу сказать что-то нужное, или ненужное (все это отдаю на судъ и расправу трудолюбиваго Издателя Московскаго Телеграфа), но давно залегшее на моемъ сердцѣ.

I. Лѣтъ за тридцать предъ симъ, въ Москвѣ живала одна благородная дѣвица изъ фамиліи *Мининыхъ*; эта барышня, по самой прямой линіи почитала своимъ предкомъ Козьму Минина; у ней были родные Минины, то-же потомки того-же Минина. Но гдѣ эта моя знакомая барышня, гдѣ ея родные? Я уже давно потерялъ все изъ вида; а со

(*) Смотр. статью: *Матеріалы для Исторіи Козьмы Минина.*

Digitized by Google

всѣмъ тѣмъ очень помню, что моя знакомка очень много любила разсказывать о сподвижникѣ Пожарскаго. Мой дѣдъ, Владимірскій помѣщикъ Г. К. Макаровъ, передалъ разсказъ своего отца (*) моему отцу, что прадѣдъ мой въ своемъ малолѣтствѣ (будучи урожденцемъ города Арзамаса) причучался быть въ Нижнемъ Новѣгородѣ на великихъ паникхидахъ по *Мининыхъ* въ соборной церкви. Хорошо, если-бы найдши слѣды къ барышнѣ *Мининой* и къ роднымъ ея?

II. Изъ всѣхъ селеній, поименованныхъ въ Телеграфѣ, ш. е. принадлежавшихъ Минину, мнѣ досконально извѣстны: село *Окулово* на Клязьмѣ въ Горбашовскомъ уѣздѣ. Тушъ, сказывали мнѣ (**), живалъ

(*) *Козьмы Васильевича*; онъ былъ собственный письмоводитель Великаго Петра, и привезенъ въ числѣ прочихъ пѣвчихъ изъ Арзамаса въ СПбургъ Государевымъ деньщикомъ Макаромъ, отъ чего впослѣдствіи принялъ съ прочими и фамилію Макарова. Сей-же самый Козьма Васильевичъ, въ государствованіе Императрицы Анны Іоанновны былъ Оберъ-Кригсъ и Спапсъ-Коммисаромъ Бригадирскаго ранга. Онъ имѣлъ жалованный Государемъ домъ въ СПбургѣ и прекрасную дачу близъ СПбурга, на *Черной Рѣчкѣ*. Скончался сей чиновникъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, бывшемъ въ приходѣ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, что на *Остоженкѣ*. Памятникъ его: завѣщанный имъ въ церковь образъ Св. Чудотворца *Харлампія*, и донынѣ особенно многими уважаемый.

(**) Я тамъ былъ 1817-го года.

Digitized by Google

довольно не рѣдко нашъ патріотъ Мининъ и сплавливалъ свои сельскіе помѣстные продукты, какъ дѣлаютъ и нынѣ, до *Гороховецкой* пристани (нынѣшняго Гороховца), гдѣ въ селѣ *Богородскомъ*, принадлежавшемъ Минину-же, бывала и главная складка всего отправляемаго чрезъ Владиміръ къ Москвѣ. Но прежде того все это шло изъ Богородскаго прямо на Прицѣнку къ Пескамъ, или въ *Песошню*, т. е. въ нынѣшній городъ Ковровъ, бывшую вотчину также Минина.

Село *Высоково* находится въ Ковровскомъ уѣздѣ, близъ границъ Шуйскихъ, на усшьѣ при впаденіи рѣчки *Ухтомки* въ рѣку *Уводъ*. Отсюда Мининъ, какъ думаютъ, не однажды посѣщалъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, шогдашняго Суздальскаго помѣщика, кошораго и осшашки (если вѣришь часшной народной молвѣ) покоятся въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монасшырѣ; но другіе думаютъ найдши ихъ въ одномъ изъ Суздальскихъ-же селъ, Пожарскому-же принадлежавшихъ.

Далѣе: по Списку *Бояръ*, *Окольничихъ*, *Думныхъ Дворянъ* и проч., напечатанномъ въ СПбургѣ 1772 года, въ книгѣ *Старина и Новизна*, изданн. В. *Рубаномъ* (часть II-я, стран. 142), видно, что въ числѣ *Думныхъ Дворянъ* помѣщенъ и *Козьма Миничъ*. Сочленами его по *Думѣ* были: Сокольничій и Думный Дворянинъ *Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ*, *Томило Юдичъ Луговской* и *Иванъ Васильевичъ Биркинъ*. Пошомсшво Гаврила *Пушкина* еще и донынѣ имѣешъ помѣсшья во Владимірской Губерніи; но *Биркиныхъ* должно искашь Рязанской гу-

Digitized by Google

берніи, въ Пронскомъ уѣздѣ. Въ числѣ-же Бояръ, сослужившевъ Минина, между прочими значатся: Князь *Иванъ Васильевичъ Голицынъ*, Князья *Иванъ* меньшой *Никитичъ* и Князь *Никита Ивановичъ Одоевскіе*, Князь *Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій*, *Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ*, Князь *Андрей Васильевичъ Хилковъ* и многіе другіе. Бояре, потомство которыхъ, доселѣ, еще имѣютъ значительныя помѣстья въ *Суздальскомъ*, *Юрьево-Польскомъ*, *Ковровскомъ* и *Шуйскомъ* уѣздахъ. Потомки, сораташе же Минина, Окольничаго *Ѳеодора Леонтьевича Бутурлина*, нынѣ одни изъ богатѣйшихъ дворянъ Владимірскихъ; другіе живутъ въ Нижегородской Губерніи, но не столь богаты. По Боярину Князю *Ивану Михайловичу Воротынскому*, также сослуживцу Минина, кажется, должно-бы заглянуть въ Воротынецъ?

Списокъ, о которомъ я здѣсь упоминаю, былъ составленъ 7121 (1613) года, то есть: при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Много любопытнаго (въ мое время) лѣтъ за 30-ть назадъ, о сихъ-же фамиліяхъ можно было еще читать въ столбцахъ, разбросанныхъ непорядкомъ при Суздальскихъ церквахъ....

Вотъ все, что я зналъ не всѣмъ извѣстнаго о Мининѣ, и не таю того за душею (*).

М. Макаровъ.

1833.
Ноябрь.

(*) Съ признательностію помѣщая въ Телеграфѣ статью почтеннаго Археографа нашего, какъ не по-

Digitized by Google

— *Изъясненіе картинки.* — Франческо Мацуоли почитается однимъ изъ славнѣйшихъ живописцевъ Ломбардской школы. Его называютъ также *Пармеджіано* или *Пармеджіанино* (Пармскій). Онъ родился въ 1503 году и былъ сынъ живописца Филиппо Мацуоли. На 16-мъ году возраста, онъ написалъ каршину: *Крещеніе Іисуса Христа*, сохранившуюся донынѣ и показывающую дарованіе необычайное. Около 1521 года въ Пармѣ находился Корреджіо; отъ него занялъ молодой художникъ многое, въ пріемахъ и въ стилѣ. Вскорѣ, военныя безпокойства заставили его удалиться въ Віадану. Въ 1522 году, онъ возвратился въ Парму, и написалъ, между прочимъ, Мадонну съ Превѣчнымъ Младенцемъ и Святыми Іеронимомъ и Бернардиномъ Фельтрскимъ. Эта превосходная каршина писана масляными красками; ей и нынѣ удивляются въ монастырѣ della Nunziata, хотя она пострадала отъ времени и неискуснаго присмотра. Въ слѣдующемъ году Мацуоли пріѣхалъ въ Римъ, надѣясь представить Папѣ Клименту VII-му образцы своего искусства. Тамъ произведенія Рафаэля сдѣлали на него такое глубокое впечатлѣніе, что онъ перемѣнилъ свой манеръ живописи, стараясь соединить въ немъ прелесть Корреджіо съ выраженіемъ Рафаэля. Вторженіе въ Римъ непріятелей заставило

желаетъ, чтобы и другіе любители древностей также *не потаили за душею* того, что имъ вѣдомо о безсмертномъ Мининѣ. *Изд.*

Digitized by Google

его испытать многія потери. Онъ уѣхалъ въ Болонью, но тамъ обокрали бѣднаго Маццуоли. Однакожь написанныя имъ въ Болоньи каршины принадлежатъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Это: Святой Рокусъ, Madonna della rosa (нынѣ въ Дрезденской галлереѣ) и Св. Маргериша. Возвратившись наконецъ въ свое отечество, онъ написалъ *Амура, строгающаго свой лукъ*: очеркъ этой каршины приложенъ къ сей книжкѣ Телеграфа. Остальная жизнь Маццуоли прошла въ бѣдствіяхъ: онъ былъ посаженъ за долги въ шюрьму, бѣжалъ въ Казальнаджіоре, и тамъ умеръ, въ 1540 году. Работы его встрѣчаются рѣдко, потому что много дней жизни потерялъ онъ на изысканіе философскаго камня. Въ Маццуоли хваляшъ знаніе Анатоміи и необыкновенную вѣрность рисунка; но качества сіи не сдѣлали-бы его живописцемъ знаменитымъ, если-бы не соединилъ онъ въ себѣ еще другихъ, высшихъ достоинствъ, каковы прелесть, огонь, жизнь его фигуръ и удивительная легкость всѣхъ изображеній. Р. Менгсъ и Альгаротти порицали его за изысканность прелести, а Фіориллo думалъ, что онъ слишкомъ часто употребляетъ волнистую линію. Но Маццуоли умѣлъ придать каждой своей каршинѣ какую-то легкость, прелесть, что-то плѣняющее глаза и душу — слѣдствіе глубокаго изученія Корреджіо и Рафаэля. Его *Амуръ* почитается многими за произведеніе Корреджіо; но доказано, что это каршина Маццуоли. Пріятность главной фигуры, очаровательное выраженіе всѣхъ головокъ и блестящій колоритъ, за-

Digitized by Google

ставляютъ каждаго посѣтителя Бельведерской галлереи въ Вѣнѣ останавиться передъ этою картиною. До сихъ поръ не объяснено, почему живописецъ поставилъ ноги Амура на двѣ книги, и что̀ хотѣлъ онъ выразить лицомъ другаго Амура, обнимающаго дѣвочку въ слезахъ?

Вышина картины 4 фуша 3 дюйма, ширина 2 ф. и 1 д.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

25-й Части.

Зодчество и книгопечатаніе. Соч. В. Гюго..... 3.
Нынѣшнее состояніе Французской Литтературы. Соч. Бальзака..... 145.
Введеніе въ Уставъ о пѣхотной службѣ, напечатанный въ Москвѣ, при Царѣ Алексіи Михайловичѣ..... 289 и 455.
Письмо изъ лагеря Функиляръ-Силеси въ Петербургъ. Соч. Г-на Соковнина..... 170.
Поѣздка въ Грузію. Дорога до Владикавказа... 327.
Гори, древняя столица Карталиніи..... 491.
Парижская дѣвушка 1832 года. Соч. В. Дюканжа..... 35.
Жильберъ и Людовикъ XV. Повѣсть Альфреда де Виньи..... 55 и 197.
Рапсодіи. Отрывокъ..... 378.
Татарская легенда объ Искендерѣ..... 513.

Критика. *Поѣздка къ Ледовитому морю*, Фр. Бѣлявскаго. М. 1833. in-8. — *Поѣздка въ Якутскъ*. Изд. Н. Щ. СПб. 1833. in-8..... 76 и 216.
Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. 4 ч. Соч. Н. Полеваго. *Первая и вторая статьи*. Соч. Г-на Марлинскаго..... 399 и 541.

Русская Литтература..... 106, 253, 421 и 556.

Смѣсь..... 128, 275, 441 и 586.
Парижскія моды.

При сей Части Телеграфа находятся: три очерка съ картинъ Віена, А. Карраччи и Маццуоли, изображеніе скульптурнаго произведенія (Ночь) Микель-Анджело, и шесть картинокъ Парижскихъ, дамскихъ и мужскихъ модъ.

Digitized by Google